Я ОБВИНЯЮ ЯЗЫЧНИКОВ

ГИБЕЛЬ САРМАТО-АЛАН И ОСЕТИНСКАЯ ЛИРА

Тесла Лейла Хугаева

Тесла Лейла Хугаева

Я обвиняю язычников

Гибель сармато-алан и осетинская лира

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 82-9
ББК 76.01
Т36

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Тесла Лейла Хугаева
Т36 Я обвиняю язычников : Гибель сармато-алан и осетинская лира / Тесла Лейла Хугаева. — [б. м.] : Издательские решения, 2021. — 342 с.
ISBN 978-5-0053-4891-3

Эта книга по истории мира, народов, конкретных людей. Ось мировой истории противоборства язычников и духоборцев, история Осетии и сармато-алан, истории нартского эпоса. Эта книга также об истории моей жизни, ученого, автора теории психической энергии, и об истории моей семьи и моего народа. Эта книга также обвинительный акт и исповедь.

УДК 82-9
ББК 76.01

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0053-4891-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то Эмиль Золя, великий мыслитель и гуманист, прославился статьей «Я обвиняю», в которой обвинил преследователей капитана Дрейфуса в нацизме и коррумпированности. Я публикую эту книгу об истории Осетии не только из желания скорректировать теоретическую историю. Эта книга также могла называться «Я обвиняю», поскольку зло, которое причинили мне как ученому, настолько велико, что одна только справедливость требует выставить его на общественный суд.

А. Эйнштейн называл национализм «детской болезнью человечества», как и его друг философ Бертран Рассел. Оба придерживались линейной теории исторического процесса, существо которой в том, что человечество обладает общей природой, выраженной в закономерностях природы, обладает разумом, способным к постижению науки, и потому история есть процесс становления человечества по мере прогресса его мышления в науке, в искусстве, в философии. Этой же точки зрения придерживались Карл Ясперс, Жюльен Бенда, Эрих Фромм, Эрнест Ренан и многие другие.

К сожалению, точка зрения этих великих мыслителей сегодня мало кому интересна. Победила и преобладает националистическая точка зрения, которую развивали О. Шпенглер, Макс Вебер, и которая сводится к тому, что нет единой общечеловеческой истории и нет прогресса и эволюции. Есть множество разных наций, культур, которые движутся циклически, подобно живым организмам: расцветают, цветут, увядают и погибают. А потом нарождаются новые нации и культуры, и все повторяется сначала.

Таково состояние теоретической истории мировой науки. Маленькие народы, подобные осетинскому, которые не принимают участия в движении мировой научной мысли, едва-едва успевают следовать в фарватере победивших научных гипотез. И если сегодня победил и цветет национализм, то национализмом проникнута и вся осетинская историческая наука.

Тем более, что осетинам есть чем гордиться. Мировая наука однозначно доказала, что осетины — это потомки известных кочевых племен сармато-алан, ираноязычных племен, появившегося в равнинах Предкавказья в начале первого тысячелетия и господствовавшего там не менее 1300 лет, до массового вторжения тюркских племен. Доказано также, что нартский эпос, который составляет эпическое наследство нескольких народов Северного Кавказа, также является наследием того сармато-аланского племени, отголосок которого сохранился в современной осетинской культуре.

Осетины как умеют разукрашивают этими богатыми красками свою теоретическую историю национализма. Они глубоко гордятся принадлежностью к известному всему миру воинствующему племени сармато-алан, и готовы признать культуру и наследие этих варварских кочевников — идеалом и эталоном мировой культуры.

Они уверены, что вся осетинская культура — это прославление наследия аланов. Они назвали себя «Аланией», и называют каждого второго ребенка, мальчика или девочку, Аланом и Аланой. Григорий Токати в известном фильме-интервью А. Салбиева проницательно предупреждает осетин: «Не пожалеть бы следующим поколениям, что поспешили назваться Аланами. Аланы участвовали в разрушении Римской империи как одно из ведущих варварских племен». Но осетины уверены, что не поспешили, что они аланы, и что нет ничего прекраснее истории сармато-аланов.

Если вы скажете им, что поэзия Коста Хетагурова прямо противоречит нартскому эпосу и отрицает этот эпос как архаичное варварское наследие, они никогда вам не поверят. Нартский эпос также свят для осетина как Тора для иудея и Веды для индуса. Поэзию Коста никто не знает, но зато все гордятся известностью народного поэта на Кавказе, и считают его достойным потомком воинственных аланов. Между тем, вся поэзия Коста относится к нартскому эпосу также, как Евангелие Христа к Торе иудеев: как Христос отрицает варварского идола Яхве в пользу

метафизики Бога-отца, так и Коста отрицает варварских идолов аланов в пользу метафизики Христа. Аланы — варвары, поклонявшиеся идолу силы, Коста — духоборец, искавший истины и метафизики.

Не поверят вам осетины, если вы скажете им, что известный всему миру осетинский писатель Гайто Газданов, проживший всю свою сознательную жизнь во Франции, но писавший свои романы на русском языке — тоже совершенно отрицает нартский эпос аланов в своем творчестве. И тоже подобно Коста является духоборцем, противопоставившим варварскому культу силы — поиски истины, справедливости, милосердия, метафизики. Например, Валерий Гергиев, при открытии памятника Газданову в Париже, говорил следующее: «Он мыслил в русле всего этого маленького народа». Что в корне неправда. Маленький народ осетинов мыслит в русле языческого нартского эпоса, а Газданов мыслит в русле мировой метафизической философии.

Идолопоклонники и духоборцы противостоят и борются друг с другом испокон веков во всей мировой культуре человечества, в каждом отдельно взятом цивилизованном народе. Конечно, такого противоборства не может быть у первобытных людей, которые все поголовно поклоняются идолам. Но цивилизация всегда приносит этот раскол между духоборцами и поклонением культу силы, насилия и войны. Осетины не первобытное племя, но и назвать их цивилизованным народом не совсем правильно. Потому что как мы можем видеть, это противоборство между духоборцами и идолопоклонниками не затрагивает весь народ, остающейся в массе своей язычниками, но проходит лишь на самой вершине интеллектуальной элиты, носителями которой оказываются всего несколько человек.

Тем не менее, я ставлю своей целью в этой книге обратить внимание осетинов прежде всего на глубокий раскол между духоборчеством интеллектуалов Осетии и национализмом архаичного нартского эпоса. Коста Хетагуров, Гайто Газданов, Григорий Токати, и я, ваш покорный слуга, автор теории психической энергии и ряда монографий на тему, — не только никоим обра-

зом не солидаризируемся с варварским культом войны нартского эпоса, но кардинально ему противостоим и отрицаем его как наследие культуры (но не как исторический факт и наследии этнографии).

Мне важно обратить внимание осетин на этот факт, потому что смешивать творчество Коста и нартский эпос — это значит в корне перечеркивать все творчество Коста, все то, для чего он старался и страдал и что сегодня составляет истинное культурное наследие Осетии. То же самое верно и в отношении литературного наследия Гайто Газданова, вся глубина которого не оценена еще не только в Осетии, но ждет своего признания и в мире.

Я постараюсь изложить в этом коротком эссе соотношение истории сармато-алан, истории нартского эпоса и истории духоборцев Осетии. Я расскажу свою историю и историю моей семьи через призму моих научных работ по теории психической энергии. Я ставлю своей целью не только улучшение и исправление теоретической истории, но и сугубо практические цели

Вот уже 6 лет (21 марта 2021 года исполняется ровно шесть лет) как я нахожусь в инвалидном кресле с диагнозом «нижняя параплегия» после нападения на меня в Москве в марте 2015 года. Мне сломали позвоночник на четырех уровнях, от самой шеи до самого копчика. Чудом руки остались активными, и конечно не по воле палачей. Мне сделали три операции, и только тогда я смогла сесть в инвалидное кресло. У меня не функционируют тазовые органы, и я больше двух лет дважды в день перевязываю пролежни по всему телу.

Меня покалечили за мою научную работу, которую я не оставила и после нападения, в этом не может быть никаких сомнений. Я ставлю своей целью в этой книге призыв к населению Осетии сделать мою историю публичной, поскольку надо мной продолжают издеваться мелкие людишки, которые считают что «сила» решает все.

Я пишу об истории Осетии, чтобы показать осетинам их истинных героев и истинное значение их истории. И я утверждаю,

что от того как Осетия поступит сегодня со мной, будет зависеть все будущее ее истории, как когда то казнь Сократа и Христа самым роковым образом сказалась на греческом и еврейском народе.

Я призываю осетин сделать историю моей жизни, о которой я расскажу в этой книге наряду с историей осетин — предметом публичного разбирательства, так чтобы открыто было вынесено решение о том, кто прав, а кто виноват.

Итак, я обвиняю.

Я обвиняю российские спецслужбы в том, что меня коварно покалечили только за мои научные труды, и за книгу-исповедь о годах, проведенных в стенах Плехановской академии, а также за научные работы по теории психической энергии.

Я обвиняю нотариуса Залину Агузарову в том, что в сговоре с моим братом Русланом Хугаевым она утаила завещание моего отца Романа Хугаева после его смерти.

Я обвиняю моего родного брата Руслана Хугаева в попытке заточить меня в психиатрической клинике с тем, чтобы меня покалечили там умственно.

Я обвиняю моих подруг детства Лейлу и Стеллу Мехтиевых, Алену Готоеву только в нравственном преступлении, мне нечего предъявить им юридически предосудительного. Я обвиняю их в содействии и посредничестве вышеуказанным людям, желавших моей погибели. Я считаю такое участие и посредничество этическим преступлением и прошу вас высказать свое мнение по этому вопросу. Бадри Газзати никогда не был моим другом, но его я также обвиняю в этическим преступлении, поскольку он представляет независимые СМИ республики и демократическую партию «Яблоко», членом которой я тоже являюсь. Газзати также не сделал мне ничего юридически преступного, но он обещал опубликовать интервью в своей газете, которое поручил мне написать самостоятельно, а потом в социальных сетях подтвердил точку зрения российских силовиков, закрывших уголовное дело как «попытку суицида». Не грешно ошибаться, если человек меня мало знает, но где совесть человека, который меня выслушал

и много раз обещал опубликовать мою историю, всячески поддерживал на словах, а потом выступил на стороне обвинителей? Я обвиняю Алана Огоева, человека с которым мы год учились на одном курсе СОГУ, сегодня возглавившего СОГУ им. Коста Хетагурова, в психологическом давлении посредством анонимных звонков. Юридически и здесь предъявить нечего, московский следователь сказал мне, что это «мелкое хулиганство».

Я не вижу другого выхода защитить себя от агрессии этих людей, которые продолжают вмешиваться в жизнь уже покалеченного ими ученого через влияние на его ближайшее окружение: сиделок, подруг детства, братьев, даже матери. Вы сами сможете судить об этих трагических событиях, описанных на страницах предлагаемой рукописи.

А также я хочу в этой книге выказать всю душевную благодарность и великое восхищение духом, совестью и умом всех тех людей, которых не соблазнили, не развратили и не увлекли посулы и угрозы, вранье и лицемерие палачей, казнящих невинных людей, ученых и общественных деятелей. Я говорю спасибо моему покойному отцу, всегда поддерживавшего меня до своей смерти, чьи заботы позволили мне стать ученым и автором многих монографий. Спасибо моей сестре Раде и ее супругу Сергею Кушнир — людям, спасшим меня после травмы. Спасибо Саломе Алборовой, моему другу и помощнику, чьими заботами я жила последние два года и писала свои основные научные книги. Спасибо Свете и ее почившему брату Мухтару Наниеву, поддержавших меня после трагедии в моей семье. Спасибо Ирине и Саше Слободяник, моим соседям, которые все это время были поддержкой и опорой.

Спасибо моим врачам, Саламу Дзебоеву и Алану Нигкоеву, Виталию Киргуеву, — достойным, великодушным людям и прекрасным специалистам. Спасибо медсестрам в больнице — Эльвире Василиади и Вале, нашей соседке по Сунже.

Спасибо прекрасным, добрым женщинам, которые помогали мне в разное время все эти трудные годы. Они были и сиделками и друзьями, просто честными людьми, наконец. Спасибо Аиде

Байсангуровой, два года помогавшей мне, — мы дружим до сих пор. Спасибо Анюте, которая меня с ней познакомила, и сама поработала у меня несколько месяцев. Спасибо Цинари Тедеевой, санитарке из больницы, которая часто помогала мне в поиске сиделок в церкви протестантов. Спасибо Эльвире, с которой меня познакомила Ирина Слободяник, и которая уже больше полугода приходит по выходным, чтобы помочь мне. Спасибо Ирине Гасиевой, Веронике Галобуевой, Залине Базровой, — эти женщины хоть и побыли у меня всего несколько недель, но все показали себя честными и достойными женщинами.

Наконец, я хочу выразить благодарность и низкий поклон многочисленным людям, моим друзьям в социальных сетях, чья поддержка влила в меня свежие силы и позволила противостоять всем невзгодам и напастям: Марина Птушкина, Елена Дунаевская, Елена Птицына, Наталья Марьина, Бил Парсонс (Bill Parsons), Клара Шох, Марина Смит, татьяна Кислова, Артур Гафурьянов, Юрий Грибанов, Александр и Любовь Воронковы, Александр Самушиа, Даниил Коцюбинский, Виктор Носов, Сергей Талк, Яков Гилинский, Петр Межурицкий, Валерий Икаев, Лариса Хадарцева, Андрей Горшенин, Павел Наумов, Сергей Горохов, Светлана Буркевич, Максим Штирнеров, Наталья Калинина, Виктория Ласеа, Олег Садовский, Владимир Ермолин, Володя Любенко, Оксана Вершинина, Мила Мирош, Галина Галкина, Сергей Пински, Люсин Мдиваниан, Александр Василенко, Юрий Розенбанд, Валентина Гордеева, Дмитрий Струев, Шаен Еремян, Александр Безменов, Евгений Левитов, Бухаан Булган, и др прекрасным, великодушным людям, которые написали столько слов тепла и поддержки и благодаря которым я держусь и продолжаю бороться.

P.S. Мы немного повздорили с Саломе Алборовой, моим настоящим и верным другом по причинам очень далеким от политики. Я хочу принести извинения Саломе: во-первых, она старше меня, во-вторых, она ухаживала за мной последние два года как за своим ребенком, и в-третьих, я действительно виновата. Но даже если Саломе меня не простит, на что ее воля, она все-

гда останется для меня настоящим и верным другом. Я написала романтическую книгу «Демон снова на Кавказе» со стихами Гете и Лермонтова после ухода Саломе, в которой рассказала об истории нашей ссоры. Здесь добавлю еще эти строки из Коста, которые были бы идеальным эпиграфом к книге.

«Назвать меня ты можешь другом
Сказать мне смело можешь брат
Ведь я готов к твоим услугам-
Быть другом, братом очень рад
Сильней любить меня захочешь,
Сказать мне вздумаешь — супруг, —
Верь, счастье странника упрочишь
На веки вечные мой друг!»

Коста Хетагуров

ГЛАВА 1
ОСЕТИНСКАЯ ЛИРА

Памяти Я. М. Неверова
(Попечитель Кавказского учебного округа)

Я не забыл, как светочем познанья
Он управлял могучею рукой,
Когда с пути вражды и испытанья
Он нас повел дорогою иной.
Мы шли за ним доверчиво и смело,
Забыв вражду исконную и месть, —
Он нас учил ценить иное дело
И понимать иначе долг и честь…
Он нас любил, и к родине суровой
Он завещал иную нам любовь, —
Отважный пыл к борьбе направил новой
И изменил девиз наш — «кровь за кровь».
Он нам внушил — для истинной свободы
Не дорожить привольем дикарей…
Я знал его, я помню эти годы,
Когда он жил для родины моей…

Коста Хетагуров

Образ Сырдона — это фактически образ Иуды в нартском эпосе, если бы об этом мифологическом цикле, как о всех мифах, можно было бы говорить в этических категориях.

Сырдон — предатель, который последовательно своими кознями и интригами предает смерти всех «лучших» нартов. «Коварство неба и хитрость земли», «беда нартов», Сырдон сначала не дает Сослану закалится у небесного кузнеца Курдалагона полностью, так что колени Сослана остаются уязвимыми. Именно по этим коленям впоследствии убедит Сырдон проехать «колесо Балсага», чтобы убить великого нартского героя. Сырдон превращается в старую шапку и подслушивает разговор Сослана с его конем, а потом выдает их тайны чертям, чтобы они разде-

лались с обоими. Уже одного этого хватило бы, чтобы назвать его Иудой. Но предательство Сослана — далеко не худшая проделка Сырдона. Он также активно участвует в убийстве Хамыца и его сына Батраза. Сначала, будучи самым хитрым из нартов, он учит нартов как избавиться от Хамыца. Потом, когда Батраз мстит нартам за смерть своего убитого отца, он хитростью избавляется и от Батраза, натравливая его на богов, обитателей нартского Олимпа: это они, говорит он ему, убили твоего отца, причитая как по брату. Сырдон научит нартов и как разгневать Бога, когда они решатся померится силами с самим богом. Так погибнут нарты.

Однако, в нартском эпосе, как вообще в мифологических циклах, нет этического и метафизического измерения. Здесь нет духовной энергии и понятия совести, нет абсолютных добра и зла. Есть только поклонение силе и войне, тщеславие героев, которые хотят стяжать славу и найти силу богов. В этом поединке каждый прав по своему, и умен тот, кто сумеет победить и обмануть всех остальных. Место этики и духа заступает тщеславие, зависть, соперничество, культ войны и идолы насилия. Потому Сырдон вовсе не является отрицательным персонажем. Сослан, например, убил его сына на нартских играх, просто ради забавы. Хамыц убил всех его детей и жену только за то, что тот украл его корову. Здесь нет хороших и плохих героев, нет добра и зла, а потому нет и образа иуды предателя. Хитрость и предательство не считаются низостью и подлостью, они тоже показатели мудрости и ума, культа «силы», которой поклоняются нарты. Сырдон не только «достойнейший нарт», которого они «крепко любят», но и самый мудрый из них, который «знает все что было, и все что будет».

Надо сказать, что такая нечувствительность к этике характерна для мифологического сознания всех народов, не только для нартского эпоса. Например, И. Суриков пишет в «Пифагоре» то же самое о знаменитом гомеровском мифологическом цикле — Илиаде и Одиссее. Как для гомеровских героев, так и для древних нартов важно не «опозориться» в мнении окружающих,

тогда как совесть и греховность остаются непонятными абстракциями.

«Специалисты по исторической этологии — науке, изучающей моральные ценности различных эпох и народов, — делят все человеческие культуры на „культуры вины“ и „культуры стыда“. — пишет антиковед И. Суриков в „Пифагоре“, — В первом случае регулятором поведения людей служит некое внутреннее чувство нравственно должного — то, что в христианской цивилизации называют совестью. Во втором же случае человек действует всецело с оглядкой на то, как его оценят другие. Главное — не „ударить в грязь лицом“, чтобы не пришлось испытывать стыд. Античная греческая культура была типичной „культурой стыда“. Для грека превыше всего — суждение общины, суждение окружающих. Именно таковы герои Гомера. Им абсолютно чужды те нравственные ценности, которые столь близки нам и которые сопряжены именно с внутренней самооценкой: доброта, милосердие, сострадание… Всё это — порождение более поздних эпох, тесно связанное с возникновением христианства».

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Другая сторона аланского наследства, не менее важная, чем язык, — фольклор. Здесь на первом плане, конечно, стоит выдающийся памятник духовной культуры древности, шедевр устнопоэтического творчества — героический нартский эпос. Без всякого преувеличения можно утверждать, что нартский эпос должен быть поставлен в один ряд со скандинавскими и исландскими сагами, германскими Нибелунгами, карельской Калевалой».

«Беда осетин», как эту проблему называет Григорий Токати, не в том, что их древний мифологический комплекс — это культура стыда, которой недоступна культура совести, этика. Таковы все древние мифологические системы. Беда осетин в том, что если другие народы с тех пор проделали громадную эволюцию от культуры стыда — к культуре совести, то осетины остались со своим нартским эпосом, и по сей день составляющим существо их самосознания и культуры. Великая метафизика, философия, этика Пифагора, Сократа, Платона

еще в античность противопоставила культуре стыда Гомера — культуру совести и справедливости духовной энергии метафизики. Борьба между элогизмом и яхвеизмов испокон веков шла в недрах еврейского народа и запечатлена в их Торе. Исайа и Христос развили и передали эту философию совести уже в синтезе с греческой философией — христианской метафизике. Так, человечество болело, но активно боролось со своей болезнью. Осетины законсервировали свою болезнь, превратив нартский эпос в культ. В этом беда осетин.

Если бы осетины не были культурой тщеславия, страшащейся только позора, и ни во что не ставящей совесть и справедливость, в те годы, о которых я пишу, я не осталась бы одна, и не стала бы объектом всеобщей травли. Моего отца тоже убили, но когда я об этом сказала, окружающие, за исключением нескольких прекрасных людей, убоялись позора, и обратили свой гнев не против виновных, а против меня. Такова принципиальная разница между культурами стыда и культурами совести.

Поэзия Коста Хетагурова, единственного осетинского поэта с мировой славой, носит название «осетинской лиры». На осетинском языке это звучит как «ирон фандыр». Фандыр, таким образом, можно переводить на русский и как «гармонь» и как «песнь» и как «лиру» и «поэзию».

Есть в знаменитом нартском эпосе сказание о том «Как появился фандыр». Сюжет этой трагедии имеет свои широкие аналогии в греческих мифах о Тантале, Ликаоне, в Илиаде Гомера, но нигде этот страшный сюжет об убийстве и поедании детей не связан с происхождением понятия «лира», «поэзия», «песнь». А вот нартский эпос именно так трактует происхождение осетинской лиры.

Это миф из серии сказаний о Сырдоне — образе самого мудрого нартского человека. Не смотря на то, что под «мудростью» Сырдона понимается «коварство неба и хитрость земли», «бедовый Сырдон» признается «достойнешим нартом». Сырдон «умеет сыграть шутку над нартами», и хоть они его за это обижают, но тем не менее «крепко любят». Так, однажды, когда нарты по-

строили «Большой нартский дом», они решили позвать Сырдона, чтобы узнать мнение этого «мудрейшего» человека. Дважды Сырдон давал свою оценку, а когда отказался идти в третий раз, Хамыц, один из прославленных воинов, заставил его идти пинками, «легонько ударяя его». Сырдон отомстил тем, что украл откормленную корову Хамыца и съел ее вместе с женой и 12 детьми. Хамыц нашел семью Сырдона, забрал из котла остатки своей коровы и сложил в него расчлененные тела жены и всех 12 детей Сырдона. Вот из жил своих сыновей и сделал несчастный Сырдон «фандыр», на котором оплакал невинно убиенных детей.

«Взял он большую вилку, которой вынимают из котла мясо, подхватил ею мясо из котла, и понял он, что стало с семьей его. Ноги и руки, головы и куски туловища подымал он вилкой из котла. И тут оцепенел от горя Сырдон. А потом вынул он из котла останки своих сыновей. Взял он кисть руки старшего сына и натянул на нее двенадцать звонких струн, а стрны те были из жил, что несли кровь к сердцам его сыновей. Сел он над останками своих сыновей, по звонким струнам ударил и запел-зарыдал. Взял он в руки свой фандыр и пошел на Нихас нартов. Встал он перед нартами и заиграл и запел:

— Нарты, вот вам мое подношение.

И слушая песнь Сырдона, нарты сказали:

— Разве можем мы оттолкнуть человека, который принес нам в дар такое сокровище! Если даже всем нам суждена погибель, то навеки останется жить фандыр. Он расскажет о нас, и кто заиграет на нем, вспомнит о нас и станет нашим навсегда»

Трудно себе представить более варварское представление о «чести»: заколоть женщину и детей в ответ на украденное имущество. В другом сказании «Как Хамыц женился» рассказывается, что не было большей обиды для Хамыца, чем неравный дележ добычи: «Неужели он хочет взять себе две части из трех? Как снести мне такую обиду? Сколько я жил, никто не наносил

мне такой обиды». В «Гумском человеке» Сослан делает аналогичное заявление: «Если он возьмет две части из трех, для меня это будет хуже смерти». Доминиканский монах Юлиан, который жил среди алан 6 месяцев в 13 веке, писал, что «человекоубийство у них ни за что не считается». О том же говорил и Феодор Аланский, епископ аланской епархии в 1225 году: «... Отличия моих пасомых — убийства прежде всего и прочие виды смертей»

Сырдон далеко не положительный герой в свою очередь, хоть он и является мудрейшим среди нартов. «Стал подрастать мальчик и день ото дня становился умнее: мог он не только рассказать о том, что было, но даже то, что будет, мог предсказать он. Хитер был Сырдон, часто обманывал нартов. И хотя частенько не ладили нарты с Сырдоном, все же они крепко любили его. Умен и ловок был Сырдон, один из славных нартских мужей...Издевался над ними Сырдон и говорил: „У-у, гордые нарты, от чрезмерной гордости своей вы даже на лошадях своих не хотите сидеть, как обыкновенные люди". Не раз сердились нарты на Сырдона, не раз они пытались его погубить. Не зря зовется он коварством неба и хитростью земли. Но кому под силу погубить Сырдона. Вот за что нарты все же любили своего бедового Сырдона, сына Гатага»

Такого же примерно рода и «мудрость» божественной дочери Уастырджи, Шатаны: хитрость и магия, которые больше подобают колдунье. Мы не находим следов представлений об интеллекте или метафизике. Несмотря на выдающийся ум и божественное происхождение, Сырдон, подобно всем мифологическим божествам и героям — не этический герой. В нем нет ничего от понятия нравственного или морального, от понятий совести и справедливости. Он коварный хитрец, который думает как все мифологические герои только о собственной славе и тщеславии, но его оружие не меч нартов, а лезвие хитрости. Он подслушивает смертельные тайны Сослана, нартского героя, и выдает их чертям. Он натравливает на Хамыца его собственный род Ахсартагатов. Он же единственный кто смо-

жет погубить «стальногрудого» Батрадза, натравив его на олимпийских богов. Наконец, Сырдон научит нартов как прогневать бога, когда те решат помериться силами с самим богом. Погубив всех лучших героев нартов, он погубит и весь нартский род. Эпос заканчивается трагически сказанием о том «Как погибли нарты».

Такова далеко неприглядная суть нартского эпоса –основного наследия великих аланов, которыми так гордятся все народы Кавказа, как своими непосредственными предками. Эпос этот, происхождение которого ученые датируют первым тысячелетием до нашей эры — серединой второго тысячелетия нашей эры, не лучше не хуже других аналогичных мифологических циклов. Ценность его в том, что он перерос просто «коллективные представления» аборигенов, и сделался художественной единицей как некоторые другие мифологические циклы древности. Прежде всего, Илиада и Одиссея Гомера, Нибелунги германцев и др. Однако, подобно всем этим древним мифологическим сказаниям, включая и знаменитый гомеровский эпос, который много превосходит нартов в художественном плане (но не в этическом, в чем они примерно равны), нартский эпос совершенно незнаком с понятиями метафизики, этики, противопоставления духа и силы. Эти героические мифы все построены на культе силы и войны, которые сами по себе становятся сакральной сущностью сюжета.

Академическая наука во всем мире признает на сегодняшний день, что единственными живыми потомками кочевых ираноязычных племен Предкавказья, сармато-алан, является осетинский народ и осетинский язык. Безусловно, осетины не тождественны аланам, поскольку на протяжении десятков веков жизни на Кавказе аланы смешивались с местными кавказскими племенами, и результаты фиксируются на всех уровнях: антропологическом, культурном, лингвистическом. Также широко признан факт что аланы имеют генетические связи и со многими другими народами Кавказа.

Варварская культура кавказских народов, яростно борющихся по сей день за право называться наследниками сармато-алан и нартского эпоса, наиболее ярко проявляется в самом этом факте отчаянного потребности идентифицировать себя с героями архаичного, доисторического культа войны, составляющего основу этого мифологического цикла. Да, правы те, кто скажет, что такой же культ войны и в основе гомеровской Илиады. Однако, греки не ассоциируют себя с Гомером уже со времен Элейской школы Ксенофана, Пифагора, Сократа и Платона, ознаменовавших рождение философии, метафизики, интеллекта, этики. В то же время доисторический культ войны нартского эпоса до сих пор составляет самосознание и идентичность народов Кавказа, готовых воевать за право назвать себя потомками нартов. Сомнительная привилегия, право же.

«Аланское наследие, — пишет Википедия, — является предметом споров и многочисленных публикаций в жанре фолк-хистори (не признаваемых академическим научным сообществом). Эти споры настолько определяют современный контекст северокавказского региона, что получили внимание исследователей уже сами по себе». Этот феномен имеет простое объяснение: варварское состояние северокавказской культуры, не много продвинувшейся со времен архаичного нартского эпоса. Если мировая культурная мысль выражена в философском и научном дискурсе, то культурная мысль северного кавказа бьется округ самоидентификации с героями доисторического эпоса и историей кочевых наемников.

Осетия, как счастливая обладательница пальмы первенства в этом поединке на звание наследников сармато-алан, признанной академическими кругами всего мира, горделиво почует на лаврах победы. «Северная Осетия — Алания» — таково официальное самоназвание осетин.

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «После татаро-монгольского нашествия остатки алан, не истребленных завоевателями и не переселившихся на Запад или Восток, оказались изолированными в ущельях Кавказского хребта — на севере

и на юге. Отныне они стали основными преемниками аланской этнической и культурной традиций и этнической базой формирования осетинского Народа. Прежде всего нужно отметить, что в пучине времени не исчез аланский язык — он стал основой современного осетинского языка. Это факты, прочно установленные не только отечественной, но и мировой наукой (2; 3, с. 41–47; 4, с. 272–274; 5, с. 33–51). В этом огромный научный интерес осетинского языка как уникального осколка некогда обширного ареала древних североиранских языков. Без всякого преувеличения можно утверждать, что живой осетинский язык является основным, наиболее весомым наследием алан в культуре Кавказа»

Культура современных осетин не оставляет сомнений в том, что народное самосознание не сделало существенного прогресса со времен сложения нартского эпоса. Языческая мифология других народов давно вытеснена с авансцены на периферию их самосознания современным научным, философским, метафизическим, этическим дискурсом. Даже у евреев, у которых все еще сохраняет значение столь же архаичная Тора, тем не менее уже не одно тысячелетие идет конфликт между этими архаичными частями мифологии и философией и метафизикой Нового завета, между «яхвеизмом и элогизмом», согласно определению Э. Ренана в теле самой Торы.

Ничего подобного мы не наблюдаем в «осетинской лире» нартского эпоса, языческий фундамент которого совершенно незыблем и не имеет никаких альтернатив в осетинской культуре. Разве что, одинокая лира великого осетинского поэта Коста Хетагурова, не только написавшего поэму о Евангелиях Христа («Се человек»), и посвятивших ему множество стихотворений, но также сделавшего попытку Лютера и Гете перевести Евангелия на язык осетин. Лира Коста осталась одинокой, неразделенной, не получившей признания в народе также, как и само христианство, насаждаемое в Алании еще с седьмого века от Рождества Христова. Насколько был успешен процесс христианизации Грузии и Армении, настолько же он не имел

успеха у ираноязычных сармато-аланов, которые предпочли всем Евангелиям своих «кичливых нартов».

Да, безусловно, имя Коста Хетагурова известно каждому осетину, и государственный университет Осетии-Алании носит это благословенное имя. Однако, существа стихов Коста, призывавшего отказаться от культа насилия и войны архаичного нартского эпоса в пользу христианской философии и просвещения, осетины не поняли и не услышали также, как сармато-аланы не услышали в 13 веке призывов епископа Феодора Аланского. Вся поэзия Коста в этой связи пронизана осознанием своего одиночества и бесплодности усилий своей «лиры» пробудить возлюбленный им народ к духовной жизни.

Отсутствие науки и метафизики, отсутствие философии — вот та беда, которая делает «осетинскую лиру» безголосой. Лира Коста пела ярко и громогласно, но «бедный мой народ» его едва ли слышал. Лира Коста не есть осетинская лира, если помнить происхождение «ирон фандыра». Истинная осетинская лира — это безусловно нартский эпос, который по прежнему составляет самосознание осетин, «христиан только по имени», как говорили о средневековых аланах. А нарсткий эпос — это песнь язычников, поклоняющихся стальному мечу бога войны. А. Р. Чочиев пишет о «впечатляющем культе войны в скифо-сарматской среде».

Коста — это лира Евангелия Христа, это лира Некрасова и Толстого, людей бесконечно далеких от языческой героической мифологии и культа войны. И это свое одиночество христианского метафизика среди глухой стены языческого непонимания он пронесет через все свое творчество

Соната Джусковского

Опять меня гонят... Опять убеждают,
Что лучше разъехаться нам...
«Простите... но, право... соседи болтают...
Уехать удобнее вам...»

Чего же бояться?.. Ведь целые годы
Я был им всех краше, милей,
Делил так охотно их труд и заботы,
Был лучшим из всех их друзей...

За что ж разлюбили и бедную лиру,
И песни больного певца?
За что меня гонят — чтоб снова по миру
Скитался всю жизнь, без конца?..

За то ль, что успел я в душе благородной
Священную искру раздуть,
Что мог я заставить вздыматься свободней
Безвременно стывшую грудь?.

Коста Хетагуров

Один опять один без признаков родного,
Как бы отторгнутый от мира, от людей, —
Нет искры тлеющей участия былого
Нет сплоченных рядов мне преданных друзей
Опять темно вокруг, до боли беспросветно,
Пустынно, холодно... утерян снова путь...
А как хотелось жить и верить беззаветно,
Любовью к ближнему переполняя грудь!
А как хотел раскрыть горячие объятья
И в них вселенную, как друга заключить,
Простить врагам своим в ответ на их проклятья
Страдать за них любя, страдая их любить!

Коста Хетагуров

Осетины, сумевших подняться с уровня языческой национальной мифологии до уровня мирового научного дискурса можно пересчитать на пальцах одной руки: Коста, Григорий Токати, Гайто Газданов и, конечно, Васо Абаев. Много есть у осетин выдающихся деятелей культуры, но до уровня мирового культурного дискурса поднялись только эти несколько человек. Один из них писал о своем жестоком одиночестве и глухой стене

непонимания (Коста), двое других принадлежали европейской культуре (Токати и Газданов). Что касается фундаментальных научных трудов Васо Абаева, выдающегося языковеда-ираниста, проследившего лингвистическую, антропологическую и этническую историю осетин в своих многочисленных трудах, то и его работ не знает подавляющее большинство осетин. Многие даже не слышали об иранском происхождении осетин и осетинского языка.

Зато все знают осетинских генералов и осетинских олимпийских чемпионов, которые как бы являются продолжателями славной традиции нартского эпоса о стальногрудых непобедимых воинах, о «кичливых нартах», которые вечно соревнуются в силе и устраивают «нартские иргы», чтобы узнать кому принадлежит ветвь первенства. Вы найдете множество изданий у осетин под заголовком «знаменитые осетины» или похожим, где будут перечислены все осетинские генералы, дослужившиеся до высших командных чинов в русской армии и все спортсмены, привлекшие к себе мировое внимание. Вы никогда не услышите попыток дать Сталину оценку с этической точки зрения, зато вы увидите множество слез восторга, как признания Сталина безусловным победителем в мировой силовой гонке, в культе войны и в культе силы, прославляемыми нартским эпосом.

О многом говорит исключительная популярность имени «Алан» и «Алана» среди мужчин и женщин Осетии. Редко кто носит имя Коста, зато каждый второй будет Аланом или Аланой. Любопытное интервью дал по этому поводу незадолго до смерти Григорий Токати известному осетинскому ведущему А. Салбиеву. Он говорит, что будущие поколения осетин еще могут пожалеть о поспешности с которой Осетия приняла самоназвание — Алания. И связывает это с тем, что ираноязычные племена сармато-алан играли одну из ведущих ролей при разрушении античной цивилизации. Григорий Токати считает, что разрушить мировую цивилизацию — позорно. Однако, настоящий осетин будет гордиться этой мыслью, потому что слово цивилизация

не говорит ему ничего кроме «чужеродной силы», а разрушить чужеродную силу всегда почетно для кичливых нартов.

Григорий Токати понимает что перестал быть осетином, и часто по ходу интервью называет осетин «вашими соотечественниками», «на вашей национальной конференции». Он безусловно не осетин по своему самосознанию, а человек мощного и глубокого духа, берущего начало в интеллекте. Он ценит превыше всего личную свободу и презирает культ силы, культ меча и войны, которому поклоняются нарты. Он говорит о том, что «вся линия кавказской обороны насыщена насилием», что «Дербент» значит «город-крепость», а «Грозный» — угрозу. Что «Владикавказ» — это название столицы людей, потерявших свободу, потому что «владеть народом нельзя», а «где нет свободы, там не может быть бога». Значит, у осетин нет бога. Токати говорит, что осетинский язык — это беда, потому что культура осетин не развивается, как развивается она пышным цветом (как весенний луг с тысячью цветами) у других маленьких народов. Что осетины много хвастаются — и это опасное заболевание, а их танцы с ножами — это искусство, которое отрицает цивилизацию. «Это героические и артистические танцы, конечно, но это варварство. Они раскрывают ВАШЕ состояние, но не доказывают, что это хорошее состояние». Действительно, культ меча кичливых нартов. Наконец, он говорит, что Коста был понят неправильно, что его трактовали как националиста, выступавшего против русских, в то время как сам Коста считал себя революционным демократом, продолжателем дела своего учителя Неверова, Плещеева, великих русских духоборцев Некрасова, Островского, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова. Таковы его последние слова, адресованные осетинской лире.

Григорий Токати — выдающийся математик, на протяжении многих лет успешно руководивший департаментом аэронавтики Королевского колледжа Лондона. Его успехи в фундаментальной и прикладной физике выразились в том, что он стал одним из разработчиков самолета Конкорд. Однако, он не гуманитарный мыслитель, и не четко формулирует свои мысли. Он не мо-

жет четко сформулировать в чем же «беда» осетинского народа, хотя постоянно на протяжении интервью говорит о «беде» и «опасном заболевании». Мне легче сформулировать его мысль, поскольку мои научные труды посвящены именно философским и социальным проблемам. Григорий Токати говорит о той проблеме общечеловеческого значения, которая проходит красной линией через всю историю человечества. О противоборстве мифологического и рационального сознания, о том, что Леви-Брюль называл в своих трудах качественным различием до-логичного магического сознания и логическим сознанием научного интеллекта цивилизованных людей. Герберт Спенсер разделял эти два противоположных сознания как «обожание силы» с одной стороны и рациональную личность, «чувство симпатии» с другой стороны. Карл Ясперс делит своей теорией осевого времени существование человечества на доисторическую эру мифологического мышления и собственно историю человечества рациональной эпохи. Я бы еще назвала эти два типа сознания — идолопоклонниками (язычниками) с одной стороны и духоборцами с другой стороны. Э. Дюркгейм убедительно доказал, что все идолопоклонники в конечном итоге поклонялись в лице своих тотемов абстрактной силе, подтверждая теорию Спенсера об «обожании власти» у примитивных людей.

Вот собственно в этой неспособности миновать рубеж мифологической эпохи и «обожания силы» и состоит «беда» осетин, о которой неоднократно упоминает Григорий Токати. Безусловно, это противоборство между мифологическом и рациональным сознанием — общая для всего человечества ось мировой истории (о чем я писала в книге «Ось мировой истории»). Однако, специфическая беда осетинского народа в том, что если другие народы приняли самое активное участие в этой борьбе, противопоставляя древней мифологии современную метафизику, науку, этику и философию, то осетинов едва коснулась эта проблема в лице тех четырех человек, о которых мы говорили выше. Вся лирика Коста — это трагическая песнь пробудившегося духа, осознавшего себя в плену черной тюрьмы невежества. Великим духоборцем

выступает Гайто Газданов на страницах своих философских, этических романов. Однако, осетины не разглядели и не поняли существо борьбы этих людей, не сумели включиться в эту борьбу духа против насилия на уровне всего народа. Для них Коста, Токати, Газданов, Абаев — вовсе не духоборцы, которые противостоят культурному содержанию нартского эпоса, а только одни из великих героев этого эпоса. В этом и состоит та беда, о которой говорит Токати. Дух осетин, сила интеллекта и метафизики, науки и этики остаются непробужденными, в то время как архаичное поклонение силе и культ войны по прежнему оставляют культуру осетин языческой.

Мои работы посвящены этому противоборству духа и насилия, мифа и логоса, магического и метафизического. «Рационализм против эмпиризма. Дарвиновская парадигма как конец западной цивилизации», «Теория психической энергии вместо психологии и социологии. Тождество народного и научного суверенитета», «Проблемы развития духа. Критика структурализма», «Ось мировой истории. Авраамические религии и век разума» — вот основные из последних моих работ на тему.

Как можно видеть в моих исследованиях речь идет не о проблемах осетинского народа, а как во всех фундаментальных научных трудах, об общечеловеческой проблеме противоборства мифологического и рационального сознаний. «Беда осетин», не сумевших подняться над мифологией нартского эпоса даже на уровень христианской мифологии — только частный случай этой общемировой проблемы. Следует ли удивляться, что я оказалась не только в глубоком одиночестве подобно Коста, и не имея возможности иммигрировать подобно Токати и Газданову, едва не погибла. Нарты, которые на протяжении всего эпоса спорят о том, кто среди них лучший, убили всех своих лучших героев, а потом, бросив вызов самому богу, погибли сами. Такой же исход имела и реальная история сармато-алан.

«Аланы жили на территории нынешних Испании, Португалии, Швейцарии, Венгрии, Румынии и других стран. — пишет Википедия, — Через сармато-аланское влияние в культуру многих

народов вошло наследие скифской цивилизации. Ни большое культурное и политическое влияние, ни участие в важнейших событиях Великого переселения народов не спасли западноевропейских аланов от быстрого исчезновения. Их незаурядные военные достижения были поставлены на службу чужим императорам и королям. Раздробив свои силы и не сумев построить долговечного государства, большая часть аланов на Западе потеряла родной язык и вошла в состав других народов»

Таков логический конец всех «обожателей силы». Останутся ли осетины верны своей беде гибели нартов-язычников, или наконец сделают шаг к цивилизации, опровергнув культ меча и войны, как их призывал Григорий Токати?

В последних главах «Культура стыда в современной Осетии» и «Приложение» я привожу рукопись, опубликованную ранее отдельной книгой «Братья Хугаевы и второе осевое время». Это не «Особа» Коста, рассказывающая о национальном быте и традициях осетин. Это психологическое исследование, сделанное на опыте собственной жизни, раскрывающее языческую психологию и последствия этого язычества для осетин.

Мой отец был одним из тех немногих осетин, который очень любил литературу и особенно поэзию. Он цитировал Лермонтова и Бальмонта, Пушкина и Некрасова, но особенно он любил Коста. Строки Коста «Весь мир — мой храм, Любовь — моя святыня, Вселенная — отечество мое», и другие «Прости если отзвук рыданья услышишь ты в песне моей, Чье сердце не знает страданья, тот пусть и поет веселей», навсегда запечатлелись в моем сердце именно со слов отца, который часто их повторял. Родного брата его отца, Ясона, звали Коста. Как то отец принес мне старый номер газеты «Северная Осетия», в которой была статья посвященная аресту Коста Хугаева в 30-е годы сталинских репрессий. К сожалению, эта газета нами утеряна, и я не помню содержания статьи. Отец был очень дружен с Георгием Хугаевым, известным осетинским драматургом и режиссером осетинского театра, становление которого по общему признанию являлось всецело делом рук этого талантливого художника.

ГЛАВА 2
ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО ОСЕТИИ

1. Эра Мифа и эра Логоса.
2. Идолопоклонники и Духоборцы
3. Христиане только по имени.

1. ЭРА МИФА И ЭРА ЛОГОСА

К. Ясперс, как известно, определял начало осевого времени как рубеж 9—7 веков до нашей эры, когда в некоторых очагах интенсивной духовной культуры мифологическое мышление начинает уступать рациональному мышлению. Он называет осевое время — началом конца мифологической эпохи. На смену противоречивому устному мифологическому творчеству приходит логическое мышление и письменность. Философия метафизики вытесняет примитивные культу тотемизма и идолопоклонства. Место язычников занимают философы и духоборцы. Так было в Израиле, Греции, Персии, Индии. Позже Римская империя объединила в себе достижения всех этих народов, становясь мировым культурным центром. Отсюда, из Рима, синтез этого мирового пробуждения духа в виде философии и метафизики христианства будет распространяться дальше по миру в течении сотен веков.

Племена сармато-алан принимали самое активное участие в великом переселении народов того времени, и в частности в разрушении Римской империи. Григорий Токати метко замечает, что это не делает чести аланам. Германцы тоже принимали активное участие в развале Рима, но с тех пор они стали наследниками и поборниками античной греко-римской культуры. Совсем иначе дело обстоит с осетинами, которые продолжают гордиться варварским прошлым своих иранских предков. Аланы не стали носителями греко-римской культуры ни в виде христианской метафизики, ни в виде наследников ее научного мышления. Осетины продолжают традиции алан,

будучи верны нартскому эпосу, и отвергая христианство и науку.

В. Кузнецов отмечает в «Очерках истории алан», что «аланы были населением центральной части Северного Кавказа не менее 1300 лет». Потом в результате «катастрофы», приключившейся в 13 веке в связи с татаро-монгольским нашествием, Алания перестала существовать. Она перестала существовать и как государство, и как культура, и как этнос. Большие группы алан мигрировали в соседнюю Грузию, Византию, Венгрию и были ассимилированы этими народами. Другие многочисленные группы аланов, которых В. Кузнецов называет «предателями», подчинились монголам и стали частью монгольского народа.

В. Кузнецов «Очерки истории алан» 1984: «Как видим, татаро-монгольское нашествие буквально разметало аланское население северного Кавказа и Северного Причерноморья по разным частям Азии и Европы — от Венгрии до Китая. Отделенные друг от друга сотнями и тысячами километров и не имеющие связи с родиной эти не такие уж мощные группы мигрантов были обречены на постепенное исчезновение. Факты свидетельствуют, что так и было. Остатки алан сохранились лишь в недоступных монголам кавказских горах, на севере и на юге Кавказского хребта. Они стали этнической основой формирования и исторического развития осетинского народа»

«Катастрофу» как известно, переживали многие очень могущественные когда-то народы. Древняя Греция, Древний Израиль, Персидская империя, Римская империя, — но все эти государства не только воспряли из пепла и продолжают существовать как самостоятельные государства, но еще и дали мощный толчок развития всей мировой культуре, определив на века направление и существо этой культуры.

Каково же культурное наследие Алании? И почему Алания не воспряла как самостоятельное государство? Появление кочевых иранских племен в Предкавказье, «покрываемых общим именем алан за дикий образ жизни и сходство вооружения» источники относят к началу нашей эры, которая ведет свой

счет от Рождества Христова. Ко времени рождения Христа вся метафизика и наука осевого времени была уже созревшей и отточенной в рукописях самых изощренных мыслителей интеллектуальных народов древности. Аланы к 4 веку от Рождества Христова по дошедшему до нас свидетельству Аммиана Марцеллина всего лишь кочевые племена дикарей, варвары, которые не знают не только письменности, но даже оседлой жизни:

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Выше уже говорилось о культуре и быте алан в первых веках н. э. когда они, будучи типичными кочевниками-скотоводами, передвигались со своими стадами по бескрайним степям от Урала до Дуная. Такие авторитетные авторы, как Страбон и Тацит, свидетельствуют о жизни алан постоянно на колесах и в седле. Но наиболее обстоятельный рассказ об образе жизни, быте и даже внешнем виде алан принадлежит Аммиану Марцеллину: «аланы (нет надобности перечислять теперь их разные племена), живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства; однако с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи и дикий образ жизни и одинаковое вооружение. У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрышками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям... Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми... Все, что по полу и возрасту непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами; а молодежь с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами... Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и более культурным образом

жизни... Они не имели никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения».

Несмотря на однозначную оценку варварского состояния аланов в первой половине первого тысячелетия нашей эры, в этой характеристике древнего историка также сказано немало лестного для них. Прежде всего, во всех источниках подчеркивается культ войны, не только бесстрашие, но страсть аланов к войне. Аристотель говорил, что северные народы отважны, южные мудры, но только греки и отважны и мудры. В этом смысле аланы не были греками, конечно. Они отважны, но всегда остаются варварами. Их варварство их и погубит. Там же Аристотель пишет, что варвары не способны к политической жизни, и потому быть рабами для них и справедливо и полезно. Эта характеристика аланов опровергает слова прославленного грека: они действительно неспособны к политической жизни, действительно потому что всегда остаются невежественными варварами, но на тот период они еще не рабы. Они гордые воины военной демократии, подобно тацитовским германцам. Более того, как все иранцы, они чувствительно и выгодно отличаются от гуннов «человечностью». Вот сколько хорошего сказал Аммиан Марцеллин об этих древних варварах. Увы, этим почти исчерпывается все хорошее, что можно сказать об аланах.

Карл Ясперс пишет в своей работе по философии истории, что все народы, которые не стали частью этого пробуждения Логоса, Интеллекта в осевое время, остались народами доисторическими. Действительно, история начинается с пробуждением рационального сознания. Ясперс говорит о линейной истории, существо которой в становлении и развитии этого рационального сознания всего человечества в науке, в философии, в искусстве. Становление мировой культуры и единого человечества.

Аланы в этом отношении всегда оставались доисторическим народом, даже в 10—11 веках, «золотом веке» Дургулеля Великого, когда Алания достигла политической самостоятельности и наивысшей централизации государства. В. Кузнецов пишет, что единственный памятник аланской письменности — «зелен-

чукская надпись», найденная Д. Струковым в 1888 г., сделанная греческими буквами, но на аланском языке: «Относительно последней следует особо подчеркнуть распространение в прикубанской Алании греческой письменности, документированной многими эпиграфическими памятниками, на основе которой в XII в. была сделана попытка создания собственной аланской письменности (Зеленчукская надпись)».

До нас дошли литературные памятники двух-, трех-, четырех-тысячелетней давности. Вавилонский эпос, Авеста, Тора, Веды. Древняя Греция, несмотря на то, что большая часть текстов была утеряна, оставила нам безбрежное море литературных памятников. Народы, с развитой письменностью и интенсивной интеллектуальной жизнью, всегда оставляют множество литературных и иных культурных памятников, несмотря ни на какие исторические и природные катаклизмы. Алания не оставила ничего кроме «зеленчукской надписи» в несколько слов, которая, судя по тексту, является просто надгробной надписью. Источники говорят о распространении в аристократических кругах Алании греческого языка и греческой письменности после принятия христианства, но насколько многочисленны были эти аристократы (мтавары) в обществе «военной демократии» Алании? Кузнецов пишет, что аланы так и не сумели создать централизованного государства, оставаясь «варварами» на уровне родоплеменных отношений до самого конца своей истории.

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Конечно, нет никакой необходимости идеализировать этот „золотой век“ истории Алании и впадать в преувеличения: Аланская государственность была неразвитой, типичной для многих раннефеодальных обществ, когда элементы догосударственной системы управления (старая родоплеменная знать, народное собрание, адаты и т. д.) переплетались с элементами государства. Это было племенное объединение с чертами государственности. Отсутствие разветвленного государственного аппарата, вероятно, и регулярного войска (при наличии феодальных дружин), своей

монетной системы, общегосударственной письменности свидетельствует о „варварском“ характере этого непрочного политического образования»

Христианство — тот синтез древней мысли осевого времени, который питал варварские народы средневековья, и постепенно включил их в мировое культурное наследие. Христианская церковь сделала германских варваров — носителями и продолжателями греко-римской цивилизации. Казалось бы, аланы приняли христианство еще в 7 веке, задолго до крещения Руси. Казалось бы, многовековые отношения с христианскими Византией, Грузией и Арменией вполне могли бы способствовать преодолению варварства и в среде аланских племен, также как христианство сделало цивилизованными людьми германских варваров, готов, вандалов, саксов, франков, норманнов и многих других. Однако, и здесь источники уверено говорят о том, что аланы до конца своей истории оставались язычниками, и что принятие христианства было только номинальным.

Тем не менее, осетины имеют своего Сократа, своего Будду, Христа, Лютера и Толстого в лице Коста Хетагурова, вся «лира» которого была настроена на духовное пробуждение осетинского народа. Коста вне всякого сомнения не только поэт и публицист, но и религиозный деятель, христианский поэт, посвятивший многие свои произведения лирике и философии Евангелия. Он не только писал иконы, но и делал попытки перевода Евангелия на осетинский язык, подобно Лютеру и Гете. Поэма «Се человек» — прекрасное вдохновенное переложение на стихи содержания четырех христианских Евангелий. «Осевое время» осетин началось не в 7 веке, в период номинального принятия христианства, а в 19 веке с рождением великого осетинского поэта Коста Хетагурова. Тогда же родился другой выдающийся осетинский духоборец — Гайто Газданов, чьи произведения заслуженно составляют часть мирового культурного фонда.

Музе

Лучше пропой ты мне песню такую,
Чтобы она прозвучала в сердцах
И разбудила бы совесть людскую
В их повседневных житейских делах...

Лучше скажи мне могучее слово,
Чем бы весь мир я сумел убедить,
Что в этом мире нет счастья другого,
Как бесконечно прощать и любить.

Коста 1893 г.

Страстная неделя

С затаенной враждой палачи-фарисеи,
Как живые, встают из могил вековых,
И апостолов всех, всех борцов за идеи,
И предателя вижу, как будто живых.

И прискорбно до слез, и обидно до мести
За людей и за жизнь... Вспоминаются вновь
Речи, полные лжи, ласки, полные лести,
И продажная честь, и такая ж любовь!..

Коста 1901 г.

2. ИДОЛОПОКЛОННИКИ И ДУХОБОРЦЫ

Язычники — это те, кто делает культ из насилия, из власти, из материального богатства. Духоборцы — это те, кто ищет прежде всего истины, справедливости, сочувствия и чистой совести. Первые жестоки, злорадны и лицемерны. Вторые — добры, умны и трудолюбивы. Однако, это вовсе не значит, что сила нужна только язычникам. Сила нужна всем, более того, сила есть только у духоборцев, хотя язычники и превращают свою жизнь в культ насилия.

Это закон сохранения силы, общий не только психике всех народов, но и всей вселенной. Также и человек ищет силу своей психической энергии. Варвары — это те первобытные люди, которые видят силу в примитивном насилии, в хитрости, в подчинении и эксплуатации других. Духоборцы — это те просвещенные люди, в которых проснулась истинная сила человека, сила его интеллекта, способна открывать законы природы и ставить под контроль природные энергии. Духоборцы — это энергия Духа, общего для всего интеллектуального человечества, поэтому эта энергия добра, сочувствия и взаимной поддержки. Сила духоборцев — в их единстве, и в том счастье которое дает искренность общения и безопасность чистой любви.

Современный мир представляет клубок хаоса, в котором сила энергий, открытых духоборцами, стоит часто (не всегда) на службе у язычников, которые направляют эти силы на войну и разрушение, на злые козни и мелочные интриги противоборства. Поэтому людям очень трудно разделить эти два силовых поля человеческой психики, и провести четкую границу между силовым полем язычников и силовым полем духоборцев.

Это работа будущего. Сейчас важно на теоретическом уровне понимать, что настоящие ученые, открывшие все современные чудеса научно-технического прогресса, обязательно были духоборцами, людьми чистой совести, доброты и трудолюбия. Важно понимать, что язычники сами по себе всегда также немощны как все первобытные народы, от которых они мало чем отличаются, даже находясь в цивилизованных обществах. Что в скором времени культ насилия, власти, лицемерия, который эти дети Сырдона считают настоящим умом и силой — будет считаться тяжелой психической болезнью, и перестанет встречаться в обществе

Язычники не могут создать стабильного общества — назовите его государством или просто монолитным сообществом. Язычников всегда раздирает энергия эгозащиты, разделение всех людей на врагов и друзей и потребность войны между враждебными группами. И это дробление на друзей и врагов

может быть бесконечно, вплоть до того, пока каждый не почувствует себя одиноким в противостоянии всему миру — такова информация силового поля Эгосистемы. Поэтому язычники не способны к дружбе, сегодня воюют на одной стороне, завтра на другой стороне. Они не создают государств, их сообщества раздирают мелкие и яростные междоусобицы, война не имеет иного смысла кроме самой войны. Война ради войны, даже если сегодня ты считаешь своими свой род и племя, а завтра продаешь его более сильным колонизаторам и воюешь на их стороне.

Так случилось и со знаменитыми воинами сармато-аланами, которые массово переходили на сторону монгольских завоевателей и вместе с ними участвовали во взятии столицы Алании — Магасе. А потом ушли в Китай вместе со своими монгольскими ханами, где составили личную конную гвардию хана, о чем донесли китайские летописи. Алания погибла в яростных междоусобицах еще задолго до нашествия татаро-монгол, в противном случае она имела все шансы отразить нападение тюрков.

Не одни аланы погибли в результате ожесточенных междоусобиц, порожденных языческим сознанием. Так погибли все первые государства народов, впоследствии давших миру цивилизацию духоборчества: Греция, Израиль, Рим, Византия. Но греко-римская культура воспряла к жизни вновь в современных европейских правовых государствах, потому что она сумела изжить и перебороть языческое сознание, перерасти его в новой философии и науке духоборчества.

3. ХРИСТИАНЕ ТОЛЬКО ПО ИМЕНИ

«Аланы христиане только по имени. Если же где и есть часть Иакова, то враг и там посеял плевелы... Устами они исповедуют, едва смею сказать, во спасение, ибо не веруют сначала сердцем в правду»

Феодор Аланский в письме к Герману Второму, 1225 г.

Армения, Абхазия, Грузия — союзники Алании, как правило, выступавшие на стороне христианской Византии в ее войнах с сасанидским Ираном. И позже, после арабского завоевания Ирана, Алания остается союзником Византии (как правило, хотя далеко не всегда), принимая активное участие в арабо-хазарских войнах, остановивших экспансию арабов в Восточную Европу.

О Грузии и Армении источники пишут как об идеальных христианах:

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Южным соседом алан была Иверия — Грузия. Здесь на почве прогрессирующих феодальных отношений христианство было достаточно прочным уже в V–VI вв. Видимо, не случайно Прокопий Кесарийский сообщает, что «иверы — христиане и лучше всех известных нам народов хранят уставы христианского вероисповедания».

Нет никаких сомнений, что эта развитая энергия духоборчества сохранила грузинский и армянский народы как монолитное общество, как народ и государство. С Аланией получилось наоборот. Они не обнаружили никакой склонности к духоборчеству, оставаясь до конца свое истории, то есть до «гибель нартов» убежденными язычниками, поклонявшихся богу войны.

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Первое знакомство алан с христианством уже в V в. Имеем в виду армянский агиографический источник „Житие Сукиасянцев“, содержащий, по К. С. Тер-Давтяну, смутные отголоски действительных исторических событий (16, с. 176–185). Автор „Жития“ не известен,

время составления текста армянские исследователи относят к V в. Содержание источника таково. Когда дочь аланского царя прекрасная Сатиник (отождествляемая с нартской героиней Сатаной, 17, с. 53) вышла замуж за армянского царя Арташеса, с нею из страны алан в Армению прибыла группа сородичей. Это были „мужи видные и представительные“, царского рода и главные среди военных и дворцовых чинов при дворе царя алан. После проповеди монахов-отшельников Воскянов, явившихся ко двору Арташеса, аланы стали учениками Воскянов, были ими крещены и отправились отшельничать на гору Сукав или Джрабашх. Всего их было 18 человек во главе с Баракатрой, после крещения принявшим имя Сукиас. Аланы-отшельники Сукиасянцы отдалились от двора и царицы Сатиник. После смерти аланского царя Шапуха, знавшего Сукиаса и его товарищей, у алан воцарился Гигианос. Вскоре он узнал, что некоторые бывшие аланские военачальники много лет назад отправились с царицей Сатиник в Армению и живут там, исповедуя христианскую веру и не желая поклоняться аланским языческим богам. Об этом царю рассказали некоторые из алан, ездивших в Армению. Особенно осведомленным был некий Скуер. Аланский царь направил в Армению отряд воинов во главе с военачальником Барлахой. Перед отрядом была поставлена задача — убедить Сукиасянцев вернуться в Аланию, в случае неповиновения предать всех мечу. Барлаха разыскал гору, где находились отшельники, и предложил им вернуться. Происходит любопытный диалог между Барлахой и Сукиасом: последний подтверждает, что отшельники Сукиасянцы родом из Алании, что он сам был „вторым сановником государства“ и что имя его Баракатра. Однако вернуться в Аланию Сукиасянцы отказались, после чего были перебиты своими единоплеменниками. Отступление от языческих верований предков было наказано так же беспощадно, как это было несколько веков раньше со скифскими вероотступниками Анахарсисом и Скилом».

Мы видим, что аланы и в Византии, и в Грузии, и в Армении подтверждают свой образ язычников, безжалостно расправля-

ясь с первыми аланскими духоборцами. Это в то время, когда Армения уже всецело христианская страна, где эти первые святые аланы и познакомились с Евангелием Христа. Позже, уже после учреждения в Алании кафедры епископа Византией, епископ Аланский, Феодор, писал в письме к Герману Второму, что «аланы христиане только имени».

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Перед нами яркая картина, нарисованная не случайным очевидцем или плохо осведомленным путешественником, а высшим духовным лицом Алании. Это не вызывающая никаких сомнений картина упадка христианства среди алан — „чад неверия" — и разложения аланской церковной организации, что наилучшим образом отразилось в факте беспрепятственной узурпации кафедры самозванным „епископом"-Лазом. Не лучше обстояло дело и с аланским духовенством — „никого не было пригодного для священства" и все были „так ничтожны" в духовном отношении. ...Феодор Аланский сообщает, что он вынужден рукоположить многих лиц из тех, которые были рукоположены самозванцем, „так как опасность грозила всей церкви, и все были так ничтожны и никого не было пригодного для священства..." Отчаявшийся епископ вопрошает: „Кто я, чтобы мне быть вынужденным врачевать проповедью бедствия, одолевшие аланский народ?" Что именно имелось в виду под бедствиями, видно из всего содержания письма: Феодор пишет о простоте народа, трудности времен, о том, что „аланское племя легко может быть совращено", что их „пасет скорее смерть безверия" и что „аланы христиане только по имени". Одаренный немалым литературным даром епископ пишет об аланах: „незаконные они дети доселе, а не сыны, потому что сатана соблазнил их, чтобы не веровали истине и чтобы пребыли чадами неверия... Отличия моих пасомых — убийства прежде всего и прочие виды смертей" ...Свидетельства Юлиана ценны потому, что среди алан он провел 6 месяцев и лично наблюдал их жизнь. Юлиан сообщает, что в Алании жители представляют „смесь христиан и язычников". Таким образом, Юлиан свидетельствует о том же, что наблюдал и с такой экспрессией

описал епископ Феодор: часть алан — христиане, но большая часть язычники. Можно предполагать, что в связи с состоянием феодальной раздробленности и упадком христианства активизировались и оживились племенные и родовые языческие культы, начался процесс регенерации язычества. Нет никакого сомнения в том, что распространение христианства по обширной территории Алании сопровождалось ожесточенной борьбой этой религии с язычеством, оказавшим упорное сопротивление и глубоко укоренившимся в сознании народа. Нет также сомнений и в том, что, несмотря на свое длительное существование в Алании, христианство так и не сумело из этой борьбы выйти победителем. Относящиеся к X. в. (т. е. к начальному этапу христианизации) свидетельства Ибн-Русте и „Худуд ал-Алам“ о том, что царь алан — христианин, а большая часть жителей его царства — язычники и „поклоняются идолам“ (35, с. 221; 60, с. 160), сохраняют свое значение и позже, вплоть до крушения Алании около середины XIII в. Прямое указание на это дает упоминавшийся доминиканец Юлиан. Сказанное убедительно подтверждается археологией: языческие могильники заметно преобладают над христианскими, причем даже на территории Аланской епархии».

В то же время языческий культу войны, поклонение идолам в виде различных предметов вооружения, чрезвычайно широко развиты в средневековой Алании:

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Думается, что к числу общеаланских племенных культов следует относить и культ бога войны, персонифицированного в образе меча. Об этом в IV в. свидетельствует Аммиан Марцеллин: аланы, тогда еще не знавшие храмов, поклонялись мечу, воткнутому в землю (55, с. 305). А. Р. Чочиев пишет о „впечатляющем культе войны в скифо-сарматской среде“ (55, с. 176). В героическом нартском эпосе образ разящего и стремительного меча — молнии воплощен в образе Батраза. Герой Батраз одновременно и оружие, он „стальнорожденный“, причем закален в Черном море. Меч Батраза порой летит из моря к небу истреблять злых ду-

хов; „таким образом, есть основания считать, что этот движущийся меч заменяет героя“, — пишет Ж. Дюмезиль, считающий, что бог-меч Батраз вполне мог быть богом войны в дохристианский период истории осетин. Существует иная точка зрения, согласно которой популярнейший у осетин святой Георгий — Уастырджи, покровитель воинов и путников, „унаследовал черты того аланского бога войны, которому аланы поклонялись в образе меча“ (6, с. 12). Некоторые этнографы-осетиноведы разделяют эту точку зрения, обосновывая ее, в частности, тем, что в посвященном Уастырджи знаменитом всеосетинском святилище Реком хранились воинские доспехи Ос-Багатара и совершались различные воинские обряды. ...В осетинском нартском эпосе нередки упоминания оружия нартов, в жажде боя испускающего синий свет. Оружие и воинское снаряжение в эпосе имеют собственные имена: шлем Бидаса, панцирь Церека, Бабийский чепрак. Хахийская харх — уздечка, свидетельствующие об особом пиетете оружия в аланском обществе. Может быть, мы вправе поставить вопрос о существовании у алан своеобразного культа оружия, игравшего огромную общественную роль (вспомним аланский культ меча, описанный Аммианом Марцеллином). Это тем более вероятно, что А. Р. Чочиевым убедительно охарактеризован культ великих воинов, запечатленный в нартском эпосе (59, с. 179–182)».

В. Абаев писал по этому поводу, что христианский переворот в Алании был просто терминологическим переворотом, никак не затронувшим самосознание и верования алан, остававшихся язычниками до конца своей истории:

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Христианство в Алании вступило в сложные и далеко не во всем ясные отношения с язычеством, образовав религиозный комплекс, где древнее язычество, по выражению В. И. Абаева, играло роль религиозного субстрата (61, с. 322). В ходе этих отношений христианство было вынуждено идти на компромиссы с язычеством, приспосабливаться к нему, и религиозный „переворот“ при ближайшем рассмотрении оказывается переворотом терминологическим

и ономастическим: древние языческие обряды и празднества приурачиваются к праздникам христианского календаря по признаку совпадения дат, что показано В. Й. Абаевым и Л. А. Чибировым»

Подобно тому, как Уастырджи — это адаптированный к христианству бог войны и кавалерии, так «Мады Майрам» — это адаптированная к христианству богиня очага, культ которой был очень развит в языческой Алании. Соответственно, священной книгой осетин также остается нартский эпос, в котором сосредоточен сакральный культ бога войны, тогда как знакомством с текстом Евангелия могут похвастаться только единицы, как было и во времена Коста, христианского духоборца Осетии.

Праздничное утро

Занялася заря… Вот и звон из церквей
С вестью радостной мир облетает
И к святым алтарям миллионы людей
Поклониться Христу призывает…

Разодетой толпой, как большой маскарад,
Наполняют они все молельни,
И бедняк и богач в ожиданье наград
Раболепно склоняют колени.

Пред святым алтарем с площадным хвастовством
Ставят ярко горящие свечи
И под маской смиренья внимают потом
Пенью клира и пастырской речи…

Так исполнив обряд поклоненья Христу,
Богу братства, любви, всепрощенья,
Пред уходом спешат приложиться к кресту
В фарисейском самообольщенье.

И затем… Все забыв, предаются опять
Своим мелким житейским занятьям…
О, когда же, когда захотите понять, —
Что Христос доказал вам распятьем?

Много ль нужно еще вам позорных веков,
Чтобы силой Христова ученья
Жизнь избавить свою от тяжелых оков
Повседневных пиров и безделья?

Много ль нужно еще вам позорных веков,
Чтоб Христа вы врагам не предали
И пред казнью его вы у мрачных голгоф
Так безумно «распни» не кричали?

Сколько нужно еще вам позорных веков,
Чтоб за братство, любовь и свободу
Не боялись цепей и терновых венков,
А несли бы с ним крест на Голгофу?!

Коста Хетагуров

ГЛАВА 3
НЕСПОСОБНОСТЬ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

1. Великие наездники Аланы
2. Раздробленность и предательство
3. «Прислужник» у Коста

1. ВЕЛИКИЕ НАЕЗДНИКИ АЛАНЫ

Неслучайно самый любимый бог осетин — Уастырджи — восседает на прекрасном коне. Своего рода осетинский кентавр, который подобно греческому Хирону воспитывает и покровительствует героям-воинам. Это изначально бог войны и бог конных воинов. В. Кузнецов пишет, что древнеиранское происхождение культа коня установлено новейшими исследованиями. Аммиан Марцелин, в приводившемся выше отрывке, пишет об аланах, как о племени, как бы сросшимся со своими конями, так что молодые воины подобно кентаврам не мыслят себя пешими.

Военная отвага и искусство боя, особенно конного боя, — факт, который не ставится под сомнение ни одним исследователем. Именно кавалерия, конница алан составляла боевую силу, которая часто служила решающим тараном в античных и средневековых войнах. Историки даже пишут, что решающей Адрианопольской битве, после которой Римская империя уже не оправилась, именно аланская конница сыграла главную роль. Здесь также важно отметить, что аланы не были способны к политической жизни и не умели выбирать союзников и отстаивать мировоззренческие, партийные, религиозные интересы. Они сражались за деньги или за земли, или же с теми, кто их покорил и подчинил, и часто оказывались на стороне своих недавних врагов.

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Осенью 376 г. остготы и вестготы, толкаемые разразившимся голодом и гуннской опасностью, вторглись во Фракию, грабя все на своем пути. Че-

рез год у Маркианополя состоялась битва вестготов с римлянами, вестготы были разбиты и призвали на помощь остготов и алан. Последние на этот раз выступают на стороне своих недавних врагов. Римская армия во главе с императором Валентом (отсюда становится ясным, какое значение в империи придавалось вторжению объединенных сил варваров) двинулась навстречу союзникам. 9 августа 378 г. состоялось решительное сражение под Адрианополем. Римляне потерпели страшное поражение, аланская и остготская конница рассеяла ряды римлян, а вестготы изрубили римскую пехоту. Пало до 40 тысяч римских легионеров, погиб и император Валент. По оценке видного советского историка Н. А. Машкина, „битва при Адрианополе имела огромное всемирно-историческое значение", ибо она нанесла Империи удар, от которого Рим не сумел оправиться. В Адрианопольской битве аланская конница, по свидетельству Аммиана Марцелина, сыграла решающую роль».

Аланская конница сама по себе, безотносительно к политическим силам на стороне которых она выступала, привлекла и римских императоров. Если в Адрианопольской битве конница алан нанесла решающее поражение римской армии, то при императоре Грациане она же составляет гордость и радость римского императора, который даже погиб от чрезмерной любви к ней.

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Упомянутый император Грациан привлек алан к службе в римской армии, сформировал из них гвардейский отряд и включил его в нотиции — списки армии. „Пристрастие императора к этим новым варварам шло так далеко, что он появлялся пред войсками в аланском национальном вооружении и совершал походы в этом наряде. Явное пристрастие императора к своим фаворитам, которых он привлек к себе за большие деньги и всячески отмечал, навлекло на него раздражение в войсках и послужило поводом к его гибели", — пишет по этому поводу Ю. А. Кулаковский (11, с. 26–27). Но и после смерти Грациана аланский конный отряд в соста-

ве римской армии уцелел, и в начале V в. он упомянут в Notitia Dignitatum как самостоятельное подразделение при начальнике конницы комите Алан (11, с. 27; 8, с. 132). Не исключено, что эти аланы при императоре Западной Римской империи Стилихоне (395–408 гг.) участвовали в отражении вторжения германских племен в 402 и 405 гг.»

Тем не менее, несмотря на чисто физическую мощь и отвагу, аланы не способны к политической жизни, а значит не способны стать единым народом и монолитным государством. Каждый воин в отдельности — непобедим в одиночном поединке, все племя алан — бесконечно слабое своей разрозненностью и противоборством. В итоге, аланы никогда не имеют самостоятельного государства и политики, но служат своим хозяевам: тем, кто окажется достаточно сильным, чтобы их подчинить.

Сначала — хазарам, потом — татаро-монголам. К русским они придут сами, и по той же причине: они не способны к самостоятельной политической жизни.

Однако, все цари, подчинившие аланов, отдавали должное мощи их конной армии, активно привлекая аланов на службу в свои войска, и более того, отбирая их в качестве личной гвардии царей и ханов.

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Итак, из аланов-асов состояла личная гвардия хазарского царя в количестве 7 тыс. человек. Нам важно отметить то, что целый контингент алано-асов во главе со своим тарханом находился на службе в столице Хазарского каганата и играл здесь не последнюю роль. ... В Китае аланы составили отборную пекинскую гвардию монголов. О ее положении свидетельствует флорентийский епископ Джованни Мариньоли, несколько лет живший в Китае и лично наблюдавший алан: „Всех выше (стоят) также князья его государства, более 30 тыс., которые зовутся аланами и управляют всей Восточной империей. Они христиане..., благородный род аланов, являющихся ныне величайшим и благороднейшим народом в мире; всех красивее и храбрее мужи их, с помощью которых татары овладели Восточной империей и без которых

никогда не достигли бы славной победы. Ибо собрал Чингиз-хан, первый царь татарский, их князей, числом 72, когда по воле божией захотел покарать мир“ (34, с. 62). Панегирическая характеристика алан может показаться преувеличенной, но не надо забывать, что Мариньоли был епископом у алан в Китае и, судя по этому обстоятельству, аланы здесь были из православного христианства обращены в католичество».

Интересно современное воплощение этой любви к кавалерии в Осетии. Род Кантемировых в начале прошлого века основал первый отечественный театр конно-циркового искусства, получившего мировое признание. Многочисленные государственные и международные награды конного цирка народного артиста Алибека Кантемирова так многочисленны, что его сыну народному артисту России Мухтарбеку уже ничего не стоило открыть свой Московский конный театр «Каскадер», а также Федерацию боевого метания «летящий нож». Вот что он сам говорит о традициях своего конного театра в интервью по поводу участия в фильме Юлия Гусмана «НЕ бойся, я с тобой»:

«— Что означает ваша фамилия?

— У нас династия воинская, слово «кан» означает кровь, а «темир» — железо. Получается, Кантемировы-Железнокровные. Так что сам Бог велел быть при лошадях и оружии.

— Как получилось, что воины пошли по цирковой стезе?

— А где еще применить наше искусство? Таким образом, мы продолжаем традиции и храним честь наших предков. Изначально все наши конные трюки были боевыми приемами, помогавшими воину выжить в сражении.

— В кино вы играли положительных героев, в жизни тоже производите впечатление очень доброго человека. Откуда такое пристрастие ко всему воинственному?

— Что поделать, видимо, гены виноваты. Да и основными семейными реликвиями Кантемировых, передающимися от отца к сыну, всегда было оружие. У меня хранятся древняя шашка и кинжал, некогда принадлежавшие моим предкам»

Григорий Токати в интервью Акиму Салбиеву в Лондоне так ответил на прощальный вопрос о пожеланиях осетинам:

— У вас есть танцы с ножами. Это героически и артистически. Но это нецивилизованно. Это раскрывает ваше состояние, но не доказывает, что это хорошее состояние.

По существу, он назвал осетин варварами и язычниками, и завещал работать над изживанием этой «опасной болезни». «Есть маленькие народы, которые цветут как весенний луг», а осетины продолжают танцевать варварские танцы с ножами и хвастать своими воинскими навыками. Этот случай с конным цирком Кантемировых полностью подтверждает его слова: пристрастие к воинским обычаям предков проявилось не только в конном театре «Каскадер», но и в открытии Федерации боевого метания «Летящий нож». Что сказал бы Григорий Токати? Хотя безусловно, это героически и артистически, но лучше бы осетины уже стали больше думать о духоборчестве, чем о сохранности военных обычаев предков. «И обновленный мир отдастся вечно миру, С презреньем бросив нож, запекшийся в крови», говорит Коста.

2. РАЗДРОБЛЕННОСТЬ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Мы видели, что страны, где уверено утвердилось христианство остались единым народом, монолитным сообществом, государством. Мы также могли видеть, что Аланию, оставшуюся верной своим языческим идолам, разметало также, как разметало языческую Грецию и языческий Рим за много веков до этого. Однако, греко-римская культура не была только языческой, и оставила широкое философское наследие, в том числе в виде метафизики христианства. Это и дало толчок возрождению греко-римской культуры.

Сумеют ли осетины приобщиться к греко-римской культуре или так и останутся героями нартского эпоса, реализующими свои мечты в конных цирках и федерациях боевого метания ножей?

Нарты погибли. Аланы тоже погибли. Тацит пишет, что «аланы по обычаю, принятому у этого народа, помогли и тем и другим». Они настолько любили войну, и настолько не были способны к духоборчеству, что им было совершенно все равно на чьей стороне сражаться: им платили обе стороны и они сражались одновременно на обеих сторонах. Как все военные народы, они признают грабежи и не признают земледельческого труда оседлой жизни: сказания нартов — это былины о военных походах, где можно ограбить богатых алдаров и принести домой много богатой добычи. Правда с условием: все поделить по справедливости и раздать беднякам.

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Уже в 35–36 гг. аланы участвуют в иберо-парфянской войне на стороне иберов. Вот что свидетельствует по этому поводу Тацит: «Фарасман (царь Иберии — Грузии. — В. К.) присоединяет албанов и призывает сарматов, князьки которых, получив дары с обеих сторон, по обычаю своего племени помогали и тем и другим» (64, с. 211). В сарматах Тацита мы вправе видеть алан. ...Следует также обратить внимание на опустошительные набеги алан в первых веках н.э. на Закавказье и Ближний Восток. Они носили грабительский характер. Выраженная тенденция к военной экспансии — выражение специфики «военной демократии».

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Как видим, в ходе ирански-византийских войн 6 века аланы выступают то на стороне персов, то на стороне византийцев. Мы не осведомлены достаточно хорошо о всех перипетиях этих вон; иначе, возможно, мы знали бы и случаи одновременного участия алан в обоих враждующих лагерях. ...Говоря о политической неустойчивости алан, находившихся между Ираном с одной стороны и Византией с другой, мы должны также учитывать тот исторический контекст, который был фоном событий. Ирано-византийские войны вызвали поляризацию политических сил на Кавказе; в Армении и Грузии существовали и противодействовали феодальные группировки, одни из которых ориентировались на Иран, другие — на Византию.. Те же явления могли иметь место и в Алании, хотя

по уровню своего социально-экономического развития она безусловно уступала Армении и Грузии, и политическая жизнь здесь еще не имела столь сложных и развитых форм. Подобно аланам савиры служили и персам и грекам. В 572 г. Война возобновилась и вновь гунны-савиры и аланы выступают то на стороне Ирана, то на стороне Византии. Из рассказа Менандра следует, что раньше эти аланы и савиры служили за деньги персам: император дал им сумму вдвое большую, чем они получали от персов. Важнейшим же последствием ирано-византийских войн было взаимное ослабление Византии и Ирана и их неспособность в дальнейшем оказывать сопротивление арабским завоевателям, захватившим в 8 веке и Кавказ»

«Десятый век стал „золотым веком" в истории Алании, временем ее наибольшего военно-политического могущества, четко зафиксированного в исторических источниках. Разноязычные и не зависящие друг от друга авторы единодушны в своих высказываниях». Однако, продолжает В. Кузнецов, у же в 11 веке летописи говорят не о царе Алании, а о нескольких царях. Процесс централизации государства был совсем коротким и стал просто остаточным явлением после централизации под властью хазарского царства.

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «В первой половине XIII в. феодальная раздробленность Алании стала настолько типичным явлением, что, прямо или косвенно, фиксировалась современниками. Наиболее ярко этот „удельный период" описал лично побывавший в Алании в 1236 г. доминиканский монах — венгр Юлиан. Как свидетельствует Юлиан, в Алании „сколько селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села. Во время пахоты все люди одного селения при оружии вместе идут на поле, вместе также и жнут и так делают по всему пространству той земли; и если есть у них какая-либо надобность вне селения, добыча ли леса и другая работа, то они равным образом идут все при оружии... у них человекоубийство не считается ни за что" (100, с. 78–79).

О том же почти одновременно с Юлианом пишет аланский епископ Феодор: „... Отличия моих пасомых — убийства прежде всего и прочие виды смертей“ (101, с. 27). Политический распад недостаточно прочного государственного объединения, усиление феодалов на местах привели к тому, что центральная власть в стране стала фикцией, ослабли и без того непрочные экономические связи между различными районами Алании, оказался разрушенным наметившийся прогрессивный процесс этнической консолидации племен и сложения аланской феодальной народности. Страна была раздираема междоусобицами, помноженными на пережитки патриархально-родовых отношений. Источники XIII в. аланских царей уже не знают. Ко времени татаро-монгольского нашествия Алания распалась на ряд более или менее крупных феодальных владений, враждующих между собой. Все это, вызванное далеко зашедшей феодализацией, облегчило татаро-монголам завоевание Алании и обусловило ее катастрофу».

Аланы настолько интенсивно уничтожали друг друга и испытывали такую жгучую ненависть друг к другу, что татаро-монголам не составило никакого труда их завоевать. Нарсткий эпос с исключительной правдивостью зафиксировал эту взаимную ненависть аланов друг к другу: «Нартская молодежь радуется беде, приключившейся с братьями Ахсаром и Ахсартагом, и смеется над их стариком-отцом Уархагом просто из зависти к силе его сыновей. Великий нартский герой Сослан участвует в убийстве отца Батраза, другого великого нарта, который не раз спасал его из беды. Род нартов Бората заманивают старика Урузмага к себе на пир, прознав, что род Ахсартагата ушел в поход и старик остался один, чтобы убить его и завладеть его богатством. Батраз, бог-меч нартов жестоко мстит за попытку убийства своего родича: так погиб род Бората, не было такого избиения со времен Сухского побоища. Сырдон участвует в убийстве всех нартских героев, играя на зависти и ненависти нартов друг к другу. Прав Батраз, когда восклицает:

«Такого позора никогда не бывало еще среди нартов. Да погибните вы нарты! Право лучше было бы мне видеть гибель всего вашего рода, чем узнать какое черное бесчестье перенесли вы от этого черного осла. Сражаться вы не сможете, но хоть издали посмотрите как стану я с ним биться»

В. Кузнецов «Очерки истории алан»: «Военно-политическое крушение Алании является результатом не только превосходства монгольской армии в организации и боеспособности, в умении наносить мощные стратегические удары, но и в целом ряде причин внутреннего порядка. Об основной из них — феодальной раздробленности, междоусобицах и неспособности объединить все свои силы — мы уже говорили. Второй немаловажный фактор — предательство многих крупных аланских феодалов, поступившихся национальными интересами ради сохранения своих классовых позиций и переметнувшихся в стан врага. Так, в китайской хронике «Юань-ши» упоминается имя аланского военачальника Матярши, брата Бадура. Когда начался татаро-монгольский поход на Аланию, Бадур и его братья Уцзорбухан и Матярша «с народом пришли с выражением покорности». Затем Матярша ходил с Монке походом на город Май-гэ-сы и был начальником авангарда. В него попали две стрелы, но, воодушевленный храбростью, он овладел городом» (12, с. 299). Аланский феодал, как видим, участвует в осаде аланского города Магас и даже командует авангардом. Еще более красноречивые факты связаны с именем Еле бадура (Ильи багатура): «Юй ваши был ас. Его отец Еле-бадур пришел с правителем его государства и подчинился Угэдэю. Ему было повелено быть в гвардии... особо был учрежден отряд асов и ему было поручено командовать ими» (12, с. 288). Кто имеется в виду под «правителем его государства» — не ясно; скорее всего в нем следует видеть одного из крупных аланских князей, близко напоминающих удельных князей Руси. Но главное не вызывает сомнений — и «правитель государства», и Илья, и его сын Юй-ва-ши в трагические дни для Алании перешли на сторону татаро-монголов. Также поступил еще один знатный

ас Хан-ху-сы: «Хан-ху-сы был родом ас. Он был правителем владения асов. Когда войска Угэдэя достигли границ его (владения), Хан-ху-сы с народом подчинился Угэдэю», — сообщает «Юань-ши». За это Хану-ху-сы было пожаловано монголами звание «бадура», дана была золотая пайцза и повелено было властвовать над своею землею и народом» (12, с. 282–283). Аналогичные сведения «Юань-ши» сообщает об асах-аланах Арсалане и его сыне Асан-чжэне и о Негулае (Николае. — В. К.): Арсалан явился к монголам с изъявлением покорности в то время, когда Монке «окружил войском его город», Николай и Илья с 30 асами пришли и подчинились «во время царствования Монке» (12, с. 292). Разумеется, в «Юань-ши» приведены не все случаи измены аланских феодалов. Но и то, что известно, рисует довольно яркую картину сдачи целых районов Алании без боя. Четкую оценку этих событий дает та же «Юань-ши»: «...Бату, с другими князьями, покорил роды Канли, Кибча (оба кипчаки. — В. К.), разбил города рода Орусы и людей их всех или убил, или пленил; только народы Асут и других городов частью полонены, частью сами поддались» (17, с. 155). Непокорившиеся же громились татаро-монголами поочередно и становились для них сравнительно легкой добычей. Здесь нет возможности перечислять имена всех асов и их деяния во славу монгольского оружия, запечатленные в «Юань-ши». Оценивая деятельность алан-асов на Востоке, Ю. Н. Рерих отмечает: «Под знаменем монгольских ханов меч алан снова начертал славную страницу своей истории». Однако мы не можем эту романтическую оценку принимать безоговорочно — аланский меч сплошь и рядом карал непокорных, осмеливавшихся восстать против ига оккупантов, которым этот меч служил верой и правдой»

В конечном итоге, вся боевая удаль аланов-нартов, все их конное искусство не стоять выеденного яйца. Выясняя на протяжении всего нартского эпоса, «кто лучший из нартов», они уничтожают друг друга, и в жизни оказываются заурядными предателями, которые в критический час покоряются силе за-

воевателей и продолжают с энтузиазмом воевать уже на стороне оккупантов, приводя к повиновению агрессорам другие народы, бывшие свободными до них.

3. «ПРИСЛУЖНИК» У КОСТА ПРИСЛУЖНИК

Как не заметить в стаде нам
Бычка-красавца молодца?..
Не тайна — честных имена.
Не тайна — имя подлеца.
Скажу: средь русских вырос я —
Вина их не держал во рту...
Чего стесняться нам, друзья?
Поговорим начистоту.
А что сказать? Куда ни шло,
Скажу, что говорил всегда:
Прислужник — вот позор и зло,
Погибель наша и беда!
Волчиха стадо в поздний час
Разгонит по полю, во тьму.
Прислужник сделался сейчас
Алдаром, стал главой всему.
Не может даже скот считать
Чужой семью своих коров.
Прислужник ближнего бросать,
Как злобный враг, в огонь готов.
Больные все в одном равны —
Лишь о своей болезни спор.
Прислужник для моей страны —
Ее болезнь, ее позор!

Коста Хетагуров

Мы уже говорили, что Коста не был националистом, но как все духоборцы оставался космополитом на службе у человечества.

Он одинаково презирает порок и у осетин, и у русских. И одинаково восхищен добродетелью, какому бы народу она не принадлежала. Там, где надо сказать, что власть русских открыла путь к просвещению — он прямо пишет в посвящении своему учителю Неверову, что «приволье дикарей не есть свобода», и что этому его научили русские. Русских приобщил в свое время к греко-римской культуре Петр Великий, последний царь и первый император россиян, принявший этот титул в знак принятия наследия греко-римской цивилизации. И действительно очень много сделал для просвещения в России.

В песне «Прислужник» Коста одинаково высмеивает порок и у русских, и у осетинов, — ведь зачатки просвещения привитые Петром не сделали еще Россию свободным государством. Он говорит о несправедливости, коррупции со стороны русских властей, и в то же время о низкопоклонстве осетинов, которые, подобно своим далеким предкам, подчинившимся сначала хазарским царям, потом татаро-монгольским ханам, становятся на службу царской тирании. Более того, вся история аланов — это история торговли своей военной силой, — силой, которая никогда не стояла на службе истины и совести.

Все то же самое имеет место быть и в современной Осетии. Россия, приобщив Осетию к базису греко-римской культуры, бесспорно стала для осетинов воротами в просвещенное, цивилизованное человечество. Так или иначе, но русский язык — один из немногих мировых языков, которые открывают доступ ко всей мировой культуре. Россия, в моем представлении, европейская страна, которая рано или поздно, но обязательно движется тем же путем, что и все страны, унаследовавшие греко-римскую культуру. И Революция — это безусловно одна из самых фундаментальных закономерностей этой культуры. В этом смысле, свержение царской власти и переход к республиканской форме правления при всех оговорках особенностей марксистской революции — глубоко европейский в своей сути процесс. Осетины стали частью Европы, присоединившись к России, получили доступ к образованию, увидели, что царей

можно свернуть, и познакомились с основами теории демократического общества и правового государства. В этом несомненный положительный результат союза с Россией. Закон и порядок, просвещение и христианство — все это было необходимо варварскому обществу осетин.

Однако, была и оборотная сторона. Вместе с просвещением и теорией правового государства пришли и тирания советского режима и коррупция современного режима. И теперь также, как когда «прислужники» тирании царей, о которых плакал Коста, также как личные гвардии хазарского царя и монгольского хана, полно желающих выслужиться во чтобы то ни стало, потому что культ силы по прежнему в основе осетинской культуры, а значит прав тот кто сильнее. Никто не скажет подобно Коста и Газданову, что лучше найти свой клочок земли для могилы, но не торговать добродетелью. «Умными» как говорит Газданов, считаются те, кто всегда на стороне корысти и силы, а духоборцы подобные ему — «сумасшедшими». В этой связи уместно вспомнить одно из расследований Навального о коррумпированности осетинского офицера в высших эшелонах силовых ведомств России.

Но и это еще не все. Мой личный опыт столкновения с местным правительством очень невелик. Мой отец много лет был заместителем министра сельского хозяйства, но к правительству фактически отношения не имел. Он состоял на этом посту как лучший агроном республики, но не имел отношения к властной верхушке. Сама я позже сталкивалась с представителями этой властной верхушки, и у меня сложилось крайне негативное впечатление о порочности людей, ее представляющих. Это было похоже на «мафию», то есть коррупцию в том смысле, что это был союз людей, пользовавшихся властными полномочиями для грабежа и насилия. И в этом они могли таится не только от российской законной власти, но и от российской мафии, действуя самостоятельно. Это только мои предположения и прозрения. Но если даже сотая часть верна, то власть России спасла рядовых осетин от этой отвратительной элиты насильников, которые

в средневековье превратили жизнь людей в ад постоянными войнами и грабежами.

С чем сталкивалась я сама? На меня было совершенно два нападения, и оба очень серьезные, так что у меня не осталось сомнений о масштабах произвола и разгуле коррупции в органах местной власти. Один раз когда мне в поезд посадили убийцу. Такого мое убеждение, хоть доказательства, понятно, отсутствуют. Меня поразило не это, у аланов, как известно,«человекоубийство ни за что не считается». Меня поразила слаженная работа команды на всех уровнях, которые выполняли это варварское, нелепое и позорное поручение как долг чести, с радостью и гордостью. Началось все с того, что я прибыла в аэропорт ни свет ни заря, и охранник подозрительно поинтересовался куда я так спешу, если первый самолет только через несколько часов, потребовал паспорт. Тогда я уехала догонять питерский поезд в Беслане. На вокзале я поняла, что меня уже ждали, а значит, охранник кому то сообщил. Я действительно хотела сбежать из города, потому что средний брат предупредил меня, что меня готовятся заточить в психушку. Я примерно знала, кто те люди, которым я мешала: те, кого я обвиняла в криминальном вмешательстве в дело о наследстве. Но как же все эти люди оказались так плотно связаны, от охранника аэропорта до кассира вокзала и директора поезда? Когда я подошла купить билет, меня отослали в специальную кассу. Вскоре к этой кассе подошел крепкого сложения мужчина с мешочком за плечами. Окно открылось и женщина продала мне билет: есть только один билет, сказала она. Значит, мне дали заранее определенное место. Потом подошел к кассе этот мужчина с мешочком за плечами. Женщина не стала при мне с ним разговаривать: идите, ваш поезд уходит. Я поторопилась на поезд: «а билетов же больше не было?». И почти не удивилась, когда этот невысокий плотный мужчина сел напротив меня. Я моментально все поняла. Но удивляться мне еще пришлось, когда я увидела, что и директор поезда и проводницы — все действуют заодно. Первым моим побуждением было, разумеется,

убежать подальше от этого гражданина. Что я и сделала, покинув свой плацкарт и разместившись в первом свободном купе. Какого было мое удивление, когда меня с шумом обнаружила там сама директор поезда, и грозно мне выговаривая, погнала меня назад, на мое место. Если вы хоть раз ездили в поезде вы знаете, что проводницы сами ищут как устроить пассажиров поудобнее за небольшую плату, и никогда это не вопрос директора поезда. И это еще не все. Эта женщина, директор поезда, караулила меня все время пока я оставалась в поезде, и вела с кем то активные переговоры по телефону. Также вели себя и проводницы, правда не все, нашлась и такая которая покраснела от стыда и ужаса, и видимо просила отпустить меня. Тогда я спаслась: выскочила на станции, где поезд стоял всего три минуты и пересела в другой поезд, следовавший в Москву. Меня попытались остановить силой, но к тому времени я уже подняла такой скандал в поезде, что открыто насильничать они не решились. Я прямо называла их убийцами и кричала во весь голос, что если к утру я не буду жива, вот имена директора поезда и проводников. Это подействовало, и я смогла выйти оттуда целой и невредимой. Однако удивлению моему не было конца. Значит, люди вот так вот пропадают в поездах? Значит, на самом деле есть люди с такой извращенной черной порочной совестью, или вернее совсем без совести? И тем более в элите? Да, для меня это было открытием. И еще хочу подчеркнуть, что такое случилось только один раз, а ездила я в поездах десятки раз, и именно тогда, когда у меня был конфликт с нотариусом З. Агузаровой по делу о наследстве моего отца.

Был еще один случай нападения на меня в республике, тесно связанный с первым, судя по всему. Это случилось через шесть лет после смерти отца, в 2015 году. Как раз накануне полученной мной травмы в Москве. Сначала на меня напали в Осетии, 7 марта 2015 года. И только потом меня покалечили в Москве 21 марта 2015 года. Меня просто в наглую скрутили и увезли в психушку, не обращая никакого внимания на мои

крики «Помогите!», и на мои бешенные, отчаянные протесты. Как в прошлый раз меня больше всего поразили не жестокость, а абсолютный произвол местных властей и слаженность работы силовиков и простых людей, «прислужников», которые рады и горды были помочь в таком низком деле. Предлогом для нападения сделали тот факт, что я поднялась на крышу. Нужны комментарии? С каких пор это криминальное мероприятие? Полицейский который привез меня в психушку при мне записал там, что спустилась я сама, и что я поднималась делать фотографии. Несмотря на это, вызвали скорую помощь с «психиатрами» опять таки безо всякого права подвергать меня насильственно обследованию, и насильственно увезли меня в психушку. Это была пятница 7 марта, так что мне пришлось ждать врача до понедельника 10 марта в психушке. Просто ждать врача, чтобы она вынесла свой вердикт. Эти люди очень старались сломать меня за это время. Врач попробовала меня шантажировать: подпишите добровольное лечение и выйдите через 10 дней, а так, через суд, может затянуться на месяцы. Я конечно поняла, что она врет. Тогда они отпустили меня в тот же день. Однако, при поступлении, несмотря на то, что согласно показаниям полицейского который меня привез они не имели права меня задерживать там ни минуты (поднялась на крышу делать фото и сама спустилась), все врачи, а еще вызвали какую то древнюю осетинскую бабушку, назвавшуюся заведующей, свидетельствовали, что я больна. Эта «заведующая» заявила мне в глаза, хотя я видела ее в первый раз: «Это острая больная, я ее хорошо знаю». Меня отпустили в понедельник не потому, что я благополучно прошла осмотр «врача», а потому что успела сделать публикацию в ФБ о незаконном заточении. Кто бы помешал этим людям поставить какой угодно диагноз и разрушить мой мозг и мою психику в стенах этого могильника? Тем более, что люди которых я там встречала свидетельствовали тоже самое. Эти два случая столкновения с местными силовиками создали глубоко негативное представление о коррумпированность местных силовых структур. Конечно, российские силовики тоже знамениты своей

коррумпированностью, однако, в разные времена в разной степени, и там хотя бы на теоретическом уровне имеется понятие о правде и законе, о совести и справедливости. Я на своей шкуре прочувствовала коррумпированность российских силовиков также как увязшие в пороке местные силовые институты. Тем не менее, российское государство — это попытка построить правовое государство на базисе опыта мировой цивилизации. Нет сегодня в мире совершенно свободных от коррупции государств. Говорить приходится только о степенях, и о наличии или отсутствии культурного правового базиса. В Осетии он отсутствует, в Москве присутствует. Поэтому хорошо, даже абсолютно необходимо чтобы современная Осетия находилась под властью России. Да, меня покалечили российские спецслужбы, но российская наука дала мне возможность выучиться. Да, конкретные люди и конкретные научные институты мешали моему становлению как ученому, но российская культура дала мне русский язык, а вместе с ним ключ к мировой культуре. И я уверена, приедет время, когда российские правоохранительные органы и российская интеллигенция первыми осудят беззаконие в отношении меня. Порочна не Россия, порочны режимы.

Я много писала в своих книгах о нелепости теории «национальных суверенитетов», на которых стоит современная политическая теория, и особенно ей привержена политическая теория современной России. Я твердо стою на политической теории Эйнштейна и Рассела, отрицавших национальные суверенитеты, и провозглашавшие естественное право и международное правительство. С этих позиций нет понятия униженной нации, подчиненной нации, потому что нет понятия суверенной нации. Есть международное сообщество, естественное право, общее для всего человечества, и союз отдельных обществ и государств.

ГЛАВА 4
ДУХОБОРЧЕСТВО КОСТА ПРОТИВ ИДОЛОВ НАРТОВ

«Вот почему мои песни звучали
Многим как звон поминального дня
Кто не изведал борьбы и печали
Тот за других не страдает любя»

Коста Хетагуров

1. Язычество и Духоборчество
2. Культ войны в нартском эпосе и в истории сармато-алан
3. Духоборчество Коста Хетагурова

1. ЯЗЫЧЕСТВО И ДУХОБОРЧЕСТВО

Осетины привыкли смешивать все факты своей истории, которыми по их мнению они могут гордиться в один большой алтарь осетинской культуры, традиций и обычаев, которым они поклоняются. Такой подход чреват не только искажением истины и истории, но и просто опасен, поскольку упускает из фокуса внимания основной движущий механизм исторического процесса, ось мировой истории в полном смысле этого слова — противоборство и противостояние мифологического и рационального сознания, которое проходит красной нитью через все историю человечества, не только историю осетинов.

Осетины не видят никакой принципиальной разницы между творчеством Коста Хетагурова и Гайто Газданова с одной стороны и «аланским наследием» в виде архаичного мифологического эпоса о приключениях нартов. Литературным гениев первых гордятся также как варварской историей сармато-аланов и древностью их мифологического наследия.

Между тем, Коста, даже если сам он прямо не ставил вопрос таким образом — это Будда, Христос, Лютер своего народа, который выступил против языческого идолопоклонства в пользу духоборчества.

«Зачем поэт, зачем великий гений
Явился ты так рано в этот мир —
Мир рабства, лжи, насилья и гонений,
Мир, где царил языческий кумир?»

Коста Хетагуров

Даже если эта красная нить всеобщей истории человечества, эта ось мировой истории противоборства язычества первобытного сознания и духовности интеллектуального сознания не имела пока случая проявиться в недрах самого осетинского общества, она очень четко и ясно обозначилась в в трудах гениев осетинского народа: Коста Хетагурова и Гайто Газданова

Именно поэтому для становления осетин как части мировой научной культуры человечества очень важно правильное понимание истории своего народа с точки зрения противоборства язычества и духовности. Нельзя соединять творчество Коста и Газданова с нартским эпосом, нельзя соединять варварскую историю сармато-аланов с историей современной Осетии. Григорий Токати — другой выдающийся интеллектуал осетинского народа — очень правильно в этой связи замечает и предостерегает осетин не делать варварство древних иранских племен, от которых происходят осетины, предметом гордости и подражания самого по себе. «Будущие поколения еще могут пожалеть, что вы взяли себя самоназвание Алания», — сказал в интервью Акиму Салбиеву. Он совсем не гордится тем фактом, что сармато-аланы в этом мировом противоборстве варварства и просвещения выступили на стороне варварства. Да, варварами разрушившими античную греко-римскую цивилизацию были и германские племена. Однако, только гитлеровская пропаганда делала предметом гордости варварскую, языческую историю германцев, тогда как просвещенные немцы помнят свою историю, но четко разделяют период варварства и язычества с одной стороны и период христианства, возрождения и просвещения с другой стороны.

Осетинам тоже очень важно для будущего их развития и становления как части мировой цивилизации научится разделять

варварскую, языческую историю своего народа и христианскую, духоборческую историю своего народа, пусть даже она запечатлена пока только в единичных гениях и духовных вождях. Тогда они имеют все шансы со временем стать часть мирового культурного наследия и приобщиться к духовности не только гениев своего народа, но и всех мировых гениев духоборцев, отважно боровшихся с варварством язычества на протяжении всей истории цивилизации.

Противоборство мифологического и рационального сознаний четко фиксируется в мировой гуманитарной науке на всех уровнях анализа:

• на этико-религиозном: начиная с Пифагора, Сократа и Платона в греческой философии и начиная с Заратустры, Исайи, Христа, Будды в мировой религиозной мысли. Этика Спинозы, Руссо, Кьеркегора, К. Ясперса, Э. Ренана, Ж. Бенда, Бертрана Рассела и др философов

• на уровне психологической науки: гуманистическая психология К. Хорни, Э. Фромма, А. Маслоу, К. Роджерса, Г. Олпорта, А. Адлера, В. Франкла четко разделяет уровни «истинного Я» и «ложного Я», доказывая наличие «центрального личностного конфликта» по выражению К. Хорни в ядре психики каждого человека. Эксперименты С. Миграма «Подчинение авторитету» доказали наличие такого внтрепсихического конфликта у каждого человека уже на эмпирическом уровне

• на уровне антропологической науки: исследования первобытного сознания Леви-Брюля, доказывавшего конфликт двух качественно различных уровней сознания в человеке: дологичного мифологического сознания и логичного и научного сознания; «Социальная статика» Герберта Спенсера, где он противопоставляет «обожание силы» варварского сознания и этическое сознание цивилизованного человека

• на уровне мировой истории: религиозные революции Заратустры в Персии, в Будды, Шанкары в Индии, Исайи в Израиле, Пифагора и Платона в Греции; христианская революция в языческом Риме; религиозные революции Реформации Люте-

ра, Кальвина, Яна Гуса, Виклифа, Джордано Бруно в средневековой Европе. Возрождение и Просвещение, противоборство науки и догмы церкви

Специалисты по исторической этологии — науке, изучающей моральные ценности различных эпох и народов, — делят все человеческие культуры на «культуры вины» и «культуры стыда».

В многочисленных своих трудах на тему этого противоборства мифологического и рационального сознаний я многократного приводила развернутые цитаты из трудов перечисленных выше авторов или же на темы упомянутых исторических и социологических фактов. Пятая, энергетическая формулировка этого внутрипсихического конфликта двух разных энергий сознания дается в моей научной работе — «Теория психической энергии» — разработке которой посвящены большинство моих трудов как ученого.

С точки зрения теории психической энергии, центральный внутренней конфликт между «Истинным Я» и «ложным Я», о котором пишут гуманистические психологи — это две антагонистичные энергии психики, образуемые двумя различными силовыми полями психики:

1. Поле Эгозащиты (тщеславия, стыда): Эго и СуперЭго, обнаруженные Фрейдом, получают свое научное объяснение как противоположные полюса силового поля Эгозащиты. Характерными для этой энергии является невежество, жестокость, злорадство, больное самолюбие и страх позора, страх сверхъестественных сил, культ войны и физической силы, насилие и подчинение, раболепство и хамство, садомазохизм, лицемерие и хитрость

2. Поле Интеллекта (совести, сочувствия): мышление и законы природы образуют противоположные полюса этой духовной энергии, берущей начало в метафизике интеллекта. Характерным для этого силового поля является развитый интеллект, работоспособность, совесть и сочувствие, искренность и взаимопонимание, юмор и доверие, критическая оценка и самостоятельное принятие решений, воля и независимость, дружба и честность

Варварская история язычества — это история силового поля Эгозащиты со всеми низостями и зверствами, которое оно предполагает

История интеллектуального просвещения — это история становления поля Интеллекта, духовной энергии разума, с теми гуманизмом, сложной технической цивилизацией и всеобщим социальным сотрудничеством, которые предполагает это поле

Кардинальное отличие между двумя этими силовыми полями психики в том, что люди на поле Эгозащиты поклоняются идолам физической силы, а люди на поле Интеллекта ищут истину и ей посвящают всю свою жизнь. Абрахам Маслоу, который исследовал «самоактуалов» (самых здоровых людей, среди которых Спиноза, Эйнштейн, Брамс и др), писал что характер этих людей образует «синдром», то есть систему связанных показателей, где например любовь к истине и познанию не существует отдельно от совестливости, добросердечности, философского юмора и сильной воли. Такой же синдром представляет и нездоровая часть психики, поле Эгозащиты, где поклонение физической силе всегда сочетается со страхом сверхъестественных сил, садомазохизмом и лицемерием.

Настолько насколько культ войны аланов и нартов есть поклонение физической силе, настолько же творчество Коста и Газданова есть посвящение себя поискам истины и совести.

В первом случае, у аланов и нартов налицо весь синдром поля Эгозащиты: хитрость, хестокость, лицемерие, культ войны, страх стыда и позора, конформизм, зависть и враждебность, наконец, предательство всех ценностей ради большей силы.

Во втором случае, у Коста и Газданова налицо весь синдром уже здорового поля Интеллекта и совести: поиски истины и совестливость, искренность, честность, работоспособность, критичный ум, потребность в просвещении и искусстве, доброта, служение людям, воля, самопожертвование для истины и сочувствия. Коста мтко сформулировал существо этого синдрома силового поля интеллекта, как системы интеллекта, свя-

тости служения истине, свободы и сочувствия, в замечательном стихотворении «Эпитафия»:

«Едва лучезарное солнце познанья
Его озарило чело
И чистые грезы, святые желанья
В душе его юной зажгло,

Едва ему щедро весна посулила
Свободу, любовь и цветы, —
Как жизнь оборвалась... Немая могила,
Храни его сны и мечты!»

2. КУЛЬТ СИЛЫ В НАРТСКОМ ЭПОСЕ И В ИСТОРИИ САРМАТО-АЛАН

Нартский эпос как любой мифологический эпос — выраженная культура стыда (тщеславия), противопоставленная культуре совести цивилизованных народов «осевого времени» К. Ясперса.

Так, на протяжении всего героического цикла восхваляется война и физическая сила богатырей, война как способ прославиться и обогатиться. Славятся военные походы, меч и оружие священны, Урузмаг молится через посредство меча по обычаю нартов. Напасть на «вражеские народы» — составляет честь и славу отважного нарта. А то что все народы вражеские кроме собственно (что тоже условно, так как убийства друг друга нередки у нартов) — это не ставится под сомнение. Урузмаг в старости мечтает о военном походе, чтобы «вытереть меч жилами врага еще один раз», или самому приблизить смерть. Аммиан Марцелин писал, что смерть от старости и болезни считалась позором у сармато-алан, так что они безжалостно издевались над слабыми и старыми. Нартский эпос полностью подтверждает это наблюдение Марцелина: «Но вы нарты любите над всем насмехаться, мы же от насмешек заболеваем, а от упреков умираем». Урузмаг сам хочет себя убить и прика-

зывает заколотить его в ящик и бросить в море, и только тогда успокаивается, когда хитростью губит алдара, вытащившего его из моря, и грабит все его богатства для племени нартов. Он еще нужен нартам. Молодежь насмехается над стариком Уархагом, потому что он остался без сыновей, силе и отваге которых они завидовали. «Всю свою жизнь провели в битвах доблестные нарты», — начинается завершающее цикл сказание «Гибель нартов», где они решаются, наконец, помериться силами с богом и погибают.

«Культура стыда», «язычники и идолопоклонники», варвары, «ложное Я», первобытное сознание, магическое сознание, «обожание власти», «садомазохизм» — по разному называют поле Эгозащиты в разных гуманитарных науках. Но фиксируют его все. В данном случае, нарты как все языческие культуры стыда, пекутся только о своей славе, о тщеславии, которое понимают как «честь», и страшатся «позора», о котором много упоминаний в эпосе. Например, Шатана — олицетворение мудрости в эпосе, не считает зазорным убийство жены Урузмага Эльды с тем, чтобы выйти замуж за полюбившегося ей нарта. И она и Урузмаг после смерти невинной девушки переживают не о злодеянии, которое они сделали, а о том, что у них общая мать, и это «позор» перед Нихасом нартов. Нарты «любят над всем насмехаться», а» от насмешек заболевают и умирают» — это болезненное самолюбие поля Эгосистемы. Сослан, оказавшись у чертей, в большой чести у них: такого черта как Сослан и среди чертей не сыскать», — почтительно говорят они. Сослан также силен и ловок как черти, а этическая, нравственная сторона не имеет значения в сказаниях нартов. Бог и божественное понимается не как метафизика интеллекта, не как божественная энергия Духа, совести, разума, а просто как всемогущая физическая сила, как это вообще имеет место в первобытном сознании (Э. Дюркгейм). Батрадз может разозлиться на «дзуар нартов» (то есть на бога-покровителя) и поколотить его. Леви-Брюль пишет в «Первобытном сознании», что все абригены имеют различных богов-покровителей, которым они приносят жертвы, а иногда

могут угрожать. Сослан поднимается на нартский Олимп и там заключает договор с богами о равном обмене силами: они помогают, как помогут, а нарты отвечают равными по надобности услугами. Батрадз вообще живет среди богов Олимпа, и спускается только, когда его вызывают на помощь нартам.

Состязание в силе, зависть и ненависть, хитрость и убийство из зависти — один из основных мотивов сказаний. Так, Сослан, которого Батрадз неоднократно спасал от смерти и «позора», участвует в убийстве отца Батрадза. Урузмага планируют коварно убить род Бората, который перебивает безжалостно в отместку Батрадз. Сырдон участвует в убийстве Сослана, Хамыца, Батрадза. Хамыц со своей стороны убивает 12 детей Сырдона и его жену только за то, что тот украл его корову. Сослан на спортивных нартских играх убивает сына Сырдона просто из «спортивного интереса»: попадет в привязанную цель или не попадет. Сослан насилует женщин «вражеского» племени кадзи, когда они идут приглашать нартов на пир. В отместку Батрадз устраивает страшное избиение племени кадзи. В. Кузнецов цитирует венгерсокго монаха 13 века Юлиана, проведшего 6 месяцев среди аланов, который говорит, что «человекоубийство у них считается ни за что». Феодор Аланский, еписком, назначенный в Аланию Византией пишет в 13 веке, что аланы «чада неверия», и что у них в почете «все виды смертей». Действительно, человекоубийство не считается грехом в культуре тщеславия, напротив — оно почетно, как показатель силы. Дарвин пишет в «Происхождении человека», что первобытные люди все считали большим почетом грабеж и убийство иностранцев, и именно эту особенность первобытного сознания фиксирует нартский эпос и свидетельства христианских священников.

В. Кузнецов пишет в «Очерках истории алан», что нартский эпос под враждой с племенем «кадзи» сохранил историю войны сармато-аланов (ираноязычных кочевых племен) с местными кавказскими народами, с которыми в конечном итоге соединился и культурно и антропологически. Как бы там не было, мы можем видеть выраженную «культуру стыда» первобытного

сознания, которой еще не знакомы ни понятия интеллекта и знания, ни понятия совести и сочувствия, ни понимания мирного трудового сотрудничества. Война, грабеж, слава и позор, зависть и интриги, конформизм, коллективное магическое сознание племени, лицемерие и колдовство — вот представления нартов о мудрости и чести, о благе и беде, о законе и обществе.

Культ силы в нартском эпосе:

«Всю свою жизнь провели в битвах доблестные нарты. Силу многих насильников сломили они, и не с кем стало им меряться силой. Раздумались они, с кем бы еще померяться силой. И сказал тут бедовый Сырдон.

— Вот вы все богу молитесь. Испытали бы и его силу.

— Так мы же не знаем, где он.

— Вы только его разгневайте, и он сам к вам явится.

— Перестаньте молиться ему, забудьте имя его, словно его нет.

Так пришел конец прославленным нартам.

…

Неужели он хочет взять себе две части из трех? Как снести мне такую обиду?

Но вы нарты любите над всем насмехаться, мы же от насмешек заболеваем, а от упреков умираем

После такого позора нельзя мне больше жить с тобой

Опозорил он нас своим сватовством

Такого позора никогда не бывало еще среди нартов

Если я поймаю этого зверя не будет среди нартов славнее меня».

Сырдон и Шатана

«Шатаной назвали девочку. И была она так умна и красива, что от света лица ее темная ночь превращалась в день, а слова, сказанные ею, были прямее солнечных лучей и острее меча..Не знала Эльда, что это Шатана мудростью, небесным и зем-

ным колдовством не дала ему забродить. Захотела Эльда прийти ночью к мужу, толкнула дверь — заперта дверь. По всему пустому дому бегала она. Не выдержало ее нежное сердце, и умерла Эльда»

«Стал подрастать мальчик и день ото дня становился умнее: мог он не только рассказать о том, что было, но даже то, что будет, мог предсказать он. Хитер был Сырдон, часто обманывал нартов. И хотя частенько не ладили нарты с Сырдоном, все же они крепко любили его. Умен и ловок был Сырдон, один из славных нартских мужей.

..Издевался над ними Сырдон и говорил: «У-у, гордые нарты, от чрезмерной гордости своей вы даже на лошадях своих не хотите сидеть, как обыкновенные люди».

Не раз сердились нарты на Сырдона, не раз они пытались его погубить. Не зря зовется он коварством неба и хитростью земли. Но кому под силу погубить Сырдона. Вот за что нарты все же любили своего бедового Сырдона, сына Гатага»

Урузмаг

«Но радовались нартские юноши тому, что не возвращается Ахсар и Ахсартаг, везде и во всем превосходившие их. Стали они насмехаться над сединами Уархага и назло приставили его бессменно пасти скот. Рассердился Уархаг».

«Прежде чем приступить к еде Урузмаг по обычаю нартов поднял на мече своем кусок мяса, богу предназначенный, и вознес молитву»

«Пока глаза мои блестят, буду поступать я по чести. За всю жизнь Урузмаг никогда не отказал тому, кто звал его товарищем в поход».

«О если бы еще раз сходить мне в поход, жилами врага еще раз вытереть меч мой и нартам помочь в достижении побед!

А если суждено мне без славы закончить жизнь, то лучше самому приблизить день смерти».

«Я сказала им: „Наилучший из мужчин Урузмаг“. После этого они обругали меня и прогнали с Нихаса. И согласилась кичливая нартская молодежь. Да, Урузмаг — это лучший из нартов».

«Задумали нарты Бората: устроим пир, позовем на него старого Урузмага, напоим его и убьем. Тогда все добро Ахсартаггата останется без хозяина, и мы присвоим его. Не нарушит Урузмаг обычая нартов. Молодице приглашающей нельзя отказать и скоро буду я у Бората. Так погибли Бората, и со времени Сухского побоища не было побоища, подобного этому. Истребив всех, кто покушался на жизнь старого Урузмага, Батрадз, поддерживая старика за руку, привел его к Шатане»

Сослан

«Удивлялись люди силе Сослана и говорили, что нет на земле человека сильнее его.

В разгаре был пир, когда Челахсартаг сын Хиза, стал спорить с Сосланом о том, кто из них лучше.

Очутился у чертей в седьмой преисподней. Обрадовались черти, несут ему в подарок все самое лучшее.

— Такой уж я человек — сказал Сослан, — что без охоты и сражений не мила мне жизнь.

— Нельзя его отсюда отпускать, — сказал повелитель чертей. — Такого черта как он и среди чертей не найдется.

— Теперь на ноги эти чувяки и помолись богу, — сказал повелитель чертей».

Если бы этот зверь попал мне в руки, не было бы славнее меня среди нартов.

«— Я нарт Сослан, тот самый, что жить не может без войны или без пиров. Если есть война, то дайте мне войну».

«Не знал Сослан, что это бедовый нарт Сырдон, постоянный враг его, дважды обернулся, то стариком, то старухой, чтобы обмануть его.

Сунул Сырдон руку за пазуху, а шапки там уже нет — подслушал Сырдон разговор коня и Сослана, выведал их смертные тайны и выпрыгнул из-за пазухи Сослана. Тут же кинулся в преисподнюю к царю чертей за войском.

— Измучил Сослан нартов. Сколько крови пролили нартские юноши в затеянных им походах, — сказал Сырдон. — Я знаю, как его уничтожить.

Но не оставил своего намерения убить Сослана бедовый Сырдон. Развязал он свой лживый язык и опять уговорил колесо Балсага напасть на Сослана и убить его».

Батрадз

«Собрание нартов, или кто из нартов самый лучший

— Нарты только до тех пор были настоящими нартами, пока небо не смело греметь над их головами. Наш народ только тогда может называться народом, когда гордо держит он голову и ни перед кем ее не клонит.

— Есть у меня сын Батрадз. Кто сравнится с ним в храбрости и отваге? Ни одного пятна нет на чести его, и никому не позволит он совершить при себе бесчестье»

«— Такого позора никогда не бывало еще среди нартов.

— Да погибните вы нарты! Право лучше было бы мне видеть гибель всего вашего рода, чем узнать какое черное бесчестье перенесли вы от этого черного осла. Сражаться вы не сможете, но хоть издали посмотрите как стану я с ним биться.

Ну, берегись дурное племя, сейчас я к вам выйду. Батрадз, булатногрудый нарт, выпрыгнул из ямы, умертвил Мукара и перебил всех кадзиев. Вывел он из башни жен и дев нартских и проводил в селение нартов, а сам снова скрылся в свое небесное жилище»

«Вбежал Батрадз и видит: опозорен Сослан. Висит он вместе с сыном бедняка на стене, за рукава и шаровары прибитый.

— То бесчестье, которое привело тебя сюда, да будет тебе прощено ради этого безвинного. Если бы не он, я оставил бы тебя здесь на стене.

А после пошел по селению кадзиев и начал их избивать. И после побоища Суха не было такого избиения. Забрал он с собой все добро кадзиев и вернулся в нартскую страну. Привел он бедному старику его сына, наделил его добром, а все остальное добро раздал между бедными нартами»

«О бог богов сделай так чтобы сын мой, что сидит сейчас в совете небожителей, спустился бы к нам, ибо насилию подверглись нарты. Вывел он из крепости дочь Солнца и вернул ее Сослану».

«— Дзуар нартов, покажи мне свое лицо!

Подумал дзуар что пришли к нему с молитвой и выглянул из дома. И тут Батрадз выхватил из под мышки палку и ну лупить дзуара. Со всех ног кинулся тут бежать дзуар нартов. Гонится за ним Батрадз и колотит его».

«Но недаром Сырдона зовут коварством неба и хитростью земли, недаром слывет он бедою нартского народа. Сырдон собрл самых последних людей из Ахсартагата и стал им кричать: ваша гибель придет от руки Хамыца а потому надо вам его убить.

Скоро узнали Ахсартагата, что по злому умыслу Бората нанесла им эту кровавую рану жестокая рука Сайнаг алдара. Шата-

на сказала Батрадзу: «Заговор был против отца твоего. Убил его Сайнаг алдар, а помог убийце Бората. Поделили они между собой его вещи. А коней его резвых угнал Сослан».

«Не может забыть батрадз убийство отца и смертную обиду, которую нанесли нарты его матери. И вот собрал он нартов и сказал им:

— Не без вины вы в смерти моего отца Хамыца, и мать мою Бценон вы затравили. Поэтому требую я чтобы вы заплатили мне за обиду моей матери и за смерть моего отца»

«Совсем тут отчаялись нарты, ожидая погибели. И тогда сказал им Сырдон

— Я бы избавил вас от этой напасти, но не цените вы моих благодеяний

— Будь к нам милостив Сырдон, избавь нас от Батрадза, и что бы ты не попросил ни в чем не будет тебе отказа».

«Начал Батрадз войну войну с духами и дауагами, земными и небесными, где только не настигал он их, там уничтожал и калечил. Собрались тут все духи и дауаги и пришли жаловаться богу. Так погиб Батрадз»

Мы видели к чему привела мифологическая культура стыда сармато-аланов: к яростным междоусобицам, воспетым в нартском эпосе, к неспособности полического единства, к выступлению за деньги на стороне всех враждующих сторон, и в конечном итоге покорение силе более могущественных политически племен, способных к общественной организации.

3. ДУХОБОРЧЕСТВО КОСТА ХЕТАГУРОВА

Оковы прочь! Раскройтесь гробы!
Нетленна смерть, бессильна злоба,
Любовью попран ад,
Повержен меч, разбиты цепи,
Рассеян мрак тысячелетий,
Народ народу — брат.

Коста Хетагуров

Противоположность лиры Коста всем центральным мотивам нартского эпоса заметно даже самому неискушенному читателю.

Коста презирает войну и пиры, без которых не могут жить нартские герои. Все его силы, все его песни — это мечты о храме для неподкупной истины, свободы и всечеловеческого братства: «Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня, вселенная — отечество мое».

«Не верь моим речам, исполненным проклятья,
Насмешки злой и лжи, — я им не верю сам, —
Напротив, верь, что мы, как любящие братья,
Воздвигнем на земле один всеобщий храм.

Храм жизни трудовой, насильно недоступный,
Сознательной борьбы, без пыток и крови,
Храм чистой совести и правды неподкупной,
Храм просвещения, свободы и любви».

Коста Хетагуров

Коста Хетагуров и Гайто Газданов — это проводники греко-римской цивилизации, то есть «культуры совести», философии и метафизики, духовного и научного восприятия мира. Всего того, что антропологи, психологи, религиозные гении называют «истинным Я», культурой совести, рациональным сознанием и «царствием духа». Греко-римская цивилизация в ее концентрированном виде была унаследована средневековьем в хри-

стианской философии, как синтезе тех столпов античной культуры, о которых писали К. Ясперс и Э. Ренан: Персии, Израиля, Индии, Рима, Греции.

Христос воскрес

Умолкни, ненависть и злоба,
Цепей бряцанье, звон оков!
Развейся, мрак холодный гроба,
Безумье варварских веков!

Прочь, скорбь, печали и сомненья!
Свершилось чудо из чудес —
Из мрака, суеты и тленья,
Скорбей и слез Христос воскрес!

Слез, мироносицы, не лейте!
Не плачь, святая Дева-Мать!
Идите, сеятели, сейте
На нивах Божью благодать!

Спасенье миру возвещая,
Гремит торжественно с небес
Бесплотных духов песнь святая:
«Христос воскрес! Христос воскрес!»

Настанет день, — сплотившись дружно
Под светлым знаменем креста,
Мы все пойдем единодушно
На зов Спасителя-Христа...

Девизом будет нам распятье,
Благословление небес
Повсюду с нами... Пойте, братья:
«Христос воскрес! Христос воскрес!..»

Коста Хетагуров

Коста Хетагуров — метафизик, излагающий свою философию через посредство христианской поэзии. Его христианство тоже опосредовано русской культурой и русским языком, которые дали возможность приобщиться к греко-римской культуре. Григорий Токати говорит, как глубоко ошибаются те люди, которые стараются представить Коста националистом, боровшимся против засилья русской культуры. «И у меня родина — Россия, — говорит Г. Токати в интервью А. Салбиеву, — и вспомним стихи Коста, где он говорит, признаемся, что мы выросли и сформировались среди русской культуры». Действительно, в стихах Коста «Памяти Плещеева» он рассказывает о своем первом опыте в получении образования, и очень проницательно говорит об этом опыте как о радикальной смене мировоззренческих ориентиров от культа силы и войны к идеалам просвещения и совести. То есть от культуры стыда — к культуре совести, если говорить на языке этологии. Его стихи посвященные великим русским мыслителям и литераторам, — Островскому, Чайковскому, Грибоедову, Лермонтову и др, — проникнуты глубоким почтением и любовью, искренним признанием их гения, так что он видит себя преемником того светоча просвещения и гуманизма, который зажгли они. Он обращается к персонажам Гоголя и Некрасова, когда ищет вдохновения для своей «сатирической лиры», высмеивающей пороки «людского разврата», «мишуры», «варварства», «язычества».

Памяти Островского

Угас и он, как витязь благородный,
Не кинув бой неравный до конца, —
И эта смерть печалью безысходной
Наполнила все чуткие сердца.

Уж нет его среди друзей послушных,
Соратников под знаменем любви...
Не плачь о нем! Ты, вместо слез ненужных,
Себя его идеей вдохнови.

Невежеством беспомощно сраженный,
Ты не сходи с тернистого пути, —
Иди за ним! И факел, им зажженный,
Раздуй сильней и всюду им свети.

Коста Хетагуров

Культура тщеславия (стыда), «обожание власти», поле эгозащиты — все это разные названия одного и того же феномена — магического, первобытного сознания человека. В этом мире нет дела до абстрактных ценностей и братской любви, он построен на вражде, порождаемой эгозащитой, на тщеславии и страхе позора. Примитивные люди считают «своим» свое племя и свой род, даже если на смерть ругаются, и даже проливают кровь друг друга, не говоря уже об этической низости, которые «ни за что не считаются». Мир осетин до сих пор — тоже мир кровнородственных отношений в этом смысле.

Коста уже не принадлежал к этому миру. Он героическим рывком соскочил с поля Эгосистемы тогда, когда на нем оставалось все его родное племя, которое он душевно любил, и которое хотел во чтобы то ни стало спасти, перетащив его на поле совести и интеллекта вместе с собой. Вся его лира — это восторженное желание пробудить свой народ, как пробудили свой Будда и Христос, и в то же время плач одиночества в осознании беспомощности этой лиры достичь поставленной цели.

Был честен… За братство он ратовал смело,
Всю жизнь пробивался трудом…
Был молод… Ну, что же, — какое нам дело?
Мы плакать не станем о нем!

Мы плачем о брате, всю жизнь промотавшем
В постыдной игре и пирах,
Мы плачем о сыне, с рожденья страдавшем
Глубоким застоем в мозгах…

О матери доброй, торгующей мило
И теплом, и честью детей,
Почтенном папаше, идущем уныло
На суд под бряцанье цепей…

А здесь! о каком-то поэте безродном,
Страдавшем за правду и свет,
С любовью нам певшем о братстве свободном, —
Мы плакать не станем… о, нет!..

Коста Хетагуров

Чего ж хотите вы? О, если б между вами
Нашелся хоть один, свободный от затей
Житейской мудрости, не скованный цепями
Блестящей мишуры и грязных мелочей!..

О, если б билося, нетронутое ядом
Вседневной пошлости, здесь сердце хоть одно, —
Оно сказало бы, кого ищу я взглядом,
Чего хочу от вас? — узнало бы оно…

Хочу, чтоб не были вы в жизни торгашами
Душой и совестью, свободой и умом;
Чтоб друг на друга вы смотрели не врагами,
А каждый бы искал сочувствия в другом.

Хочу, чтоб заповедь вы помнили Христову:
«Любите ближнего, как самого себя».
Ищу готового пойти с ним на Голгофу
Для блага родины, страдая и любя…

Коста Хетагуров

Тема одиночества, отчаяния, потерянной надежды найти отклик и понимание в сердцах окружавших его людей — основной мотив лиры Коста после христианской, гуманистической, просветительской тем. Ему некому оставить свои мечты, никто не понесет после него его факел просвещения и гуманизма:

«Летите к небесам!»

Увы! Поблекли силы,
Увяли навсегда,
И яму для могилы
Мне вырыла нужда...
Весной за темным бором
Заискрятся цветы,
И с помертвелым взором
Растянутся мечты.
Любил я их, лелеял.
Хранил в душе, как клад...
Ни разу не повеял
На них людской разврат...
Растил их для свободы,
Стращая мишурой;
Для них сносил невзгоды,
Для них я шел на бой.
Теперь приют укромный
Кто даст им на земле?..
Уж смерть рукой бескровной
Стучится в дверь ко мне.
Сказать ли им: «Простите! —
С землей сольюсь я сам,
А вы, друзья, летите
К свободным небесам»...

Коста Хетагуров

«Где густой, заразительный смех
И сатиры, пугавшие всех?
Где восторги, мечты, увлеченья,
Непритворная смелость в бою
За народ, за свободу свою,
За равенство, любовь, просвещенье?

Все исчезло, как сон, без следа!
Смейся, друг мой, злорадствуй тогда, —
Все потерпит сырая могила...
Но пока я страдаю, люблю, —
Об одном я прошу и молю:
Не глумись ты над тем, что мне мило».

Коста Хетагуров

«Не упрекай меня, что я забросил лиру,
Что разорвал я цепь былых волшебных грез,
Что отказался я бесчувственному миру
Любовно поверять мечты и тайну слез.

Не упрекай меня! — Свободные напевы
Не гармонируют с бряцанием цепей,
А трели соловья и шепот юной девы —
Отравленный бокал на гульбище страстей...

Могу ли я смущать божественным ученьем!
«Любите ближнего, как самого себя» —
Людей, готовящих с таким ожесточеньем
Кровавую зарю для радостного дня?»

Коста Хетагуров

«Но ты пойми, как целый век напрасно
Вокруг себя друзей и братьев я искал,
Как в одиночестве изныла грудь безгласно,
Как, жизни не вкусив, я жить уж перестал;
И смерти лишь прошу теперь у неба в дар...
Да, я уж стар...»

Коста Хетагуров

Страсть нартов в войне, «вытереть меч жилами врага», они завидуют друг другу, и радуются несчастьям лучших своих героев, чьи успехи унижают их тщеславие. Это типичное «поле Эго-защиты», где люди противостоят друг другу в надежде построить счастье на подчинение и унижении других.

Поле совести противоположно во всех отношениях. Прежде всего здесь закон сохранения силы проявляется не в противостоянии людей, а напротив в их единении. Сила человеческого разума — в сотрудничестве и в овладении силой природных энергий, в научно-техническом прогрессе, по сравнению с которым мускулы нартов только комариный писк. Доброта и сочувствие поля совести — это эмоциональное ощущение единства человеческой энергии, единства духа всех людей. Потому мысль всех великих мыслителей, поэтов, религиозных гениев — всегда о единстве и сотрудничестве всей духовной энергии человечества. Теория «научного эгоизма» современных материалистических философий, марксизма и дарвинизма, не выдерживает никакой научной критики. Марксизм уже доказал свою несостоятельность. Смешны попытки тех людей, которые пытаются отделить материализм Дарвина от материализма Маркса. Именно теория «научного эгоизма» погубила страну советов, а вовсе не идея социализма, которая естественна и органична для человечества, выражая самое существо его природы.

Именно поэтому социалистами были все религиозные гении, начиная от Заратустры, Будды, Исайи, Христа и вплоть до современных христианских церквей, насколько ущербны бы они ни были. Социалистическое братство в учении всех великих мыслителей и художников человечества: Пифагор, Сократ, Платон, Спиноза, Руссо, Бертран Рассел, Э. Ренан, Б. Шоу, А. Эйнштейн. Русская литература в этом смысле стала русским Евангелием 19 века: труды Толстого, Достоевского, Гоголя, Некрасова, Белинского, Герцена, Кропоткина, Чернышевского, Тургенева, Чехова, Салтыкова-Щедрина и многих других — это труды, прославляющие духовное единства человечества.

В этом смысле труды Коста Хетагурова и Гайто Газданова, взращенных на ниве русской литературы, это несомненно продолжение этой традиции русского Евангелия, той христианской идеи единого духа человечества, которая берет начало еще в греческой метафизике. Прочь войну и ненависть тщеславия, мишуру мелочного эгоизма. Материальные блага хороши,

но не в ущерб духовным благам, не в ущерб истине и совести. Сначала истина и совесть, и если надо для них пожертвовать всем, вплоть до пыток и смерти, то нельзя колебаться ни мгновенья. Именно этот мотив несомненного приоритета истины и совести слышен в трудах всех великих гуманистов и духоборцев.

Служение истине, служение добру и совести, — вот в чем смысл того служения народу, человечеству, которому посвящают себя все духоборцы. Те же мотивы проходят красной чертой через все творчество Гайто Газданова.

Вот эти знаменитые слова Коста, которые так любил повторять мой отец, и являются концентрированным выражением этой мысли служения истине и совести, противоположной культу войны поля эгозащиты. Здесь речь идет обо всем людском роде, и о чувстве долга перед ним — чувстве долга, который носит в себе каждый духоборец на поле совести и интеллекта.

«Но если бы роду людскому
Мне долг оплатить довелось,
Тогда б я запел по-другому,
Запел бы без боли, без слез».

«Я счастия не знал, но я готов свободу,
Которой я привык как счастьем дорожить
Отдать за шаг один который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе приложить»

И вот знаменитые слова Коста, адресованные его «друзьям-приятелям, надоедающим ему» своими житейскими советами.

«Друзья, истощилось терпенье, —
Довольно о завтрашнем дне!
Не надо ни слов сожаленья,
Ни вздохов... На что они мне?!

Оставьте! Слепому кумиру,
Как вы, я не стану служить, —
Я страстно люблю свою лиру,
Люблю с ней скитаться по миру,
Люблю на свободе пожить.

Вы жизнь превратили в забаву,
Гнушаетесь честным трудом
И, совесть меняя на славу,
Насилье зовете судом.
Вы были всегда палачами
И прав, и свободы чужой.
Топтали святыни ногами.
Так будьте же счастливы сами
С такой озверелой душой!

Мне вашего счастья не нужно, —
В нем счастья народного нет...
В блестящих хоромах мне душно,
Меня ослепляет их свет...
Их строило рабство веками,
Сгорают в них стоны сирот,
В них вина мешают с слезами...
Нет, будьте вы счастливы сами,
Где так обездолен народ!

Оставьте пустое стенанье,
Советы и вздохи по мне!..
Коль вам непонятно сказанье:
«Не думай о завтрашнем дне».
Служите слепому кумиру,
А мне не мешайте служить
Всеобщему братству и миру...
Отдайте мне посох и лиру, —
Хочу на свободе пожить!..»

ГЛАВА 5
ДУХОБОРЧЕСТВО ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Творчество Гайто Газданова заслуженно считается частью мирового культурного фонда. Однако, не это делает его духоборцем. К сожалению, современная культура далеко не всегда представляет прогрессивное движение исторического процесса, направленное на преодоление культуры стыда мифологического сознания доисторической эпохи. Например, В. Набоков, современник и оппонент Г. Газданова не только в оценке русской классической литературы, был в свое время, и сегодня является писателем гораздо более известным широкому кругу читателей, чем Г. Газданов. Но Набоков совершенно немыслимо как-либо связать с духоборческим движением мировой истории. В то же время Гайто Газданов неразрывно связан с этим движением, как русские классики, которых он защищал от несправедливых нападок Набокова, как религиозные гении, как выдающиеся мыслители и художники всех времен и народов. Как Коста Хетагуров, наконец.

Как все духоборцы Гайто Газданов ставит алтарь истине и совести в своих произведениях, и посвящает свое перо, свою лиру, как говорил Коста, этому святому алтарю. Известность, доход, слава — все это приятные и полезные вещи, если они приходят сами по себе. Но никогда настоящий художник, мыслитель не поставит свое перо им на службу. Не поставил его и Газданов, несмотря на крайнюю нужду. Он принципиально пишет все свои романы на русском языке, хотя живет во Франции с 17 лет и прекрасно владеет французским. Он не гонится за дешевой популярностью, подобно Набокову, и не хватается за сюжеты пропагандирующие педофилию и цинизм. Все его романы посвящены тому святому алтарю, который воздвигли задолго до него великие духоборцы человечества, которых для него воплощают гении русской литературы у которых он учился. Но не только они, конечно. Он гораздо образованнее Коста, хотя и не талантливее его. Его познания в философии, истории, лите-

ратуре, живописи, музыке очень обширны. Он закончил Сорбонский университет, подрабатывая по ночам таксистом.

Г. Газданов «Пилигримы»: «Он не задумывался над тем, почему именно книги интересовали его больше всего. Но если бы его спросили, что он считает самым важным в жизни, он вероятно ответил бы — понять, почему люди живут так или иначе, почему возникают те или иные религии или системы идей, как идет жизнь и каков смысл того или иного факта».

За жизнь, полную крайней нужды, но в то же время и активного творческого труда, современники прозвали его «героическим Газдановым». В этом смысле они нисколько не погрешили против истины. Достаточно прочитать его автобиографический роман «Ночные дороги», в котором он рассказывает о своем опыте ночного таксиста сквозь призму своего философского и этического мировоззрения. Книга потрясающая и по глубине психологического прозрения в психику описываемых персонажей, и по этической философии автора, комментирующего свой печальный каждодневный опыт, и по силе духа, пронизывающей все произведение той мощью его личности, с которой он противопоставляет этому ночному миру свою волю и свой интеллект.

Г. Газданов «Ночные дороги»: «Людей он впрочем также низко расценивал как Ральди, всех решительно, причем ни чины, ни положение, ни репутация человека не играли в его глазах никакой роли; и я рад был однажды услышать от него, что в его представлении средний преступник, имеющий в своем прошлом два или три уголовных дела, не очень отличается от среднего депутата или министра и в сфере бескорыстного суждения, как он говорил, — они стоят на одном и том же уровне; — и я был рад это услышать, так как разделял совершенно этот взгляд. ... Я не знаю, что в его жизни было более случайно — то, что он был бродягой, или то, что он не был банкиром. Он был одет также, как все бродяги, так же питался отбросами с Центрального рынка, и так же спал на ступеньках метро. Но я думаю, что корпорация ростовщиков и акционеров потеряла в нем ценного члена их общества»

Символом этого противопоставления становится стакан молока, который он берет в ночных барах, заваленных алкоголем и алкоголиками, сутенерами и проститутками. Стена, которая отделяет его от этого мира, как стеклянная стена с окружающим миром в романах Ремарка, — это стеклянные глаза проституток и бродяг, далеких от мировой культуры, от того, чего нельзя не знать.

Г. Газданов «Ночные дороги»: «Когда я впервые увидел людей, запряженных в небольшие тележки, в которых они везли провизию; я смотрел на обветренные лица и на особенные глаза их, точно подернутые прозрачной и непроницаемой пленкой, характерной для людей, не привыкших мыслить, — такие глаза были у большинства проституток, — и думал, что наверное то же вечно непрозрачное, выражение глаз у китайских кули, такие же лица были у римских рабов — и в сущности, почти такие же условия существования. Вся история человеческой культуры для них не существовала никогда, — как не существовала история вообще, смена политических режимов, кровавое соперничество идей, расцвет христианства, распространение письменности. Тысячи лет назад их темные предки существовали почти также, как они, и так же работали, и так же не знали истории людей, живших до них, — и все всегда было приблизительно то же самое. Все великолепие культуры, сокровища музеев, библиотек и консерваторий, тот условный и торжественный мир, который связывает людей, причастных ему, эти имена — Джордано Бруно, Галилей, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Моцарт, Толстой, Бах, Бальзак — все это были напрасные усилия человеческого гения — и вот прошли тысячи и сотни лет цивилизации, и снова тот же вечный раб, запряженный системой ремней, везет свою повозку».

Его жизнь — это жизнь святого в полном смысле этого слова. В «Эвелине и ее друзьях», тоже во многом автобиографическом романе, так как роман раскрывает его экзистенцию как писателя, он пишет, что играл в этом неразрывном союзе нежной дружбы роль «духовника». Он никогда не погрешил против

истины, никогда не погрешил против совести и долга, никогда не жил для себя. Служение долгу и истине, совести и сочувствию — основной мотив его произведений также как в лире Коста. Он прошел две войны, и возненавидел войну. Как все гуманисты и духоборцы он неизбежно упирается в своих поисках истины и совести — в христианство. И много рассуждает о Христе, об Августине Блаженном, о Пелагии и разговоре Папы Римского с Аттилой, спасшего Рим от разграбления, о соотношении церкви и Евангелия, христианской идеи и уголовного права. Он рассуждает о христианстве с философских позиций, Коста, ум которого не так абстрактен — с позиций поэтической лирики.

Г. Газданов «Пробуждение»: «Я не люблю узурпаторов веры, то есть тех представителей духовенства, которые считают, что у них есть монополия на понимание христианства, и которые хотят объяснить мне, как именно я должен толковать евангельские истины, — и у которых на это не больше данных чем у меня или кого то еще, и никто их не мог уполномочить на это. Вера в Бога — это совсем другое дело».

С. А. Кибальник «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе»: «Если верх в романе, в конце концов, берет позиция Пелагия, то тем самым Газданов лишний раз подчеркивает, что теперь солидаризируется с христианским и моралистическим экзистенцианализмом. Это почувствовали и первые читатели романа. Так, Р.Б.Гуль писал о нем Газданову 8 августа 1965 г: «И как хорошо, что нет ненавистных мне — скептических и цинических нот (не люблю эту философию)».

В конечном итоге, Газданов приходит к выводу, что как бы не называлась философия гуманизма, которая объединяет духовную энергию людей, которая может спасти от разрушения невежества и низости, именно эта философия правильная, и только в ней может быть смысл жизни. Он отдает себе отчет, подобно Коста, что противостоит всему тому миру, который погряз в пороке и духовном разложении, в «мишуре и людском разврате», но также как Коста он готов испить чашу одиноче-

ства и страдания до дна, но не предавать алтаря истины и совести.

Г. Газданов «Пилигримы»: «Нас, то есть таких кто так думает, нередко называли сумасшедшими. Но многих из тех, которые так говорили, давно уже нет, давно забыты их имена и то, что они считали правильным и нужным, а мы еще существуем. И я думаю, что пока будет стоять мир, это будет так. И, в конце концов, не так важно быть может, как это будет называться: гуманизм, христианство или что-нибудь другое. Сущность остается одна и та же, и сущность эта заключается в том, что такая жизнь не нуждается в оправдании. И я тебе скажу больше — то, что я лично думаю:, только такая жизнь стоит того, чтобы ее прожить».

Г. Газданов «Пробуждение»: «Самыми умными считались те — как это неоднократно замечал Пьер, — которые ни во что не верили и объясняли все происходящее личной заинтересованностью и соображениями корыстного порядка. Но это было бы правильно думал Пьер только тогда, если бы не существовало огромного количества людей, которые жили и действовали так или иначе не потому что могли извлечь из этого линую выгоду, а оттого что были убеждены в необходимости действовать именно так, чем бы это не и грозило, вплоть до тюрьмы или смерти».

Можно видеть, что творчество Газданова в неменьшей степени противостоит культуре стыда и культу войны нартского эпоса, чем это имеет место у Коста Хетагурова. Газданова вспоминает на страницах своих романов, в «Вечер у Клер», и в «Смерть Александра Вольфа», что его дед был настоящим головорезом сармато-аланских кровей, являясь живым воплощением бандитской героики нартского эпоса. Но его рефлексия на эту тему всегда приходит к осознанию необратимого разрыва с варварским прошлым предков, к «отвращению», которое внушает ему убийство и насилие вообще»

Г. Газданов «Пробуждение»: «Война вообще была ему органически противна. Это не помешало ему выполнять то, что обычно называлось выполнением долга перед родиной. Но огром-

ные разрушительные возможности войны, вызывавшие у одних страх, у других восторженное преклонение перед силой, производили на него неизменное впечатление тягостности и бессмысленности»

Г. Газданов «Смерть Александра Вольфа»: «Я знал по собственному опыту и по примеру многих моих товарищей то непоправимо разрушительное действие, которое оказывает почти на каждого человека участие в войне. Я знал, что постоянная близость смерти, вид убитых, раненых, умирающих, повешенных и расстрелянных, отчаянные, неизвестно чьи крики, — все это никогда не проходит безнаказанно. Я знал, что безмолвное, почти бессознательное воспоминание о войне преследует большинство людей, которые прошли через нее, и в них всех есть что то сломанное раз и навсегда. Я знал по себе, что нормальные человеческие представления о ценности жизни, о необходимости основных нравственных законов — не убивать, не грабить, не насиловать, жалеть, — все это медленно восстанавливалось во мне после войны, но потеряло прежнюю убедительность и стало только системой теоретической морали. И те чувства, которые должны были во мне существовать и которые обусловили возникновение этих законов, были выжжены войной, их больше не было, и их ничто не заменило».

Как всякий духоборец он видит свой долг в том, чтобы служить «людскому роду»:

Г. Газданов «Пилигримы»: «Фред сам о своем прошлом и ему не нужно было для этого никакого усилия. Но те слова, которые ему говорил Рожэ, с каждым днем приобретали для него все более глубокое значение.. Он неоднократно повторял их себе и чувствовал при этом восторженное исступление. „Этим людям надо помочь. Для меня лично в этом смысл человеческой деятельности. Огромное большинство людей надо жалеть. На этом должен строиться мир". Фред был готов отдать все свои силы на это, чтобы оказаться достойным Рожэ. В этом было определение всего и в этом он видел теперь смысл своего существования.

Ему казалось, что по сравнению с этим любые испытания не имеют никакого значения».

В «Пробуждение» Газданов пишет о Пьере, который посвятил себя уходу за тяжело больной женщиной, потерявшей память: «Он был избавлен наконец от того тягостного чувства, которое преследовало его все эти годы со дня смерти матери: чувства бессмысленности окружающего, его собственной жизни, его службы и всего что он делал

И подобно Коста и всем проповедникам «совестливого духа» он думает о несправедливости и жестокости общества, и о возможных путях решения этих наболевших проблем. С. Кибальник пишет в книге «Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе», что в последнем недописанном романе «Переворот» Газданов наконец ставит перед собой «утопическую задачу» дать возможное решение наболевших общественных проблем.

Г. Газданов «Пилигримы»: «Ему становилось тяжело и почти что стыдно за свою костюм, свою квартиру, свою жизнь. Он думал тогда о том, что против этой очевидной и жестокой несправедливости были бессильны любые государственные и политические теории, потому что во всех странах мира царила в этом смысле железная неизменность: одни жили безбедно и комфортабельно, не переутомляя себя работой, существование других проходило в тяжелом труде и бедности и никакой коммунизм не мог сделать так, чтобы это было иначе, если даже допустить, что он к этому стремился»

Газданову повезло больше, чем Коста в том смысле, что он познал счастье настоящей дружбы. Друзья Коста — мыслители и художники, с которыми его разделяет пространство и время. Те люди, что его окружают, «друзья-приятели», надоедают ему «мишурой», или «гонят его», так что он всегда глубоко одинок и несчастен. Газданов жил в центре Европы, в центре того грекоримского наследия мировой античной культуры, которое составляет ядро всех резервов духовной энергии современного человечества. И конечно, несмотря на то, что в силу бедности ему

приходилось много времени проводить среди низов общества, у него больше возможностей общаться с равными себе по духу людьми. В частности, он был активным членом масонского общества. Сорбона и журналистика также дали ему много знакомств. Так или иначе, он пишет роман «Эвелина и ее друзья» и нерушимой дружбе однокурсников, которых невзгоды и время только сплачивают. О себе он говорит как о писателе, излагая свой опыт литературного деятеля, как духовные обязанности служения обществу. В конечном итоге, роман прославляет самое дорогое что есть у человечества: человеческие чувства, где дружба — самое яркое их проявление»

Г. Газданов «Эвелина и ее друзья»: «Держа в руке бокал, Андрей сказал: — Я предложил вам собраться здесь сегодня, чтобы отпраздновать еще раз наш союз. Мы все так давно и хорошо знаем друг друга, мы так тесно связаны, что против нас бессильны обстоятельства, время и расстояние. Каждый из нас знает, что он не одинок и, что бы с ним не случилось, есть товарищи, на которых он во всем и всегда может рассчитывать. Вы никогда не отказывали мне в поддержке и если бы не вы, я был бы в тысячу раз несчастнее.

— Вы только что слышали, что говорил Андрей, — сказал я. — но самое парадоксальное, что идиллическая картина, которую он нарисовал, действительно отражает то, что есть. Сколько раз мы все убеждались, что у нас есть дом и каждый из нас может туда вернуться, куда бы не заносила его судьба. У каждого из нас своя собственная жизнь и каждый по своему счастлив или несчастлив. Но одно в этом движении, которое ничто не может остановить, остается блистательно неизменным — это наш союз. И мы все отдаем ему часть того лучшего, что в нас есть. Я мог бы многое сказать о каждом из нас, и каждый из нас мог бы это сделать так же, как я. Но в этом теоретическом сведении счетов не было бы ни осуждения, ни недоверия, ни сомнения в самых важных вещах. И так будет, я думаю всегда, чтобы с нами не случилось. ...Я думаю еще о том, сколько вещей непоправимо и не стоило бы жить, ес-

ли бы не было наряду с этим настоящих человеческих чувств — того, о чем написаны самые лучшие стихи, самые лучшие книги и самые лучшие симфонии»

Главное, что отличает Коста и Газданова, как духоборцев — это абсолютное, бескомпромиссное служение истине и совести, так что ничто другое не может затмить их осознания своего «долга людскому роду». Для Газданова дружба также свята, как истина и свобода. Когда к нему приходит представитель правоохранительных органов с допросом в отношении одного из его друзей, Газданов от лица своего персонажа вступает с этим юристом в этическую дискуссию, в которой объясняет следователю, бывшему священнику, что долг совести всегда только перед богом и людьми, и утверждает свою позицию оставаться верным дружбе во чтобы то ни стало. «Я готов принять всякое объяснение христианства, — говорит ему его герой, — я только продолжаю думать что ни в каком случае оно несовместимо с уголовным преследованием». В конечном итоге, герой Газданова оказывается прав: его друг кристально чист и перед совестью и перед законом. Но как бы то ни было, Газданов становится на позицию естественного права, утверждая приоритет совести над юридизмом подобно Ганди, Конту, Спенсеру или Герцену.

ГЛАВА 6
ЦЕРКОВЬ РАЦИОНАЛИСТОВ

1. Христианская церковь в истории
2. Государство и церковь
3. Церковь рационалистов

1. ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

В последней своей книге «Ось мировой истории. Авраамические религии и век разума» я на 660 страницах подробно анализирую место и роль христианской церкви в истории становления интеллекта и духовной энергии человечества. Если сформулировать мысль в нескольких предложениях, то христианство — это только переходная ступень между мифологическим сознанием дикарей и рациональным сознанием людей с развитой духовной энергией.

Осевое время Ясперса, и он соглашается с этим выводом, когда говорит о «втором осевом времени», — это первый шаг на пути рациональному человеку. Конец эпохи Мифа и начало эпохи Логоса — это только условное определение осевого времени, поскольку на том этапе зарождения мировых религий единобожия рациональная мысль еще остается плотно смешанной с мифом.

Это доказывает и фактическая история христианства, не только теоретический анализ ее догматического и философского содержания. Всем известны трагические факты о преступлениях средневековой церкви не только против свободы мысли и совести, но и в поддержке тиранической государственной власти.

Именно поэтому коррупция Папского Рима и средневековой церкви вообще привела к религиозной революции, Реформации Джордано Бруно, Гуса, Виклифа, Лютера, Цвингли, Кальвина, Меланхтона и др. Это движение протестантское движение по справедливому замечанию Куно Фишера еще не окончено.

Оно не может быть окончено до тех пор, пока христианская метафизика не придет к своему логическому завершению: к церкви рационализма, утверждающей метафизику интеллекта, как ее утверждал А. Эйнштейн, Томас Пейн и др деисты.

Духовная энергия берет свое начало в интеллекте, именно поэтому осевое время начинается с пробуждением логики и рациональной мысли. Поэтому окончательное становление духовной энергии будет связано с изживанием мифологического сознания и становлением научного мышления, метафизики интеллекта. Христианство не может решить эту задачу, поскольку христианская догматика представляет смесь рационального и мифологического мышления. Однако, христианство очень способствовало продвижению человечества на этом пути, надо отдать ему должное.

Вот как Эйнштейн формулирует метафизику интеллекта, бога-интеллекта, который займет место мифологической догматики Библии.

«Я верю в Бога Спинозы, открывающего нам себя в гармонии всего сущего, — но не в Бога, озабоченного судьбой и деяниями людей.

В личного бога я не верю и никогда этого не отрицал, но всегда говорил об этом прямо. Если что-то во мне можно назвать религиозным — это истинное восхищение перед структурой мира, которую открывает нам наука.

Истинному исследователю природы не обойтись без своего рода религиозного преклонения. Ведь невозможно вообразить, что те тончайшие нити, которыми связаны его умозаключения, он создал сам.

Все предопределено... силами, над которыми мы не имеем власти. Все предопределено — в равной мере для насекомого и для звезды. Люди, растения, космическая пыль — все мы танцуем под мелодию невидимого дудочника.

Ученый чувствует, что все вокруг связано цепью причин и следствий... Его религиозное чувство принимает форму восхищения и восторга перед гармонией законов природы, в которых

ему открывается интеллект такой силы и высоты, что в сравнении с ним ничтожными выглядят все систематическое мышление и деятельность человечества. Несомненно это чувство очень близко тому, что испытывали религиозные гении всех эпох.

Всякий кто серьезно занят научным поиском, приходит к убеждению, что в законах, правящих вселенной, проявляет себя некий дух, стоящий бесконечно выше человека... Таким образом, научный поиск ведет к особого рода религиозному чувству, весьма отличному от религиозности людей более наивных.

К религиозной сфере принадлежит вера в возможность того, что правила нашего мира рациональны, то есть умопостижимы. Не могу вообразить себе подлинного ученого, обходящегося без такой веры.

Основной источник современных конфликтов между религией и наукой — представление о личном Боге.

Чем дальше продвигается духовное развитие человечества, тем, на мой взгляд, становится яснее, что путь к истинной религиозности проходит не через страх перед жизнью, не через страх перед смертью, не через слепую веру, а через стремление к рациональному знанию.

Не знаю лучшего слова, чем «религиозность», для уверенности в рациональной природе реальности, постольку поскольку она постижима для человеческого разума. Там, где это чувство отсутствует, наука деградирует до плоского и бездушного эмпиризма.

Я глубоко религиозный неверующий... Вот такая новая религия» А. Эйнштейн Цитаты и афоризмы

2. ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

Вопрос государства и церкви — это вопрос соотношения естественного и положительного (юридического) права. Я исследовала этот вопрос на страницах другой рукописи: «Теория психической энергии вместо социологии и психологии. Тождество научного и народного суверенитета».

Сущность выводов этого исследования состоит в том, что церковь, в зависимости от того как ее понимать, может легитимизировать власть государства, а может, согласно выражению Томаса Пейна, представлять «преступный союз церкви и государства», оправдывая насилие тиранического государства.

Это вопрос естественного права: если церковь — это метафизика интеллекта, то есть утверждение незыблемых законов природы, в том числе законов человеческой природы, то государство, которое подчиняется руководству этой церкви становится проводником истины, науки и человечности этих законов природы, этого божеского промысла. В данном случае, совесть как проявление этих законов человеческой природы утверждает примат по отношению к юридическим законам, которые должны с ней согласовываться. В точности, как утверждает сатьяграха Ганди.

Если же церковь — это догмы некоего мифологического комплекса, даже христианского, то она обязательно вырождается, как выродилась христианская церковь в подельника и соучастника преступной тирании ничем не сдерживаемой власти силовых институтов государства. В этом случае приоритет получают юридические законы над естественным правом, и согласно теории Гоббса, именно юридические законы формируют народную совесть, указывая людям что хорошо, а что плохо.

Теория психической энергии — это теория естественного права, поскольку она утверждает метафизику законов природы, философию рационализма против философии эмпиризма. Она утверждает теорию духовной энергии человека, берущей начало в поле интеллекта, в законах природы, установленных богом.

Поэтому следствием теории психической энергии неизбежно будет учреждение церкви рационализма, как института естественного права, регулирующего юридическое право. Это будет означать верховенство истины, науки, а значит народа над юридическим произволом и физической властью силовых институтов государства.

3. ЦЕРКОВЬ РАЦИОНАЛИСТОВ

О том, как бы могла бы на практике функционировать церковь рационалистов я постаралась бегло представить в книге «Любовь и ненависть в Корнельском университете».

Какие вопросы решила бы Церковь рационалистов и зачем она нужна:

1. Научная формулировка необходимости снятия Эгозащиты

Прежде всего, не отрицая Евангелия и оставляя его в качестве поэтического памятника, она формулирует идею духовной энергии в научных терминах теории психической энергии. Разница в поэтическом изложении идеи Духа, и в научной формулировке законов психики — громадна. Там, где призывы Христа отказаться от себя и следовать за ним в Царствие Небесное ничего не скажут рядовому человеку, четкая формулировка натагонизма двух силовых полей психики, и необходимость снятия Эгозащиты и нейтрализации одного поля для здоровья и силы «истинного Я» поял совести и интеллекта — скажут все.

2. Доступ к хорошему образованию

Хорошее образование сегодня недоступно большинству не только потому что учиться в современном мире — дорого. И не только потому, что хорошее образование требует способностей выше среднего уровня. Но прежде всего из-за большой путаницы, массы противоречивых теорий, изучение которых не только не даст важной информации обычному человеку, но окончательно собьет его с толку. Систематизация известных научных теорий и исторических фактов вокруг теории психической энергии позволяет легко усваивать нужную информацию, которая позволит человеку сохранить душевное здоровье и развить мощь своей духовной энергии. Церковь рационалистов, вместо архаичной службы современных христианских церквей (пережитка магических ритуалов) ставила бы целью давать хо-

рошее образование всем желающим и сделать его доступным для массы

3. Политический инструмент в руках народа

Сегодня много пишут о фиктивности доктрины народного суверенитета, которая якобы себя не оправдала, так как народ не может быть одновременно субъектом и объектом власти, и что эта доктрина не может толком сформулировать, кто является юридическим субъектом народной власти

Церковь рационалистов устраняет и эти недоразумения, давая в руки народа мощный политический инструмент, позволяющий регулировать силовые институты государства

Будучи международным институтом естественного права, церковь рационалистов легко может ответить на вопросы о доктрине народного суверенитета: субъектом власти народ является в лице международного института естественного права, который получает доступ к регулированию национальных (юридических) правовых систем. Объектом власти народ остается в пределах своих национальных правовых систем.

4. Дружба и единство духа

Церковь рационалистов, высвобождая духовную энергию людей, дает им доступ к той дружбе, о которой, как говорит Газданов, написаны лучшие стихи, книги и симфонии. Только такая дружба единения духовной энергии есть спасение от одиночества и какая то гарантия безопасности в обществе, где правит произвол силы. И романтическая любовь и семья оказываются иллюзией, если в их основе нет настоящей дружбы. Именно этой дружбе учит церковь рационалистов

5. Исповедь или автобиография

Христианская церковь долгие столетия облегчала душу людей исповедью, что в свое время было действительно эффективным терапевтическим средством. Однако, сегодня исповеди уже недостаточно, поскольку определения греха стали настолько

расплывчаты в призме современной науки и философии, что размыли границы между добродетелью и грехом

Здоровье духа можно поддерживать и контролировать иначе: только тот человек который сможет стройно изложить свою духовную историю на бумаге, которому хватит рефлексии и знаний, чтобы отделить в своих поступках истинное Я поля совести от ложного Я поля эгозащиты — только этот человек здоров, и уже духовен. «Родился от духа», как говорил Христос.

Помимо терапевтической важности, такая способность к психологическому анализу и изложению фактов социальной жизни — это мощный способ самозащиты от агрессии порочных людей всякого рода, и особенно наделенных властью. И если человек не готов написать о себе, духовенство церкви рационализма может писать за тех кому грозит опасность, излагая порочность тех, кто нападает, психологически или физически, на беззащитных и невинных людей.

— Ты больше никому книгу не показывай, а то тоже испугаются и убегут.

— А что там страшного? Там ничего нет абсолютно страшного! Ты что подумала я из-за книги? У нас график на работе меняется

— Мне книга нравится, сказала я. — по крайней мере там видно, кто из нас ебанутый.

ГЛАВА 7
КУЛЬТУРА СТЫДА В СОВРЕМЕННОЙ ОСЕТИИ

Ночь великих испытаний
Реет над землей...
Дни печали и страданий
Настают, друг мой...

Чаша горечи и мщенья
До краев полна...
Бог любви и всепрощенья
Пьет ее до дна.

Красный плащ... венец терновый...
Крест... Голгофа... кровь...
Смерть — за призыв к жизни новой!
Пытка — за любовь!

Как не дрогнуть под грозою
Светлым небесам?!
Как не огненной росою
Падать их слезам?!

Как не треснула на части
До сих нор земля!
Как мечтать о личном счастье
Смел с тобою я?!

Коста Хетагуров

1. Рукописи не горят

2.Рукопись «Переключи себе ток»

3. Завещание отца. Руслан Хугаев, зампред партии Коммунисты России. Нотариус Залина Агузарова

4. Председатель Владикавказского отделения партии «Яблоко» Бадри Газзати

5. Алан Огоев, ректор СОГУ

6. «Подруги детства»: Лейла и Стелла Мехтиевы, Алена Готоева

1. РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

Сегодня я — инвалид, передвигающийся в инвалидном кресле. Мое положение — самое жалкое и самое унизительное. Мне разбили позвоночник на четырех уровнях: от самой шеи и до самого копчика. Очевидно, что рассчитывали обездвижить все тело: какие то миллиметры на шейном позвонке спасли мои руки. Для меня нет сомнений в том, что это не случайность, ибо я согласна с Эйнштейном в том, что случайностей не бывает. Так решил Бог: он оставил мне руки, чтобы всем было видно, что такое сила духа и сколько может сделать настоящий духоборец в инвалидной коляске. Я написала свои самые серьезные книги уже после травмы. Однако, это не заслуга моих палачей: они сделали все, что могли чтобы я уже никогда не взяла в руки перо.

Я научилась самостоятельно садится с кровати на кресло, и с кресла на кровать. Но чтобы пересесть на санитарный стул утром и вечером и заехать на нем в ванну, мне обязательно нужен помощник. Тазовые органы парализованы также как все тело ниже плеч: мочевой катетер для мочеиспускания и мне приходится утром и вечером руками помогать кишечнику. Три незаживающих более двух лет пролежня: свищ на бедре глубиной более 20 см, и глубокая рана в районе крестца, удаленный сустав на ступне вследствие остеомиелита, открытая рана на пятке. Необходимо делать по две перевязки в день. И с каждой из ран я провела месяцы в гнойной хирургии.

И все же не задержка тазовых органов, не висячие годами пролежни и не кривая спина и нижняя параплегия самое трудное в моем положение. Самое трудное — это зависимость от незнакомых людей, которых надо впускать в святая святых своей жизни каждый день: в спальню, в ванну, в кабинет, который я оборудовала на кухне, в библиотеку. Если Коста был оди-

нок среди «друзей-приятелей», будучи самостоятельным и широко известным на всем Кавказе поэтом и публицистом, что должна чувствовать я в своем беспомощном положении в инвалидном кресле?

Я пишу эти строки в последней трети марта месяца 2021 года. «Мартовские иды», погибшие когда-то Цезаря, погубили и меня. На меня напали в ночь с 21 на 22 марта 2015 года в хостеле «Apple» на Маросейке в Москве. Ровно 6 лет назад. Помимо всего прочего 27 марта у меня день рождения, так я встречала свой 38 ДР в экстренной реанимации Склифа. Кто и за что меня покалечил? Я — автор теории психической энергии, сущность которой вы могли понять в самых общих чертах на страницах этого небольшого эссе об истории Осетии. Вот за эту теорию меня покалечили российские спецслужбы. Я не знаю, кто эти люди и как конкретно они называются: КГБ, ФСБ, ГРУ или еще какая-нибудь страшная аббревиатура. Я знаю, что это сделали люди, находящиеся на государственной службе России и сделали исключительно для того, чтобы уничтожить ученого и его работы. Нравственную и юридическую оценку этому преступлению я вам предоставляю дать самостоятельно.

Однако, того что меня зверски изуродовали им показалось мало. Надо было еще свалить всю вину на меня. В результате эти люди закрыли уголовное дело под предлогом «попытка суицида». Любое мало-мальски объективное расследование без труда обнаружит, что это была откровенная и зверская попытка убийства. Впрочем, не менее вероятно, что инвалидное кресло и было целью этого зверского нападения в результате которого был сломан позвоночник на четырех уровнях и переломаны почти все ребра. Ткани и кости головы оказались в удивительной сохранности, что убедительно говорит о том, что травма не могла быть результатом падения, как утверждают авторы теории «Попытки суицида», уверяющие что видели, как я прыгала из окна хостела. Правда пятки кто-то искусно разрезал по самую кость, а вот кости ног (как и рук и все прочие кроме позвоночника и ребер) оказались абсолютно целы.

Сегодня спустя 6 лет после этой трагедии, 6 лет, которые прошли в чаду самых тяжелых и унизительных испытаний, я вспоминаю минувшие события с тем, чтобы они опять не повторились.

Те люди, которые покалечили меня тогда, с тех пор меня не тревожили: по крайней мере, я публикую свои книги по теории психической энергии, книги с обвинениями в адрес российских силовых институтов, совершивших такое беззаконие. Ответа нет, но меня и не преследуют и не мешают работать дальше. Зато местные «Сырдоны», которые как у них принято «по обычаю своего народа» всегда подражают более сильным, особенно тем, кому они подчиняются, могут повторить опыт своих боссов.

Я не хочу, чтобы на меня еще раз напали в моей квартире, где я живу одна, изуродовали и изнасиловали мои останки, а потом опять написали, что это повторный опыт суицида. Сейчас, когда я опубликовала несколько очень важных книг, Сырдоны Осетии опять активизировались, поскольку все духоборцы их личные враги. Я пишу это эссе, чтобы попросить помощи у осетинского народа и осетинской интеллигенции, и чтобы не допустить такого страшного позора для Осетии, который останется несмываемым пятном ее истории. Прошу помощи и защиты от этих низких людей.

Я расскажу обо всем по порядку. Все люди, перечисленные ниже, косвенно участвовали в нападении на меня, хотя само нападении на совести российских спецслужб, как я уже говорила. Однако, эти люди постоянным давлением, интригами с наследством моего отца, скандалом, разбросавшим всю семью, психологическим давлением во многом обессилили меня, и сделали это ничем неприкрытое насилие над ученым доступным и возможным. Все эти люди в той или иной степени виновны в 44 днях, проведенных мной в реанимации Склифа, в 6 годах боли и унижений, немощи и ужаса. Если на меня нападут повторно, что сделать очень просто, ибо вся моя жизнь в руках незнакомых сиделок, которые ходят ко мне дважды в день, я хочу чтобы все знали, что произошло. Вот цель с которой я пишу эту книгу.

В 2020 году я издала книгу в Издательстве «Издательские решения Ridero» с ISBN, под названием «Братья Хугаевы и второе осевое время». Я подробно рассказала в этой книге обо всех злоключениях, произошедших со мной. Я выставляла ее в открытом доступе в интернете в соцсетях, и отмечала в публикации страницы Заура Фарниева и Бадри Газзати (участника рукописи), как местных журналистов, прежде всего. Три недели назад, когда я была вынуждена пригласить «подругу детства» Алену Готоеву в качестве сиделки, я отдала ей эту книгу почитать. Алена Готоева вернула книгу через сутки, как было условлено, и заявила, что больше не сможет у меня работать. Потом позвонила какая-то незнакомая женщина, которая не смогла объяснить, откуда у нее мой телефон, и предложила себя в сиделки. Я слышала, как мужской голос подсказывал ей что говорить: «скажи, тебе девочки дали номер». Другие «подружки детства», Лейла и Стелла Мехтиевы, которые также по иронии судьбы до сих пор проживают со мной в одном доме (в котором мы вместе выросли), отказались даже зайти в течении всех 6 лет. Стела Мехтиева была помощником прокурора прокуратуры РСО-Алания в те годы, когда на меня совершили нападение, до каких высот она дослужилась сегодня мне неизвестно. Знаю только, что тогда она хвасталась мне, что «сегодня сидела за одним столом с Залиной Агузаровой». Больше мне о их отношениях ничего неизвестно. Залина Агузарова — нотариус, которого я обвиняю в том, что она по сговору с моим братом Русланом Хугаевым, скрыла завещание моего отца. Залина Агузарова, как мне сообщил Бадри Газзати (я знаю его через партию «Яблоко»), в прошлом супруга Тамерлана Агузарова, экс-президента РСО-Алании, экс-председателя Верховного суда РСО-Алании (Бадри Газзати состоял при нем советником президента по его собственным словам). Алена Готоева, недавняя моя сиделка и Лейла Мехтиева до сих пор живут со мной в одном доме. У меня есть все основания предполагать, что книга «Братья Хугаевы», которую я показала Алене, стала доступна кому то из ее героев через Стелу Мехтиеву, и что она им

не понравилась. «А эта книга не может потеряться как-нибудь?» — спросила меня Готоева, когда принесла ее. «Рукописи не горят», — сказала я ей, и показала ISBN. Поэтому я решила напечатать эту книгу еще раз, дополнив ее собственным очерком истории аланов и осетин.

Возможно, я преувеличиваю опасность. Но лучше перестраховаться, чем еще раз позволить, теперь уже добить изувеченное тело, теперь уже местным Сырдонам, которые никогда не брезговали остатками, а потом сказать «повторная попытка суицида». Это «прислужники» из стихотворения Коста, которых он всегда отделял от своей дружбы с русскими духоборцами.

Итак, конкретно кого и в чем я обвиняю. Я постараюсь быть максимально краткой, более подробное изложение (и более литературное) вы найдете в следующей главе, в которой я целиком привожу напечатанную в прошлом году книгу «Братья Хугаевы и второе осевое время»

2. РУКОПИСЬ «ПЕРЕКЛЮЧИ СЕБЕ ТОК»

В 1998 году я закончила Плехановскую академию в Москве на факультете «Финансы и кредит», по специальности «Банковское дело». Тогда деканом факультета был Александр Иванович Басов, который пошел навстречу просьбе моего отца и помог мне с переводом из СОГУ.

В 2005 я поступила в аспирантуру Плехановской академии на кафедру бухгалтерского учета и аудита. Моим научным руководителем был завкафедрой бухучета и аудита, Виктор Викторович Панков.

В 2008 году я опубликовала книгу «Переключи себе ток», в которой представила теорию психической энергии, свою настоящую научную работу. После окончания института для меня стало очевидным, что истинная сфера моих научных интересов — философия и психология. Однако, любая научная деятельность требует финансирования, которого у меня никогда не было. Только по этой причине я вернулась на кафедру бухучета

в Плешку, в надежде обеспечить себе стабильный кусок хлеба и продолжать работать над своей научной теорией. Однако, из этой идеи ничего не вышло. Мои преподаватели, профессора, не стали мне помогать, ни в поисках финансирования моей работы, ни в рекомендациях в другие ВУЗы и кафедры. Более того, я видела, что никакой науки в Плехановской академии нет, ни экономической, ни какой-либо другой.

И тогда я напечатала книгу по теории психической энергии, а экспериментальным материалом, который требует каждая научная теория, сделала свои наблюдения над профессорским составом и образовательным процессом в Плехановской академии. Мне было что рассказать. Декан, Басов Александр Иванович был моим любовником все время моего обучения в Плешке. И хотя мы крайне редко встречались, я получала информацию из первых рук. Я рассказала и о том, как он меня соблазнил, и о том, как я безуспешно пыталась донести до всех этих профессоров важность моей научной работы, и о том, как все вокруг стремились заглушить и мои способности в науке и мои новаторские идеи, и сделать меня частью того механического общества, которое никак не связано с просветительством и НТП.

После публикации моей книги, Виталий Иванович Видяпин, ректор академии в бытность мою студенткой и аспиранткой, был освобожден от должности. Конечно, никто не сказал, что это как то связано с публикацией моей работы. Мое имя вообще стало табу, как табу, например, имя Навального. Все делали вид, что ничего не произошло, никакой Хугаевой и никакой книги «Переключи себе ток» не было. В 2019 году я переиздала эту книгу в издательстве Издательские решения Ridero.

С выходом этой книги за мной была установлена постоянная слежка. Я называла этих людей «спецслужбы». Они мне не представлялись и удостоверений не показывали, поэтому дать более точного отчета о том, кого и что они представляли, я не могу. Я только остаюсь в полной уверенности, что моя бдительность и Бог спасли меня тогда от уничтожения. Я заметила этих людей.

Либо потому что они, как сейчас модно говорить, потеряли профессионализм и у них теперь везде «торчат уши» (Путин говорит в интервью Геворкян, что для шпиона главное, чтобы «уши не торчали»). Либо потому, что меня бог для самозащиты наделил способностью различать порочных людей. Вспоминаю слова Кропоткина в «Дневнике революционера» о том, как легко они всегда разоблачали всяких шпиков, которые считали себя хитрыми, а на деле были видны насквозь людям высокой духовной культуры. Как бы там ни было, я их заметила, и это спасло мне жизнь.

Я моментально поняла, что и эти люди, подобно древним сармато-аланам «человекоубийство считают ни за что», и что стоит им сейчас свернуть мне шею, и никто никогда не вспомнит, что была такая Хугаева, и какие книги она писала. И тогда я села за интернет, нашла адреса всех СМИ, которые были доступны, и стала рассылать свою книгу «Переключи себе ток», уже опубликованную, и рассказывать о том, что меня преследуют постоянной слежкой. Потом я написала и на сайт Президента России. Вскоре меня оставили в покое, хотя никакого ответа не последовало.

Напали на меня в 2015 году, через 7 лет после публикации «Переключи себе ток». Эти семь лет я не сидела сложа руки. Я написала важные книги по теории психической энергии: «Власть и контроль, или импотенция современной психологии», «Болезнь эго-девственности, или космическая сила психической энергии», «Россия между открытым и закрытым общество. Теория происхождения человека», «Дорога в рай или плюс моего минуса», «Закон сохранения силы психической энергии». Все эти книги были опубликованы с ISBN. Я также поступила в аспирантуру в СОГПИ (Северо-осетинский государственный педагогический институт) на кафедру Социальной психологии, и закончила эту аспирантуру. Все документы об институтах и аспирантурах, мед выписки и переписку с сайтом Президента России я опубликовала в новой редакции «Переключи себе ток» в 2019 году, которая вышла под названием «Романтизм

и реализм». Сайт Президента России ответил мне письмо от министерства образования России, которое уполномочивало меня обратиться в РГНФ (российский гуманитарный научный фонд), что я и сделала. Моя заявка была зарегистрирована (номер заявки, присвоенный при регистрации, и письмо от министерства образования я тоже публиковало), но в удовлетворении заявки было отказано.

Как раз когда я собралась ехать в Москву, чтобы договариваться о защите диссертации на факультете психологии МГУ, меня сначала попытались запереть в психиатрической клинике, о чем подробнее расскажу ниже. А потом, когда это не удалось и я все таки уехала, поселилась в хостеле на Маросейке и начала переговоры на факультете психологии МГУ, на меня и было совершенно это нападение. Я спала, и не имею ни малейшего представления, как меня отключили и что со мной делали всю эту страшную ночь. Уголовное дело поспешили закрыть: «попытка суицида». Менеджер хостела дала показания, что видела, как я прыгала из окна. В Склифе мне сделали одну операцию, и еще две в бесланском центре. Только после этого, то есть спустя почти год после травмы я смогла сесть в коляску. Представляю вам самим вообразить, что я пережила за этот год, и за последующие годы.

О том, что происходило в реанимации, лаконично расскажет вот это письмо директору Склифа, которое я опубликовала в ФБ.

«***44 дня в реанимации Склифа***

> Я решила написать эту заметку, сидя уже пятый год в моче и пролежнях, не видя солнца и неба, чтобы и вам жизнь раем не казалась, потому что велика доля и вашего участия в моем сегодняшнем состоянии. Нет, позвоночник мой ломали не вы, разумеется, но вы твердили, словно попугай, что это суицид, несмотря на все мои протесты. В ваше отделение общей реанимации меня перевели, когда отказались делать срочную операцию. В этом вашем отделении я поседела в свои 38 лет. Три недели продержали меня с многоуровневой травмой позвоночника (4 перелома) и множе-

ственными переломами ребер. А накануне операции все еще существовала сильная оппозиция врачей, которые были против операции, и вы всегда возглавляли эту оппозицию. И тогда, и позже, когда вопрос встал о второй операции. А если бы тогда в отделении экстренной реанимации, куда меня доставили сначала, такие как вы не помешали сделать мне срочную операцию, я бы сейчас стояла на ногах. В любом случае, когда взвешивали за и против, обязаны были считаться с моим мнением. Я помню, как ко мне подошел молодой человек и представился анестезиологом: сейчас мы повезем вас на операцию, подпишите документы. Я подписала, а он чуть позже извинился: собирается консилиум врачей, где будут обсуждать вашу операцию. И после этого консилиума меня на целый месяц поместили в ваше отделение общей реанимации. Тогда вы руководили им, и я почему то не удивлена, что теперь всей больницей. Я помню как на потянувшихся бесконечной чередой обходах врачей Картавенко Валентина Ивановна, главный научный сотрудник Склифа, часто махала рукой в мою сторону: «Когда можно было делать операцию — не делали, а теперь пошли инфекции, и все». И я уже лежала не только каменная, но и седая. Я помню, как открыла глаза в реанимации и подобно Грегору Замзе из «Превращения» Кафки нашла себя превратившейся в страшное насекомое, и как вы торжественно объявили докторам причину травмы: попытка суицида. — Она пришла в себе. Пусть сама скажет. Это суицид? Видите, говорит, что нет! Но вы не стали меня слушать: — Так что ж ей теперь говорить! А потом началась эта подлая интрига с психиатром и попытками списать все на мою невменяемость. Вы приказали вызвать психиатра и назначить мне нейролептики. Это второй прямой удар по распадавшемуся организму. Не мне вас учить о колоссальном вреде, который несут нейролептики («большие транквилизаторы») даже организму здорового человека, а уж подыхающему в реанимации... Да, я помню, как потом уже, спустя месяц, когда меня перевели в палату, Е. Павлова, оправдывала нейролептики, которые она также категорично навязывала как и вы, тем, что «они увеличивают проводимость». Как препараты, которые «насильно тормозят нервную систему», могут увеличивать проводимость? Как можно вообще предполагать какое то позитивное действие на организм подобного яда? Если кто и осмеливается на это, а негодяев и чудаков везде хватает, так против его мнения подавляющее большинство здравых людей и профессионалов. И как же можно было не посчитаться с моим мнением в таком случае? Неужели мое мнение о том, принимать или не принимать препарат со столь очевидны-

ми ядовитыми свойствами, чья «польза» определяется лишь субъективным взвешиванием баланса «вреда и пользы» — мое мнение, повторяю, в такой ситуации ничего не значит? Но вы не только не слушали мои протесты, но давали указание вводить мне «Сервитель» через зонд, без моего ведома. Фельдшеры, возмущенные тем, что я смею спорить с докторами, сами мне рассказывали: «Мы тебе и так постоянно его вводим через зонд, без твоего ведома». Алексей Сытник, который делал мне операцию, и которого тоже попросили вставить словечко за нейролептики, убеждал меня другими мотивами: «Это для вашего комфорта. Чтобы вам было спокойно». А. К. Шабанов считал вредной даже простую седацию, неужели он не знал, что она «комфортна»? На что вы надеялись? Что нейролептик разрушит мой мозг настолько, что я соглашусь повторить вашу версию произошедшего? Я слышала, как вы сказали, когда меня только привезли в ваше отделение: «ну с головой у нее точно все в порядке». И слышала, как вы распорядились позвать психиатра. Противоречие получается. Я помню как Аслан Шабанов, Рюрик Какубава, Валентина Картавенко и др говорили, что мои шансы возрастают параллельно моей активности, а Шабанов отказывал даже в легкой «седации», когда я просила снотворного на ночь. Потому что вредно. Но вы и ваш психиатр, насильственно вводили мне через зонд нейролептики. Повторяю, несмотря на очевидный вред здоровью, риск жизни и мои многочисленные протесты. И этого бы вполне хватило, чтобы поседеть. Но это еще не все. Как то к нам в палату заехал робот и направился прямо к моей кровати: я была в ужасе, что бы это могло значить. И тут на мониторе появилось ваше напряженное лицо. Почему вы хотя бы не улыбнулись, умирающему в реанимации пациенту? Предполагается, что вы отправили свою игрушку-машинку чтобы удостоверится о моем здоровье и здоровье других пациентов? Нет, вы явно ставили себе другую цель. Какую? Напугать? Зачем? И ведь не раз заезжала машинка. Потом мне фельдшеры все более менее объяснили: «Это Петриков громадные деньги тратит на игрушки, сотни тысяч евро, когда необходимого оборудования не хватает. Трудно пятую точку оторвать и прийти самому». Мне показалась здравой такая точка зрения, вам нет? А в другой раз зашел какой-то очень толстый человек с тремя подбородками в яркой спецодежде, и стал делать мне какие-то уколы. Он представился реаниматологом из четвертого зала, и заходил еще пару раз. Однажды его встретил А. Шабанов и сделал ему строгий выговор: «Что вы здесь делаете? Это мой больной! Я сам ей занимаюсь» И тот ретировался. И с тех пор меня опять

стали мучить смутные сомнения. Три недели длились словно вечность, я слышала разговоры о том, что оперировать уже нельзя: «пошли инфекции». Я седела. Не столько из страха не выздороветь, сколько из страха остаться в этой тюрьме, без телефона и связи с внешним миром на неопределенное количество времени. Я помню, как жалобно я спрашивала каждую группу врачей на обходах когда операция, и как они в конечном итоге стали мне грубить: «Женщина! Вы здесь уже давно! Пора запомнить, что мы из травмотологии!» Как бесконечно долго тянулись выходные, и как я опять спрашивала всех врачей на обходе в понедельник: «когда операция?» И уже почти оставила надежду… И вдруг А. К. Шабанов торжественно объявил: во вторник, 14 апреля. Неужели я выберусь из этой гробницы? Неужели мне позволят уехать умирать домой? Я не могла заснуть ночью, мне стало плохо, я боялась, что операцию опять отложат. Не смея жаловаться на состояние здоровья, я попросила фельдшера: принесите мне холодного сока из холодильника. «Сейчас брошу все дела и пойду за соком для тебя». Но я справилась, и как ни старались операцию больше не отложили. Мне стало немного лучше после операции. Прооперировали только половину спины, два перелома, еще два предстояло делать после того как срастется первая. Все подходили, спрашивали: ноги не чувствуешь? Ногами шевелишь? Но ноги не заработали. Как же я могла шевелить, когда три недели отмирали клетки в позвоночнике? Такие вопросы были бы уместны, если бы операцию сделали сразу, или если бы мне не вводили против моей воли нейролептиков. Сытник говорил: сейчас самое трудное время, надо лежать на боках, чтобы зажил шов. А фельдшер, несмотря на мои многочисленные просьбы положить полотенце между моей головой и тазиком, над которым она ее мыла, только накричала на меня, и сделала по своему. В результате замочила шов. Я пожаловалась Сытнику, он пришел, расстроился, просил больше вообще не мыть голову, пока не заживет и махнул рукой: «такую операцию испортили!» Пошел запах, и он уже думал, что все загноилось. Но операция срослась, а спинной менингит раз и навсегда положил конец всем разговорам о второй операции. Эта история с замоченным швом не была случайностью, эта фельдшер регулярно мне грубила. Помню, как она криком объяснила мне, что хочу я или нет, а налысо бриться придется. И только заступничество врачей спасло меня от плеши, которая в целом была бы очень уместна к образу узника. И конечно никто ее не наказал за этот замоченный шов, который она сама меняла, хотя на первых порах этим строго хирург занимает-

ся. Я помню, как вы торжественно объявили мне о спинальном менингите и об отложенной второй операции. Когда воспаление прошло, и ожила надежда на вторую операцию, вы вновь постоянно ее оттягивали. Я помню, как на потянувшихся вновь каждодневных обходах я спрашивала о дне операции, а вы говорили упертое «нет». Помню, как Валентина Картавенко робко вступалась за меня и напоминала, что чем скорее, тем лучше, и как она шикала на меня, когда я начинала горячо ее поддерживать. Потом А. Шабанов помог мне отвыкнуть от искусственной вентиляции легких (ИВЛ) и меня перевели в палату, где лечащим врачом была Е. Павлова. Она вновь вызвала психиатра и поставила вопрос ребром о нейролептиках. Получив жесткий отрицательный ответ, она заявила, что вторая операция откладывается на неопределенное время. И вскоре меня выписали. Что было настоящим, большим успехом. До последнего охранника Склифа, до последнего мента на вокзале, я боялась, что мою тележку остановят. Но она выписала меня с вот этой вот выпиской, с «острым психотическим расстройстом» и «сервителем» в числе рекомендаций. Вы начали эту политику, она ее закончила. Я не виню весь Склиф в целом, но хочу сказать, что даже посольство царства небесного на земле может превратиться в посольство демона, если руководители лишены совести. И здесь тоже, хотя я была избавлена от грубости и издевательств, в документы постоянно пытались вписать какую-либо умственную дефективность: от «черепно-мозговой травмы» до «снижения когнитивно-мнестических функций», например. Хорошо хоть до «психотических расстройств» на этот раз дело не дошло. Что характерно, как только я попросила объяснить мне источник этих выводов о моем ментальном здоровье, оказалось это ошибка. И это задокументировано: я делала здесь посты, где приводила переписку с врачом, который извинялся за подобные ошибки и вновь совершал их. Что я хочу вам сказать напоследок. Пусть вам будет стыдно. За столь непрофессионально измеренный баланс «выгоды и вреда» от срочной операции, за психиатра и нейролептики, за спинальный менингит, за отложенную на месяцы вторую операцию. За спастику и пролежни, за то, что я, привыкшая часами принимать ванну, не вижу ванну годами, не вижу солнца и неба, за то, что часто сижу в своих экскрементах. За то что не могу полноценно работать. Не вы сломали мой позвоночник, но вы стали соучастником, стараясь прикрыть бандитов. У меня нет никаких сомнений, что это были силовики. Я не удивилась, когда Игорь Яковенко опубликовал статью о вашем участии в судьбе другого оппозиционного активиста, которому силовики

действительно причинили мозговую травму, Александра Туровского, если мне не изменяет память. И все таки я счастлива такой развязкой событий, потому что можно жить в своих экскрементах и пролежнях, без солнца, неба и ванны, но невозможно жить в окружении негодяев, тем более в их власти. Самой моей большой удачей в Склифе было то, что я в конечном итоге из него выбралась. А главное им не удался их план, и ваши усилия были напрасны. Да, я не встала на ноги, тут вы достигли цели. Но я написала еще две очень важные книги. А ведь террор был направлен против меня как ученого. И вас и меня и этих негодяев не будет уже тысячи лет, а эти книги будут жить. А значит, их планам не суждено было сбыться.
1. Это первая книга: Рационализм против эмпиризма. Дарвиновская парадигма как угроза западной цивилизации.
2. Это вторая книга: Теория психической энергии вместо Социологии и психологии. Тождество народного и научного суверенитета.

Без уважения,
Лейла Хугаева»

Тогда я опубликовала только эти книги, написанные уже после травмы. Позже были более значительные работы: «Проблемы развития духа. Критика структурализма», «Ось мировой истории. Авраамические религии и век разума».

3. ЗАВЕЩАНИЕ ОТЦА. РУСЛАН ХУГАЕВ, ЗАМПРЕД ПАРТИИ КОММУНИСТЫ РОССИИ (председатель Максим Сурайкин)

Руслан Хугаев, мой родной брат, не старался помочь спецслужбам меня покалечить. Он сделал хуже: он помогал запереть меня в психиатрической клинике, где бы меня покалечили уже умственно. И именно это дало решающие козыри на руки убийцам из Москвы: я приехала в Москву со свежим «прецедентом» попытки суицида. Конечно, Руслан бы один до такого коварного плана не додумался. Но «преступление рождает преступление», как говорят. Он начал с того, что договорился с нотариусом Залиной Агузаровой, которая вела дело о наследстве моего отца, о том, что она скроет завещание, которое мой отец сделал незадолго до смерти, и которое, судя по всему ускорило его смерть.

Отец показал мне это завещание, когда приехал от нотариуса, хоть я и не стала его читать, чтобы не расстраивать его. Черновик завещания, написанный от руки, я публиковала в книге «Братья Хугаевы».

А уже потом, когда после смерти отца, я разоблачила подвох, и Руслан и Залина Агузарова стали говорить, что я не в себе, и что меня надо изолировать от общества. Отец умер в 2008 году в ноябре, в конце того года, когда я опубликовала «Переключи себе ток». Он очень переживал за меня все это время. Тогда же Руслан и его новые знакомые сделали первую попытку упрятать меня в психиатрическую клинику. Меня предупредил Роберт, другой мой брат, и рано утром я попыталась сбежать из города, отправившись сначала в аэропорт, а потом на вокзал. В ту мою поездку в Москву со мной в поезде произошли такие странные вещи, каких не случалось никогда за много лет моей дороги между Москвой и Владикавказом. Лично директор поезда контролировала, чтобы я сидела на своем месте, хотя обычно проводницы сами предлагают за небольшую плату устроить вас поудобнее. Напротив меня сидел странный человек с мешочком за плечами, который с таким легким багажом ехал до самого Питера. И почему то директору поезда необходимо было, чтобы я сидела рядом с этим крепко сбитым мужчиной. Подробности тоже смотрите ниже. Скажу только, что я успела выбежать на одной из станции и сменить поезд, что вероятно спасло мне жизнь. И конечно, опять были все адреса СМИ, и сайт Президента и жалобы на нотариуса Залину Агузарову и просьбы проверки ее нотариата. И опять на какое-то время меня оставили в покое. Тогда я все таки взяла часть наследства отца, и именно это позволило мне выжить после травмы: уже больше четырех лет я живу в своей квартире на Доватора и продолжаю заниматься научным трудом, чего бы мне никто не позволил, если бы я не отобрала свою квартиру. Руслан всегда говорил: ей надо закрыть всякое финансирование, чтобы она перестала писать эти свои книги. Отец напротив

был чрезвычайно горд и именно он был единственным человеком финансировавшим мою работу.

Тем не менее, через семь лет, Руслану представился случай заточить меня в психиатрическую клинику. Однажды, когда я поднялась на крышу дома на Доватора, в котором до сих пор живу, чтобы сделать фотографии приехавшего цирка (я ставлю это фото на обложку книги), приехала полиция. Я спустилась сразу, почуяв недоброе, полицейские встретили меня уже у лифта, и не хотели пускать в дом. Если бы там не было моей матери, они насильно затолкали бы меня в машину и увезли в психушку без всякого обоснования. Однако, и мать меня не спасла. Поскольку, она позвонила старшему сыну — Руслану, тот при мне попросил дать трубку офицеру полиции сказал примерно следующее: «Ей надо помочь. Ее надо отвезти в психиатрическую клинику и пролечить». Вот тогда меня отвезли в клинику. Детали я рассказала в книге «Братья Хугаевы», которую прилагаю в следующей главе.

4. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПАРТИИ «ЯБЛОКО» БАДРИ ГАЗЗАТИ

С Бадри Газзати я познакомилась уже после травмы, когда решила вступить в партию «Яблоко». Он воглавляет владикавказское отделение партии «Яблоко», и приехал сам, чтобы меня регистрировать: «Мне позвонили из Москвы, и я хотел лично познакомиться». Звонили мои друзья из соцсетей в интернете. Бадри Газзати пожалел, что приехал со мной знакомиться, когда услышал мою историю. Он мне сообщил, что состоял советником при Президенте Осетии Т. Агузарове, который скончался в 2016 году, и этим закончилась карьера чиновника и Бадри Газзати. Он сказал мне что близко знаком с нотариусом Залиной Агузаровой и предложил мне ее услуги в оформлении доверенности, игнорируя мои обвинения в адрес нотариуса.

Все это не делает его преступником, если бы он сразу сказал, что не верит в мою версию произошедшего и считает меня злостным клеветником.

Но вместо этого он предложил мне опубликовать интервью в его газете «Свободный взгляд»: «напиши сама и за себя и за меня, а я опубликую». И когда я спустя пару дней отправила ему свой вариант интервью в мессенджере Фейсбука, он одобрил это интервью большим лайком. Конечно, он не сказал, что прочитал интервью, но он слышал все что там написано от меня и он предложил мне напечатать это интервью в его газете. Я не сомневалась, что оно ему понравится.

Позже, он надолго пропал со связи и уже не отвечал ни на какие вопросы и сообщения. А когда я наконец сделала пост на тему в Фейсбуке, он зашел на мою страницу и написал: «Народ, причем тут партия Яблоко? У человека личная трагедия!». То есть выступил против меня, поддержав официальную версию суицида, тогда как все это время делал вид, что он мне друг и единомышленник, и что его «оппозиционная» газета к моим услугам, вплоть до журналистской работы в ней. Абсолютная психология Сырдона у большинства осетин.

Если даже представители демократических партий, журналисты «оппозиционной газеты» ведут такую сложную игру, на кого я могу надеяться? Да, он забрал мои книги, обещал вернуть, и сколько я не звонила его помощникам с просьбой вернуть мои книги, прислать их на такси, он проигнорировал все мои просьбы.

Газзати мне жаловался, что новый президент Битаров снял все правительство Т. Агузарова, у которого он состоял советником. А мне показалось из моего опыта общения с представителями этого правительства, что это лучшее, что сделал Битаров. Например, снял Алана Огоева, бывшего однокурсника, с поста министра образования. Благое дело для просвещения республики.

5. РЕКТОР СОГУ, АЛАН ОГОЕВ

Я надеюсь, бог избавит меня от необходимости не только писать об этом человеке, но и вспоминать о нем в какой-либо

связи. К сожалению, пока тучи вокруг моей изуродованной палачами персоны никак не расходятся, я вынуждена вспоминать о людях, участвовавших в преследовании меня все эти годы до травмы, и внесшие свой вклад в тот результат, который они сегодня имеют.

Этот человек был моим однокурсником на протяжении одного года в СОГУ, потом я перевелась в Плехановскую академию. Мой отец, который содействовал этому переводу, и финансировал мою учебу в Москве спас меня из среды Сырдонов, для которых ум и мудрость — это коварство неба и хитрость земли.

Я обвиняю этого человека в том, что он на протяжении многих лет оказывал на меня настолько плотное психологическое давление, что практически сделал мою научную работу невозможной. Если бы я не имела возможности уезжать в Москву, я действительно погибла бы каким-нибудь образом, настолько сильно было это давление. Это были в основном анонимные звонки, которых было так много, что я месяцами не включала телефон в своей квартире на В. Абаева. Все подробности читайте ниже, в следующей главе, в книге «Братья Хугаевы». Скажу здесь, что когда я, плача, рассказывала в московской полиции, что меня много лет преследуют анонимными звонками, следователь сказал мне, что это «мелкое хулиганство» согласно закону, и что он ничем помочь не может. Правда потом, он посмотрел входящий московский номер на моем телефоне, проверил соседские квартиры, и выяснил имя некоего Вадима Исаева, 1978 года рождения, ровесника Огоева. Потом, при встрече, Огоев не смог мне сказать, что не знаком с Вадимом Исаевым.

Позже я написала эссе «Психологическое насилие или война на поле психической энергии», где старалась доказать, что психологическое давление — это не «мелкое хулиганство», а настоящее насилие, еще более страшное, чем физическое насилие. Я даже отправила эту рукопись (после публикации с ISBN) на сайт Президента России, настолько велико было мое отчаяние. Придет время, и законодательства всех стран будут исходить именно из этих соображений при определении меры вины за психо-

логическое давление. Мера участия этого человека во всех тех страшных бедах, которые приключились со мной позже, мне неизвестна, но я не исключаю его участия, прямого или косвенного. Сырдоны Осетии наверняка как то связаны между собой. Помню, когда мы еще детьми сидели за студенческой партой (ему 17 лет, мне 18 лет), он как то сказал мне сначала что его отец, дед и дядя — генералы, а когда я спросила, знает ли он такого-то мафиози, он гордо ответил: конечно, я сам такой же. Я тогда посмеялась: «А я думаю, что я тебя так уважаю. Немного ограбить, немного убить, да?». «Да, — сказал тогда еще мальчишка, — в жизни надо все попробовать». «У них тоже какой то кодекс чести, все никому не дозволено». «Да!». Судя по всему, он достиг поставленных целей.

Не потому что не считала его способным стать мафиози, там много ума не надо, в 90-е вся страна была бандитской, а потому что мне тогда в детстве казались все мафиози персонажами сказок, которых не может быть в современном просвещенном обществе. Потом, весь мой опыт столкновения с местными силовыми институтами, показал мне, что это глубоко коррумпированные структуры, в самом деле «мафиозные» в этом смысле, так как Сырдоны стараются решать свои вопросы там, где они не прислуживают силовым институтам Москвы, самостоятельно и в тайне и от московской коррупции и от московских законов. «Люди боятся силы», и «курица не птица, женщина не человек», «я не достоин твоего ума, твоего интеллекта», — вот главные фразы, которые характеризуют этого человека и его отношение ко мне. Я требую публичного разбирательства именно с тем, чтобы выяснить меру вины каждого.

Насколько я помню, его отец взял отставку из правительства республики, как многие тогда, после трагедии в бесланской школе. А возьмите любую книгу о знаменитостях Осетии, там везде среди почетных списков генералов идут генералы Огоевы. Мой отец проделал колоссальную работу в республике по восстановлению сельского хозяйства, но кроме пары статей в газетах и грамоты президента Галазова, его труд никак не отметили.

Разве что в книге "Сунжа и сунженцы", которые его благодарные односельчане издали на свои средства.

6. ПОДРУГИ ДЕТСТВА: ЛЕЙЛА И СТЕЛЛА МЕХТИЕВЫ, АЛЕНА ГОТОЕВА

Лейла Мехтиева — обыкновенная домохозяйка, но именно она была «подругой детства». Ее младшая сестра, Стелла Мехтиева, иногда присоединялась к нам, но общались мы очень мало. Стелла стала помощником прокурора очень давно, не знаю, доросла ли она сейчас до прокурора. Знаю только со слов Алены Готоевой, поработавшей у меня четыре недели сиделкой, что она все еще работник прокуратуры: «как мужчина много лет тащит на себе всю семью. Только она неграмотная. Не тянет. Что у нее не спросишь, не может ответить». Нашим подругам детства лучше на язык не попадать.

Мать Лейлы и Стелы тащила своих пятерых детей одна, в буквальном смысле кормила их своей работой в кафе, где ей перепадала какая-то еда. Они были очень бедны, и часто, также как нам, им бывало нечего надеть. В прокуратуру Стелу устроила мама, договорившись с каким-то своим постоянным клиентом в кафе, в котором она как всегда работала официанткой. Я училась с сыном этого юриста (не помню его высокой должности) на эк. факе СОГУ, Роберт Козаев, если я правильно запомнила фамилию. Я понимала, конечно, как они дорожат этим источником пропитания, но ведь они могли просто оставаться в стороне? Зачем участвовать и помогать?

Я рассказывала в своей эмоциональной манере подруге детства свои злоключения после гибели отца, и попытки отобрать у нас с сестрой нашу часть наследства (сестра в конечном итоге сама отказалась от своей части наследства). Тогда, в 2009 году, после смерти отца, когда Роберт мне рассказал, что Руслан готовится заточить меня в психушку, и я сбежала на поезде в Москву, я делилась своими бедами с Лейлой, своей самой близкой подругой. А Лейла рассказывала сестре, которая работала уже

в прокуратуре, и «сидела за одним столом с Залиной Агузаровой». Потом она стала звонить и расспрашивать о моих планах, куда я хочу жаловаться, ответил ли мне сайт Президента, когда я собираюсь ехать в Москву. Что она просто передавала информацию, чтобы меня погубить я поняла уже в поезде, когда напротив меня сел крепко сбитый мужчина с маленьким мешочком за плечами. Тогда я вспомнила лица Лейлы и Стелы и слова ее матери: «Я такой дружбы никогда не видела» Вы как сестры! Это самые лучшие девочки!» Лейла ни разу не зашла меня навестить после травмы, хотя она до сих пор живет в четвертом подъезде того дома, где я живу в первом подъезде.

По возвращении из Москвы я перестала с ними разговаривать. Такой идеальный Сырдон. Как всю жизни они и их мать восхищались моим умом, сколько книг я прочитала в детстве, какие сочинения я писала Лейле, как блестяще я закончила московский ВУЗ, как в 24 года я уже была автором монографии, продававшейся в Библио-глобусе в Москве («Корневые группы в английском языке»). И вот разве не доказали они мне что они, не прочитав ни одной книги, намного умнее меня? И разве не отправили со всем моим умом в психушку? Зато обоих своих детей Лейла отправила по моим стопам в Москву: «Она говорила „Только в Москву!“, — рассказала мне Алена, — и обоих там устроила».

А я то глупая думала, что они меня любят, как я их любила. Как Газданов любил своих друзей. «Друзья-приятели» говорил Коста, зная, что в обществе Сырдона нет друзей у духоборцев.

А вот пару месяцев назад, когда от меня ушла мой настоящий друг Саломе, я обратилась к Алене Готоевой, другой подруге детства: мы общались вчетвером: мы с сестрой, Лейла и Алена. Иногда присоединялась Стела. Конечно, Алена и Лейла продолжают близко общаться, живя в одном доме: «Лейла хотела к тебе зайти и боялась. Честно говоря, они все границы перешли», — сказала она выслушав мою историю. — Они же могли просто не вмешиваться. Я бы никогда такого не сделала. Так вот почему они ни разу не пришли к тебе». Алена тоже

осталась домохозяйкой, бросив многолетние попытки сдать экзамен по теории государства и права Станиславу Кесаеву, грозе и авторитету юридического факультета СОГУ на протяжении многих лет. Сестра моя тоже училась у него и получила пятерку с первого раза, как многие другие студенты. Что надо было говорить Кесаеву на экзаменах, чтобы он отказывался ставить экзамен на протяжении 12 лет? Алена только ходила убираться в пенсионном фонде по утрам, а остальную часть времени проводила дома, с детьми.

— Я знаю Кесаева, — сказала я ей тогда, — я носила к нему свои книги, когда за мной слежку установили за «Переключи себе ток». Сказала, если меня убьют, хочу, чтобы в республике знали, что со мной произошло и за что. Вот эта книга. Он же депутатом был? Я слышала о нем много хорошего. Потом опять другие книги носила, он сказал, мой помощник не осилил ваши книги.

— Мне даже на уровне названий твои книги ничего не говорят. Хороший боевик можно снять, — сказала, сильно смущаясь, Алена.

— Снимут, не один. Только меня уже не будет.

С Аленой мы были в ссоре еще с детства, уже лет тридцать, с Мехтиевыми мы поссорились гораздо позже. За прошедшие тридцать лет мы заговорили впервые: «Я не помню, почему мы поссорились», — сказала она когда зашла. «Я тоже не помню. Какая-то детская туфта». И я действительно не помнила, столько ужасов я пережила с тех пор, что такие мелочи стерлись из моей головы. Но вскоре я все вспомнила, потому что Алена начала с того, что залезла в мои сообщения на телефоне, чего не делал никто до нее, кроме может быть одной сиделки, которая всего один месяц была у меня в больнице. И я впервые за много лет поставила свой айфон на замок, когда поняла, наконец, что постоянно открытые окна вацапа и мессенджера — это не случайность. Тем более, что ее подруга Лейла делала тоже самое тогда, когда меня все травили после смерти отца, открывала мои сообщения, видела что у меня нет никакой поддержки и одергивала Стелу, когда та пыталась выразить сочувствие.

Окончательно все выяснилось, когда я дала ей прочитать книгу «Братья Хугаевы», с большинством героев которой она лично знакома с самого детства. «Так, детям и слабонервным не давать», — сказала я, отдавая ей книгу. Главное что меня поразило, это то, какую оценку она дала книге, словно это был любовный роман или приключения Тома Сойера, или словно бы она каждый день читала такие книги:

— Ты просто рассказала, все как было. Если бы я могла писать, и я бы все рассказала. Этот просто крик души. Видно, что все — правда.

— А про Лейлу и Стелу тоже ничего такого?

— Нет, абсолютно ничего такого там нет.

— А про братьев я плохо написала?

— Нет, ничего плохого ты не написала.

А потом она все же спросила:

— А эта книга не может как-нибудь потеряться?

Кому нужно чтобы она потерялась?

— Нет, не может, она с ISBN. Рукописи не горят.

— Понятно. Да я забыла тебе сказать: я больше не смогу приходить.

Вот это и было настоящим ответом на книгу.

— Лейле скажи. Пусть зайдет, ничего с ней не случится.

— Она сказала, она бы с удовольствием, но у нее мама болеет

Алена уже забыла, что буквально несколько дней назад рассказывала мне, что Лейла проводит все свое время у невестки, совершенно не думая о том, что у ее мамы старческое слабоумие, и она может выпасть из окна или заблудиться где-нибудь. «Честно говоря, — сказала тогда Алена, осторожно подбирая слова, — это очень некрасиво».

— Да, я знала, что она не придет. Главное иметь подружек детства! — засмеялась я. Она не понимала, насколько дико звучит не то, что Лейла не хочет смотреть за матерью и за мной тоже. А то, что она не хочет зайти поздороваться после шести лет трагедии со мной, в течении которых она живет о мной в одном

доме. Если она возмущена клеветой, то почему не выскажет оскорбления? Что это за «ничего такого», и «я бы с удовольствием»? Если нет, то почему не зайдет сказать «как дела?»

— Ну, осадок же остался, — рассмеялась Алена, поняла, наконец, что переигрывает. — Знаешь этот анекдот?

— Ты больше никому книгу не показывай, а то тоже испугаются и убегут.

— А что там страшного? Там ничего нет абсолютно страшного! Ты что подумала я из-за книги? У нас график на работе меняется.

— Странно как-то, только ты там ничего особенного не видишь.

— Ну разгон ты там хороший всем дала, — она поняла что переигрывает. — Если так правду-матку резать, то конечно…

— Мне книга нравится, сказала я. — по крайней мере там видно, кто из нас ебанутый. Все эти люди, которые меня преследовали, или я.

— Ты точно не ебанутая, — криво усмехнулась Алена. — А кто-нибудь еще читал эту книгу?

— Да, они сами все читали. В интернете я выставляла, журналистов отмечала, Фарниева и Газзати. Ирочка читала, мои двоюродные читали.

— А я не поняла, что тебе Газзати сделал?

— Ничего он мне не сделал. В том то и дело. Он представляет партию Яблоко. Он обещал рассказать о нападении на меня в своей газете. Я так и назвала интервью: интервью для Яблока. Он меня выслушал, сделал вид, что он на моей стороне, а сам, скорее всего был в ужасе. А потом вышел на публичную площадку в соцсетях, и сказал что это суицид и все такое. Я жаловалась на него Явлинскому, но никакого ответа.

Я вспомнила, как разнервничалась Ирочка, когда прочитала: она прибежала в тот же вечер и вручила мне ее, словно она ее жгла, и она ни одной минуты больше не могла оставаться с ней в одном доме.

— Как ты можешь так по людям проходиться! Так нельзя! Это неправильно! Все неправильно!

— Ира, — сказала ей я, — это со мной все эти ужасы были, это меня заперли в психушке, это мне сломали спину. Я ничего не придумала про этих людей, только написала, что было.

— Ну извини Лейла, извини меня.

— Ира, даже если ты меня побьешь, я на тебя не обижусь.

Когда я рассказала Алене о реакции Иры и моем ответе, она не нашлась что ответить:

— Она очень мягкая, да?

— Нет, просто она — искренняя!

Я дала эту книгу еще Свете Хугаевой, подруге Саломе, и она плакала над этой книгой. А потом благодарила Саломе, что она мне помогла. Кто-то плакал, кто-то и ругал и плакал, и только Алена не увидела в ней «ничего такого».

А потом когда Алена ушла, и позвонила та женщина, и я услышала голос мужчины в трубке: «скажи что это девочки дали тебе телефон», мне стало не до смеха. «Леля, ты помнишь мадемАузель? Мы с Лекой недавно вспоминали» — это были почти ее первые слова, когда она пришла. Конечно, я помнила. Все свое детство я их смущала своим не по годам развитым интеллектом и способностью легко проглатывать целые тома художественной литературы. И вот однажды, мы сидели втроем у Алены и ждали мою сестру, они попросили меня почитать им вслух «Голову профессора Доуля». Я сделал ошибку, не узнав слова «мадмазель», и читала его как «мадемАузель». Это привело Алену и Лейлу в состояние экстаза, они наверное никогда столько не смеялись. Я сердилась, грозила перестать читать, если они не перстанут смеяться, они обещали молчать, и все начиналось сначала. Потом пришла моя сестра и объяснила мне, что неправа я. «Это «мадмазель», сказала она. Так был посрамлен мой авторитет начитанного человека.

А теперь я вспомнила, как мы поссорились с Аленой. Мы общались больше втроем: мы с сестрой и Лейла. Алена общалась со всем двором, особенно с девочками со второго подъезда, ко-

торых мы мало знали. И вот однажды, когда мы сблизились с девочками со второго подъезда, выяснилось, что Алена рассказывала им про нас самые пикантные вещи, какие могла упомнить, а нам про них то же самое. Мы были так глубоко и искренне возмущены, что вызвали ее на «разборки» и все вместе с ней поссорились. А потом я увидела, как она сидит одна и плачет, натирая свои сапоги снегом. И мне стало жаль ее до боли. Я подошла и обняла ее, а за мной и Лейла, которая еще десять минут назад едко над ней смеялась. Но помирились мы ненадолго.

— А помнишь, как мы написали тебе письмо, когда ты уехала с матерью в Россию? Мы очень старались тебя рассмешить, мы скучали и переживали. А потом ты приехала и принесла письмо и мы вместе его читали? — сказала я, когда она уходила.

— Помню, помню. — она улыбнулась и ушла, уверенная, что Саломе ушла, и теперь я в безвыходном положении, и опять обращусь к ней за помощью. Долго ей ждать придется. Я написала ей в тот вечер: «И пожалуйста, больше совсем не приходи. Я жила без помощи подружек все это время и дальше проживу».

Я вспомнила как она мне говорила: «Кесаев мне всю жизнь испортил. 12 лет я не смогла ему сдать экзамен, а когда он меня увидел на 4 курсе без его экзамена, такой скандал поднял! А полиция — это мое! Я ничего другого кроме юриста не хочу и не люблю! Я в политике ничего не понимаю». Какой способ она нашла выслужить любимым юристам. Ей даже в голову не пришло, что помимо СОГУ и Кесаева в городе было еще несколько других юридических факультетов. Та же Стела закончила коммерческие курсы МГУ в городе.

Такова культура Сырдона в Осетии:

«Развязал Сырдон свой лживый язык и опять уговорил колесо Балсага напасть на Сослана и убить его.

И виляя хвостом тоненько заплакала хитрая лисица.

— Осиротела я без тебя, доблестный Сослан.

— Не плачь понапрасну, лисица. Подойди лучше ближе и насыться мясом моим, которое уношу я в страну мертвых.

Стала лисица жадно лакать кровь Сослана и только схватилась за окровавленные колени как закричал ей Сослан.

— Будь ты проклята! За красивую шубку будут убивать тебя люди, но ни на что не годно будет мясо твое».

Не потому уборщица Алена Готоева ассоциируется к меня с ведьмой на метле с ведром, что она уборщица, и так погрубела и подурнела за эти тридцать лет. Есть у меня друг, сказочная совершенно старушка, Цинари Тедеева, последние двадцать лет работает уборщицей в больнице, но когда я ее вижу, я вижу крылья ангела у нее за плечами. А потому, что Алена торгует совестью, как все люди, о которых я писала в этой главе. Лейла, Стела, Алена торгуют друзьями. Правильно говорил Коста друзьям — приятелям, что они торгаши совестью, и что лучше быть одному. Тебе уборщицей работать надоело, подружка? Кесаев тебе жизнь испортил? Кесаев молодец, продажных ментов итак хватает. Лучше быть честной уборщицей, какой была Лейлына и Стелына мама, Алета, всю жизнь официанткой в кафе, и кормить детей чаевыми и остатками еды, чем быть прокурором, и торговать законом и друзьями. Это называется проституцией.

Гайто Газданов пишет в «Ночных дорогах», что у проституток особенные глаза, с животной непрозрачной пленкой, за которой невидно интеллекта. И что такие же глаза у всех людей с животным инстинктом, которые считают духоборцев сумасшедшими. И вы с Лейлой, книги никогда в руках не держали, с теми самыми непрозрачными глазами теперь торгуете друзьями, которые в прямом смысле кровь свою над книгами много лет проливали? «Мы недавно вспоминали мадемАузель, ха-хаха!» И какое место вы опять для мадемАузель придумали, подружки? Лучше быть честной уборщицей и кормить детей чаевыми, чем торговать совестью и друзьями.

Залина Агузарова торгует законом, Бадри Газзати торгует правдой в своей газете, Алан Огоев торгует наукой, мой брат

Руслан Хугаев торгует своей сестрой. У всех этих торгашей совестью эти животные глаза с непрозрачной пленкой и полным отсутствием души. Ренан пишет, преступление рождает преступление. Нагадили один раз — надо добить, чтобы замести следы преступления.

А я считаю, что это культура стыда сармато-аланов, которым главное засыпать песком, где нагадили, чтобы никто не увидел, а совесть их беспокоить не будет. Культуры совести нет, вот в чем беда. Нет никакого представления о нравственности. Вы можете себе представить, чтобы эти люди вышли и покаялись, то есть сделали что то по настоящему мужественное и достойное?

Пусть они убийцы, воры, насильники, проститутки, и пусть их жертва — ученый, посвятивший всю жизнь науке и совести, духоборчеству, а они все равно докажут, что они правы! Они все равно такие хитрые Сырдоны, такое коварство неба и хитрость земли, так все подстроят и перевернут, что я останусь умалишенной калекой, а они — солью нации и жертвами клеветы.

Меня обмануть труднее, Алена, чем сдать экзамен Кесаеву, иначе меня давно бы черви грызли в могиле. ВОт почему я требую публичного разыирательства! ЧТобы эти люди вылезли из темных углов, в которых они прячутся столько лет и наконец признали свою вину. Или обвинили меня в клевете, а люди решат на чьей стороне правда. Но чтобы был публичный суд!

А вы, осетины, выбирайте на чьей вы стороне: на стороне убийц и проституток, или на стороне духоборцев? Какая культура вам ближе: культура стыда Сырдонов или культура совести Коста и Газданова?

«Такого позора никогда не бывало еще среди нартов. Да погибните вы нарты! Право лучше было бы мне видеть гибель всего вашего рода, чем узнать какое черное бесчестье перенесли вы от этого черного осла. Сражаться вы не сможете, но хоть издали посмотрите как стану я с ним биться, — крикнул им Батрадз».

ГЛАВА 8
ПРИЛОЖЕНИЕ. КНИГА «БРАТЬЯ ХУГАЕВЫ И ВТОРОЕ ОСЕВОЕ ВРЕМЯ» ISBN 978-5-4498-3714-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двенадцать лет назад, в 2008 году, не стало моего отца, Романа Ясоновича Хугаева. Он был очень одаренным человеком. Интеллектом, энергией, волей. Несмотря ни на что, — ни на трудности нищего детства, ни на плохое здоровье, ни на недостаточное образование, — он сумел стать настоящим человеком, продуктивным, конструктивным, положительным. Он любил литературу и мечтал состояться на этом поприще, но признал свое поражение. Он стал агрономом и приложил к своей профессии всю свою неуемную энергию. Он был не только хорошим агрономом, но еще и превосходным организатором. Он умел увлечь людей своим энтузиазмом и работа всегда кипела там, где был он. В 27 лет он уже руководил совхозом. Он поднимал хозяйства, высаживал сады, получал награды и грамоты. Он любил свою работу, любил людей, любил своих родственников. Пока он был жив он поддерживал связи со всем своим большим семейством, а их было девять человек, четыре брата и пять сестер. И везде куда он приходил слышался его громкий раскатистый смех, шутки, иногда жаркие дебаты. Он построил большой дом в своем родном селе для себя и просторный клуб для всего села. Он прожил жизнь с чистой совестью и умер честным чело-

веком, который построил свою жизнь сам и помогал другим по мере возможности.

Прожить такую жизнь, когда ты вырос дичком в горах, очень трудно. Не каждый на это способен. Я уверена, что если бы отец начинал не с нуля, а получил воспитание и образование, он занял бы значительное место в культурной жизни своего времени. Он часто шутя называл себя гением, и мы смеялись вместе с ним, но он был гением в смысле природной одаренности энергией и мне понадобилось много лет, чтобы это понять.

Отец совмещал в себе волю руководителя и чувствительность поэта. Его сыновьями не родились такими одаренными как он. Обычными людьми со средними способностями. Старший сын унаследовал волю, двое других чувствительность. Отец помог им выучиться, кому в Осетии, кому в Москве, но не уделил им достаточно времени. Они тоже росли дичком, почти также как он сам в свое время. И у них не было его одаренности. Они не смогли сделать того, что сделал в свое время он сам: преодолеть самостоятельно все препятствия и состояться как продуктивные люди. Неуемное честолюбие отца, которое у него проявлялось во всем, и в его восхищении литературой, и в его любви к театру, и в его профессионализме в поле, и в его любви к людям и умении их организовать, у Руслана превратилось в страсть к политике. Поэтическая чувствительность отца отразилась в способностях его младших сыновей, которые стали самостоятельно искать книги, знания, этического и эстетического развития. Я уверена, что они состоялись бы как интересные интеллигентные люди, и смогли прожить бы хорошие жизни, если бы в свое время их потребность в знании была удовлетворена, и их юность не омрачилась стрессом связанным с разводом родителей.

Однако, случилось то, что случилось. Стресс и нищета, в которой они росли, недостаток образования, культ силы, принятый в малокультурных обществах, все это способствовало тому интеллектуальному и нравственному сдвигу, который в конечном итоге привел к такой трагичной развязке. Тот корабль, который

с таким могучим напором, энтузиазмом и радостью строил отец, вдруг дал пробоину и стремительно пошел ко дну.

1. ПОХОРОНЫ

Тогда все беды пришли одновременно, раздавив меня своей неподъемной тяжестью. Сначала я опубликовала книгу в московском издательстве «Спутник +»: «Переключи себе ток». Это было в 2008 году. Она до сих пор лежит в ленинской библиотеке, я проверяла недавно в электронном каталоге в интернете. А совсем недавно, в 2019 году, я ее переиздала в другом московском издательстве «Издательские решения Ридеро». Это дополненное издание называется иначе: «Романтизм и реализм, или Лелия и Леля».

После первой публикации меня чуть не убили. По крайней мере, совершенно очевидно была установлена слежка. Мне казалось, что поскольку в книге пострадавшая сторона я, то мне помогут восстановить справедливость. И только когда я увидела реальные следствия своей попытки разоблачить образовательную систему, и заявить об открытии психической энергии в обход этой системы, я поняла как горько я заблуждалась. Охота была объявлена на меня, на беззащитного ученого, посвятившего свою жизнь науке.

Я заметила слежку в Москве, во время очередного посещения ленинской библиотеки. Я стала писать и звонить во все СМИ, по всем адресам и телефонам, которые нашла в интернете. Потом, когда хотела заехать забрать уже отпечатанные 50 экземпляров (минус 16 копий в Книжную палату и библиотеки), поняла, что меня там ждут, и не поехала. Вместо этого я купила билет на ближайший поезд во Владикавказ и уехала домой. Я поступила правильно. Хоть это не остановило слежку, все же в Осетии им было сложнее меня поймать, по крайней мере, приходилось посвящать в это еще и местные органы власти, так сказать.

Книги забрал Роланд, младший из трех старших братьев, который тоже учился и долгое время жил в Москве, и прислал мне

их во Владикавказ на поезде, через проводницу. Я пришла на вокзал с сильно бьющимся сердцем. Я уже замечала и в городе постоянную слежку. Какой то лысый качок ходил за мной по пятам, причем всякий раз когда я оборачивалась, он смотрел не как все люди прямо перед собой, а так, словно марширoвал на параде с «равнением налево». Пока я искала нужный вагон, я все озиралась и внимательно смотрела по сторонам. Мое внимание привлек мужчина в черной кожаной куртке с каменным лицом. Было видно что он пришел много раньше меня и ждал у того самого вагона, который я искала. Когда я прошла мимо него, я обернулась. Он поднял рацию и что-то сказал. Моя интуиция меня не подвела. Мое сердце забилось еще чаще, я с большим трудом заставила себя выполнить свою миссию до конца: взяла книги у проводницы и пошла искать такси.

Искать такси было особенно страшно. Как я могла знать, что не попаду прямо в логово врага. Я смотрела вокруг потерянными глазами, с ужасом вглядываясь в каждого предлагавшего свои услуги таксиста. Наконец я заметила, что одно такси готово отъезжать всего с одним пассажиром: «Возьмите меня тоже пожалуйста. Я заплачу, сколько скажите!». Они не смогли мне отказать. Уже в дороге, я постоянно оборачивалась, чтобы проверить, нет ли за мной слежки. И снова моя интуиция меня не подвела: за нами неотступно ехала белая девятка. Я тщательно записала ее номера на всякий случай, и попросила шофера не заезжать во двор дома, остановив машину между нашим и соседним домом. Когда машина остановилась, я спросила шофера что это за номера. «А номер региона какой там» — спросил он в ответ. «Что? Я не знаю. Это все цифры и буквы, которые были на номере машины». «Не может быть, — сказал он, — вы наверное не заметили еще номер региона». «Я очень тщательно несколько раз проверила. А что без номера региона не бывает номеров?» «Ну, может быть ФСБ», — неуверенно сказал шофер и я больше ничего не стала спрашивать. Я только оглянулась и увидела, что эта самая девятка вдруг стала делать странные движения. Они перепутали подъезд жилого дома с магазином в лицевом фасаде со-

седнего дома и припарковались там, прямо на асфальте для пешеходов. Потом, увидав свою ошибку, дернулись назад, и уже больше не ожидая меня, уехали. Только тогда я вышла из машины, горячо поблагодарив водителя и переплатив ему за ожидание у дома. Мне все стало ясно.

Мы жили тогда вдвоем с отцом в этой квартире в районе ОЗАТЭ. У отца была еще квартира возле гостиницы Владикавказ, где мы жили с ним раньше, еще в мою бытность студенткой в СОГУ, но теперь он ее сдавал. Когда я поднялась, отца дома не было. Я схватила одну из присланных из Москвы книг, вызвала такси и поехала в Правительство Осетии, к Станиславу Кесаеву, которого очень хвалила моя сестра, бывшая его студенткой на юридическом факультете СОГУ, за ум и честность. Мне пришлось долго ждать, но на прием я попала. Я положила книгу ему на стол, сказала что он возможно знает моего отца, который тоже работал в правительстве в должности заместителя министра сельского хозяйства, что меня возможно хотят убить и возможно убьют за эту книгу, и что если так и произойдет, я хочу чтобы в республике знали об этой книге, об открытии психической энергии, и о том, кто и почему меня убил. Кесаев был очень удивлен, но виду не подал. «Успокойтесь, вы как то сильно нервничаете. Положите книгу там, на столе», — он указал мне на длинный стол, сплошь заставленный томами другой литературы. После этого мне стало немного легче, по крайней мере в республике будут знать о причинах моей смерти. Это конечно все были иллюзии, республике не нужна была ни я, ни мое открытие, ни тем более причины моей смерти. Впрочем, Кесаеву я благодарна за то, что он меня принял в тот день и позже, в 2015 году, накануне нападения на меня, меня примет его помощник. Да, я доживу до 2015 года. Позже, когда мне уже сломают позвоночник, и я выеду из реанимации Склифа назад во Владикавказ, Кесаев подтвердит по телефону, что книги мои, которые я передала его помощнику на приеме, он получил. Правда, заявление, в котором я писала об открытии психической энергии, и о противодействии властей, почему то не было

зарегистрировано. Это были книги по теории психической энергии: «Власть и контроли или импотенция современной психологии», «Болезнь эго-девственности», «Россия между открытым и закрытым обществом». Станислав Кесаев подтвердил тогда по телефону, что его помощник передал ему их.

На следующее утро я засобиралась ехать в село, в Сунжу, где отец уже много лет назад, построил просторный дом с садом, чтобы пересидеть это тяжелое время там. Я вызвала такси. Мне пришлось ждать значительно дольше обычного. Когда наконец такси приехало, оказалось что машина другая, не та, которую мне сказал оператор по телефону. Я выглянула в окно и окрикнула шофера: «Машина поменялась!» Из машины вышел человек не кавказской внешности, скорее всего славянин, в очень хорошей спортивной форме, в щеголеватом шелковом черном костюме, открывавшем налитые бицепсы, и сдвинутой на глаза кепке. Он помахал мне рукой, чтобы я спускалась. «Я передумала!» — твердо сказала я, давая понять, чтобы он уезжал. Но он не подумал уезжать, упорно ожидая меня внизу у подъезда. Я набрала оператору: «Что это значит? Почему он не уезжает? У вас поменялась машина, а я передумала ехать! Пусть уезжает!» «Хорошо, только заплатите ему сорок рублей за приезд». Должна сказать, что ни до этого случая, ни после никогда не было случая чтобы приехала не та машина, которую указал мне оператор.

Когда этот странный тип вновь вышел из машины с низко надвинутой на глаза кепкой, подобрал сброшенные мной сорок рублей и уехал, наконец, восвояси, я обернулась и увидела крепко спящего отца. Мне стало не по себе. Я знала, как он меня любил. И вот за его дочерью приехали убийцы, а он бедняга спал, и будь у меня менее пытливый ум, я бы уже была в руках этих бандитов. Страшно подумать, что бы они со мной сделали. Я навсегда запомнила это утро, и безмятежный сон отца на фоне приехавшей за мной машины с бандитами. Как беззащитны мы были!

Мы с отцом в то время много говорили об этом. Он знал, что я опубликовала книгу, что за мной следят и очень переживал. Я

переживала еще больше, я была сама не своя. Мне страшно было попасть живой в руки к этим людям. Отец все видел, и очень нервничал, хотя старался не подавать виду. Однажды вечером, когда он ехал в трамвае на квартиру к своему больному старшему брату, его ноги ослабели, и он, спускаясь с трамвая, упал лицом вниз на асфальт. Он расшиб колено и попал в больницу. Ему прооперировали ногу. Его старший сын Руслан и младший сын Роланд ездили к нему в больницу, как это обычно бывает в таких случаях. Вскоре его выписали и он попросил отвезти его в Сунжу на период выздоровления. Я тоже поехала в Сунжу, чтобы быть поближе к отцу и подальше от тех людей, которые следили за каждым моим шагом. Отец очень гордился тем, что я вскопала весь сад, особенно потому что его сыновья наотрез в грубой форме отказывались работать в саду, когда он их просил. И он неловко прыгая на одной ноге, приковылял тогда ко мне в сад и с умиленной блаженной улыбкой смотрел на результаты моей работы. «Это трактор», — смеялась его любимая сестра Нуца, фамильярно хлопая меня по плечу.

Вот тогда то все и произошло. Однажды вечером, мы с отцом очередной раз имели долгую философскую беседу по поводу всего, что произошло и что еще могло произойти. Я уже не помню, о чем мы говорили, важно, что мы просто по душам поговорили. Бог дал мне возможность попрощаться с отцом. Я никак не могла предполагать, что это наш последний разговор. Напротив, он шел на поправку, находился уже в своем обычном приподнятом настроении. Утром следующего дня или через день, он собирался уже ехать домой, так как нога его уже почти поправилась, и надо было снимать гипс. Но он не дожил до утра следующего дня.

В девятом часу ко мне вбежал его младший сын Роланд и надрывным голосом сообщил: «Леля! Леля! Роман умер!»

Умер мой отец, а я осталась жить еще целых семь лет, вплоть до того дня, когда мне сломают в 2015 году в Москве позвоночник. Дальнейшее мое существование жизнью уже не было, хоть я и успела написать еще несколько книг, уже сидя в кресле. Мой

отец умер в ноябре 2008 года, сегодня начало 2020 года. Пошел двенадцатый год с тех страшных событий.

Все, что происходило в тот день на похоронах, для меня делилось на два периода. Первый, когда я была в шоке от полученного известия о внезапной смерти отца, — ведь он собирался ехать домой, начинать новую жизнь, он раздумывал жениться или нет, и меня спрашивал. Я сказала ему: «женись, кто-то должен за тобой смотреть». И второй период, когда меня осенило подозрение, что отец не умер, а был убит. Да, именно так, убит, как бы страшно это не звучало. Отец не отличался хорошим здоровьем, ему было за семьдесят (точной даты никто не знал, потому что в горах, где он родился, не было свидетельств о рождении). Он перенес тяжелую операцию на шунтирование сердца в 1998 году в подмосковной клинике у профессора Окчурина, того самого, который делал аналогичную операцию Ельцину. И после недавнего обследования, ему предстояла еще одна операция на сердце. Я была вместе с ним в Москве, когда ему сказали, что у него опять серьезные проблемы и без очередной операции на сердце не обойтись. Я тогда очень удивлялась его выдержке. Он часто голодал для очищения организма и тогда прилетел после суточного голодания. А на следующий день, не прерывая голодовки, отправился вместе со мной в больницу. Я помню, как врач посмотрела нам прямо в глаза и сказала, что без операции ему осталось немного жить. И помню, как я потеряла сознание. Отец с прежним самообладанием помогал засуетившемуся вокруг меня медперсоналу привести меня в чувство. Врач выписала ему курс подготовительного к операции лечения, и отец строго принимал все таблетки по указанной схеме. И вот теперь он вскоре должен был лететь на операцию в Москву.

С этой стороны все было весьма логично и правдоподобно. Он был болен сердцем, и потом еще эти неприятности с операцией на сломанном колене. Роланд, его младший сын, часто потом рассказывал, как отменную шутку, что отец попросил его убить себя, чтобы не мучиться. «Амар ма», — сказал он ему по осетински. Это было трогательно и наивно, потому что все мы

знали неистребимое жизнелюбие Романа, только склонность к поэзии и всегдашний юмор мог его подвинуть на такие патетические слова. И мы все смеялись этой шутке.

И менее больные люди внезапно умирают, не это меня озадачило в тот день на похоронах. Человек может идти на поправку, планировать лететь в Москву на операцию, а потом жениться, и вместо этого умереть. Мои сомнения начались после того, как мой двоюродный брат, Тамик, ныне покойный, обратил мое внимание на тот факт, что не было врача.

— А когда врач приходил?

— Врач не приходил.

— А как вы узнали, что он умер?

Я пожала плечами, оставаясь в том же умственном и эмоциональном ступоре, в который меня погрузило известие о внезапной кончине отца. И вдруг меня словно молния пронзила мысль, и я громко сказала:

— А врача же не было!

Тамик сочувственно на меня посмотрел и обнял, успокаивая. Он решил, что мне просто стало плохо. А я с этой минуты стала неотступно думать обо всем, что произошло, и мне уже не казалось это естественным. Я вдруг вспомнила, как соседи, беженцы из Южной Осетии, которых Роман поселил в заброшенной школе напротив нашего дома, которую он приобрел по сходной цене, говорили, что видели ранним утром (часов в 5 утра) машину, которая стояла у нашего дома. Они очень удивлялись столь раннему визиту, и теперь считали, что смерть Романа все объясняет. Однако никто не мог объяснить им, что это за машина стояла у ворот дома.

Чем больше я думала обо всем этом, тем больше, к своему вящему ужасу, я убеждалась в том, что все было совсем неестественно. Я бы много тогда дала, чтобы убедиться, что это пустые сомнения, но чем дальше, тем больше подтверждений я находила. И мне становилось так больно, что-то словно собралось в ком в моей груди, и разрывалось с дикой болью. Больше всего угнетала мысль о неотвратимости всего произошедшего. Дога-

дайся я немного раньше, и мой отец был бы сейчас живым. Вот какие мысли стали угнетать меня.

Я вспомнила, что Роланд, младший сын отца, встал в этот день необъяснимо рано. Обычно он не выходил из своей комнаты до 12 часов. В тот день он разбудил меня в девятом часу с известием о смерти Романа. С уже готовым известием, думала я. Откуда он знал, что Роман умер? Кто ему сказал? Он уверил нас, что встал утром, зашел к отцу и нашел его мертвым. Удивительно, что такой бред никому не показался странным. Как мог этот парень, никогда и нигде кроме похорон не видевший трупа, определить и диагностировать смерть своего отца? В лучшем случае он мог видеть, что ему плохо, очень плохо. Но ведь даже остановка сердца не говорит о смерти человека. Как же тут не врачу знать, что кто-то уже мертв? Когда мне сломали позвоночник, у меня остановилось сердце, наверное, я очень была похожа на труп, неужели Роланд мог бы сказать, мертва я или нет?

А об отце он именно это знал и настолько верил своему диагнозу, что пошел и открыл ворота, и объявил всему селу, что в доме «зиан», то есть смерть и похороны. На тот момент, когда он открыл ворота, как полагается при «зиан», в доме кроме него, меня, Нуцы и Ольги, другой больной сестры отца, никого не было. А Роланд уже знал, что отец мертв. Меня настолько ошарашило это сообщение о смерти отца, что тогда я прошла мимо всех этих нелепостей и не обратила на них никакого внимания. Я тогда сразу побежала в комнату отца, обняла его, стала целовать и трясти его голову, призывая проснуться. Он только начал холодеть, тепло жизни еще неокончательно ушло из его тела. И вдруг, когда я схватила его за голову, один глаз словно открылся, и я увидела застывшее в нем выражение словно прозрения, как будто он о чем то догадался или хотел в чем то предупредить меня. Это выражение его глаз окончательно меня шокировало. Я бессильно рухнула у его ног, обнимая его больную ногу и плача навзрыд. Роланд зачем то запирался в своей комнате и о чем то подолгу говорил со старшим

братом по телефону. Зачем надо было запираться, думала теперь я? Тогда мне казалось это естественным, потому что первой мыслью братьев после смерти отца должна была стать мысль о наследстве, и следовательно, они начнут интриговать и секретничать. Я помню как Мухтар, сын сестры отца, сказал, что не успеет Роман умереть, как они передерутся за наследство. Для всех было ожидаемым такое поведение. Но они сумели всех удивить. Ни одного из братьев, кроме Роланда не оказалось в городе. Руслан был в Москве, а Роберта, среднего сына Романа, если мне не изменяет память, это известие застало в Цее. Потом, когда я уже открыто обвинила их в причастности к смерти отца, они говорили мне, что их не было в Осетии. Но зачем были нужны все трое на месте?

Спустя какое-то время после того, как о смерти было объявлено официально, пришли две местные сельские медсестры с тонометром. Они при мне померили давление, послушали пульс, и записали где-то там у себя факт смерти. На этом все врачебное освидетельствование было закончено.

Потом меня выгнал из комнаты Роланд, сказал, что должны приехать те люди, которые анатомируют трупы. Опять таки не знаю, насколько это в порядке вещей, что его никуда не возили, а все сделали тут же, в сельском доме, с удивительной поспешностью. Я послушно вышла из комнаты. Даже если бы я хотела как то воспротивиться, у меня не было ни средств, ни полномочий вмешиваться в процесс. Тем более, если о смерти уже было официально объявлено, и люди десятками заходили в открытые ворота. Но на тот момент мне еще не приходило в голову, что что-то может быть не так. Потом приехала Ада, жена старшего брата Руслана, вместе с моей матерью Зоей, и я уехала с Адой в город на ее машине забрать какие-то вещи с квартиры Романа.

К тому времени как я вернулась уже приехала моя сестра с мужем, начали собираться родственники. Сестра была глубоко опечалена произошедшим, все последнее время она часто навещала отца в селе. Она сразу стала спрашивать про врача,

вопрос, который первым пришел бы в голову любому здравому человеку. «Никакой врач сюда не придет!», — сказал Роланд и закрыл собой дверь. Дискуссия была закончена. Теперь, после разговора с Тамиком, я стояла молча в стороне, наблюдая толпу людей, пришедших отдать последний долг усопшему, и думала о том, что все может быть было гораздо хуже, чем они думали. Я не хотела верить в это до последнего, но отказаться от своих сомнений уже не могла.

Я вспомнила, как Роланд в последнее время категорически отказывался играть с отцом в шашки, и бедный старик очень обижался на это, потому что раньше они часами смеялись за шашками вдвоем. Вместо этого он стал надевать капюшон от мастерки по самые глаза или запирался в своей комнате. Вспомнила, как меня несколько раз напугало внезапное отключение электричества в доме. Вспомнила, как Роланд настаивал на том, чтобы Нуца в эти последние ночи не спала рядом с комнатой Романа. Вспомнила, как Роланд и Роберт запирались в летней кухне и подолгу о чем-то говорили, при чем бросалось в глаза, что они приняли все меры, чтобы их не подслушали. Дверь была захлопнута наглухо, хотя обычно ее просто прикрывают или вообще держат открытой. Меня это тогда поразило, и я еще подумала, что если была бы возможность послушать их глупости, стоило бы это сделать. Но нет, к сожалению, послушать о чем они говорили было невозможно. Вспомнились вдруг слова Нуцы после визита Руслана, старшего сына Романа: «Куыд посторонний афта!» Она сказала все на осетинском, кроме слова «посторонний». Она вообще с трудом выговаривала несколько русских слов, и мне запомнилось это ее выражение. Я вдруг подумала о Нуце: может больше всех в эту ночь потеряла эта старушка, посвятившая своему брату жизнь. Отец обычно с умилением и какой то особенной нежностью в голосе говорил, что «Нуся пойдет прямо в рай». Эта истина казалась ему неопровержимой. Я вспомнила, что отец раздумывал жениться ли на Залине, девушке, которую мы все хорошо знали, и с которой он последние годы встречался. Вспомнила, что отец пока болел

с оперированной ногой в Сунже, специально ездил в город, чтобы заверить у нотариуса завещание. Он очень избегал темы смерти, и я знала, чего ему стоило решиться на этот шаг. Одно дело говорить о смерти абстрактно, другое дело предпринимать конкретные шаги на тот случай, когда тебя уже не будет. Он решился, он посмотрел смерти в глаза. Когда он приехал он был очень доволен и даже как то горд своим поступком. «Лейла, я сегодня сделал завещание у нотариуса! — сообщил он мне, когда я вошла в комнату и села по обыкновению в кресло напротив него. — Оно вон там, на шифоньере, возьми, посмотри!». Я отмахнулась. «Не надо, ты еще очень долго будешь жить. Даст Бог, я раньше умру. Ничего не хочу смотреть». И вышла из комнаты. Если бы я взяла в руки то завещание, может быть отец остался бы жить. По крайней мере, еще какое-то время. Ведь смысл того что с ним сделали, сводился к тому, чтобы договориться с нотариусом не показывать завещание никому, пока об этом завещании еще никто не знал. Потом он еще несколько раз заговаривал на эту тему, но я всегда отказывалась слушать. Отец отдал завещание на хранение Нуце, уверенный, что это единственные руки, которым можно полностью доверять. Однако, чьи руки могут быть более беззащитными, чем руки неграмотной старушки? Мои двоюродные сестры говорили мне на следующий день после похорон, что Руслан и Ада перерыли весь дом в поисках завещания, поскольку Нуца, по своему обыкновению, забыла то место, где спрятала непонятную ей бумажку. Конечно, ей сделали строгое внушение держать все в секрете. И конечно она повиновалась, интуитивно чувствуя, что это новая власть в доме.

И вот теперь все складывалось в стройную картину. Они испугались завещания, думала я. Роланд перестал с ним общаться накануне, чтобы хватило сил сделать это. Скорее всего, они подменили ему таблетки. Видимо и свет отключали для этого. Пока мы с Романом сидели в темноте в моей комнате, он зашел к нему в комнату и подменил таблетки. Роман принял очередную порцию таблеток на ночь и умер. Это был тот самый курс

лечения, который Роману выписала врач в Москве, и который он как всегда дисциплинированно принимал, готовясь к операции. Я вспомнила, как Роланд любил пересказывать шутку последних недель, как Роман попросил его убить себя, чтобы облегчить его страдания. Видимо так и пришла к ним первая мысль, подумала я. Они убедили себя, что сделали это не для завещания, а для того чтобы облегчить его страдания. А машина, которая стояла с утра у ворот дома — это тот самый врач, который приехал проверить действие таблеток, и сказал Роланду, что можно говорить о смерти Романа.

— Как живой, — вдруг сказала Тоня, дочь сестры Романа, которая сидела у гроба отца, — разве у него могло быть такое свежее лицо, если бы он умер от сердца? Наверное, это не сердце. Что врач говорит? — она просто сказала свои мысли вслух, причитая у гроба, не имея никакой задней мысли.

Мне стало совсем плохо. Я подошла к сестре и скороговоркой сказала свои подозрения, которые буквально душили меня: они испугались его женитьбы, они подменили ему таблетки, врача не было, его убили. Сказала и отошла. Я знала, что мои слова произведут эффект разорвавшейся бомбы. Сестра промолчала и ничего не сказала. Но потом подошла и строго меня отчитала: «Я понимаю, что тебе плохо. Всем плохо. Но чтобы больше я таких глупостей не слышала. Ты меня поняла?». У нее были опухшие от слез глаза, как и у меня, и я больше ничего не посмела ей говорить.

Однако я внимательно следила за происходящим. Я заметила, как вздрогнула Ада, жена Руслана, когда соседка-беженка принялась очередной раз рассказывать про машину, которая дежурила рано утром у наших ворот. Видимо она потом сделала внушение этой женщине, потому что после этого она перестала говорить об этой машине. Затем я обратила внимание, что руки отца были как будто ярко желтыми, и это привлекало внимание людей. Лицо тоже отдавало желтизной, но не так как руки. Люди тоже заметили это, думала я, значит, мне не показалось. И вдруг у меня на глазах подошла Ада и прикрыла кисти его рук шелко-

вым покрывалом. Я посмотрела ей в лицо. Она была уверена, что никто не понимал смысла того, что она делала. Когда она ушла, подошла женщина и открыла руки с возгласом возмущения. Через какое-то время снова вошла Ада и снова прикрыла его желтые руки покрывалом. Для меня это стало точкой, которая к моему собственному ужасу убедила меня в правильности моих подозрений. Но я понимала, что для других у меня пока нет ничего.

Я сидела в своей комнате, которая граничит с единственной в этом большом доме ванной. И вдруг услышала подавленный смех Роберта, второго сына Романа. Он смеялся, уверенный, что его никто не слышит. А между с тем с моей стороны его слышала я, а со стороны другой двери в ванну его слышала Тоня, которая хотела войти и не могла. Позже она рассказала об этом смехе Свете, своей родной сестре. «Представляешь, Света он заперся в ванной и хохотал», — сказала ей я позже, когда уже всем рассказала о своих подозрениях. — «Зачем он смеялся? Этот смех еще кто-кто слышал!» Она говорила осторожно. Потом они все вообще перестанут говорить на эту тему. И это понятно. «Тоня?» — спросила я. Я слышала, как она спрашивала с той стороны ванны, кто там. — «Да», — сказала Света.

Эта эмоциональная реакция как ничто другое говорит о его душевном нездоровье. Он не был злодеем из мультиков, которые совершают свои низкие преступления со злорадным хохотом. Он был в какой-то мере юродивым, как и его младший брат, и как и тот больше играл роль, чем жил. Их мучила с юношества мысль о своей несостоятельности, они искали Эго, как все кого раздавила «культура насилия», и не видели настоящего «я». Преступления вообще совершаются нездоровыми людьми. «У нас изменился статус», — сказал кому-то Роберт.

Никто не хотел верить мне или по крайней мер показывать, что они поверили, хотя все в свое время убедились в моей правоте. Аза, дочь брата Романа и моя двоюродная сестра, говорила мне тогда, что Роланд заехал к ней в тот день, когда отвез Романа с больной ногой к нотариусу. «Он оставил Романа

у нотариуса, а сам, чтобы не ждать заехал к нам. Смеялся и рассказывал, что Роман приехал заверить завещание у нотариуса. А потом через какое то время поехал его забирать». Это был нотариат Залины Агузаровой, в самом центре города, где находились обе квартиры Романа. Очевидно, что его чистую до этого поступка душу, не посещали те страшные мысли на тот момент, которые теперь привели к такой развязке. Он с чистой совестью рассказал Азе, что привез Романа к нотариусу заверить завещание. Однако, Аза тоже как все после первого шока разоблачения очнулась и решила, что такие неприятности ей не нужны. Соображения абстрактной справедливости ей были неинтересны. Зачем же ей было втягиваться в это дело и становиться свидетелем обвинения. Она взяла свои слова обратно. Никто к ней не заезжал и она не помнит, чтобы говорила, что-либо подобное. Она была не одинока. Так стали вести себя все, как только очнулись от первого шока. Света тоже считала это провокацией никому ненужного скандала и даже позора, и поскольку Роману уже ничем нельзя было помочь, то и величайшей глупостью. Для меня это стало не только вопросом чести, чести Романа, прежде всего, смерть которого взывала если не к отмщению, то хотя бы к разоблачению, но и вопросом безопасности. Я понимала, что если это первое большое преступление против совести сойдет им сейчас с рук, это будут уже другие люди.

Когда я увидела Роберта одного в комнате, я подошла к нему и спросила: «А где завещание?» «Что?», — сделал он вид, что не понял. «Где завещание?» «Не было никакого завещания». И он заулыбался предательской улыбкой, не в силах себя сдержать, или не считая нужным себя сдерживать. «Значит, я правильно все поняла. Это ваши черные души...» «Может и черные, ну и что», — засмеялся он разоблачено. Было очевидно, что он не понимает всю серьезность происходящего. Он часто говорит свои мысли вслух, не умея их скрывать, точно также как от души веселился проделке, которую они учинили. Без особого злорадства, просто как школьник, который удачно взорвал петарду

в общественном месте. И тогда, я не выдержала. Я схватила его за рукав и закричала:

— Роберт, зачем вы убили Романа? Зачем вы убили Романа? — я билась в истерике.

Он стал нервно хохотать. Это разоблачение поймало его врасплох, он был не готов, и не успел защититься.

— Ну, убили и убили, — сказал он оправдываясь, — козел он был!

Вот тогда я поняла, что это действительно правда, и мне сдавило горло от жалости к Роману, и от сознания величины горя, которое на нас свалилось.

Младший сын Руслана, внук Романа, тогда еще мальчик лет шести, услышал нас и стал громко плакать. Когда то я часто водила его в его любимое кафе. Я видела его сыновей уже взрослыми года четыре назад, они зашли проведать меня после травмы.

— Я вам это так не оставлю, — сказала я, падая в изнеможении на диван. — Я расскажу всем в селе, я постучу в каждую дверь.

— А он этого не боится! — Роланд тоже пришел к тому времени. Было уже поздно, все разъехались по домам. Оставались только мы и Нуца. Он старался хитрить, но я видела как он задергался и занервничал внезапному разоблачению, которого никак не ожидал.

— А ты почему встал в восемь часов? — повернулась я к нему. — Ты же обычно до двенадцати спишь. Отвечай. Почему не было врача? Как ты мог сам поставить диагноз? Как Романа, который лечился только в Москве и не доверял даже местным врачам, оставили на руках сунженских медсестер перед смертью?

Он не знал что ответить.

— Вы испугались, что он женится, — сказала я, посмотрев в глаза, вошедшему в комнату старшему брату. — Это вы его отравили. Вслед за ним вошла и Нуца, неграмотная старушка, раздавленная горем.

Она посмотрела на них дикими глазами, уверенная, что не понимает о чем идет речь.

— А как мы его отравили, если нас в городе не было? — Руслан спрятал глаза в пол, но держался уверено, почти нагло. Он и впоследствии спасет этой своей наглостью ситуацию, когда я подам заявление в прокуратуру. Он не юродивый, просто очень глупый эгоистичный человек. Тогда говорили, что он был весь в кредитах. Впрочем, я не проверяла этой информации, но о том, что он активно пользовался кредитами, знали все.

— А зачем там были нужны вы? Ты нашел препарат у твоих многочисленных знакомых. Отдал Роланду, тот подменил таблетки. — Вы крутые мафиози, да? — с издевкой спросила я. — Ничего не боитесь? Вы опустились до убийства? Перестали быть людьми? Неужели за те копейки, которые у него были? Неужели вот за это вы взяли на себя такой страшный грех? — я говорила еще эмоциональнее. Меня просто раздирала боль на части.

— Я заказчик, а он исполнитель, да? — он посмотрел мне в глаза со своей обычной наглостью.

— Да. — уверено сказала я.

Они молчали, понурив головы. Младшие косились на старшего брата, который был головой всего предприятия, и мозговым центром и эмоциональным. Он очень умело поставил их наконец под свое руководство. О, он бы нашел, что сказать, но это разоблачение пришло слишком неожиданно для всех. Они были уверены, что разоблачить их невозможно. А тут я, рассказываю им в подробностях, все что произошло. Я видела как Роланд, вообще психически неустойчивый, начинает терять почву под ногами. Он не смел поднять глаз или вымолвить слова, очевидно глубоко переживая. Руслан думал только о том, что мне известно, какие у меня могут быть доказательства, и как построить линию защиты. Роберт все еще пребывал в настроении бравады брошенного вызова и в эйфории своего «нового статуса» и с трудом понимал происходящее.

Я подошла к Нуце:

— Нуца! Они убили Романа! — закричала я ей на осетинском языке.

Она не поверила. Робко подняла глаза и посмотрела на них. Они все как по команде опустили глаза, не желая встречаться с ее убитыми горем глазами. Они сидели в черных траурных костюмах, которые специально приобрели к этому дню. Удивительно, они никогда ничего не делали вместе, и не носили одинаковых вещей со времен раннего детства. А тут вдруг три одинаковых траурных костюма, с одинаковыми траурными ленточками на рукаве.

И вдруг Нуца поняла, что это правда:

— Шагай? — тихо выговорила она (Правда?), не веря себя, и продолжать смотреть на них. Они молчали.

— Да, да, правда! — кричала я вне себя. — Видишь, они не смеют смотреть тебе в глаза!

Тогда она робко перевела глаза на меня: «Мамма шы джурыс? Аз магуыр дан», тихо произнесла она, словно чего то сильно испугавшись. (Зачем ко мне обращаешься? Я бедный человек). Действительно, подумала я, как я могла подумать, что она окажется способной на возмущение? Простые люди, воспетые Толстым, прекрасны только до границы обыденного существования, как только в их жизненное поле вторгается зло, давит и крушит все на своем пути по своему обыкновению, они моментально ломаются и подчиняются. Просто потому что у них нет душевной силы ему противостоять, нет и не может быть у невежественного человека, мускулы души которого остаются в зачаточном состоянии.

— Зачем вы это сделали? Чтобы спрятать завещание? Так я пойду в нотариат и возьму!

— Нет никакого завещания, — сказал Руслан. — Можешь спросить у нотариуса.

— Значит, нет. А как вы будете делить наследство? На пять частей? — теперь, когда Романа больше не было, а эти люди перестали быть мне родственниками, как никогда важно было быть независимой от них.

— Мы будем все делать юридически. — сказал Руслан.

— А как же совесть? Это же не ваше имущество, а Романа. Он всегда говорил, что оставит всем пятерым!

— Совесть это все херня, — сказал Руслан. — Мы все будем делать юридически.

— Так вы за решили его место занять? Бедный Роман! Власть отобрали? Заработай деньги и дели между своими детьми! А это деньги моего отца! Я всем расскажу, что вы сделали!

— И что ты сделаешь? — вдруг спросил словно очнувшийся от забытья Роберт. Он только начинал понимать спускаться с облаков эйфории на землю и понимать, чем им грозит мое внезапное разоблачение.

— Разоблачу вас. Пойду в прокуратуру. Ты готов меня убить, мафиози?

Он задумался и всерьез ответил:

— Нет, не готов.

— Ну тогда все. Вы проиграли.

— А я прямо сейчас разобью тебе голову. — начал он храбриться. Это было бы очень смешно, если бы не было так ужасно.

Я вскочила, взяла нож со стола и дала ему. Я не храбрилась, просто боль была такой сильной, что я даже не чувствовала себя живой. Все происходило словно в декорациях.

— Давай убивай, — сказала я, подкатав свитер и открыв свой голый живот. Роберт ухмыльнулся и опять сел на диван.

— Попробуй ее тронь, — сказал очнувшийся Роланд

— Вы что! Мой сын ебнется! — встал Руслан. За дверью послышалась детская истерика. Потом повернулся ко мне и сказал примирительным тоном:

— Вот тебе ключ от квартиры Романа, это будет твоя квартира! Ни о чем не переживай. Ада отвезет детей домой и приедет за нами. А мы пока пойдем, поговорим.

И они быстро, в спешке, которую может сообщить только паника, отправились в свою комнату на переговоры, плотно прикрыв дверь по обыкновению.

Я поняла, что у меня есть только эти полчаса, чтобы сбежать отсюда. Кто знает, на что могут решиться отчаявшиеся люди, которые еще полчаса назад не подозревали, что способны на это? Я схватила чемодан со своими документами, положила ключ в карман и побежала на остановку. К моему счастью, мимо ехал еще последний водитель маршрутки, ехал уже домой. Я отправилась к Мухтару, Тоне и Свете, и как мне не жаль было нарушать их покой, конечно, в самой эмоциональной манере рассказала все, что только что произошло. Света выслушала в ужасе, тоже не готовая пока защищаться и только эмоционально реагируя на весть о беде, которая случилась с Романом. Когда то они были неразлучными друзьями с Романом, потом они разъехались и редко виделись но они всегда оставались друзьями. Тоня была у себя в Октябрьском, Света жила с братом и с родителями: сестрой Романа и ее мужем. Раиса, сестра Романа, на тот момент уже почти не могла двигаться и говорить, так что ей даже не сообщили о смерти брата, которого она, как все, очень любила. От них я поехала к сестре и осталась на ночь у нее. Через час или два позвонил Роберт и принялся ругаться матом в трубку. Вот когда он окончательно проснулся и реагировал в своей обычной манере эмоционального недержания. Игра в зло была закончена, начиналась суровая реальность последствий и необходимости отвечать за свои поступки. К этому он конечно оказался не готов.

Сохранился рукописный черновик его завещания, который я позже нашла в его дневнике.

«Дневник. Дата на полях: 13.11.2007

Сегодня я склонен думать, что все-таки не дождусь выздоровления — умру. И вот моя просьба к оставшимся членам семьи:

1. Квартира на Коцоева будет принадлежать Лейле.

2. Квартира на Коста будет принадлежать Нусе (пока она будет жить).

3. Дом особняк на Герцена будет принадлежать Руслану и Роберту (Руслану 70%, Роберту 30%).

4. Сунжеский дом будет принадлежать Рулику (Роланду) и сестрам.

Если кто нарушит мою волю, тому не повезет в жизни.

Больше у меня ничего нет. Деньги, которые я должен получить от приставов пойдут на мои дела (ожидается около 200 тысяч рублей). Деньги в октябрьском банке тоже на эти цели, их тоже немного.

Пусть будет проклят тот, кто обидит Нусю, Олю и Лейлу. В моей жизни мне больше всех оказала помощь Нуся, спасибо ей. Из мальчиков больше всех проявил заботу Рулик (Роланд). Ему тоже большое спасибо. Самая талантливая из детей Лейла. Если она сохранит здоровье, то она будет знаменитая. Раде надо будет дать долю из наследства (— Роланд).

На эти мрачные мысли навело меня обследование, проведенное сегодня в РКБ (было исследование сердца, результат плохой). А все-таки поеду в Москву, а может, и не умру. Всевышний, помоги мне».

Отец настаивает на том, чтобы его воля была соблюдена. Это тот корабль, который он строил всю жизнь. Нелегко он ему дался и в нем весь результат, весь смысл его существования. Он хочет, чтобы его труды и начинания не пропали даром. Чтобы его сыновья, будучи неприспособленными, не остались без ничего, он не забыл дочерей и незамужних сестер. Он не забыл Нуцу, старушку, которая посветила свою жизнь заботам о нем и о доме, который он построил: он отдает ей трехкомнатную квартиру в городе, о которой она всегда мечтала. Он разделил все что имел между всеми, и ему важно, чтобы волю его выполнили.

Его сыновья не выполнили его волю. Он написал завещание и заверил его нотариально, настолько это было важно для него. Он сказал об этом мне. Однако после смерти Романа его сыновья заявили, что завещания не было. Более того, они заявили, что не намерены были считаться вообще с волей отца. «Мы все будем решать юридически», — сказал мне Руслан. Вот как получилось, что корабль Романа пошел ко дну.

Нуся, Ольга и Лейла — это я и две его незамужние сестры. Он выделил нас как самых беззащитных членов семьи. Он больше не сможет сам защитить нас, и хочет уберечь угрозой проклятия. Его восторженность наукой и литературой всегда тлела в нем, и он был очень счастлив и горд, увидев, какие ростки это его пристрастие дало во мне. Он не старался подавить меня, как делал Руслан например, который говорил, что мне надо «перекрыть финансирование», он помог чем мог моему развитию, и здесь прочит мне большое будущее. Сестра от наследства отказалась. Наследственные вопросы давно решены. Я пишу, чтобы отдать должное Роману, и восстановить справедливость.

Никто не был рад моему открытию, все предпочитали ничего не знать, а если знать, то делать вид, что они ничего не знают. Помочь уже было нельзя, а скандал грозил позором тем, кто остался живым. Так они считали, и начинали смотреть как на врага не на виновников беды, а на меня, за то что я разоблачила их и сделала очевидной эту беду для всех. Тогда только Мухтар и сестра меня защищали.

Я написала заявление в прокуратуру, что окончательно добило младшего брата. Его неустойчивая психики, стала неудержимо расползаться. Следователь в прокуратуре говорил мне, что Руслан буквально водит его за руку на допросы и все время старается быть рядом, чтобы контролировать его. Нуца мне сказала, когда я приехала за своими вещами: «Кауы, куыд чындчон чызг афта. Фасмон канны. Алкамандар дам хорз фаси» (Он плачет, как девушка на выданье. Раскаивается. Он для всех много сделал, говорит). Она сразу осеклась, словно что-то вспомнив. Нетрудно было догадаться, что ей сделали внушение и убедили ее ничего никому не говорить, а она невольно проболталась. Наверняка, Роланд когда расплакался все ей рассказал, и это сильно облегчило его душу. Уже много позже, когда меня привезли из Москвы парализованную и я впервые была вынуждена вновь общаться с братьями, он сказал мне: «Мне постоянно снился рыдающий Роман». И хоть он пытался сделать вид, что это было до смерти Романа и он просто рассказывает мне оче-

редной глупый сон, я поняла, что так проявился тогда психоз, который рвал ему душу угрызениями совести. И поняла, что это должно было быть очень страшно. Так примерно как было с Иваном Карамазовым у Достоевского, который сошел с ума, даже от косвенной своей вины. Но в отличии от Ивана Карамазова Роланд не стал каяться, и очищать свою душу обычными методами совестливых преступников у Достоевского. Он послушал Руслана и сделал все, чтобы забыть об этом, а сумасшедшей представить меня, то есть еще больше углубить свою вину и болезнь. Конечно ничего хорошего из этого выйти не могло. Через какое то время он заплатил деньги, чтобы лечь в психушку, и пробыл там две или три недели добровольно.

Мне трудно представить, что стало бы с ним и с Робертом, если бы я не разоблачила тогда эту мерзость. Тот факт, что все стало известно, что Роланд плакался на плече у Нуцы вплоть до ее смерти, что он искал искупления в заботах о ее старости и болезни, — все это стало возможно только благодаря тому хирургическому вскрытию страшного фурункула на их душе, который произвела я своим внезапным и отчаянным разоблачением. Они были потрясены, напуганы до смерти, но в конечном итоге смогли примириться сами с собой, и это самое главное. Тем не менее, они до последнего отрицали и продолжают отрицать свою вину, и обвиняют меня или в преднамеренной лжи или в помешательстве.

Когда мы все снова собрались в Сунже на второй день похорон, после моего разоблачения, это были уже совершенно другие люди. Мы приехали туда со Светой и Мухтаром, вскоре приехала и Тоня. Я помню как все три брата сбились в кучу на скамейке в саду и как они густо покраснели против своей воли. Да, они были моими родными братьями, и это был двойной удар для меня. С одной стороны смерть Романа и позор их поступка, с другой стороны глубокая жалость к их моральному идиотизму, от которой я никуда не могла деться. Но я знала, что если поддамся этой жалости, они меня не пожалеют. Роланд попросил Свету зайти к нему в комнату и о чем то с ней

говорил. «Он плакал навзрыд», — сказала она, выходя. Я не знаю, что он ей сказал, знаю только, что тогда уже родственники сговорились не давать ходу этому моему разоблачению и заставить меня замолчать. Тоня, не проронившая при мне ни слова, произнесла глубоко потрясенным тоном «Какой ужас!», лишь только за мной закрылась дверь. Мухтар рассуждал в машине, пока мы ехали в Сунжу, что скорее всего они подменили ему таблетки, — он никого не боялся вплоть до самой своей смерти.

Руслан, напротив, не терял времени на угрызения совести, а поставил вполне конкретную задачу доказать всем, что я сумасшедшая. Если надо, и лучше бы, запереть меня в сумасшедшем доме. Этим, как он полагал, он смоет с себя грязь преступления, и решит проблему. Вот человек, который вообще не видел проблему глазами Достоевского в Братьях Карамазовых. В какой то мере Братья Карамазовы предугадали эту историю. Даже общие психологические образы братьев: старший — необразованный сластолюбец, средний — умствующий студент и младший — религиозный фанатик. Было время, когда Роланд был поглощен христианской верой, он перечитал Евангелие на английском и немецком языках и всегда держал подле себя копию нового завета. Но в отличии от Алексея, он всегда очень стеснялся этой своей религиозной страсти, и никогда не посмел бы при людях, особенно «при пацанах» всерьез говорить о Христе или о своих чувствах к нему и к его учению. Где то в глубине души он считал это признаком своего увечья и по настоящему завидовал только образам настоящих мачо, дерзких, крутых парней. Когда Роберт называл его «монахом» при своих друзьях, он вовсе не хотел его обидеть, напротив, он говорил как человек, который хотя бы отдаленно познакомился на философском факультете с духовной культурой. Роланд же всегда воспринимал это как оскорбление и выходил из себя, так словно на людях сказали о чем то очень интимном и даже стыдном. Еще до всех этих событий, в самый разгар его христовой веры, он обратился ко мне с просьбой, которая в полной мере разоблачает нестабильность

его психического состояния: «Я не могу сам написать, но у меня есть сюжет. Мне слов не хватает. Я хочу писать сценарии для фильмов. Напиши мне. Сценарий такой: два брата близнеца, в детстве их разлучили. Один слабый неуверенный в себе, его все бьют и обижают. Другой выигрывает соревнование за соревнованием. И вот они встречаются». Понятно, что подобно Зите и Гите, сильный близнец должен был показать врагам слабого по чем фунт лиха. Свое истинное я, свою совесть и веру он видел слабостью и стыдился этой слабости, а образ мачо, раздутое Эго, считал своим недостижимым идеалом.

У Руслана общего с Дмитрием Карамазовым только этот общий облик необразованного сластолюбца. Когда он с нами в детстве откровенничал, он обычно рассказывал про женщин, с которыми имел дело. Там было бесчисленное множество историй, больших и маленьких. Он рассказывал, что к разведенным легче «подкатить», только надо игрушки их детям носить, что толстые тоже ничего, но потеют, что девушку в короткой юбке он проводил до дому и через день уже спал у нее, и тд и тп. Он называл женщин пренебрежительным термином «бабы», и мы привыкали думать, что «бабы» это что-то очень смешное и доступное. Потом у него было две жены, он единственный, кто женился из братьев. И тоже всегда обвинял отца в скупости и считал, что его обокрали. Какое то время он работал с отцом на его арендованных полях, но быстро ушел, заявив, что Роман ему ничего не платит. «У Романа есть один раб. Это я!», — шутил он при Романе, который добродушно смеялся его шутке. Но шутки вскоре кончились. Однажды отец положил на его счет 50 миллионов рублей. Это было в девяностые, я не представляю эквивалент этих денег сегодня, но и тогда это была крупная сумма. Руслан не задумываясь снял эти деньги, не спросив отца, и потратил по своему усмотрению. Он тогда уже жил с Адой, а они все делали вместе. «Я не хвастаюсь, — сказала мне как то Ада, — но Руслан без того чтобы посоветоваться со мной, ничего не станет делать». Отец был взбешен, но и тогда у него не хватило духу разорвать от-

ношения со старшим сыном. И позже, когда Роберт продал его Камаз, он тоже не нашел в себе сил поссориться с сыном. Он все им простил, хоть и говорил мне, что «не простит». Однако, ничего похожего на «благородство» Дмитрия у Руслана не было. Когда я сказала Аде, что глупо лезть в политику, если нет убеждений, если не хочешь посвятить себя людям, просто для карьеры. Она посмеялась надо мной, заявив, что так рассуждают больные люди. Если говорить о его «благородных» поступках, как-то Аза мне рассказывала: «Когда меня бросил муж и я сидела без ничего, он пошел к нему и принес мне тысячу долларов». Он не был чудовищем, просто нравственно тупым человеком. В детстве он трижды купил на свою стипендию нам путевки на море в санаторий своего института (он учился в ГСХИ), и эти поездки сделали наше детство. Но было и много другого, отрицательного. Ему никогда не пришло бы в голову сказать как Дмитрию Карамазову: «Неужели вы думаете, что если бы я сделал, я бы запирался?» (цитирую по памяти). Этой нравственной чувствительности у него никогда не было. Он ставил только одну цель перед собой: оправдаться во что бы то ни стало. И если надо для этого уничтожить еще меня, тем хуже для меня. Наверное, ему тоже надо было на это решиться, что то еще живое пересилить в себе, доломать воспоминания о нашем детстве, о «детях», как они нас тогда называли. В отличие от Дмитрия, он жил не любовным угаром, а страстью к политическим интригам, на которые у него уходило столько же денег сколько у других на женщин и рулетку. И он строго подчинял все свои поступки этой одной своей цели: подняться на вершину политической пирамиды во что бы то ни стало. И считал все средства оправданными для такой великой (в величии этой цели он не мог даже усомниться) цели. Моя мать впоследствии говорила мне (и всегда говорит), что Руслан ни в чем не виноват, он просто взял на себя после смерти отца ответственность за семью и должен «всеми руководить». Это конечно его слова. Его стремление «руководить семьей», его способности и задатки очень проявились именно

в том, как он организовал жену, братьев на участие в тех похоронах отца. Чтобы привлечь Роланда ему надо было раз и навсегда развести его с его христовой верой, это было очевидно. И вот, Руслан объясняет Роланду (подсознательно чувствуя что будучи теперь авторитетом в глазах брата он имеет на того большое влияние), что Христос это чужой еврейский Бог, ложь и обман наивных. А наш, осетинский, языческий бог, совсем другое дело, — тот помощник осетинам во всех их благородных начинаниях. Ведь почитание ограничивается несколькими магическими ритуалами на природе с жертвоприношениями, пирогами и аракой, — так что трактовать его волю можно так широко, как будет удобно. Собственно, каждый трактует по своему. И действительно, Роланд с готовностью отбросил Христа, обвинив его в своей слабости. «Если бога нет, то все позволено», — эта ключевая фраза «Братьев Карамазовых». Правда впоследствии мать несколько раз упоминала, что «Роланд чуть не убил Руслана» в одном из своих припадков ярости, которые впрочем, у него также быстро проходили, как начинались. Я тогда подумала, что Роланд злился на отца за то, что тот якобы его подавлял, хотя тот сделал для него больше чем можно было, — от оплаты учебы в институте в Москве, аспирантуры и кандидатской диссертации и до квартиры в Москве, — а на самом деле его уничтожил тот, кто, как он считал, спасал его от пагубного влияния отца, его старший брат. Интересно отметить, что жена Руслана Ада напротив после смерти моего отца ударилась в христианскую веру, и стала аккуратно посещать воскресные собрания пятидесятников. Но ее он не счел нужным отговаривать. «А как же Ада? — спрашивала я позже Роланда, уже, когда я лежала парализованная, а он проклинал при мне христианство. — Вы с Русланом не любите Христа, а она такая верущая?». Он не знал что ответить, а недавно как мне сообщила мать, опять вернулся в лоно христианской церкви.

Наверное этот цинизм давал ему силы, которых не было у его братьев, совсем было растерявшихся после моего внезап-

ного вмешательства в их планы. Он действовал по четко сработанному плану: представить меня сумасшедшей и посадить в сумасшедший дом. Там он рассчитывал на действие нейролептиков, которые разрушат мой мозг уже по настоящему и задним числом оправдают его диагноз, а меня сделают впредь неопасной для него. Поэтому Руслан нашел мою книгу «Переключи себе ток» и показывал следователю и всем кто сомневался в моей невменяемости самые откровенные места в этой исповеди, начиная обычно так: «Эта проститутка...». Он нашел психиатра, и пытался убедить ее поставить мне диагноз заочно.

Что до меня, то на тот момент я ничего этого не знала. Я тогда жила в квартире погибшего отца, и отказывалась от всякого диалога с братьями. Зато мать постоянно и настойчиво упрашивала меня взять заявление из прокуратуры, и в конечном итоге мне стало невыносимо ее безутешное горе, и я написала другое заявление, аннулировав первое. Я также чувствовала ответственность перед родственниками, которые боялись позора и, что я сама не смогу перенести, если братьев по настоящему накажут. Мне по прежнему было их жаль, и я ничего не могла с этим поделать. Я написала второе заявление, попросив не рассматривать первое. Они оба должны быть в прокуратуре в Октябрьском. В первом я тоже никого открыто не обвиняла, просто перечисляла факты, от машины у ворот до врача, которого не было, и просила об эксгумации.

Однажды ко мне на квартиру пришел Роберт, принес торт, фрукты, соки, и предложил мне сделку.

— Ты знаешь, — сказал он, — что теперь все против тебя? Все сговорились поместить тебя в психушку. Не только Руслан и Роланд. Но и Аза и Света и Тоня. Даже твои подруги Лейла и Стелла против тебя. Все боятся позора, разве ты не понимаешь?

— Я в это не верю. Они знают, что вы сделали.

— Мы ничего не сделали. А ты с нами что сделала? Ты представляешь, что мы пережили за это время?

— Ты когда-нибудь думал о том, что Роман переживал там один в эту ночь? Когда он понял, что умирает и Почему он умирает? Ты представляешь себе, что вы заставили его пережить?

— Верь не верь, так и есть. Я тебе предлагаю заявить публично, что ты ошибалась, что тебе стало плохо после смерти отца, что это была галлюцинация. И отказаться от наследства.

— Я никогда этого не сделаю. Забирай свои подарочки и уходи отсюда.

Это был с его стороны жест доброй воли. Он не был прожженным негодяем. Он считал, что должен прийти и дать мне шанс решить все мирно. Он меня предупредил. Эту ночь я уже не спала. Я бросилась собирать вещи и в пять часов уже была на пути в аэропорт. Но первый самолет был только в одиннадцать, а поезд на Питер через Москву шел в семь или около того.

Мое путешествие на поезде в Москву можно было бы опустить, если бы не моя уверенность, что в поезде на меня готовилось покушение. Фактов у меня никаких нет, кроме того, что для меня открыли специальную кассу, позвали специального кассира, и что к этой же кассе подошел человек, очень похожий на военного в штатском и взял билет прямо напротив меня. Никто на меня открыто в поезде не нападал, если не считать что директор поезда лично следила за моими передвижениями по поезду, не раз проверяла мой билет и строго запретила менять место. А когда я наконец заподозрила неладное и попросила ее громко сказать свое имя, чтобы все пассажиры слышали, она сорвала бейсик с именем со своей груди. И еще того обстоятельства что проводница подходила к моей койке и толкала меня руками на нее: «Ложись тебе говорят!», когда я настаивала на том, чтобы мне позволили поменять место. Да, я решила, что меня и того человека положили друг против друга на нижних полках неспроста: весь день он лежал лицом к стене, и только вечером проснулся и стал внимательно меня разглядывать. Мне некогда было выяснять, ошибаюсь ли я в своих предположениях: ошибка грозила смертью. Я встала и учинила скандал: где это видано, чтобы пассажирам не разрешалось ме-

нять места в поезде, если много свободных мест. Стала громко, на весь вагон выкрикивать имена директора поезда и проводницы. Директор поезда сорвала бейсик и спрятала. «Вы служащая вы обязаны носить бейсик! — кричала я на нее. — Почему вы прячете от людей свое имя? Вы не у себя дома, вы обслуживаете целый поезд с пассажирами!» Потом, я выбежала на ближайшей станции и нашла другой поезд, который тоже ехал в Москву. Он стоял всего две или три минуты. Представьте себе, проводница загородила мне грудью дорогу: «Куда?». Но со мной этот номер не прошел. «Какое ваше собачье дело? Ну, счастливо вам доехать!». У этого человека багажа был всего один мешочек за плечами. Я отправилась прямо к Залине, девушке Романа, она тогда работала бухгалтером в Москве. Какое то время она жила у меня, потом какое то время я жила у ее друзей. Я набрала ей, она сказала мне адрес новой съемной квартиры. Там меня быстро нашел Руслан. Тогда, когда он подселил мне тех гражданок, которых выселил Роман, я уехала спасаться к Залине. И потому теперь он знал, где меня искать. Он сразу подумал о Залине, набрал ей и встретился с ней. Я ушла прямо в ночь и провела ту страшную ночь на вокзале. Я позвонила Зое, сестре, попросила денег. Зоя нашла Тосю, которая чудом оказалась в Москве, на квартире у внука. Она меня и приютила на целый месяц. Должна сказать, что за время учебы и работы в Москве, я десятки раз ездила поездом, но ничего подобного со мной раньше не случалось.

2. ОТЕЦ

Отца братья запомнили очень сильным, преуспевающим человеком. Всегда начальник, всегда на служебной машине с водителем, всегда в центре обожающей его толпы мужчин и женщин, всегда щедро раздающий мешками провизию. Конечно, он стал их кумиром. Они были уверены, что и они вырастут и станут такими же сильными. И отец поощрял в них эти крепнущие амбиции, потому что сам вовсе не считал себя сильным и состоявшимся. Напротив, он считал что его жизнь погибла вместе с меч-

тами состоятся как ученому. И он хотел компенсировать этот свой провал, воспитывая в детях амбиции. Я помню, как он мне говорил, что слышал как по радио хвалили мою одноклассницу, считая что зависть стимулирует мой энтузиазм к учебе. А я итак всегда была отличницей. Также он старался и с ними, пробудить в них честолюбие всеми возможными методами, но в конечном итоге преуспел только в пробуждении тщеславия.

При этом он оставался очень скупым человеком. Он вырос в горах на лоне девственной природы и не знал что такое нищета в ее социальном значении. Горцы все нищие, но это нищета животных, обладающих роскошью горской природы. В цивилизованном мире нищета приобретает другое значение и переносится иначе. Роберт говорил мне, что труднее всего было пережить этот контраст между громовым успехом в селе Романа, и постоянной нищетой, в которой приходилось жить. «Если бы я был просто бедняк, я бы и не страдал. Больно было, что мы дети Романа и все много от нас ждут, а у нас ничего нет». И хотя позже Роман отдаст им все что заработает, они до конца жизни будут винить его в том, что он сломал им жизни, развив комплекс неполноценности в юности. Отец, в свою очередь, всю жизнь сокрушался в том, что из них «ничего не вышло». Помню, я сочинила небольшую рифму на эту тему, и он только добродушно улыбнулся, ничего не сказав мне в ответ. Роман был умным человеком, и понимал, что в молодости увлекшись работой и жизнью, действительно не уделил достаточно внимания своим детям. К тому же его всегда умиляла легкость с которой я могла формулировать свои мысли. Эта рифма звучала так: «Родил Роман на свет детей, а сам пошел гулять. Я жду из них больших людей, пока бы мне поспать. И вот Роман уже седой, не может он гулять. Трясет больною головой, как ненормальны стали все пять?» Я иногда радовала его такими четверостишиями: «Слышен шелест, слышен звон, кто же это, кто же он? Это добрый наш Роман, прячет денежку в карман». Он смеялся как ребенок. Все что Роман заработал и что сделало ему имидж богатого или состоятельного человека (богатым он конечно никогда не был),

он заработал своим профессионализмом как агроном. В 90-е годы он взял землю в аренду, и выращивал каждый год богатые урожаи. Я помню его знакомые пытались повторить его опыт, но на их полях ничего не росло и они вынуждены были вскоре все бросить. А у Романа всегда были цветущие поля. Конечно, но не был одинок, но не так много людей заработало тогда деньги на арендованных землях.

Если смотреть поверхностно, то может показаться, что пророчество Достоевского сбылось и в образе отца Карамазовых. Федор Павлович был бабник, болезненно скуп, шут и пьяница. Отец совсем не пил, даже не переносил запах спиртного, но имел славу соблазнителя, а также очень скупого человека. Он не был шутом в том смысле как показал Карамазова Достоевский, но в нем был какой-то внутренний артистизм и очень хорошее чувство юмора, которые и склоняли его балагурить.

Я расскажу несколько случаев. У него было много смешных фраз и разных прибауток, которые он любил повторять по случаю и без случая, таких например как: «мы с тобой как рыбка с водой», или «я вас всех блядей насквозь вижу», или «я и моя жена идем туда-то», или «моя жинка золотая», «блядь буду, курва буду, не забуду мамочку родную», нарочито ехидное «ки-ки-ки-ки», когда он хотел подчеркнуть, что смеется над кем то. Он часто напевал просто когда у него было хорошее настроение: «девки в озере купались, я на камушке сидел, девки как-то показались, и я с камушка слетел». Он любил Есенина, знал много его стихов наизусть и часто напевал его стихи «Ох ты Русь моя родина кроткая, лишь к тебе я любовь берегу», «мне осталась одна забава, пальцы в рот, да веселый свист». Безо всех этих прибауток, напевов, рифм трудно вообще было представить Романа. Одно время у него на улице Герцена (где он купил жилой дом и перестраивал его в частное производство) работал Палуш Хугаев, друг его детства, недавно приехавший с южной Осетии, хирург по профессии, который таким образом подрабатывал денег. Почтенный старец, который несколько позже умер прямо на рабочем месте, во время вы-

зова к пациенту. Он часто заходил за Романом, и они вместе отправлялись на Герцена. В один из таких дней, когда пришел Палуш, я спросила Романа, куда они идут, потому что Палуш пришел с корзиной, и теперь пил с Романом чай на кухне. «Я и моя жена, — сказал Роман в обычной для него актерской манере, — идем на базар». Я бы не обратила никакого внимания, потому что «я и моя жена» Роман говорил всегда, даже если шел куда-то один, или с нами, например. Но вдруг Палуш резко поднял голову и полным достоинства тоном счел нужным расставить все точки над «и»: «Я не твоя жена!», — громовым голосом отчеканил несчастный старик. Ни я, ни Роман никак этого не ожидали. Мы смеялись так искренне, что Палуш обиделся и ушел, несмотря на все извинения и объяснения, и мне потом было очень неудобно от него. Роман часто рассказывал, что его отец был очень богатым человеком и владел чуть ли не целой улицей в Тбилисси в царские времена, а потом их раскулачили и они вынуждены были бежать в горы. «Но и там у нас была прислуга, которую мы взяли с собой». Я не знала, где правда, а где выдумка, потому что в горах они жили очень бедно, как все горцы, и об этом он мне сам часто рассказывал. Позже, когда у меня уже была грузинка Саломе, которая помогала мне после травмы позвоночника, я узнала что многие слова, которые я считала осетинскими и которые я узнала от Романа и Нуцы, были на самом деле грузинскими, даже имя Нуца это грузинское имя. Однажды, когда он был в горах в хижинах местных горцев, он в свойственной ему манере, принялся рассказывать о служилых людях в его семье, и так увлекся, что сказал беседовавшему с ним гордому горцу, что как раз люди его фамилии служили у его родителей. В ту же секунду он оказался на волосок от смерти: горец выхватил кинжал и приставил ему к горлу. Роман побледнел, но нашел в себе силы спокойно извиниться, и сказать, что тот его неправильно понял. Но этот случай не мог умерить его страсть к розыгрышам. Как то его племянник, сын сестры Нади (всего их было девять человек, четверо братьев и пятеро сестер, на сегодня все умер-

ли), который был тогда судьей, засудил какого то бедного крестьянина за кражу барана. Тот пришел просить Романа помочь ему пересмотреть дело (он не знал, что Мурик его племянник), и Роман его пожалел: годы в тюрьме за одного барана показались ему несправедливостью. Он обратился к каким-то своим знакомым в республике и дело пересмотрели, а крестьянин зарезал барана и принес шашлыки в благодарность Роману, который тогда как и Мурик жил в Сунже. В тот вечер я пригласил Мурика, рассказывал мне отец, покатываясь со смеху, — и угостил шашлыками. А когда он спросил откуда, я ему рассказал и он пулей вылетел из дому! Так по крайней мере, мне рассказывал историю Роман, и видно было, что она его сильно забавляла. Мурик и Тамик, сыновья его сестры, выросли почти у него на руках, и он считал, что может себе позволить такую фамильярность. Другая история связана с сыном другой его сестры, Нины. Как то в том самом сунжеском доме, после плотного обеда фасолью, зашел спор у них о том, съест Эдик буханку хлеба или не съест. Тот сказал, что если захочет съест, но он просто не хочет этого делать. Отец вытащил и положил красную советскую десятку: съешь — она твоя. И тогда Эдик, превозмогая себе, будучи уже сытым, действительно съел буханку черного хлеба, нарезав ее предварительно на мелкие кусочки и очевидно мучаясь. К счастью, остался цел и невредим. Отец мог бы и так отдать эту десятку человеку, который шел ради нее на такие жертвы, но в данном случае, ему был интересен азарт. Однако больше всего он любил детей, и разыгрывал больше всего именно их. Он мог часами говорить с детьми и ему нисколько не надоедало. Своим внукам он рассказывал про «белого медведя», которого он приведет к ним и громко смеялся их робким протестам, обыгрывая разные ситуации с медведем. Он мог подолгу рассказывать им подробности о клыках и когтях медведя и о том, что тот не сильно их укусит, если Роман его попросит, «только за жопу и все» и опять разряжался громовым хохотом. Дети впрочем не боялись, потому что тон отец всегда выбирал безошибочно в общении

с детьми, так что какие бы страшные картинки он не рисовал, они обычно смеялись вместе с ним. Я помню это и по себе. В наше время он предпочитал медведю «черножопого негра» и «большой мешок», в котором он продаст меня этому злосчастному негру. Мне было неуютно и я по сей день помню эту жестокую сказку, но я видела что он от души смеется и знала как он добр ко мне и мне в итоге не было страшно. Аза, дочь его брата Хазби, рассказывала, что когда они были маленькие, отец приезжал к ним в Октябрьское, и если была зима считал своим долгом намылить их снегом, а потом громко смеялся их возмущению. «Тогда я подкралась и засунула ему снег за шиворот!». Однажды Роман и Хазби принесли ей большую куклу, и сожгли ей спичкой нос с тем же громким весельем. В этом ребячестве был весь Роман. Я помню, как он отобрал у меня велосипед, который я купила уже лет в 27, просто потому что вдруг вспомнил детство и с видимым удовольствием и детской улыбкой на губах катался со мной по очереди по вечерам.

Его шутки были безобидны как можно видеть, и говорили только об артистическом даровании. Он с детства обожал поэзию, и знал много стихов наизусть. Свои первые стихи он посвятил красавице однокласснице с длинной черной косой «до жопы», как рассказывал мне Роман. Стихи были написаны на осетинском языке, он мне несколько раз их читал, и я нашла их прелестными, но ничего кроме слова «сталы» (звезда) не запомнила. Девочка выслушала его искреннее посвящение, потом развернулась и отвесила ему звонкую пощечину. Он всегда смеялся, когда вспоминал о первых уроках романтики. Позже он встретил ее на базаре, торговавшей овощами и фруктами, потерявшую былую красоту за хлопотами тяжелой жизни. Он любил русских классиков — Толстого, Лермонтова, Пушкина, Есенина, Добролюбова, Достоевского. Знал наизусть стихи Коста. Бесконечно гордился своим родственником, Георгием Хугаевым, возглавлявшим тогда осетинский театр и много сделавшего для этого театра. Георгий каждый раз откладывал для Романа билеты на очередную премьеру и это всегда было

праздником для Романа и для нас с сестрой, потому что мы ходили туда вместе. И искренне смеялись. Роман умел искренне и глубоко, взахлеб смеяться, так что на глазах выступали слезы, а голос пропадал. И это были самые счастливые минуты в нашей жизни. Георгий и Роман искренне гордились достижениями друг друга. И хотя отец знал, как много сделал в агрономии, поднял несколько хозяйств, например, он ни во что не ставил свою деятельность рядом с успехами Георгия в театре. Ему всегда казалось, что его жизнь прошла мимо него, что он не сделал ничего из того, что мог бы сделать.

Что касается его славы донжуана, то тот кто знал отца понимал как натянуты эти слухи. Наверное он преуспел немного, когда работал председателем колхоза в Сунже или другом селе. Я ничего об этом не знаю, он никогда ничего не говорил, а что я видела вокруг него уже когда повзрослела было просто самое наивное умиление перед всеми сколько-нибудь привлекательными женщинами, так что сразу чувствовалась его беззащитность и беспомощность перед ними. Пожалуй, будучи взрослым, он не сделал большого прогресса от истории с оплеухой, которой его наградила одноклассница. Он мне рассказывал, что в бытность свою студентом философского факультета Ростовского университета, он снимал комнату в еврейской семье: мать с дочкой. И поскольку он был красивым и очень скромным, стеснительным парнем, любившим поэзию и литературу, он заметил, что он понравился и матери и дочери. «Дочка была очень умная и очень красивая, — говорил мне отец с восхищением, — никогда я не мог выиграть ее в шахматы». Дочка была так хороша, что он почувствовал свою неполноценность. «И вот однажды утром, я ушел в университет, взял с собой только необходимые вещи и больше не вернулся туда. Книги, все оставил. Сбежал. Какой дурак я был!» Это не слова донжуана. Потом уже после развода с моей матерью, он так и не смог снова жениться. Помню, он мне рассказывал еще одну смешную историю, как какая-то «дигорка», с которой он встречался, узнав, что у него пятеро детей «вызвала меня и разделала под орех. Я испугался, так она

на меня кричала. Чтоб, говорит, больше близко не подходил». Он шутил, но я видела, что ему неприятно это вспоминать. Я помню другой случай, когда соседка, проживавшая в соседнем доме, решила его на себе женить, — дородная женщина в летах (впрочем моложе него), которая много тратила на свою внешность. Она вдруг сдружилась с соседкой Романа на лестничной площадке, стала часто заходить к ней, попутно встречаться с Романом, передавать ему приветы, а потом и подарки. Платья, духи, косметика, прическа — все чтобы поразить мужское воображение. Роман только смеялся и говорил что до смерти ее боится: «Она мне в мамы годится, — говорил он нам с сестрой. Боже спаси и сохрани. Она один раз даст, и я упаду и уже не встану! Посмотрите, какая она здоровая! Мамочки мои!» Это была постоянная тема для шуток, впрочем с ней Роман всегда держался исключительно вежливо. В последние годы своей жизни он встречался с врачом, очень стеснительной замкнутой женщиной, и с той девушкой, бухгалтером по профессии, которую мы с сестрой хорошо знали. Обе были порядочными женщинами. Впрочем, моя мать до сих пор уверена, что большего распутника не рождала земля.

В отношении скупости больше справедливости. Он, конечно, был прижимистым человеком. Но хочу сразу оговориться, что его скупость касалась только его денег, в остальном он всю жизнь снабжал своих родных, друзей, знакомых, соседей, мешками фруктов, овощей, кукурузы, словом всего того, что бывало в его распоряжении как руководителя крупными сельскохозяйственными предприятиями. Как то он мне пожаловался, что устал всю жизнь снабжать всех, и я сказала ему в ответ: лучше отдавать, чем просить. Он задумался, и вынужден был со мной согласиться. Совсем недавно, когда я уже со сломанной спиной лежала в его квартире, где теперь живет Зоя, соседка Романа, Роза, хвалила мне его, сколько мешков кукурузы и чего то еще он ей давал, и как им трудно было его потерять.

Скупость в деньгах другое дело. Нам приходилось выпрашивать деньги на самые необходимые вещи. Когда я где то в кни-

гах читала, что «Сомс выдал деньги Флер на весенний гардероб», мне казалось это неправдоподобным. Чтобы понять его скупость надо вспомнить его голодное детство в горах. «Я и сейчас помню, — рассказывал мне отец, — как я иду босой за Тедеон (его матерью), плачу и прошу еды». Они жили впроголодь, так что когда однажды Илья (его брат) выхватил из печки его картошку «Я схватил гвоздь и бросился вдогонку. Я знал, что когда догоню убью его». Это конечно известная расположенность отца к мелодраме, но в каждой шутке есть доля шутки. «Когда уже Раиса вышла замуж, — рассказывал он мне в другой раз, — и уехала жить в Начрепа (соседнее село), мать отправила меня к ней. Я был еще пацан. Она сшила мне новые чувяки, но я не стал их одевать, чтобы не истрепать в дороге. Я нес их в руках, а ноги разбил в кровь. Мать попросила какого то местного горца показать мне дорогу, и он разрешил мне идти с ним. Хлеба у меня не было, я сильно проголодался в пути. Горец ел свой хлеб, вставал и мы снова шли дальше. Наконец, я не выдержал подбежал и вытащил кусок хлеба из его котомки за плечами. Тогда он меня прогнал, но я старался идти за ним, держась в отдалении. Потом я сильно замерз и стал терять сознание. Когда я очнулся я сидел в чьей-то хижине, засунув руки под чужой матрас. Я не знаю, как я там оказался, видимо уже в забытьи. Когда я наконец дошел до Раисы, она меня не узнала. Я сказал: Я Роман, твой брат. Тогда она заплакала, и повела меня в дом». «А ты сохранил свои новые чувяки?» — спросила его я. — «Да! И очень гордился ими. А Раиса накормила меня до отвалу!»

Они жили в деревянном домике с длинными широкими скамейками вдоль стен, которые служили им кроватями. С дровяной печью, в которой пекли картофель и огнем которой не только обогревалась, но и освещалась изба темными горными вечерами. А над печью вешали свиную тушку, которая потихоньку коптилась, и считалась лучшим деликатесом, о котором можно было мечтать. Тедеон натирала полы глиной, и на этом весь домашний уют заканчивался. Мылись в речке. Зима стояла по пять месяцев, иногда больше. Снег буквально заваливал из-

бу, и им приходилось много работать, чтобы расчистить двор. У них было две коровы, которые кормили всю семью, и иногда Тедеон удавалось выменять немного сыра ил молока на муку. Тогда был настоящий праздник, можно было испечь пирогов. «Когда отец работал в поле, — рассказывал мне Роман, — я еще мальчиком носил ему еду. И вот однажды когда я шел я увидел страшную картину: черти на одной ноге прыгали через спины друг друга. По крайней мере у них были рога, были ли они чертями или еще кем то я не знаю. Я страшно испугался и плакал весь день. Тогда отец сказал мне, что это труппа артистов, которые часто сюда приезжают и смеялся надо мной и прыгал, изображая чертиков. Только тогда я успокоился. Но я знал, что там не было никакой труппы. Потом когда вырос, подумал это была галлюцинация от того напряжения, в котором мы все жили в горах, особенно дети». Он тяжело переживал смерть отца, и также как я упал в обморок, когда увидел его в больнице, уже на смертном одре.

И все же эта жизнь на природе и его поэтический дар на всю жизнь привили ему нежную любовь к природе. Он обожал передачу «в мире животных» и вообще терял счет времени, когда смотрел передачи о природе. В этом смысле агрономия была несомненно его призванием, хотя сам он считал что в нем умер большой поэт, литератор и возможно политик. И всякий раз когда его называли выдающимся агрономом искренне обижался. «И ты говоришь как мои враги», — сказал он мне как то, когда я заговорила о его профессионализме в агрономии. Меня эти слова искренне поразили. В девяностые он взял в аренду земли и работал уже на себя, и там где у других не было ни одного кочана урожая, его поля всегда колосились богатым урожаем. Так он заработал немного денег на недвижимость: он купил три трехкомнатные квартиры во Владикавказе (четвертую оставил жене), одну двухкомнатную в Москве, два дома-особняка во Владикавказе, один дом построил в Сунже (еще по помогал больному брату, купил ему по очереди две однокомнатные квартиры, и старшему сыну однокомнатную квартиру в качестве

подарка на свадьбу). Он так любил возиться с землей, что уже после того как ушел с полей, колхозных и своих, и оставил пост заместителя министра, он занялся своим садом-огородом в Сунже. И чего только он там не вырастил: и картофель, и свеклу, и морковь, помидоры, огурцы, фасоль, лук, зелень, чеснок, даже тыкву. Целыми днями он возился в саду: стриг деревья, выкорчевывал пни, строил тропинки, собирал фрукты, полол овощи. Обычно ему помогал Роланд, но он негодовал на отца за то, что тот его принуждает трудиться в саду. И отец возмущался и не находил этому объяснения.

Я помню, наша школьная учительница английского языка, Людмила Борисовна, с которой Роман подружился, рассказывала мне как-то о том, в какой трепет привел Романа кусок не растаявшего снега весной. «Он настоящий поэт!» — сказала она восторженно. Потом когда я читала такой же эпизод у Газданова в «Вечере у Клэр», я вспомнила эти слова Людмила Борисовны и удивилась больше не тому, что Роман восхитился куском уберегшегося от оттепели снега, а тому, что Людмила Борисовна дала такую точную оценку этому эпизоду. Есть фотография, где он с бережностью любовника держит в руках ветку яблони с ароматными яблоками, и когда я смотрела на эту фотографию, я невольно вспомнила всю его любовь к природе. На обложку этой книги я поместила другую фотографию — его возвращение на лоно дикой природы, в родные горы Цъона: блаженство на его лице говорит само за себя.

Наверное это детство на лоне природы навсегда сообщило ему ту жизнерадостность, которую не сломили в нем никакие испытания. Ни головные боли, которые начались еще в юности (те самые боли в которых он увидел главную причину того, что не состоялся как творческая личность, как поэт и литератор); ни смерть любимого брата Жоры, Георгия Ясоновича, любимого многими преподавателя математики в Сунже; ни тюрьма, когда по анонимному доносу его обвинили в растрате госсредств; ни скандальный развод с женой; ни вынужденное расставание с детьми. Я помню как сильно он любил нас в детстве. Помню

как по приходе с работы, он непременно вытаскивал кого то из нас из нашей детской кроватки, сажал на свой большой тогда живот и начинал свой ежедневный допрос: «Мы с тобой как рыбка с водой?». Я этот вопрос помню до сих пор, хотя тогда с трудом понимала его значение, я только чувствовала, что это тепло и что этот большой добрый человек очень меня любит и от этого мне делалось весело и хорошо. А потом он водил нас с сестрой в магазин, покупал всякие безделушки, например духи «красная москва», которые я непременно отдавала матери, катал нас на санках и водил в гости к своим бесчисленным родственникам, где нас всегда очень радушно встречали. А потом все это резко закончилось, и для нас и для него. Он развелся с матерью, так как она после долгих лет болезненной ревности к отцу, решилась все таки ему отомстить. Когда все открылось, поднялся невообразимый скандал, очень тяжело сказавшийся прежде всего на их сыновьях, тогда еще подростках, только только вступавших в жизнь. Самый хрупкий возраст. Мы с сестрой были слишком малы, чтобы что-нибудь понимать во всем этом. Мы только почувствовали, что отца больше не было с нами, а почему и зачем, нам не было известно. Хазби, брат отца, говорил мне, что когда Романа посадили в тюрьму, я говорила Хазби, что посажу этого следователя в большой мешок, вырою яму и там его закопаю. Хазби гоготал также, когда пересказывал мне мои слова, как в тот день когда их от меня услышал. Тогда все обошлось, Роман нашел людей, которые помогли восстановить справедливость и его восстановили в должности. Но я могу представить себе этот стресс, да еще в советские времена. Палуш, тот самый хирург, который часто к нам заходил, и который учился в одной школе с отцом, говорил, что отец был самым способным во всей школе, насколько он мог вспомнить и что его в школе называли «Лениным». «Он носил под мышкой пластинки, — рассказывал он нам при отце, — с записями съездов верховного совета, и говорил: они все жулики! Я их выведу на чистую воду!» Отец смеялся. А я тогда задумалась над его словами. Потом отец действительно добился того, что его отправили

учиться в МГУ на философский факультет. Он был полон восторга и огромных надежд на будущее. Но именно там его головные боли стали такими сильными, что он уже не мог посвящать много времени умственному труду. Он перевелся в Ростовский университет на тот же факультет. И там уже вынужден был признать свое поражение. Он бросил университет и вернулся в Осетию, закончил агрономический факультет ГСХИ, и начал работать учетчиком в поле. Впрочем уже в 27 лет он стал председателем колхоза. И с этого времени, когда он был вынужден бросить учебу в университете, он считал свою судьбу загубленной, а карьеру погибшей. Но и это не сломило его жизнерадостности. Он по прежнему смеялся и шутил, по прежнему разыгрывал окружающих, по прежнему работал с неистребимой энергией. В бытность председателем колхоза в Сунже, он провел газ в село и построил там здание сельсовета и клуба, которые стоят и по сей день. Его предприятия неизменно становились ударными. Я что-то читала о великолепных садах, которые он вырастил, по моему в книге «Сунжа и сунженцы», где о Романе пишут как об одном из выдающихся сельчан. Его наградили орденом Ленина, и орденом труда, еще несколькими орденами. У него было несколько патентов в агрономии, так как он изобрел и запатентовал какие то свои механизмы выращивания культур, которыми он занимался. И тогда когда он был с нами, эта его жизнерадостность заряжала нас всех теплом и чувством безопасности. Его любимый брат Жора умер внезапно, когда мылся в ванной. Кровоизлияние в мозг. Света мне потом рассказывала, что Роман был сам не свой и все повторял, что он отсюда уезжает, непременно уезжает. «Я сама так любила Жору, — говорила она мне, — пока доехала у меня онемели руки». Жора начал строить тот сунженский дом, который Роман после него значительно расширил и достроил. Другой брат Романа, Илья, был инвалидом. Роман всю жизнь заботился о нем: купил сначала одну квартиру, потом другую, помогал деньгами, звонил, заходил. Я помню, и мы с сестрой не раз были у него в гостях: смешной старик, который умел шутить так, что все держались за бока. И то-

гда в тот день, когда Роман упал с трамвая и разбил ногу, он ехал к своему брату, потому что тот попросил очередной раз его помощи. После Романа оставались еще Раиса, Нуца и Илья. Сейчас все девять братьев и сестер в лучшем мире. Когда-то Тедеон попросила на смертном одре Романа присматривать за Нуцей и Ильей, выделив их как самых слабых и беспомощных. Роман бережно исполнял свое обязательство всю жизнь. Нуца умерла в прошлом году, пережив Романа на десять лет, Илья несколькими годами раньше. Впрочем, последние годы они оба были очень больны, за ними смотрел Роланд в Сунже, и поскольку я так и не возобновила общения с братьями, я больше ее не видела с тех пор. А она очень просила всех позволить ей меня повидать.

Сколько я помню Романа, у него была служебная машина, и всегда прекрасные отношения со своими водителями. Я помню почти всех: Шаукуз, Тенгиз, Вася, Таймураз, Алеша. И все очень добрые и хорошие, других он не держал. Я помню, как он выставил одного такого. Мы с ним поехали в одну из его многочисленных поездок к родственникам, вечером, уже после работы. Его шофер согласился его отвезти. Мы зашли, выпили чай, а когда вышли он устроил Роману настоящий скандал. Он был очень зол и кричал на чем свет стоит. Роман не проронил в ответ ни слова, и через какое-то время шофер стал извиняться. Но я после этого случая больше не видела его с Романом. Света рассказывала, что с Шаукузом они жили как братья и Роман часто давал ему денег, не считая. Тенгиза я помню уже сама: он очень больно щипался как видел нас с сестрой, но я понимала что это его способ играть с детьми и все равно любила его доброе лицо. Роман рассказывал мне как он зашел спустя годы проведать Тенгиза, а тот оказался смертельно болен. «Хорошо что я зашел. Он прослезился. Я оставил деньги и свою норковую шапку». Вася заразил его очередной прибауткой, которой он по своему обыкновению не забывал до конца жизни. Он любил напевать: «Базар большой! Кукурузы много! Ирон барышня идет, дайте ей дорога!». Потом он стал нашим соседом в городе

и только несколько лет назад умер от инсульта. Алеша научил нас квасить капусту. У него были мускулистые волосатые руки, и когда он мял капусту, она у него доходила до локтей и он тщательно ее оттуда стряхивал обратно в посуду. И ничего, мы с аппетитом съели всю его капусту. «Они впятером спят в однокомнатной!», — сочувственно говорил нам Роман о семье Алеши. Таймураз, маленький осетинский интеллигент, который по словам Романа под страхом смерти не будет есть, если уже позавтракал или пообедал. Роман его за это зауважал. «Он мне рассказывал, что отдыхал вместе с Ротару в Сочи», хихикал Роман, когда мы оставались одни. — И теперь часто вздыхает: «Ох, Ротару, Ротару!» И он разряжался своим громогласным хохотом.

После обширного инфаркта, который Роман перенес, когда ему было уже за пятьдесят, он всегда болел, и старался уделять много внимания своему здоровью. Он похудел на сорок килограмм и стал строго следить за своим питанием. Его холестерин всегда оставался ниже нормы, и врачи неизменно хвалили его за дисциплину. А однажды после очередного голодания, тогда он продержался 11 дней, у него лопнул сосуд в желудке. С ним в квартире была я, и когда ночью приехала скорая, я настояла чтобы поехать с ним в больницу. И хорошо сделала, — его бросили на кушетку и забыли. Я нашла врачей, позвонила в его министерство и попросила приехать его друзей. Они нашли лучшего хирурга и вскоре Романа уже прооперировали. Потом Роман меня очень благодарил за находчивость и выдержку. Мы с сестрой и с Нуцей долго его выхаживали, потому что он очередной раз угодил в реанимацию. Роман как всегда занимал платную палату, он никогда не ложился в общую, еще с советских времен, когда у них была отдельная больница, где мы тоже не раз его проведывали. Я помню, как к нему в больнице подошел пожилой мужчина и спросил не Роман ли он? Он очень обрадовался встрече, и сказал, что работал у него в таком то колхозе и что только тогда в колхозе дела шли хорошо. Роман был очень польщен и старался ободрить старика как мог. Следующая серьезная операция была уже в Москве, шунтирование сердца. В то

время он читал только Поля Брегга и всю подобную литературу, которую мог найти. А на ночь он любил сказки, которых у него собралось большое множество.

Сам он жил как аскет, — ни одежды, ни дорогих ремонтов, ни комфортного дома, ни машины, ни ресторанов. У него было две квартиры в центре города, чисто отремонтированных, но без всяких излишеств — просто побелены, покрашены, новые обои. Даже сменить окна и двери он считал ненужной роскошью. Он ходил в дешевых серых костюмах, которые мы втроем — я, сестра и Нуца, — периодически стирали и гладили. Правда у него было бесчисленное множество рубашек и носков, которые тоже находились на нашем попечении, и еще добротные куртки, которые составляли его слабость. Во всем остальном он оставался «колхозником», как называл его Роберт, с заношенной обувью и коленями на выцветших брюках. Он никогда не тратил денег на рестораны, и всегда ограничивался самой простой пищей. Он покупал гречку мешками, и ел все виды овощей. Черемшу как только она поспевала, помидоры, огурцы, тыкву, фрукты и мед. Всегда какие то благодарные его родственники или знакомые приносили из своих огородов свежий сыр или трехлитровый баллон меда, парное молоко. Холодильник был всегда забит говядиной. Арбузы и дыни как только начинался сезон. Вот та скудная пища, которую он себе позволял. Все последнее время, после обширного инфаркта он вел здоровый образ жизни, читал Поля Брегга и часто голодал для очищения организма. Не ел соль и сахар, и нас этому научил. Я помню, очередной его знакомый принес ему несколько килограмм свежей вареной баранины. Руслан сидел там же с нами и Роман как он обычно делал все последнее время сказал, когда мы уже поели: а теперь вам пока достаточно, потом еще поедите. Руслан демонстративно встал из-за стола и ушел в гостиную. Мне стало смешно, а отец когда сообразил что тот обиделся, принялся звать его назад и уговаривать еще поесть. «Я не хочу. Наелся», — жестко ответил Руслан.

Все что он зарабатывал, и что экономил на своих расходах, собиралось у него на счетах. Он либо покупал недвижимость, либо его деньги просто каким-нибудь образом прогорали. Так было когда он положил деньги на счет в какой то частный коммерческий банк, который спустя недолгое время лопнул. Я запомнила, потому что тогда он положил деньги на мое имя. В другой раз он вложил деньги в строящийся дом, который так никогда и не был достроен. Еще 50 миллионов теми деньгами он положил на имя Руслана и тот их снял со счета. Таким образом, он тоже потерял много денег. Все что осталось он вкладывал в недвижимость и свой маленький бизнес в доме на ул. Герцена: пекарня, небольшой компьютерный клуб. Он готовил помещение для парикмахерской. И пока он был жив и пекарня и клуб приносили ему доход, не такой большой как его арендованные поля, но стабильный доход.

Сыновья обвиняли его в том, что его скупость испортила им детство. «Я взял рабочие штаны, — рассказывал мне Руслан, — оторвал передние карманы, и носил как джинсы». «Мы стеснялись приводить кого-то в дом. Этот дырявый диван и полное отсутствие ремонта». «Нам нечего было надеть, не было спортивной обуви». Возможно так оно и было. Хотя я помню, что он все таки купил Руслану велосипед, который у того правда скоро украли. Но даже если все было именно так, он делал это не потому что желал им зла, а потому что сам вырос босым, и сейчас, будучи уже взрослым, почти ничего не тратил на свой гардероб. Однако, когда они подросли, он сделал для них все, что было в его силах. Старшего устроил в ГСХИ, где когда-то сам учился на агронома. Среднего на философский факультет в Ростовский университет, где тоже учился когда-то в молодости. Младший поступил в Московский пищевой институт. И всем он помогал деньгами пока они учились. «Я как сейчас помню, — часто говорил отец, возмущаясь очередной раз неблагодарности сыновей, — как я стою в очереди на почте, чтобы перевести им денег на учебу». А главное он купил каждому квартиру или дом еще при своей жизни. Он купил Роланду двухкомнатную квартиру

в Москве. Он помог ему с диссертацией и пропиской. Он купил частный дом на улице Чайсковского, с огородом и гаражом Роберту, и сам отремонтировал его как умел и сделал пристройку из кухни и ванны. Он купил однокомнатную квартиру Руслану когда тот женился, и справил ему свадьбу в Сунже. Он подарил ему грузовик, просто так, чтобы он его продал. Он не стал заявлять на Роберта, когда тот угнал из Сунжи его Камаз, и продал, хотя был очень расстроен и очень шумел по обыкновению. Он купил Роланду Ниву, на которой тот его возил, но и сам ездил куда хотел. Роман помог с квартирами и машинами и своим племянникам. В чем они могли его обвинить?

И для нас с сестрой он при жизни много сделал. Он позволил мне продать трехкомнатную квартиру на Плиева и купить каждой однокомнатную. Я потом долго жила там со своими чемоданами книг, привезенными из Москвы. Отец давал мне каждый месяц немного денег и продукты, что позволили мне не работать и сосредоточиться на учебе. Сестра тоже очень помогла, мы с ней тогда жили поблизости и много времени проводили вместе. Она вскоре вышла замуж и отец был очень доволен зятем, который помогал ему как адвокат. Если бы отец не поддержал меня и тогда, и когда я уехала учиться в Москву, и потом, когда он позволил мне продать эту квартиру и продолжать учебу в аспирантуре в Москве, я никогда не стала бы ученым и просто погибла бы как личность и как творческий человек.

Роман любил природу, любил свою работу, любил людей, включался всеми силами души в творческий процесс, и видел честолюбие в этом движении вперед, жить и творить. У Руслана осталось только устойчивое тщеславие, движение вверх по социальной лестнице. Он увидел форму, но не понял содержания. Он говорил мне, что в школе был «батей», и чтобы поддержать авторитет мачо стал кандидатом в мастера спорта по вольной борьбе. И дальше он желал только движения наверх, содержательная часть политики была ему и непонятна и неинтересна. В книгах и теориях он был очень слаб и с удовольствием прожигал свою молодость на факультете агрономии с множеством по-

дружек и друзей спортсменов. Роман не смог выучится в МГУ на философа, но стал хорошим агрономом ГСХИ. Руслан закончил институт и забыл навсегда об агрономии. И Роман не скрывал своего разочарования в старшем сыне, который «даже одной сказки не прочитал», что очень обижало последнего.

И все таки когда Руслан сделал первые успехи, попал в КПРФ к Зюганову, избрался таки в какой то округ депутатом, он наивно гордился этими успехами. Он просто радовался успехам сына, потому что не видел той колоссальной разницы между тем, что делал он сам, и слепым движением наверх. Я помню мы горячо спорили с ним об этом уже когда ему оставалось жить совсем недолго. Он хвалил мне Руслана, а я говорила, что в страсти к власти нет ничего хорошего, и что лучше бы он занялся любым другим полезным, конструктивным трудом. Руслан обижался на Романа за то, что тот делал явное предпочтение мне перед своими сыновьями. Роман считал меня талантливой и очень гордился моими способностями. «Опять я пришел говорить обо мне, — помню очередную обиду Руслана, — а говорим мы о его любимой дочери». Роман любил всех, хотя могло показаться, что он отдавал предпочтение дочерям. Но все же большую часть того что у него было он оставил своим сыновьям, несмотря на их иногда откровенную враждебность, о чем можно судить по сохранившемуся рукописному варианту завещания. Я помню, как Руслан подселил в московскую квартиру, где тогда жила и училась я, какую то девушку легкого поведения, которую он там навещал. И вместе с ней еще трех ее подруг. Он не только не спросил моего мнения, но сделал специально вопреки ему. Когда мы естественным образом не ужились, и дошло до того, что эти дамы стали мне угрожать, Роман настоял на том, чтобы они съехали с его квартиры. Руслан перестал с ним разговаривать и не разговаривал до самого падения отца с трамвая. Отец тогда очень расстроился, он не мог ссориться со своими сыновьями, и я помню, как он жалобно говорил, стараясь сохранять достоинство: «Спросите у Руслана, что он хотел, чтобы я сделал с Лейлой?» Однако, это была далеко не первая их ссора.

По настоящему, Руслан обиделся в другой раз, когда узнал, что отец плохо отзывается о его второй жене, Аде. Эта женщина была женой сына троюродной сестры Романа, Шуры. После войны в Южной Осетии, они тоже приехали во Владикавказ и естественно обратились к Роману за помощью. Роман поселил семью ее первого мужа (который приходился ему племянником) в Сунже. Но это было позже. Сначала приезжала Ада с пятилетним сыном и отправлялась прямо на квартиру к Роману, где он тогда жил один, так как мы с сестрой переехали на время в квартиру матери. Поскольку такое ее поведение противоречило местной морали, то о ней сразу стали плохо говорить. Роман жил в двухкомнатной тесной хрущовке, в которой едва хватало места для него одного. Он мне тогда говорил, что она не оставляет ему выбора, приезжая прямо с вещами и с ребенком, так что ему было неудобно отказать. Однажды, когда она приехала, он был в отъезде, и ей сказали, что у меня есть ключ. Она набрала мне и сказала тоже самое: «Я на улице с вещами и маленьким ребенком». Я сказала, что не могу дать ей ключ без ведома отца, и что скоро он приедет, и она сможет говорить с ним самим. Она очень обиделась, но я не поддалась ее давлению. Отец меня потом благодарил и сказал, что сильно бы меня ругал, если бы я ей уступила. Ада жила какое-то время у брата Романа Хазби. Как то Ада открыла Азе дверь в его банном халате, и хотя в этом не было ничего особенного (у него многие годы висел всего один этот халат на весь дом, который мы тоже иногда одевали), это тоже добавило разговоров. Было это только слухами или правдой уже неважно, важна репутация, которую она себе сделала. Роман в шутку говорил, что еле отбился от нее и называл ее «певицей», хотя насколько мне известно она училась на дирижера в Гнессенке. Ее отец, благодушный старик любивший выпить, был художником, это он устроил ее в Гнессенку: «Я всегда ненавидела музыку, — говорила она мне, — я хотела рисовать, но братья не пустили меня». Однажды он взял бутылку наливки, зашел к декану Гнессенки, и к моменту когда они распили бутылку, дело о зачислении Ады было решено. По крайней

мере так рассказывала она сама. Что не помешало ей стать налоговым инспектором. Ее братья позже погибли на грузино-осетинской войне. На тот момент Руслан с ними очень сдружился и видел этот союз очень выгодным для себя во всех смыслах, тогда они занимались водкой. Вскоре, они стали встречаться с Адой, и поженились, купили двухкомнатную квартиру и по сей день живут там. Вот тогда Руслан и обиделся по настоящему на Романа, который считал его брак с родственницей возмутительным. Руслану, конечно, передали его слова. Впрочем, для них не было секретом, какого мнения об Аде была вся семья. Особенно ее не любила Нуца. Нуца была возмущена тем, что Ада отказалась смотреть за своей матерью в больнице, когда ту разбил паралич. Она далеко не Грушенька во всех смыслах, но все же и тут какая то параллель нарисовалась. Правда это не помешало мне впоследствии ее «пожалеть» и открыть сердце для самой искренней дружбы; тогда я открыла для себя, что люди все хорошие в глубине души, и надо только дать им шанс. Она подолгу жила у меня в Москве, в квартире, которую купил Роман, и они с Русланом уверяли, что своей недвижимости в Москве у них нет. Руслан клялся детьми, что это «сплетники» грязные слухи распространяют. Тогда Роберт принес ему копию договора купли-продажи его квартиры на Хлобыстова, и Руслан густо покраснел. Впрочем, очень скоро и эта квартира пошла на его «выборы», так что он не сильно нас обманывал.

Двое других сыновей сильно отличались от Руслана характером. Он был единственным среди них «мачо», с типичным кавказским культом силы, гармоничной частью местного осетинского менталитета. Младшие были больше расположены к рефлексии и созерцанию, отличались чувствительностью к этике и эстетике. Роберт уже с детства физически страдал от бедности, потому что в нем было больше чем в других развито эстетическое начало. Ему важна была красота, элегантность, он искал ее в одежде, а не находил даже необходимого. Позже он займется модой, станет дружить с местными моделями, делать фотографии. «Это терапия», — говорил он тогда. Я

помню Роланд рассказывал, что когда они детьми приехали в горное село, он взобрался на дерево и кричал оттуда: «Дикари». Известный стих Коста о камнях, которые варит нищая крестьянка для детей, — стих, который как пишет Википедия вошел в мировую культурную сокровищницу, — Роберт обвинил в том, что он окончательно разрушил его детскую психику. «Все чему они нас учили, эти проклятые камни, которые никогда не сварятся и все дети умрут». Ему повезло, Роман устроил его на философский факультет Ростовского университета, и его прирожденная потребность в рефлексии получила хоть какое-то развитие. Философом он не стал, но получил общее развитие, которое несколько облегчило его внутренние поиски и боль. Он привез с собой из Ростова какое-то общее преклонение перед западной культурой, очень модное для начала девяностых в России. Эти его поиски эстетического развития вылились в преклонение перед всем «цивильным», что несла эта культура. Последним писком моды были фильмы о доне Корлеоне, которые и составили главную романтику его ростовской университетской жизни. Он рассказывал о каком-то барде с гитарой в их общежитии, который очень походил на Янковского, и который оказал на него большое влияние. Идеология мачизма в корлеоновской эпопее трансформировалась у Роберта в романтическую фантазию, поскольку сам он был физически неспособен к насилию. С юношеских времен он никогда ни с кем не дрался, и тем более не был способен на убийство. Но эта романтика сильно пропитала его молодые годы. Результатом его обучения в университете стала также общая раскрепощенность в работе с государственными институтами. Он не боялся открывать фирмы, иногда сразу несколько, брать на них кредиты, вести переговоры с банкирами и налоговиками, и в конце концов у него в руках оказались какие-то деньги. Тогда он купил две машины, посадил двух водителей и стал упиваться корлеоновской романтикой, представляя себя шефом мафии. У него с ростовских времен оставалось много друзей, я помню Заура и Томаза. В этой эйфории он жил несколько лет,

в самый разгар девяностых. Он старался дружить только с сильными мира сего и напрашивался на знакомства. А потом начинал тратить на них свои копейки, и дома рассказывал нам как он презирает этих людей, которые корчат из себя бог весть что, а содержит их он, нищий Роберт. Кто его об этом просил? Была какая то Залина, на которую он считал честью тратится просто так, просто за возможность называть ее знакомой, потому что она была дочь какого то генерала с тремя правительственными телефонами дома. был какой то Дима в Ростове, сын какого министра и наркоман, единственной привилегией дружбы с которым было выручать его из очередных ломок. Рестораны и «кабаки» были делом чести, без которого не было настоящего прожигателя жизни. Я помню, как он с друзьями обидели своего водителя, оставив его в машине только потому, что он «водила», хотя абсолютно ничем от него не отличались и шли не на деловую встречу с боссами, а просто в захудалую закусочную. Но ведь надо же было как то почувствовать, что ты босс. В этот период, когда он сыпал деньгами направо и налево, он купил нам с сестрой наши первые приличные вещи, дал денег Руслану, чтобы тот добавил и вместо однокомнатной квартиры, которую купил ему Роман на свадьбу, купил двухкомнатную, и дал денег Роману. Роман очень радовался когда видел успехи своих сыновей. И хоть он ничего не понимал в деятельности Роберта, которая напоминала ему деятельность великого комбинатора, он был бы очень горд за него, если бы тот не сорил деньгами без всякого проку. «Давай, хоть эти деньги я тебе сохраню», — сказал тогда он, как всегда шутя, но это была горькая шутка. Он никогда всерьез не обижался на своих сыновей, чтобы они ни сделали. «Разве ты не знаешь, что я нежный?» — сказал он мне как то с таким искренним возмущением, что я рассмеялась и потом всегда пересказывала это его возмущение всем. А потом чем больше думала, тем больше понимала, что он прав, он был очень чувствительной и тонкой душевной организации человек. Эта его неспособность на агрессию или малейшее насилие, как бы он не был

расстроен или обижен. Я никогда не видела, чтобы он поднял руку на кого-то из членов семьи. И всегда когда он был зол на кого то, его гнева хватало ненадолго, и он опять все прощал и забывал. Тем не менее, у него была железная воля, и лучше всего это проявилось не только в его успехах в профессии, но и в том, как он взялся за свое здоровье после инфаркта.

Действительно, вскоре Роберт оказался ни с чем. Одну просто нагло увел один из парней, которых он нанимал, когда тот понял, что Роберт просто чудак, поэт, придумавший себе романтический мир донов корлеоне. «Генерал без армии», — сказал он и уехал на его машине восвояси. Другую, он сам отдал Зауру, своему давнему другу, когда тот сказал ему, что его мать под ноль прогорела в торговле, закрыть ее долги. В итоге вся эта корлеоновская одиссея обернулась для него бесчисленными тратами на чужих людей, и он остался один у разбитого корыта. Примерно в то время он стал встречаться с соседкой, которую знал с детства. Ее отец, Заур Уруцкоев, стал тогда министром сельского хозяйства, то есть боссом нашего отца (он был его заместителем). И здесь вроде бы у Роберта все получилось. Девушка ему нравилась, они долго встречались и планировали пожениться. Но он уехал на полгода в Ростов и не посчитал нужным даже звонить. Он мечтал об их союзе, но считал что «его статус» еще недостаточен для женитьбы. И разницы большой в статусе их отцов не было, и фактическим министром был отец, как лучший специалист по агрономии в республике. Но отца он всегда считал «колхозником», а до ее отца не мог дотянуться «статусом». Она вышла замуж. Он приехал и постарался оказать давление, чего делать никогда не умел. Тогда ее отец сказал нашему: «Зачем этот цирк теперь? Мы ведь были согласны, ждали вас». Отец рассказывал мне все это со своей обычной гримасой горечи разочарования, которая не сходила с его лица в последнее время, когда он заговаривал о своих сыновьях. «Какие глупости он делает? Какой позор! Ты знаешь, что он мне учинил, когда мы вошли с ним к моему знакомому в кабинет, где я хотел устроить его

на работу? Он положил голову на его стол и сделал вид, что спит! Я не знал, куда мне деться от стыда! Вскочил и бросился вон из кабинета!»

Тогда он стал называть себя «человеком со сломанной судьбой» и еще «маргиналом». А это значило, что у него изменился «статус». Его следующей романтикой стал Людвиг Мекленбург, немецкий герцог, отпрыск старинной династии Мекленбургов. Он был абсолютно помешан на своем происхождении, рассказывал о родовом королевском замке, который у него отобрали, часами просматривал слайды с дедушками и бабушками, королями и королевами. В жизни оставался мальчишкой, бредившим большой любовью, вампирами, романтикой самоубийства и считал это искусством. Роберт занял при нем то место, которое в корлеоновские времена отводил своим водителям: открывал ему двери, говорил «вы», и брался обслуживать все дела «герцога» связанные с претензиями последнего на особый статус. В Германии в конечном итоге официально подтвердили его герцогское происхождение, но это ему ничего не дало кроме обращения «господин герцог». В Осетии он оказался потому, что его мать, обычная осетинка, познакомилась в Ленинградской консерватории с его отцом, последним герцогом из того рода, и он на ней женился. Позже они доказывали, что она не была его матерью, а только мачехой, видимо, чтобы соблюсти «чистоту крови». Я видела этого герцога, когда оформляла с Робертом обмен долями квартир, и единственной что бросилось мне в глаза в этом парне, это его болезненная зацикленность на своем происхождении. Сейчас герцог живет в коммунистическом Китае.

А Роберт во всех своих бедах тогда нашел одного виноватого — Романа. Например, он мог сказать такую фразу: «я бы пошел и разбил все его компьютеры, но там остался мешок с костями». Это значило, что Роман выглядел больным и худым. Роман примерно в то время, когда Роберт уже совсем раскис купил ему дом-особняк с садом и гаражом на Чайковского. Сам сделал там пристройку, кухню и ванну и косметический ремонт. Он старел и все меньше требовал от сыновей, все больше жа-

лел их. Роберту дом очень понравился, он говорил что счастлив в этом доме, но «денег нет. что делать? надо продавать». И продал. Хотели купить однокомнатную в подмосковье с Роландом, но в итоге банально проели. И опять виноватым оказался Роман. Тогда он стал говорить другие фразы, которые как мне казалось все рассматривали как очередные фантазии чудака: «Надо отстранить Романа от власти», «Надо по другому делить наш семейный бюджет». Роланд от души хохотал, когда слышал подобное от «фантазера» Роберта. Но оказалось в конце концов им стало не смешно. А в Сунже Роберту приходилось постоянно встречаться с Романом, и Роман продолжал терпеливо выносить его выходки. Пока в один день Роберт не обматерил старика, который пытался помочь ему советами «Начни работать как все люди! Зайди хоть в сад, вскопай пару грядок! Ничего само в руки не идет!». Тогда уже Роман выгнал его из дома и тот поселился на квартире матери, где и жил до самой смерти Романа.

Если Роберт получил хоть какое-то образование и хоть как-то смог развить свою склонность к рефлексии, Роланд не успел раскрыться. Его психика так и увяла бутоном. Он был еще мальчишкой когда разразился скандал и отец уехал из дома. И этот стресс остановил его дальнейшее развитие. То что было в нем щедро заложено, как способность к рефлексии, чувствительность совести, интерес к языкам и литературе осталось в зачаточном состоянии. Он застыл в том сознании мальчишки, с культом силы кавказского менталитета, который ему был совершенно чужд по природе. Он этого не понимал, и считал, эту свою неспособность и несклонность к мачизму своей слабостью. На всю жизнь он сохранит это чувство и неполноценности и это преклонение перед идеологией уличного гопничества. И хотя спонтанно в нем будут развиваться заложенные способности к рефлексии, сознательно он всегда будет считать что это ничего, а умение быть настоящим мачо — это все. Этой раздвоенностью объясняются те вспышки гнева, которые стали характерны для него. Когда боль от чувства неполноценности становилась слишком сильной, он собирал всю

волю чтобы показать себя «мачо», бредовый образ сильного мужчины, который застыл у него с детства. Трагедия Роланда началась после скандала с разводом родителей, о котором я расскажу в следующей главе. Он не вынес публичного позора и у него начался невроз с навязчивыми страхами. Я помню, как на мой вопрос где Роман, я получила неожиданный ответ: «Роман насрал нам на голову и уехал». И он уже тогда начал винить во всем Романа. Отец тогда работал в Цалыке, и Роланд зачем то к нему поехал, увидев отца после долгой разлуки. «Он был уже все, — рассказывал мне потом отец, — если бы он ко мне не приехал, его бы уже никто не спас». Отец постарался его успокоить как мог, предложил приходить когда он захочет. Роланду становилось хуже, и он сам попросился в психиатрическую клинику, откуда быстро вышел. Потом Роланд настоял на том чтобы уехать из города, и отец помог ему устроиться в Москве. В Москве он жил в полной изоляции, у доброй русской бабушки в подмосковном домике, которая называла его «Ролей» и очень любила. А он помогал ей по хозяйству чем мог. Этот статус московского студента помог ему немного восстановить самооценку, но психике его был нанесен непоправимый удар. «Я стал играть роль, — рассказывал он мне сам позже, — с тех пор я уже не жил как раньше. Я перестал понимать людей, перестал понимать смысл того что я делал. Я стал просто играть роль, чтобы казаться как все». Поэтому он всегда выглядел «вечным юношей», веселился и паясничал и там, где это было неуместно. Он рассказывал мне о каких то женщинах в Москве, но и от них он уходил, потому что в конечном итоге уставал играть роль, а на искреннее общение уже был не способен. Тогда он стал очень религиозен, но мысль о потерянном здоровье постоянно сверлила его мозг, обостряя чувство неполноценности до предела. Он был тонким, чувствительным юношей от природы, добрым и совестливым, и если бы не заболел, мог бы стать интересным человеком. Но чувство неполноценности слишком сдвинуло чашу весов на поле эгосистемы, так что он окончательно потерял себя. После института он заперся в Сунже и самостоятельно изучил английский язык, стал читать

Диккенса и другие английские книги. Потом когда в Осетию приехали американские студенты, Тара, Джон, Мариса, он стал их переводчиком. Потом стал изучать немецкий, и первым делом прочел на немецком Евангелие. Это была его мечта, которая поддерживала его в его потере себя, — уехать заграницу и там стать новым человеком. Тогда его очень поддержала дружба с его одноклассником Сашей, немцем наполовину, сыном той Людмилы Борисовны, учительницы английского языка, о котором я уже упоминала. И не в последнюю очередь дружба детей сдружила и Романа с Людмилой Борисовной (она была также и нашей с сестрой учительницей). Ее муж был немец, служил в КГБ, и однажды сошел с ума. Сама она тоже была вздорная женщина и я часто слышала как она орет на сына в школе, когда он еще был здоров. Потом с ним случилась в точности та же история, что и с Роландом. Это была трогательная и трагическая в каком то смысле дружба. Сашу я видела последний раз после смерти Романа: позвонила ему и попросила зайти забрать новую дубленку Романа, которую тот не успел надеть. Саша был очень доволен, и я радовалась: лучшего применения найти было нельзя. Отец купил Роланду квартиру в Москве, помог с дипломом кандидата наук. Он мог устроиться на мясомолочный завод и жить обеспеченной столичной жизнью. Но он предпочел тоже уехать в Сунжу и спрятаться там от людских глаз. Роман купил ему Ниву с условием, что он будет его возить, так как Роман на старости лет остался без водителя. Роланд стал работать с Романом, но чем дальше чем больше это казалось ему эксплуатацией и он часто говорил, что «Роман сломал мне жизнь». Я помню как Роман пожаловался мне тогда, что уже не может работать с Роландом. «Что мне с ним делать? Куда я его выгоню, он один ничего не сможет? Знаешь что он вчера учинил? Я его просил когда приедем, чтобы он мне помог немного в саду в Сунже. Он съехал с дороги, остановил машину и принялся изо всех сил ломать руль машины, представляешь? Что мне с ним делать?» А потом, когда Романа уже похоронили, Нуца говорила мне: «Он плачет как девочка. Говорит, Роман для всех много сделал».

Отец любил учить своих сыновей жизни, как стараются делать все родители, но никогда не оказывал на них давления. Да он и не умел этого сделать при всем желании. Он гордился каждым из них до последнего. Я помню как он в Сунже, в последние свои дни, пересказывал мне успехи в компартии Руслана и Ады, которая попала в управление налоговой инспекции, и от души радовался, буквально за недели или дни до смерти. Он продолжал помогать Роберту, несмотря на то, что знал что тот называет его за глаза «колхозником», и винит во всех своих неудачах, и выгнал его из Сунжи только после того как тот перешел все границы. Он написал в своем дневнике «Спасибо Роланду, который больше всех мальчиков помог мне в жизни», понимая, что самый несчастный из всех был Роланд. Действительно, Роланд бережно выхаживал его в подмосковье, после операции на шунтирование сердца, десять дней был неотлучно при нем в больнице, носил его самого и его судно, и отец был очень привязан к нему несмотря ни на что. Он упомянул каждого в завещании (осталась рукописная версия, которую я тут прилагаю), несмотря ни на какие обиды, и постарался быть справедливым со всеми. Когда я вошла в его квартиру после похорон, я увидела, что из нее унесли все что могли. Особенно вычистили все документы. Они не обратили внимания на альбом, на котором от руки было написано «Дневник». Он лежал среди его сказок народов мира, которые отец имел обыкновение читать перед сном, и которые теперь осиротело валялись на его кровати. Я открыла «Дневник» и нашла там завещание, написанное рукой Романа.

Руслан еще в тот вечер после похорон, когда я бросила им в лицо обвинение и сидела одна напротив них, прямо сказал мне, что «Мы все будем решать юридически» в ответ на мое предложение поделить все на пять равных частей. А юридически оставались только две квартиры, оформленные на Романа: их то нам потом и разделили на четыре части (потому что сестра отказалась от наследства). Нотариус заявила, что никакого завещания Роман у нее не писал, и не регистрировал, и просто вела дело о наследстве как нотариус нашего района, безо всякого за-

вещания. Есть закон: тот кто не напишет заявление на получение наследства не участвует в получении наследства (так сделала сестра, просто не писала заявления). Я написала заявление. Я знала это правило и, понимая уже с кем имею дело, попросила дать мне справку, подтверждающую, что я писала заявление. Они сначала наотрез отказали: мы вам почтой пришлем. Потом когда поняли, что я не успокоюсь пока не получу такую справку, вынуждены были ее мне дать. Я помню как я отчеканила, глядя в глаза этому нотариусу: «Это же я наследство получаю, не вы!» Даже эти две четвертушки пришлось отвоевывать. Так Руслан повел дело «юридически», как он и обещал мне в тот вечер. Для меня вопрос завещания не был праздным вопросом: это был вопрос моей свободы и независимости. Вопросом быть или не быть. Сегодня я живу в отдельной квартире только благодаря тому, что тогда проявила упорство и отстояла хотя бы такую усеченную свою долю. Сначала мы обменяли четвертушки с Робертом и получили по половине каждый в одной квартире. Потом я поменяла свою половину на квартиру матери, а ее переселила в квартиру отца в центре города. Мать, которая наконец попала в чистую светлую квартиру, сказала мне тогда, что она «как будто оказалась в санатории».

3. МАТЬ

Отец моей матери, мой дед был грузином, из Ленингори, насколько мне известно. Я знаю о нем очень мало, только то, что он был дальнобойщиком и что у него было три жены: моя бабушка была его второй женой. Она ушла с маленькой Зоей на руках вскоре после ее рождения. Жизнь с дедом и с пятерыми его детьми от первой жены сразу не заладилась, а бабка моя была с характером, прямолинейная и обидчивая, хоть и добрая женщина. К тому же она была осетинкой, две другие жены деда были грузинками. Я смутно помню единственную встречу с дедом, помню, что сижу у него на коленях, что он очень нежен со мной, и я в ответ хочу и не смею его обнять и поцеловать. То-

гда я наклоняюсь и целую его в колено, и он еще больше растрогался. Вот и все что я могу вспомнить.

Зина, моя бабка, вскоре снова вышла замуж за осетина, а дед женился на грузинке, и у него родились еще два сына. Зоя была уже школьница и студентка, и когда приходила к отцу в гости рассказывала сказки своим младшим братьям. Вот в гостях у Шалико, когда он уже сам стал родителем, и мы с сестрой играли с его сыновьями, я увидела тогда своего деда. Зоя иногда водила нас в гости к своим сводным братьям. Воспоминания безудержного детского веселья связаны у меня с этими посещениями грузинских родственников Зои. Йосиф, так звали деда, иногда давал ей немного денег, и когда ее студенткой положили в больницу на серьезную операцию провел весь день в больнице подле своей дочери. Зоя любит рассказывать, что он так нервничал, что несколько раз обошел всю больницу. Ее сестра Нина, которую ненавидела моя бабка, дарила ей свои платья и туфли. Она к тому времени уже жила в Тбилисси. Зина вышла замуж в Сунжу, за инвалида, у них больше не было детей, но они дружно жили до самой смерти этого инвалида. Жили очень бедно, но выжили благодаря неутомимой энергии моей бабки и подраставшей Зои, которой приходилось обрабатывать с матерью огород в 40 сотых. Зоя рассказывала мне, что с самого детства много работала в огороде, помогая бабуле. Они выращивали картофель, кукурузу, фасоль, огурцы, помидоры, тыкву, свеклу, морковь, зелень, лук. Было много фруктовых деревьев. Была одна корова. «Мама давала мне задание, чтобы к вечеру был мешок травы, и я ходила километры, носила на себе этот мешок и приносила домой сена корове». Воду носили из речки, дрова из лесу. Все делала вдвоем с мамой, с которой Зоя была неразлучна до самой ее смерти, и сейчас часто вспоминает. Был у них пес Тарзан, которого Зина очень любила, и когда кто-то его отравил сильно горевала. Она и здесь уже нам все время рассказывала эту подлую историю с отравлением Тарзана. Зоя тогда уже была студенткой, но часто приезжала домой, чтобы помочь маме, то дров наколоть, то огород вскопать. В тот раз

она приехала, чтобы похоронить Тарзана в лесу. Самые яркие воспоминания Зои о детстве — это голод. «Когда я шла домой со школы, я мечтала найти краюху чурека. Мы одевали галоши на босу ногу, и мои ноги обычно были мокрыми. Однажды мама купила мне булочку, и пока я несла ее ко рту, у меня ее выхватила цыганка. До сих пор помню, как я ревела. Мама тоже очень расстроилась». И те редкие фотографии, что сохранились, подтверждают ее слова: ободранный тощий ребенок в лохмотьях. Наверное, трудно было пережить такое детство. Какое-то время, пока Зина не вышла замуж, они жили вдвоем с матерью. И когда та ехала на работу в колхоз, Зоя бежала за ее тележкой и навзрыд плакала, страшно было оставаться одной маленькой девочке Зина выходила, и успокаивала дочку тумаками, а потом опять садилась в свою тележку и ехала батрачить. Зоя так сильно любила свою мать, что выколола глаза всем, кто на фотографиях стоял вместе с ее матерью. «Мама меня отлупила за это. А потом смеялась и всем показывала эти фотографии». Зина мне рассказывала, что до замужества работала официанткой в «дом отдыхе», и что все ее там очень любили и дарили ей подарки. «Что вы выращивали, ба?» — спрашивала я ее. «Все выращивали. Все у нас было.» «А корова была?» «Была, конечно. Одна корова была, потом ее в колхоз забрали» «Почему же вы тогда голодали?» «Это сначала голодали, а потом больше не голодали». Потом появилась мука и бабуля стала печь пироги, которыми баловала потом и нас по праздникам.

Напротив жила семья казаков, и Зоя сдружилась с их девочкой, старше нее на пару лет, Антониной (Тосей). Эта дружба сделала детство обеих девочек, дружить они будут всю жизнь. Теть Тося сейчас моя крестная, она живет в Моздоке и тоже болеет, мы иногда созваниваемся. Мы с ней особенно подружились после того, как я вынуждена была у нее прятаться месяц в Москве. Это она приютила меня тогда в их ухоженной трехкомнатной квартире в Москве, когда я бежала после похорон Романа. И я ей всегда буду благодарна. Она мне рассказала тогда очень странный сон. Словно бы снятся ей Зоин старый дом в Сунже,

где они росли, она подходит к ограде и видит там Зину. Рядом с Зиной еще две пожилые женщины. Тося поздоровалась с ней: «Здравствуйте, теть Зина». И тогда все женщины поклонились ей. «Так словно благодарили меня за что то, — сказала она мне. Я вот только не пойму, кто эти старухи были с Зиной». «Наверное, ее сестры, теть Тося, — сказала я, — Занета и Надя». «Да ты что! У нее было две сестры? А я и не знала. Вот это сон!» Мы искренне удивлялись, потому что получалось, что они приходили к ней благодарить за меня. Надю я помню очень смутно, добрая старушка, которая приносила нам лесные орешки, а потом попала под трамвай и Зина очень долго плакала. К Занете мы ездили в Балту погостить и очень ее любили. О семье Зины я почти ничего не знаю. Зоя говорила, что был у нее любимый брат, очень толковый, стал председателем колхоза, а потом попал в аварию. «Он всегда за собой чемодан книг возил, — говорила мне Зоя, — читать больше всего на свете любил. Вот в кого ты пошла!» А сама Зина была неграмотная и с трудом говорила на русском языке. Нашу грамотность она пренебрежительно именовала «телячи интеллигенци». Пожалуй у нее я еще услышала тот русский, на котором общались русские крестьяне, мужики и бабы. «Таперича, давеча, отседова, чаво, на кой, лоханки, и тп». Она знала буквы и читала по слогам, но дальше этого ее грамотность не шла. Хрюшу и Степашку считала живыми и с большим энтузиазмом здоровалась с ними каждый вечер. «Они всегда со мной здоровкаются!». Чаще она говорила на осетинском, и по грузински тоже все понимала. Зоя рассказывала, что однажды в школе они разучивали песню «Два веселых гуся»: «Я иду домой и пою: жили у бабуси два веселых гуся: один белый, другой серый, два веселых гуся». А мама как раз дом белила. Как стала меня ругать: «Значит один белит, другой серит! Я тебе щас дам!»

Тося и Зоя провели свое детство вместе: лазая по деревьям, помогая друг другу в саду. Они вместе ходили в школу, а когда выросли решили вместе поступать в железнодорожное училище. Тося даже прислала Зое 700 рублей своей первой зарплаты, чтобы Зоя ехала к ней и поступала в ее училище. Но Зоя отнесла

деньги ее маме и поступила в ГСХИ, на зоотехнолога. Они обе были очень красивыми девушками, насколько можно судить по снимкам. Тося потом всю жизнь проработала начальником железнодорожной станции, а Зоя стала учительницей биологии. Поступление в университете Зоя считала героическим подвигом в тех условиях, в которых они жили с мамой. «Никто не верил, что я поступлю». Она закончила и поступила еще на факультет биологии. И всегда очень гордилась двумя высшими образованиями. Роман потом говорил: «Она была отличница и староста, я думал умная будет. Как же она такая дура оказалась?» Она действительно хорошо училась и очень любила вспоминать студенческие годы: «Больше ничего у меня в жизни не было». Там у нее появилось много новых друзей, и две остались на всю жизнь: Надежда и Тамара. Надя иногда приезжала вместе с Зоей помогать бабуле копать картошку. «Теть Надя, хороший у них дом был?» — спрашивала я ее о тех годах, когда она приходила к нам с Зоей в больницу на Китайской. «Да какой там дом! — смеялась она. — Вот эта холупа, что ли?»

Потом она вышла замуж за Романа, который отбил ее у другого жениха. «Он плакал крокодильими слезами и проклял меня! Я потом вспоминала и думала, это он проклял мою жизнь с Романом!» Она проходила практику на свиноферме в колхозе, где Роман был председателем, так они и познакомились. Ее братья купили ей в приданное громоздкий желтый шифоньер из чистого дерева с зеркалом во весь рост, который много лет стоял в ее спальне и составлял ее единственную мебель. Потом его выкинул Роберт, как старую рухлядь, с которой Зоя не умела расставаться, выманив ее под каким то предлогом из дома.

Роман забрал Зою из ее маленькой хижины в свой благоустроенный дом в центре села, и она впервые могла есть досыта. «Она всего стеснялась сначала, — говорила мне Света, — сядет на краюшке и боится взять кусок со стола». Ей казалось, что она попала из грязи в князи. Сестры Романа, которых было целых пять, а особенно Нуца, влюбленная в своих братьев, которых она считала лучшими мужчинами на земле, сразу дали

понять чтобы Зоя не раскатывала губу, хозяйничать ей никто не позволит. «Нуца ходила за мной по пятам, когда сватали меня. А потом стала говорить: таких как ты много по улицам ходит. Ты уйдешь, будет другая. А я обычно не умею слова находить, но тогда меня осенило: А такие как ты в музее стоят! А когда я была беременна, она говорила совсем чужим людям в Сунже: наша свиноматка опять на сносях». Начиналась война, к которой Зоя оказалась не готова. Правда она всегда хвалит Тедеон, свою свекровь, которая как все подтверждают, была доброй и спокойной старушкой, и к тому же первоклассной швеей. Роман рассказывал, что она умела на своей машинке сшить любую модель, стоило ей увидеть ее на ком то. «Она просила меня отвезти ее в город и оставить там. И целый день смотрела на то как одеты люди. А вечером я ее забирал, и она уже знала что шить». Это героическая женщина, вырастила в горах девятерых детей. Тем временем, Роман был в расцвете молодости и славы, красивый преуспевающий председатель, темпераментный и увлеченный жизнью. Тогда говорят он действительно имел успех у женщин. Зоя говорит, что его любовницы стали ее атаковать. Одна напала на нее, когда она была беременна третьим ребенком, дралась и кричала, что ее ребенок не родится. Зоя стала сильно ревновать, и вскоре заболела нервным расстройством. Помню Света мне рассказывала, что она даже Свету приревновала к Роману, хоть она и была дочерью его сестры Раисы, той самой к которой он в детстве шел босыми ногами по горным тропам. «Мы с ней с тех пор не разговариваем», — сказала мне Света. В школе, где Зоя работала учителем младших классов, дети ее очень любили, как они всегда любят молодых и красивых учительниц, а у Зои к тому же была добрейшая улыбка и звонкий голос. Когда то она мечтала стать актрисой. Поэтому когда Роману дали трехкомнатную квартиру в городе, и она стала прощаться с детьми, они в голос плакали. Зоя очень гордится, когда ее бывшие ученики останавливают ее в общественных местах, здороваются и называют своей учительницей.

Мы с сестрой родились уже в городе. Я помню, как к Роману по утрам приезжал его шофер Тенгиз, Роман иногда брал нас с собой в машину, и тогда Тенгиз принимался нас больно щипать, выражая так свою бурную радость. И мы куда-нибудь ехали счастливые кататься с отцом в автомобиле. Правда, я, говорят, не сразу привыкла к машине и первое время плакала навзрыд и кричала, что автомобиль меня задавит, если я в него сяду. Меня усадили насильно, и когда я убедилась, что он меня не давит, я его полюбила.

В городе нервная болезнь Зои стала развиваться. Она ревновала его ко всему, что шевелиться. У отца была привычка открывать все занавеси везде, куда он приходил. Ему как будто всегда остро не хватало света, он сохранил эту привычку до конца жизни. «И тогда она решила, что это „сигнал“, — рассказывал он мне позже. — Ты говорит, своим любовницам сигнал подаешь! И так каждое утро, стоило мне подойти к окну». Потом она обвинила его в связи с соседкой по лестничной площадке, парикмахершей, с ярким макияжем, по поводу которого Роман имел неосторожность пошутить при Зое. Потом ей померещилась связь с другой соседкой, которая работала в магазине. Тогда она стала часто говорить фразу, ставшую впоследствии одной из прибауток Романа: «Я вас всех, блядей, насквозь вижу!» Да, смешного в этом было мало. И это все Роман покорно терпел, только иногда вспыхивая словно факел. Тогда он начинал орать на нее в ответ, ходить большими шагами взад и вперед и отчаянно жестикулировать. Я была слишком мала, чтобы вспомнить, о чем он говорил, но ощущение катастрофы, которое я переживала всякий раз, когда видела такой скандал, помню хорошо. Однажды они вскочили посреди ночи скандалить, когда я лежала между ними. Но Роман никогда не поднял на нее руки, я уверена он даже никогда на миг себе такого не мог представить. Он был совершенно не способен ни на какое насилие. «Разве ты не знаешь, что я нежный?» — сказал он мне однажды. И если он начинал кричать, это только значило, что он сам очень страдает и уже не может себя сдерживать. Потом он брал себя

в руки и старался посмотреть на все происходившее с юмором. Опять начинал шутить и брал свой снисходительный тон в отношении глупой истерички жены. Эта проснувшаяся в ней ревность не стала причиной развода, он был готов стоически переносить все неудобства ее объявившейся истерии. Тем более, что он понимал что в этом есть его вина, и хотя оправдывал себя тем, что все мужчины гуляют, и умные женщины не показывают вида, лишь бы детей обеспечивал, помнил о своей вине.

Он терпеливо сносил даже то, что называл «плохая хозяйка». Сказывалось детство проведенной в нищей избе бабули. Зоя действительно органически не была способна навести в доме порядок, и почти ничего не умела приготовить, кроме борща и баклажанов, которые она жарила мастерски. Роман тоже вырос в горах на картошке, молоке и сыре и был непритязателен в еде. Он прощал и это. Но становилось все хуже и хуже. Ее нервы воспалились до того, что она целыми днями пролеживала в кровати со сдвинутой на глаза повязкой. Теперь она даже не делала попыток навести порядок в доме, где бегали и баловались пять маленьких детей. Аза рассказывала, что когда братья были маленькими, их почти невозможно было утром одеть. Роберт, который с детства был очень притязателен к одежде, всегда был недоволен своими вещами, и сразу все снимал: «Я это не одену». Тогда все другие тоже снимали штаны и «нам приходилось заново их одевать! Бедная Зоя, как только она выдержала таких баловных детей». Хорошо с нами жила бабуля, без нее действительно бы не выдержала. Роман не возражал и против тещи в квартире, а позже приобрел ей однокомнатную квартиру недалеко от нас. Но по понятным причинам она продолжал проводить большую часть времени с нами. Мы все очень любили бабулю. Она скрасила наше детство своей добротой и крестьянским спокойствием. Я как сейчас помню, как она в своем красивом синем пальто и пуховой косынке ведет нас с сестрой в кинотеатр, смотреть новогоднюю сказку. Помню, как пришла зимой домой со школы, и увидела бабку на кухне. Духовка натопила дом, а она в очках что то там читала слогами

в газете. И так мне вдруг тепло и уютно стало. Она была веселая и бесстрашная, и очень нас всех любила.

Иногда Роман устраивал специальный аттракцион для сыновей, усаживаясь на диван и подкидывая вверх рубль или трешку. «Кто отнимет тому и будет!». Мальчики бежали к нему галопом, и начиналась потасовка с визгом, хохотом, азартом. Это были моменты наиболее безудержного веселья, когда от его смеха и возбуждения детей, мечтавших заполучить деньгу, дрожал весь дом. Я помню, с какой завистью я наблюдала за этой веселой возней однажды, не имея возможности к ней присоединиться. Диван, на котором они боролись, вскоре и приобрел ту печальную известность как «дырявый диван». Так отвлекаясь с детьми и на работе, он продолжал жить с Зоей, хотя было очевидно, что их брак разрушен. Она периодически закатывала скандалы, а вскоре взяла манеру ходить жаловаться на него его начальству. Сначала ему было смешно. Потом она дошла до Кабалоева, первого секретаря Республики. «И всегда говорила им одно и то же, — рассказывал мне Роман, — „он мне мешает воспитывать пятерых детей! Он мне изменяет!“ А Кабалоев потом подошел ко мне и сказал улыбнувшись: Не переживай, моя жена точно такая же». Роман и это проглотил. Ему никогда не приходила в голову мысль как то ее приструнить или напугать, как это обычно делают другие мужчины. Он всегда отшучивался и старался меньше времени проводить дома. Он предлагал ей развод, но о разводе она и слышать не хотела, и опять падала на несколько дней в постель с перевязанной головой. Скоро дошло и до нервной клиники. Когда она выходила оттуда после очередного курса транквилизаторов, все начиналось по новому. «Я тогда ходить не могла. Голова все время кружилась. Я звала маму, и она прибегала, обнимала меня, и мне становилось легче. Я за стенку держалась». Однажды она вызвала милицию. «Пришел милиционер с большим пистолетом на боку, — рассказывал мне Роман, — и спрашивает, что случилось? Она плачет, плачет, он мне мешает воспитывать пятерых детей. Милиционер говорит, а я чем могу помочь? Потом пошел открыл кладовку и гово-

рит: А вот это расчистить тоже он мешает? Повернулся и ушел». Позже Роман скажет в разговоре с соседкой, что уделял слишком мало внимания своей жене, как бы оправдываясь в своей вине. От Зои я никогда не слышала, чтобы и она упрекнула себя в какой то своей вине перед Романом: она всегда считала себя только жертвой. Наверное, он никогда бы не бросил ее, он и сам мне сказал это однажды, потому что считал причиной ее истерии свои измены и принимал свою вину. «Я бы никогда ее не бросил, если бы не то что потом случилось», — сказал он мне как то.

Потом случилась очень неприглядная история. Она бросилась в объятия любовника. Он сам позвонил к нам и все рассказал. Начались безобразные скандалы. Его жена и соседки приходили к нам «громить» Зою, они ругались везде, где только встречались. А потом у Зои у нас на глазах случился тяжелый сердечный приступ, она потеряла сознание и чуть не задохнулась в своей блевотине. Бабка скулила от ужаса и тащила на себе свою единственную дочь в квартиру, чтобы вызвать скорую. Я не понимала происходящего, но после этого случая у меня установилась животная ненависть ко всем этим женщинам, которые травили мою мать. Мы задыхались от рыданий. Вот тогда Роман потребовал развода, и уехал раз и навсегда из квартиры, в которой я живу до сих пор. Ему и тогда не пришло в голову быть грубым с Зоей, ударить или оскорбить ее. Он терпел, пока считал себя виноватым, после этого он уже не мог терпеть, не сделав себя посмешищем. Он ничего не сказал, просто уехал и потребовал развод. Зоя развод давать категорически отказалась. Тогда он подал в суд, и суд на протяжении нескольких месяцев тряс грязное белье на публике, и в конце концов их развели. Иногда Зоя ездила в Сунжу на все праздники связанные с ее детьми. «Зачем она ко мне приходит?» — спрашивал потом Роман. «Она всегда дружила с моими врагами». Впрочем, и он иногда набирал ей при мне: когда у меня или у сестры сильно поднималась температура, и ему не с кем было поделиться тревогой. Или когда меня долго не было, уже когда за мной устано-

вили слежку, и он стал переживать, не случилось ли чего со мной.

К тому времени старший уехал в армию, а двое младших стали потихоньку сходить с ума. Я помню воспаленные глаза Роланда: красные и всегда слезящиеся. Тогда он сказал мне ту фразу о том, что Роман насрал нам на голову и уехал. Помню, как я пришла голодная со школы, а он как раз сел кушать, тоже еще в школьном пиджаке. Он нарезал салат из огурца и редиски — все что нашел. Я подошла, и тоже села за стол, и он вынужден был поделиться своим скудным обедом. А я боялась смотреть в его воспаленные глаза. Мы тогда учились в одной школе, у него была классная руководительница Людмила Борисовна, наша учительница английского языка. Однажды, я пожаловалась Роланду, что одноклассник ругал меня плохими словами, он был крупным и сильным, и побить его сама я не могла. Когда я увидела, в какой истерике бил его потом по лицу и голове Роланд со своими совсем заплывшими в слезах глазами, я поняла, что не надо было ему жаловаться. «Зачем ты обзываешь Лелю?», — все время повторял он как заезженная пластинка, и расходился все больше. «Жаловаться братьям» научил нас Руслан своим «воспитанием», где была строгая идеология о «проститутках» и порядочных девочках. Я и ему пару раз жаловалась, он одевал спортивки, накрывал голову капюшоном и шел со мной искать обидчика. Но у него я никогда не видела той жуткой истерики, которая случилась с Роландом. «Чтоб больше такого не было!» и после пары поджопников он считал свою миссию выполненной. У нас никогда не было вдоволь еды после отъезда Романа. Я помню, когда приносили пару пачек творога, баночки сметаны, кефир и молоко — какой это был праздник! Мы жили на картошке, яйцах, свекле и гречке. Помидоры, огурцы были редкостью, также как мясо. Иногда Руслан делал полную сковородку жаркого с картошкой и мясом, и тогда нам доставалось по кусочку. Роман исправно платил алименты, но либо этого было мало, либо Зоя не умела распоряжаться деньгами. Впрочем, на пятерых детей все будет мало. Потом, уже после перестройки Горба-

чева, к ней пришел ее брат Виктор, у него был кооператив по торговле цветами. Он предложил ей работу продавщицы в небольшом киоске, и это надолго нас выручило. Ей удалось накопить немного денег, и она купила новую мебель в комиссионном магазине. Не сама, правда. Нищета в доме тем временем дошла до того, что Роланд, который остался один после отъезда Роберта в Ростов, был физически неспособен больше ее выносить. Однажды друзья проводили Роланда до дома и он не решился пригласить их в дом. «Они меня все в дом приглашают, а их повел на девятый этаж, чтобы отвлечь! Какой позор!» Он умолял Зою купить новую мебель в комиссионке. Они сходили вместе и уже казалось бы выбрали подходящую мебель, но в последнюю минуту Зоя передумала: «мы найдем что-нибудь получше». Ее скупость стала патологической. Роланд был вне себя, рвал и метал, но это не изменило ее решения. Тогда он пошел на хитрость, лег и притворился тяжело больным, настоял чтобы вызвали скорую помощь, и сказал что умирает от сердечного приступа: «Сделаешь мне похороны на эти деньги», сказал он ей. Эти слова подействовали. И надо сказать они были недалеки от правды. Он действительно был в отчаянии. Она согласилась ехать за мебелью. Роланд тут же набрал в скорую: «больному лучше». Я очень помню тот день когда пришла со школы и сестра встретила меня загадочной улыбкой. Я зашла и не увидела ненавистного дырявого дивана. Вместо него стояла пушистая мягкая мебель, диван и два кресла, кокетливый журнальный столик, и элегантная лаковая стенка вместо старого серванта, в котором помещались только столовые стаканы. Этот поступок Роланда единодушно был признан спасительным для всей семьи.

Нас с сестрой спасала в то время улица. Мы дружили с сестрами Лейлой и Стеллой, с Аленой. Мы почти все время проводили вместе. Либо собирались у кого-то на квартире, либо шли за семечками и потом с шумом, перекрикивая друг друга, смеясь и все время радуясь чему то обходили весь наш район, либо сидели в беседке во дворе с неизменным пакетом семечек. Иногда, когда удавалось скопить немного денег, или сдать бутылки,

мы ехали в центр города, катались на качелях, заходили в кафе. Уже с пятого класса мы стали самостоятельно ездить в Сунжу, иногда брали с собой Лейлу, особенно летом, когда поспевали наши два дерева черешни, по которым мы виртуозно лазали. Потом когда стали ездить к Роману, мы и туда брали с собой Лейлу. Ее мать тогда не могла навосхищаться на нас: «я никогда не видела такой дружбы». Но дружба оказалось весьма заурядной, как потом выяснилось. Я стала рано читать, проваливаясь в книги, и переставая замечать окружающий мир. Сестра чуть позже. Но книги помогли нам обеим выжить. Были еще друзья Руслана, Саша, украинец, и Павлик, наполовину армянин, наполовину грузин. Оба замечательные ребята, друзья его школьных лет. Потом когда он стал ходить по бабам в разгульную студенческую жизнь у него уже были другие друзья. Они часто заходили, особенно Саша, который стал тогда членом семьи. Иногда нас троих, меня, сестру и Лейлу брали с собой в кино. Позже, когда появился прокат видеомагнитофонов, они устраивали домашний кинозал. Нам запомнились особенно фильмы ужасов. Я перестала после них спать, и Саша обычно шутил после очередного просмотра, чтобы успокоить меня, что «вампиры сегодня в нашем сарае постановили на совете идти за Лелей». Павлик был парнем исключительной порядочности и честности, и от этого он казался друзьям немного занудой. Они вместе с Сашей закончили потом Горно-металлургический институт и стали электриками. Саша и сейчас мой сосед. У него взрослый сын, который тоже стал электриком, а сам он стал почти инвалидом с больным суставом, который отказывается оперировать. Его жена, Ирина, часто заходила ко мне, чтобы оказать посильную помощь, а теперь она сама болеет. Мать Лейлы и Стеллы тоже по прежнему живет в этом доме, и они часто здесь бывают, но не нашли времени проведать друга детства, хотя хорошо знают о том, что мне четыре года назад разбили спину и я живу здесь. Вся эта детская «дружба», хоть и была полезна в свое время для становления психики, во взрослой жизни не могла не оказаться только смешной сентиментальностью. Ведь взрос-

лая дружба это не когда вы вместе спите, едите и живете, а когда вы вместе думаете. Думать мои подруги детства не любили, так что и сочинения им писала я. У нас был бартер: Лейла меняла мне манжеты на школьной форме в выходные, а я писала ей сочинения. Потом, после похорон Романа, мы столкнулись уже взрослыми людьми, и наши дороги окончательно разошлись. Когда у меня под ногами горела земля и все на меня ополчились, они включились в травлю. Лейла мне звонила, выспрашивала информацию о том, где я, куда собираюсь ехать, есть ли у меня средства, где остановлюсь и тп, а потом передавала Руслану или не знаю кому еще. Ее сестра Стелла работала в прокуратуре, и старалась как все быть поближе к местной элите, это понятно. Помню, Стелла тогда сказала: «Ты знаешь, я сегодня сидела за одним столом с Залиной Агузаровой». Но ведь они могли просто не участвовать, никто ведь их насильно не заставлял помогать меня травить. Если мои родственники защищались от позора, который как они считали им несло мое разоблачение, то от чего защищались эти девушки? Просто во взрослой жизни у нас оказался кардинально противоположный контроль: у них физический, который ведет к конформизму и субординации, а у меня интеллектуальный, который развивает совесть и потребность справедливости. Но в детстве мы действительно много времени проводили вместе.

Мать водила нас в детстве в гости к Шалико и Цире. Для нас с сестрой эти посещения были настоящим праздником. Мы очень любили их всех за искренность и веселье, и вскоре очень сдружились с их сыновьями, Тенгизом и Зуриком. Цира всегда казалась мне необыкновенной женщиной, яркой и веселой. Всегда гостеприимная и остроумная, добрая и работящая, это она создавала ощущение праздника своей неувядаемой энергией. Я помню в тот раз, когда мы с Романом лежали на Китайской, после операции на желудке, мы случайно встретили там Циру. Ее как экстрасенса пригласили лечить брата тогдашнего ректора СОГУ Ахурбека Магомедова. И у него и у Романа были соседние отдельные палаты, и Цира тут же предложила параллельно ле-

чить Романа, бесплатно, разумеется. Для меня лично одно ее присутствие было исцеляющим, с ее широкой улыбкой и жизнерадостностью. Отец тоже заулыбался и сразу пошел на поправку. Шалико тоже очень добрый и интеллигентный человек. Я гостила у них в Подмосковье уже после смерти Романа, мне нужно было попасть на прием к врачу, и Шалико каждое утро вставал в пять утра, чтобы проводить меня на остановку и посадить на автобус до Москвы. У них не всегда был достаток, долгое время они как все едва сводили концы с концами. Цира сутками работала в своем парнике, выращивала прекрасные гвоздики, а потом целыми днями простаивала с роскошными букетами цветов на улице. Она рассказывала мне, как помогала бабушкам продавать их куцые цветочки, добавляя пару своих цветов и заворачивая в пышную обертку. В этом вся ее природная доброта. Шалико таксовал, а Цира вела все домашнее хозяйство. Однако, вскоре стало ясно что энергия Циры не случайна, что у нее способности экстрасенса, и к ней выстроились очереди людей за помощью. Цира потом в Москве показывала мне благодарственные письма, в которых ее горячо благодарили за помощь. Их накопилась целая тетрадь, и она ее позже издала. Шалико пришлось взять домашнее хозяйство на себя. «Лейла, не поверишь, он яичницу не мог пожарить, — говорила мне потом Цира. — А теперь как готовит!». Действительно, я до сих пор помню вкус борща, которым Шалико меня угощал. Эти визиты очень скрасили наши безрадостное детство. Тенгиз и Зурик росли в здоровой атмосфере любви и достатка. Пусть у них не всегда был достаток, но всегда все лучшее было для детей. И всегда родители понимали друг друга и спешили во всем поддержать детей. Помню Шалико мне рассказывал, что когда младший сын сказал, что у него болит в школе голова, Шалико разрешил ему ходить в школу через день. Они берегли здоровье детей, физическое и психическое. Это атмосфера здоровой любви, положительных эмоций, которая необходима становлению человека также как почва, вода и солнце для цветка. Только тогда человек вберет в себя все соки, поднимется и расцветет. Цира и Шалико

простые, но честные и божеские люди. Ставят в церкви свечки и учат детей быть достойными людьми. И старшие братья Зои очень помогли. Виктор со своим цветочным кооперативом, в котором у него несколько лет проработала Зоя. Помню, я открыла дверь и увидела теть Аню, жену Алеши, с большой стопкой тарелок в руках. Оказалось, это был день моего рождения, о котором я совсем забыла, а она пришла меня поздравить. Теперь теть Аня очень пожилая, ей уже под девяносто. Алеша умер год или два назад. А до своей смерти он успел навестить меня вместе с Аней, когда я уже сидела парализованная в кресле. Аня очень плакала, увидев меня в таком состоянии. Когда Роберт приехал в новом для него амплуа философа и дона из Ростова, он напросился какое-то время пожить у Шалико, и мы стали чаще видеться. «В следующий раз Роберт к нам на вертолете прилетит», — смеялся тогда Тенгиз, еще совсем мальчишка. А вскоре пришло время поступать в институты, и мы опять встретились все в СОГУ. Я, как Тенгиз поступила на экономический факультет, сестра поступила на юридический факультет, где она вскоре встретила своего мужа. Как-то, когда я училась в Москве, Шалико и Цира приехали к нам в гости. Это было то время, когда Цира уже пользовалась большой популярностью как экстрасенс в Осетии и решила попытать свои силы в Москве. Тогда мы жили с Роландом в двухкомнатной квартире, которую купил мой отец. Их визит пришелся на время моей интенсивной учебы в Плешке, когда я сдавала досрочную сессию и очень боялась ее провалить. К тому же тогда я была уверена, что московский ВУЗ реальный ключ к просвещению и относилась к своей учебе на финансовом факультете гораздо серьезнее, чем она этого заслуживала. Я очень любила их обоих, и в других обстоятельствах была бы счастлива принимать кумиров своего детства у себя, но тогда мне было совершенно не до кого. Они заметили и получилось, что я не показала себя такой радушной и гостеприимной как в свое время Цира. Спустя месяц они нашли работу и сняли квартиру в Москве. Потом, когда за мной началась охота, после публикации «Переключи себе ток», я приехала к ним и попроси-

ла позволить мне остаться несколько дней. Шалико не смог мне отказать, но я видела, что он так же как я тогда, совсем не рад моему визиту. И всего же он сказал: «Конечно, швило, заходи, оставайся». Тенгиз был не рад еще больше, я слышала обрывки их разговора с Шалико, который старался меня защитить и выгородить: «она просто чистая, наивная девочка. Борется с целой системой. Я же не мог так вот ее выгнать в такой беде». Я поторопилась уезжать. Цира так мне сочувствовала, что оторвала от сердца большой флакон своих любимых французских духов, но я не взяла, сославшись на то, что не люблю сладких запахов. Шалико дал мне в дорогу пять тысяч, как позже даст Тося, когда я буду у нее в московской квартире в таком же положении.

Общий язык с детьми моя мать конечно найти не смогла. Отец говорил с нами с уважением, когда мы выросли, как с личностями. Для Зои ее дети навсегда остались маленькими детьми. Она была абсолютно уверена, что мы все ее полная и неотъемлемая собственность, и никто не сможет этого изменить. «Я вас для себя рожала, — часто говорила она мне. — Я была одна, и мне было трудно. А теперь вас пять у меня!» И это бы ничего, если бы она не начала активно вмешиваться в нашу жизнь, как когда-то к Роману. Она пошла к нам в школу и выпросила для меня какое то вспомоществование, как для ребенка из бедной многодетной семьи. Я не против, мы не были богаты, но стоило спросить меня, или предупредить. Я помню шок, когда мне объявили, что эту шубу мне купили на деньги школы при всем классе. Она никогда не считалась с нашими привязанностями и могла спокойно нагрубить нашим друзьям или даже выставить их за дверь. Однажды она пошла домой к Лейле, которой я одолжила джинсы и потребовала срочно их вернуть. В другой раз, она не нашла моего свитера, поразмыслив недолго, она отправилась на работу к матери моей одноклассницы и там при сослуживцах обвинила ее дочь в том, что она спрятала мой свитер. А какое то время спустя нашла этот свитер в одном из своих древних чемоданов, которые она хранила под кроватями со времен приданного. Я ругала ее по-

следними словами, а потом чувствовала вину за то, что так говорила со своей матерью. Она принимала позу жертвы, вздыхала и продолжала делать, что ей вздумается. Особенно доставалось ее сыновьям, которые для нее навсегда остались сопливыми мальчишками в коротеньких штанишках. Я бы не обратила на это внимание, но я слышала с какой злостью Роланд и Роберт обсуждали ее поведение между собой. Роланд был для нее «тру-ля-ля» и трудно передать, как его бесила эта фамильярность, а ей самой казалось верхом материнской нежности. Его стало раздражать в ней абсолютно все. Но окончательно он взбесился после ее визита к нему на тренировки, где он, подражая старшему брату, хотел учиться вольной борьбе. Она обвинила его товарищей то ли в том, что они подменили его новые «борцовки», то ли в том что украли, я уже не помню. Помню только что он со слезами на глазах рассказывал нам, как тренер после ее ухода предложил скинуться на новые борцовки для Роланда. Он больше никогда туда не вернулся, и с борьбой было навсегда покончено. «Мне иногда кажется, — говорил он мне тогда, — что она сейчас подойдет, возьмет меня за штанишки и станет их подтягивать!», не понимая, как смешно это звучит. Сейчас они в прекрасных отношениях, потому что никогда с тех пор вместе не живут, и Роланд просто старается не замечать выходки сумасбродной старухи, а когда переходит грань, просто орет на нее. Руслана и Роберта Зоя побаивалась, в них она все же признала «мужчин», а к нам продолжала всегда относиться как к мебели. Роберт называл ее хитрющей, сыпал матом в ответ на все ее выходки, учил ее хорошим манерам, но на деле остался накрепко привязанным к маминой юбке по сей день. Он и сейчас рассказывает ей все свои дела и знает точную дату ее пенсии. Руслан бесился, выходил из себя, но в конечном итоге прощал ей все. Помню, как она ответила на его длинную тираду одной фразой: «Господи, прости его глупого». Он взбесился и заорал ей в ответ: «Господи, прости ее дуру!» Впрочем, прощать прощал, но даже в кошмарном сне ему не приснилось бы жить с ней в одном

доме. Он винил ее упрямство в том, что она никого не послушала и решила сама лечить бабку, а вызови она вовремя врачей и все могло быть иначе. Пожалуй, из его «благородных» поступков можно было бы вспомнить искреннюю привязанность к бабке, которую он нежно любил и даже ездил к ней в санаторий, когда она там отдыхала. Бабка любили рассказывать как она была рада увидеть его там: «Я купил шерстяное одеяло и шел к себе в дом отдыха. И слышу кто-то кричит: Зинаида Семеновна! Я думаю кто это? Гляжу — Руслан!» И потом когда она болела, он старался ее навещать, и привозил врачей, лекарства, детей, но кроме Зои и нас никто около Зины не оставался дежурить. Не могли вынести тяжести обстановки и боялись заразиться. Зоя очень обижалась, когда они кричали на нее «при детях», то есть при нас с сестрой, и портили ее «авторитет» в наших глазах. Нервная клиника за нервной клиникой — и ее интеллект притупился незаметно для нее и для окружающих. Когда то одна из самых способных студенток, отличница и староста, она превратилась в «зануду», как назвала ее Тося, увидев много лет спустя. «Она стала настоящая зануда», — сказала она добродушно и рассмеялась.

К тому времени, цветочный кооператив Виктора давно перестал существовать, и какое то время ее поддерживал Роберт, который прикупил еще какой-то мебели по мелочи, но никакого серьезного ремонта даже не пробовал делать в квартире. Но ему нравилось одевать Зою, покупать ей новые костюмы, пальто, сапоги. Он называл это «терапией». «Она ходит всю жизнь как чухало. Это всегда травмировало мне психику. Хоть оденет человеческие вещи». Потом слегла бабка, и Зоя принялась ее лечить сама. Врачи сказали, что если бы вовремя обратились, то возможно опухоль можно было вырезать. Бабка проболела долго и Зоя до последнего дня была рядом с ней, и как могла ухаживала за ней. Никогда не боялась заразиться и когда однажды объявили, что будет землетрясение и все выбежали на улицу, она спокойно легла рядом с бабулей и заснула. После ее смерти, ее страсть к тряпкам еще усилилась. Она нес-

ла в дом все, что находила лишнего у сыновей или знакомых. «Зачем выкидывать? Все пригодится!» Потом она нашла какие-то благотворительные организации, где набирала целые сумки вещей из «сэконд хэнда». Вот когда «сэконд хэнд» стал напастью. Она несла домой и складывала в кучи: «Это мой бизнес. Мы будем продавать и заработаем деньги. Правда, я почему то даже тряпочку никогда не смогла продать». Или еще: «Я буду дарить их людям, и они будут меня любить». И действительно, стала надоедать людям своими «подарками». «Она даже к нам эти сумки принесла», — сказала мне как то Цира, когда я очередной раз пожаловалась, что в ее квартире не осталось пространства для жизни. Цира, жена брата Зои, построила два больших красивых дома, и меньше всего нуждалась в таких подарках. Тем временем в квартире уже было не пройти. Мыть полы она перестала, даже одежду стирать перестала, и спала прямо на диване, не раздеваясь. Мы к тому времени уже жили с отцом. В таком положении они оказались с Робертом накануне смерти Романа. В замусоренной квартире, с развинченными дверьми, сорванными обоями, вырванной местами проводкой: Роберт порывался делать ремонт своими силами, а вместо этого добавлял хлама. Не передать словами чего мне стоило расчистить эту квартиру, в которой я теперь живу, после ее накоплений. Еще когда бабуля болела, я переехала в ее квартиру, когда искала уединения и сделала там косметический ремонт: поклеила обои, покрасила, побелила, выкинула лишний мусор. Потом когда ее хоронили, все хвалили чистоту бабули, а мне было приятно, что я хоть чем-то смогла быть полезна этой несчастной старушке. Мы с сестрой тоже провели одиннадцать дней у ее постели, чтобы дать время матери отдохнуть в санатории, когда все так боялись заразиться. Потом гораздо позже, после смерти Романа и обмена квартирами с матерью, я была счастлива, что отправила ее в чистую квартиру Романа на берегу Терека, и как она не сопротивлялась по своей всегдашней глупости сначала, а потом сказала мне: «Я словно попала в санаторий!» А санатории она любила почти так же как нервные

клиники. Впрочем, теперь она отказывается от своих слов, как делает всегда.

Братья называли нас «дети». И когда мы были детьми, действительно неплохо к нам относились. Руслан рассказывал, что часами носил меня на руках, потому что я никак не хотела спать, и ни у кого другого не было сил меня укачивать. Что выстаивал длинные очереди для нас за молоком. Он напомнил об этом и в ту ночь, после похорон. Он привез нам из армии две одинаковые кофты, и мы заносили их до дыр. Потом когда впервые после долгого перерыва увидели отца, мы были в этих кофтах, и он обратил внимание на дыры на локтях. Уже через неделю он прислал нам моднейшие красные свитера с карманами в белую сетку. Сестра так и не смогла его одеть, отложила для праздничных случаев и, не заметила, как выросла из него. Руслан купил нам три раза путевки в лагерь ГСХИ на берегу каспийского моря, и это наверное лучшее, что было в нашем детстве. Роберт привез нам из Москвы больших пластмассовых петушков, когда был там на экскурсии вместе с классом. Я запомнила этих петушков, потому что его классная руководитель очень его хвалила за это: «я его спрашиваю, Роберт все покупают себе модные вещи, что же ты каких то петушков?». Но на модные вещи ему не хватило бы денег, и он купил «детям» петушков. Он купил нам первые «приличные» вещи, когда «разбогател», и это было настоящей революцией для нас после нашего нищенского отрепья из дешевых спортивных костюмов, в которых мы ходили везде, даже фотографироваться, и юбок из комиссионок. Правда приходилось слушать его бредовые теории о корлеоновской романтике, и ушло время, прежде чем мы разобрались, что они бредовые.

Роланд был к нам ближе других, и с ним мы иногда даже играли вместе. Я помню, как вместе втроем затеяли генеральную уборку, а потом с чувством выполненного долга пошли гулять в снежную зиму на улице. Роланд поковырял в снегу клюшкой (а они все были заядлые хоккеисты и футболисты) и вдруг — три рубля. Каждому по рублю! Я до сих пор помню этот восторг. Как

мы веселились. В другой раз он сидел на своей раскладушке в гостиной и загадочным шепотом показывал мне книгу: «Ух, что я сейчас буду читать! Ух, если бы ты знала какая интересная сказка! Волшебник изумрудного города!» Я так позавидовала ему, что помню эту сцену, как если бы все случилось вчера, ведь я еще читать не умела. Роберт нас поколачивал иногда, он был вредным и эгоистичным ребенком, и мне нравилось его дразнить. Когда Роман жил с нами я пряталась за Романа, а потом за Зою. Руслан внушал нам ужас и это именно то, к чему он стремился. Он называл это «воспитанием». Он установил нам распорядок дня, и строго спрашивал, если мы ослушивались. Его слово было для нас законом, и мы знали, что если не послушаться нас ждет гнев Руслана, который был много страшнее самих побоев. А побои обязательно следовали: пощечины, шлепки по голове, и заключительный ногой под зад. Он ставил нас в угол на час, на два, когда был очень зол, и мы бегали и выпрашивали друг для друга поблажки. «Можно она выйдет? Она больше так не будет?» Его, очевидно, забавляла вся эта игра. Мы росли с этим, и я не сразу поняла, что в этом не так. Но эта тирания стала все больше и больше меня смущать по мере моего взросления. Тем более что, что теперь я получала и за то, что спорила с Русланом и отваживалась высказывать свою точку зрения. А мое раннее развитие сильно оттеняло неповоротливость его ума. «Он даже сказки не читал», — обычно с горечью выдыхал Роман. Руслан по этому поводу с огорчением рассказывал, что однажды когда он вышел к трибуне как партийный лидер, один из его боссов опустил голову и закрыл глаза руками. У меня напротив язык был с детства хорошо подвешен. Я уже тогда много читала, и начинала пробовать свою логику в диалектике, как все такие дети. Тогда он стал просто подавлять мою волю, и вот тогда я его окончательно возненавидела. Помню, он приказал мне сказать, что я свинья. Я отказалась. «Пока не скажешь, будешь стоять в углу», — сказал он. Я встала в угол в самом отчаянном состоянии и стояла пока были силы. Сестра очень переживала за меня, и все время бегала за меня изви-

няться. «Выпусти ее пожалуйста, она больше не будет». «Пусть скажет, что она свинья!» Тогда сестра предложила компромисс: «можно она скажет вместо свинья — хрю-хрю?» Его это так развеселило, что он разрешил. Я тоже пошла на такой компромисс, и в полном отчаянии прохрюкала дважды при нем. Он не умел смеяться как Роман, глубоко и с наслаждением, и засмеялся своим самодовольным смехом. И вот пришел такой день, когда моя ненависть пересилила страх. Я что-то кричала в ответ на очередную проделку Зои, как вдруг услышала грозный окрик Руслана. Сам он кричал на нее еще не так, но при нас, как правило, становился на ее сторону. «Я не с тобой разговариваю!», — еще сильнее раздражаясь, закричала ему я в ответ. Это был откровенный бунт и он сразу это почувствовал, вскочил с кровати и прибежал, сверкая бицепсами. «Я тебя больше не боюсь, — со всей ненавистью заявила ему я прямо в лицо, — я тебя ненавижу. Попробуй еще раз меня ударить, я пожалуюсь в милицию!» Я ревела навзрыд. Он для сохранения лица дал мне пару пощечин, но поспешил ретироваться. Он понял, что его власть закончилась, и объявил, что не желает меня больше знать до конца жизни. Он всегда переставал разговаривать с теми, на кого обижался, а мне того и надо было. Я тогда уже вновь общалась с отцом, а вскоре стала студенткой. Прошло года три-четыре, он женился на Беле, у него родился сын, и я его «пожалела», пришла сама мириться. Напрасно. Тогда наши отношения закончились и уже больше никогда не восстанавливались.

Зоя с самого начала была на стороне своих сыновей, как и следовало ожидать. Она обвиняла меня во лжи, и продолжает обвинять сейчас. Она говорит фразы в своем стиле, вроде: «Руслан и Ада у нас главные. Они всеми управляют». В каком то смысле она искупила свою вину, когда согласилась обменять эту квартиру, в которой я теперь живу, на мою половину в квартире Романа, хоть и не без эксцессов. Видимо, когда узнали сыновья, они настояли на том, чтобы она аннулировала сделку, и она аннулировала, несмотря на то, что я заплатила семь с половиной тысяч в регистрационной палате. Да и сама она была рада ее

аннулировать, поскольку я с огромными трудами уговорила ее, почти заставила. Когда открылось ее предательство, я была на грани истерики. Она согласилась зарегистрировать второй раз сделку, и мне пришлось платить второй раз. Но это было пустяками по сравнению с тем, что сделка все-таки была зарегистрирована и я стала независима от ее сыновей. Ведь теперь у меня было свое отдельное жилье.

Мне просто неприятно, что она продолжает играть роль заботливой мамы, которая заботиться о неблагодарной дочери даже после того, как эта дочь всех оклеветала, обвинив в смерти отца. Я не прошу ее свидетельствовать против сыновей, достаточно было бы не свидетельствовать против меня. Сначала она еще боролась за меня, ругаясь с ними за то, что они хотели упечь меня в психушку. «Какие вы бессовестные!» — я однажды слышала ее категорический отказ им помогать, когда они говорили по телефону. Руслан очередной раз объявил, что «не разговаривает с ней», как он отказался разговаривать с Романом, когда тот отправил его потаскушек с московской квартиры. Это именно Зоя нашла тогда Тосю в Москве по телефону, когда я сбежала от Руслана, решившего поместить меня в психушку, и попросила ее приютить меня, иначе я не знаю, что со мной было бы. И когда я позже жила с Зоей, она не позволила им поместить меня в дурдом. Однако по мере того как шло время, она привыкала к этой мысли, особенно после того, как Роланд не только сам лег в психушку, но еще и деньги сверху приплатил, как в том анекдоте. Она подумала, значит, там нет ничего страшного, и потом уже всеми силами помогла Руслану меня запереть. Роланд по мере того как отходил от людей и замыкался в себе становился все более странным. Уже после травмы Роланд заявил, когда всеми правдами и неправдами хотел перевезти меня в Сунжу, что ему не нужна сиделка, чтобы ухаживать за мной, что он может делать это сам. «Ты с ума сошел?» — я даже привстала со своего смертного ложа.

Я помню, как мы спорили с ним в те несколько месяцев, что я прожила с ним и Романом в Сунже, перед самой смертью Ро-

мана. Он тогда уже начинал доказывать, что религия Христа — это слабость и глупость, а подлость, цинизм и эгоизм поведение настоящего мужчины. Как раз та самая философия Ивана Карамазова, что если Бога нет, то все позволено. «Я так считаю и ты мне не докажешь обратного! У каждого свое мнение!». Он считал, что если станет крутым и дерзким, все ключи окажутся в его руках и слабость детства будет в прошлом. «Очень нетрудно тебе доказать твою ошибку, — сказала я, я все пыталась подсунуть ему литературу по психологии почитать, потому что видела, что он погибает, но все тщетно, — Достаточно для этого доказать, что подлость — это слабость, а совесть и сочувствие — сила! И больше никто не предпочтет совести подлость». Тут он осекся и задумался. Сила это то, что он тщетно искал с самого детства. А когда мы сидели в тот вечер после похорон, я ему сказала: «Я вас разоблачу перед всеми, я напишу заявление в прокуратуру, знаете зачем? Чтобы доказать вам, что подлость и низость — это слабость, и что за них всегда приходится платить». А теперь Зоя недавно сказала, что Роланд опять вернулся к христовой вере, испросив у него прощения за свои прегрешения, как подобает христианину.

В то время как я не щадила себя, чтобы уничтожить в себе эго, они шли противоположным путем, убивая в себе совесть и культивируя эго. Мне не нужно было их публичного раскаяния, чтобы их простить. Долг перед Романом я выполнила, когда подала заявление в прокуратура, и придала, таким образом, дело гласности. Мне было достаточно увидеть, что они раскаялись сами для себя. Я бы не стала писать этой книги даже если бы они не раскаялись, но просто оставили меня в покое. Но увы. Они поставили целью доказать всем, что я лгала и клеветала, и лишить меня покоя в моей квартире, где я отдыхала имея возможность не общаться с ними, а с этим я не могу смириться. Они продолжают утверждать, что я лгу и клевещу на них, и что нездорова я, а не они. И первым доказательством приводят мое увечье: я невменяема, я прыгала сама и сама виновата в своем несчастье. Даже если бы я прыгала сама, это вовсе не говори-

ло бы о невменяемости в обстоятельствах, в которых я по их милости оказалась. Но особенно гадко слышать, как они настаивают на том, что я прыгала сама, несмотря на мое категорическое отрицание. Им надо, чтобы так было. Когда меня только привезли, Роланд, конечно по наущению Руслана, поскольку сам он ничего не делает, позвонил мне и категоричным тоном заявил, что я должна публично заявить, что ошибалась, что была нездорова, и говорила о них глупости. Тогда, они возможно будут мне помогать. Я сказала, что мне не нужна никакая их помощь, и что я никогда не откажусь от своих слов. И вот с тех пор идет скрытая борьба, они всеми правдами и неправдами стараются доказать что я банкрот, умственный и физический, и заслужила все что получила, а они благородные братья, которые готовы взять заботу об инвалиде на себя, если я признаю свою вину перед ними. Я больше никогда не смогу общаться со своими братьями.

Был еще один странный мистический случай. После того как я отнесла заявление в прокуратору, я вспомнила как сказал мне Роман, после того случая с его ночной госпитализацией, когда я позвонила его друзьям в министерство: «Она даже в министерство позвонила!». И я подумала, что если бы он мог комментировать мои действия сейчас он опять сказал бы: «Она даже в прокуратуру заявила!» Я тогда делала для себя записки как всегда и записала эту мысль где то у себя, а потом забыла о ней. И вдруг звонит Зое ее старая университетская подруга Надежда Толстая, и говорит в сильном волнении: «Что у вас случилось?» «Все по прежнему», — отвечает Зоя. «А при чем прокуратура? Мне приснился Роман. Как будто стоим мы в очереди. Я говорю, Роман Лейла за тебя так переживает! А он отвечает: Я знаю. Она даже в прокуратору заявила! Вот я и звоню узнать, при чем здесь прокуратура?» Надя тогда еще не знала, о том что я и в самом деле туда заявила и почему. Впрочем, в ее семье лет десять до этих событий произошли гораздо более страшные вещи. Ее муж алкоголик зарубил топором во сне младшего сына, с которым они постоянно конфликтовали. Его посадили, и он целыми днями лил слезы в камере. Потом отпустили, и он до конца жиз-

ни продолжал жить с Надей. Зоя тогда ее очень поддержала в борьбе с «этим негодяем». Они дружат с Зоей уже больше пятидесяти лет, и Надя знает нас с самого рождения. Потом когда я с Зоей лежала в больнице на Китайской площади уже после травмы позвоночника (в той самой больнице, где куда я когда то приехала с Романом ночью), она часто навещала нас, она живет там по соседству. Ей трудно было привыкнуть к моему новому облику.

4. СОГУ ИМ. К. ХЕТАГУРОВА

> «Сила всегда привлекает людей безнравственных; и думаю, неизбежно, что талантливые тираны всегда окружены негодяями»
>
> *А. Эйнштейн*

Чем отличаются культурные народы от первобытных? Пониманием «силы». Сила нужна всем, так как закон сохранения энергии — основной закон не только физического мира, но и психического. Только у культурных и первобытных народов кардинально противоположные представления об этой силе. Для первобытных народов сила — это мистика, насилие и власть; для цивилизованных народов сила в интеллекте, в развитом духе, в общем поле совести, сочувствия и справедливости. Возьмите любую литературу, возьмите учебники истории, — люди всегда во все времена искали силу, энергию. Однако, и там есть существенная, радикальная разница в том, как видят силу аборигены, то есть люди с первобытным сознанием, и как видят силу культурные, цивилизованные народы. Для аборигенов все просто: сила это насилие, грубая физическая сила, кто лучше воюют, тот и победитель. Даже их мистика в конечном счете сводится к физической силе, просто всесильной и вездесущей, не нуждающейся в уме и логике. Развитые культурные люди уже обладали интеллектом. Они поняли, что физическая сила минимальна, а мистика всесилия — ложная.

Что настоящую силу дает только научный интеллект через контроль законов природы и доступ к энергиям природы. Совесть и сочувствие, которые объединяют энергию людей в их конструктивной работе. Какой огромной энергией распоряжается современный цивилизованный мир! Что? Как он ее получил? Магией и колдовством абориген? Войнами и грабежами? Нет же, трудами Менделеевых и Ньютонов, научным интеллектом. Единением совести и сочувствия в гуманистической философии, в буддизме и христианстве. Умные люди давно, еще с тех времен, которые Карл Ясперс назвал «осевым временем» поняли, что эгоизм, связанный с грубой физической силой и враждой людей разрушителен и ведет к прямо противоположному результату: не силе, а потере себя, к полному распаду человеческой энергии и к краху. Это время зарождения основных мировых религий: Авесты Заратустры, Упанишадов и Будды, еврейских пророков, китайской философии. Действительно, именно о том, что есть в человеке два различных Я, две различные энергии, больная и здоровая, мертвая и живая, разумная и тупая рассказывают все мировые религии. И что грубая сила, которая связана с эгоизмом — есть гибель и слабость, а научный интеллект, сочувствие и совесть — великая сила, красота и жизнь. В этом смысле современная гуманистическая психология это развитие осевого времени Ясперса. Впрочем, Ясперс потому и назвал его осевым, что считал основой нашей цивилизации, которой питаются все эпохи и к которой возвращаются после времен варварства как к Возрождению. А те кто остается в стороне от этой культуры осевого времени — доисторические народы, считал Ясперс, первобытное сознание.

С тех пор культурные народы постоянно разрабатывают эту мысль, развивая ее в своей науке, литературе, в искусстве. Этим отличаются современные культурные народы от диких и первобытных. У них есть разработанный пласт литературы о душевном здоровье и душевной силе, который разоблачает болезнь и ищет пути к духовной силе и росту. В этом смысле русская литература, действительно, великая литература, и большой вклад

в мировую сокровищницу. В том числе конечно романы Достоевского и его последний роман «Братья Карамазовы». Как раз это вечная со времен осевого времени тема во всех его книгах разрабатывается подробно и всесторонне. О том, что в поисках грубой силы («Вошь я или человек?») люди невольно уничтожают свою душу.

В этом смысле, как ни печально это констатировать, осетинский народ, в той мере, в которой он претендует на замкнутость своей национальной культуры, это первобытный народ. У осетин нет этой культуры поисков настоящей духовной силы, которая у культурных народов имеет место со времен осевого времени. Официально приняв христианство, они остались в большинстве своем язычниками, даже большая часть тех, кто называет себя христианами. Для них распятый Христос — бог слабости и унижения, как для Ницше. Тем не менее, здесь довольно сильные протестантские церкви, которые усердно читают евангелие, переводят его на осетинский язык, и стараются понять философию христианства, а не просто увлекаются магией символов, как это принято в католических и православных церквах. Ярким представителем протестантского движения в этом смысле был Толстой. Но это ничтожный процент населения. Большая часть понимает силу так, как ее понимали предки скифских и сарматских племен.

Это еще одно доказательство в пользу философии Ясперса: либо единое осевое время человеческой цивилизации, либо доисторические народы. Культура, цивилизация, разумная жизнь имеет одинаковое происхождение и универсальна для всего человечества. И те общества, которые приобщаются к культуре, постепенно входят в это мировое сообщество и становятся одной семьей.

Когда В. Гергиев на открытии памятника Гайто Газданову во Франции сказал буквально следующую фразу, — «Я думаю, он жил и думал в русле всего этого небольшого народа», — он звучал очень неубедительно. Гайто Газданову удалось стать частью мировой культуры, но «весь этот небольшой народ» еще

только на пути к приобщению к ней. Достаточно поверхностного сравнения рефлексии и этики в книгах Газданова с осетинским менталитетом, чтобы это стало очевидно любому. Газданов был русским писателем, он писал на русском языке и любил русскую литературу, на которой вырос. На осетинском языке невозможно выразить мысли, которые он развивает в своей книге, иначе на осетинский язык была бы переведена мировая классика и мировая научная мысль. Поэтому у осетин в целом пока мало развита та духовная культура в поисках настоящей психической силы, которая в цивилизованных обществах имеет место со времен осевого времени. Я буду называть гопничество и мачизм в поклонении физической силе — макиавеллизмом, а культуру зародившуюся в осевое время и выразившуюся в поисках силу духа и совести и сочувствия — духоборчеством.

В этом смысле очень характерен осетинский университет, в котором я провела два года до своего перевода в Москву: один год на заочном, и один год на очном отделении. Тогда он на меня произвел впечатление «лягушатника», болота, в котором не шевелится ни одна живая мысль. Единственным выходом я видела поиски хорошего образования в Москве или заграницей. О загранице я не могла и мечтать, а вот Москва была вполне доступна, если бы Роман согласился мне помочь. Он очень не хотел отпускать меня в Москву, сопротивлялся как мог, но по своей всегдашней неспособности к насилию, увидев что мне по настоящему плохо, уступил, и сам поехал в Москву договариваться о моем переводе в московский ВУЗ. Ведь и он когда-то уехал учится в МГУ. Я была уверена, что там знают, что такое научное мышление. И хотя в целом я ошиблась, в Москве можно было найти книги и нескольких человек, которые все таки знали, что такое научное мышление. Но в целом Плешка произвела на меня угнетающее впечатление и когда позже на приеме у ректора, он спросил меня, откуда я перевелась, и похвалил в ответ осетинский университет, его оценка не имела для меня убедительной силы: «СОГУ, — с чувством покачал он головой, — это хороший ВУЗ». Тогда СОГУ был местом, где все продается

и покупается, и теперь с ректором, которого я знаю со студенческой скамьи, и который всегда хвастал тем, что «пробьет любого преподавателя», вряд ли он сильно изменился.

Мы и сыновьями Шалико, брата Зои, поступили туда все примерно в одно время. Я, Тенгиз и Зураб на экономический, сестра на юридический. На юридическом факультете абсолютным авторитетом был героический Станислав Кесаев, страдающий ДЦП интеллектуал, который так здорово держится, что его врожденное увечье даже придает некоторый шарм. Это ему я впоследствии носила свои книги, как депутату местного парламента, и единственному в Осетии человеку с репутацией интеллектуала. Алан Огоев, ректор университета, был моим однокурсником на экономическом факультете СОГУ, Тенгиз учился двумя курсами старше. Потом они в одно время учились в аспирантуре в Питере, у одного и того же научного руководителя осетинского происхождения. А теперь уже много лет преподают на экономическом факультете СОГУ. Оба позже защитили докторские диссертации, оба вступили в Единую Россию и какое-то время работали в правительстве республики. Огоев министром образования, Тенгиз заместителем мэра Владикавказа. Сейчас Тенгиз профессор на кафедре финансов, Огоев ректор университета. Мне ничего неизвестно об их отношениях, кроме того что они встречаются по службе. Роберт говорил мне уже после травмы, что Огоев подошел к нему где-то в общественном месте, хотя Роберт с ним незнаком, и пожал руку. «Может он исправился, и теперь хочет тебе помочь?» «Если бы он исправился, он как у Достоевского вышел бы к народу, поклонился на четыре стороны и повинился. А ты спроси его, он как Руслан скажет, что это плод моего больного воображения. Не позорься, держись от него подальше», — сказала я, зная о его слабости к людям «со статусом».

Я упомяну тут об истории с Аланом Огоевым, потому что она не мало поспособствовала тому, что я оказалась сегодня в инвалидном кресле, беспомощная и зависимая от всех. От давления Огоева меня в свое время спасла поддержка отца. То что он

в свое время помог мне с переводом в Москву, то что он финансировал мою учебу, покупал мне книги, позволил продать квартиру, буквально спасло меня в то время. Я уехала из республики с ее кавказским идолом силы, встретила много новых людей, другого мировоззрения, других стран и наций, я нашла книги и усердно училась. Я избавилась от морального, социального и силового давления местной среды. Я стала другим человеком. Главное, я физически находилась в другом пространстве и давление, которое оказывал на меня Огоев было нейтрализовано. Если бы не поддержка отца, который позволил мне выучится и стать человеком, меня бы раздавили и я бы погибла также как сотни и тысячи других девушек на кавказе. Я не стала бы не только ученым, но даже просто личностью.

Однажды я не выдержала и рассказала об этом давлении отцу, хотя подбирать слова было трудно в этой мутной истории. «Он в правительстве? Его же очень легко испугать!», — сказал мне тогда отец, но я настояла чтобы он не вмешивался. А потом очень жалела. Кора Дробанская, жена Льва Ландау, писала в своих мемуарах, что с ней случилась «большая беда», когда какой-то гопник с пистолетом стал неотступно преследовать ее. Все же ее беда была меньше чем моя, поскольку мне прямо никто не угрожал, а значит не было возможности защищаться. Когда я рассказала эту историю Тенгизу, он был поражен моими откровениями: «Аланчик? Огоев? Не может быть...» «Я сама решу этот вопрос, — сказала я тогда, — Я опубликую все, что я знаю». «А здесь так нельзя делать», — сказал мне тогда Тенгиз. Видимо он думал, что в Москве так можно делать. Он читал мою книгу «Переключи себе ток», ту самую, где я рассказала об опыте обучения в Плешке, и за которую потом за мной установили слежку.

Мы проучились с Аланом Огоев на одном курсе, в одной группе всего один год. Возраст 17 и 18 лет. Мы сидели за одной партой и внешне вроде бы много разговаривали, но это не было общением, а только юношеские миражи. Мы так и разошлись совершенно незнакомыми людьми.

Собственно, он уже тогда казался неспособным к искреннему общению. Он старался казаться простым, общительным «рубахой» парнем, но как позже оказалось за его наигранной улыбкой пряталось огромное Эго. Он уже тогда как бы в шутку говорил: «Вы знаете с кем вы общаетесь? С будущим членом правительства». На эту же вертикаль были все его устремления и планы. Этот смысл жизни всегда вытесняет все настоящее и человеческое, как потом получилось и с Русланом. И такие люди всегда гордятся не только своим умением построить нижестоящих, но и своей способностью построиться самим перед вышестоящими. Если мои братья отчаянно искали силу Эго и не могли найти, то в этом человеке с самого начала чувствовалась какая-то «культура насилия», было видно, что за ним стоит какая то психологическая поддержка, которая питает и вдохновляет его раздутое Эго. Он рассказывал про постоянные перелеты на вертолете отца, про «солдатиков», которые его нянчили как сына полка, про переезды из города в город и тоску по родине. Он восхищался Сталиным и говорил, что «люди боятся силы». Это тот случай состоявшегося Эго, который так отчаянно искали мои братья. Как им повезло, что их мечта не состоялась! Вот кто не стал бы уезжать из СОГУ в поисках «учебы»: «У меня была возможность учиться заграницей. Я отказался. Я там буду никому не нужен». «А здесь ты кому нужен?» «А здесь я нужен папе и маме».

Потом, когда мы оба получили дипломы, я в Москве, он в СОГУ, мы один раз встречались. Он заехал за мной на папином джипе в дом у гостиницы Владикавказ, в котором мы жили с Романом, и отвез меня в кафе, «Белый попугай», насколько я помню, где мы ели мороженное и пили сок и кофе. Формально это выглядело так, как будто он делал мне предложение. «Я всегда для себя все выясняю. Ты знаешь, как говорят о людях, которые не женятся после 25? У них либо ниже пояса не в порядке, либо выше. Самый лучший муж из общежития. Сам убирает, сам готовит, сам стирает. Мне не нравится… нет, я не доволен, что ты до сих пор не определилась со спутником жизни!». Он тогда уже учился в аспирантуре

в Питере, и приехал на зимние каникулы. По ходу рассказывал, что его дядя-генерал (отец и дед тоже были генералами) баллотируется в президенты республики и кокетливо просил подать за него голос. Дядя его выборы в президенты проиграл, но стал заместителем Шойгу в Москве, министра МЧС на тот момент. Давно это было. Союз, деловой или личный, был невозможен между нами, потому что мы были чужими, незнакомыми людьми, и потому что у нас не могло быть никаких человеческих отношений. Неважно, кто что сказал, кто, как посмотрел, кто, как понял то, что сказал другой, — настоящая причина была в том, что мы были бесконечно разными людьми. Просто на тот момент очень молодыми. Он был ярким представителем культуры макиавеллизма, я столь же ярким представителем противоположной культуры — духоборчества. Об этом со всей очевидностью говорят фразы, которые он любил произносить: «Люди боятся силы! Надо показывать людям силу!» «Это не на всех распространяется, — ответила ему я тогда, как представитель духоборчества, — Это зависит от степени развития сознания». Он промолчал, но я видела по глазам, что не поверил. «Ты со мной так не шути!», «А как я с тобой шучу?», «Ну-у, ты еще найдешь своего рыцаря!». Или еще: «Ты не умеешь врать!», — сказал он мне с таким самодовольством тогда в кафе, что я спросила его в ответ: «А ты умеешь врать?». «Да, — уверено кивнул он, — я умею врать». Он сказал мне это в ответ на мое замечание о его книге: «Мы издали книгу. Там большой коллектив авторов, и я тоже». «Я уверена, это очень хорошая книга». Вот тогда он сказал, что я вру, хоть и не умею врать. Он отвез меня обратно домой и ухмыльнулся на прощание: «Попытка номер 5». Я не сразу поняла, какие попытки он считает, и только потом меня осенило: попытки установить субординацию. «Курица не птица, женщина не человек». И не из злорадства и садизма, а просто эти люди не умеют общаться по другому, — либо господство и подчинение, то есть власть, либо вообще нет никакой коммуникации. Что такое духовное общение им неизвестно, эта плоскость вообще не просматривается, и может быть только объектом издевательств. Это главная тема романов Газданова: мертвенность животности против этики

и эстетики духовного общения. Он и сам почувствовал, что мы принадлежим к разным мирам во время той встречи, замялся и сказал: «Ты когда-нибудь видела, как едят спортсмены? Твои интеллигентские замашки...». Впрочем, он почувствовал это гораздо раньше, еще на студенческой скамье: «Я не достоин твоего ума, твоего интеллекта». Как он ошибался, однако! Ректор СОГУ и министр образования! Доктор наук, наконец, а мне даже кандидатскую не дали защитить. Впрочем, он не намерен был сдаваться.

После той встречи я забыла об Огоеве, и уже не вспомнила бы, потому что было ясно, что мы разные люди из разных миров. Все внимание, которое было у меня исторгнуто позже, было результатом анонимного давления, к которому я сейчас перехожу. Попробуйте стать угрозой для кого-то, и он только о вас и будет думать. О том же пишет и Грин Р. в «48 законов власти». На этом отношения с Огоевым могли бы быть исчерпанными, но потом началось некое анонимное давление: мне постоянно звонили разные люди, иногда подходили на улице, спрашивали какие-нибудь глупости, но главное создавали ощущение некоей загнанности, так словно ты окружен со всех сторон и должен постоянно это иметь в виду. Говорить об этом и защищаться ты не можешь, потому что ничего не можешь доказать. По крайней мере, мне так казалось, возможно, я преувеличивала свою беззащитность. Потом мне как-то сказала Лейла, когда я ей жаловалась: «Нашли бы как доказать!». Этой тактикой анонимного давления активно пользуются все макиавеллисты, разница только в ньюансах.

Например, Стенли Бинг, автор бестселлера о хитрых и коварных эксплуататорах «Как поступил бы Макиавелли?» в этой связи пишет в главе под названием «Он заставил бы их бояться за свою жизнь»:

«В один прекрасный день Шэг Кнайт, основатель студии звукозаписи „Death Row“ и значимая фигура в своем бизнесе, решил, что одному певцу, записывавшемуся у него, причитался кусок пирога от песни „Ice Ice Baby“, которую прежде записал преуспевающий рэпер Ванилла Айс. Песня стала суперхитом.

Прибыль от продаж была сногсшибательной. И вот мистер Айс с некоторого времени стал замечать, что, куда бы он ни шел, мистер Кнайт был тут как тут в том же месте, притом с парочкой друзей. Стоило мистеру Айсу окинуть взглядом соседние столики в ресторане, и он обязательно видел мистера Кнайта со своими телохранителями. Тот лишь небрежно махал ему рукой, что-то вроде беззвучного „Ку-ку, Айс, я тебя вижу". Смысл, скрывавшийся за таким приветствием, был совершенно определенным и далеко не дружественным. Я знаю, где ты бываешь. Я могу достать тебя, куда бы ты ни отправился. Это продолжалось довольно долго, пока, наконец, мистер Айс не начал опасаться за свою безопасность и почувствовал, что укрыться ему негде. Однажды, когда их „клиент" достаточно созрел, мистер Кнайт и несколько его сотрудников вынудили мистера Айса согласиться на деловую встречу в номере одного отеля. В ходе встречи мистер Кнайт и его команда посчитали нужным свесить мистера Айса с подоконника и в таком положении продержать его за закрытым окном некоторое время, пока компания обсуждала некоторые конфиденциальные вопросы. Убежденный в серьезности намерений мистера Кнайта, мистер Айс уступил значительную часть своих прав на означенную песню. Заседание закрыто» Стенли Бинг Как поступил бы Макиавелли

Много лет меня преследовали анонимными звонками. Когда я потом в милиции спрашивала, есть ли какое наказание за это, следователь сказал «это мелкое хулиганство». В этом все несовершенство современного права: плоскость психического давление совершенно не просматривается. Звонили на праздники, на дни рождения, звонили, когда я жила в своей квартире на ГЭСе, звонили в московскую квартиру, или к отцу, когда я бывала у него. Тогда еще сотовые только начинались, и были большой редкостью. Домашний телефон я отключала и месяцами оставалась без телефона, когда не могла отключить, приходилось терпеть это откровенное издевательство. И поскольку я в городе ни с кем не общалась, проводя все время в занятиях с книгами, я подумала, что это мог быть Алан Огоев. Тем более, что с такой

легкостью узнавать мои телефоны мог только человек, который имел его связи в правительстве республики. Но уверенности у меня быть не могло, тем более я не могла этого доказать. У меня и сейчас очень мало фактов, но кое-какие факты все же есть. И теперь у меня есть абсолютная уверенность в том, что за этим анонимным давлением стоял Алан Огоев. Ниже я обобщила то немногое, что мне удалось сделать, чтобы разоблачить его и как то снизить это давление.

Тогда я пошла на почту и отправила на его старый адрес свою книгу «Организм как энергопоток». Это была моя первая монография, очень небольшая, на том большом пути, который мне еще предстояло пройти до окончательного формулирования теории психической энергии. Я тогда еще даже не знала, что работаю над теорией психической энергии. И хотя позже, когда я поступила снова в Плешку, но теперь в аспирантуру, мой научный руководитель Панков хвалил эту книгу («Я читал. Очень даже прилично»), я сама уверена, что она не представляла еще никакой научной или художественной ценности. Просто интеллектуальная разминка, обязательная стадия у всех будущих ученых. Я отправила ее по двум причинам: чтобы показать, что я ученый, надеясь, что меня оставят в покое. И чтобы дать сведения человеку о психологии, который, если это действительно был он, явно запутался. Потом я набрала нашей однокурснице, Марианне Кодзаевой, чтобы узнать что происходит. Марианна мне сообщила, что Огоев женат и у него сын, и что теперь он работает в управлении национальным банком Осетии.

Спустя какое-то время, меня окликнул мужчина на иномарке. Я его с трудом узнала, это был Алан Огоев. Я его увижу впоследствии еще два раза, тоже по причине того же давления, и каждый раз он будет одет как богатый купец. Все самое дорогое и блестящее, от машины до кроссовок. Это было уже цветущее Эго, с манерами вельможного сановника. Он подошел ко мне, обнял и на прощание взял телефон; обещал непременно звонить. Вечером, часов в 10 того же дня, действительно набрал и предложил встречу «на природе». «Я получил твою книгу, спа-

сибо. А ты занялась психологией? Я подумал, почему бы нам не встретиться на природе?» Оказалось, он не знал, что я говорила с Марианной и знаю о его семейном положении. Был очень разочарован. Но факт остается фактом: звонил поздно вечером и предлагал встречу на природе. Позже он формулировал смелее: «Я не знаю, что ты там себе накрутила. Надо быть выше этого, ок?» Или еще: «Я всегда для себя все выясняю. Например, хочу секса. Или, по другому, хочу любви». Он делал вид, что не знает, что то, что он предлагает, не имеет никакого отношения ни к сексу, ни к любви, только к циничному надругательству над волей человека. К отношениям, любым человеческом отношениям не вынуждают насильно.

1. Алина Хадонова

Марианна тогда же сообщила мне о том, что Алина Хадонова тоже уехала в Москву, и работает там в аудиторской компании. Это тоже наша однокурсница. Я набрала Алине, оказалась она не только работала в Москве, но и жила по соседству со мной, всего в двух станциях метро от меня. Мы встретились в Москве. Я тогда снимала романовскую квартиру у братьев в Москве, и предложила ей поделить со мной расходы и переехать ко мне, что она сделала с удовольствием. Я продала однокомнатную квартиру во Владикавказе, которую купил мне Роман, чтобы ехать продолжать учебу в аспирантуре в Москве. И выплатила ее всю братьям, по 500 долларов в месяц. Цены одинаковые везде, а жить у чужих людей не хотелось.

Алина мне рассказывала о наших общих знакомых, и в том числе об Алане Огоеве. Она не любила его еще со студенческих времен, считала лицемерным и циничным. Как выяснилось, незадолго до моего звонка ей, они встретились во Владикавказе, и он предложил ее подвезти. «Я так удивилась. Обычно он держится особняком. А тут согласился даже сделать запрос в нашу аудиторскую компанию в Москве на аудит нацбанка во Владикавказе. Он обещал перезвонить и пропал! К-л! Я так и знала!»

Вскоре и она стала свидетелем анонимных звонков, сначала не обращала внимание, потом стала все больше удивляться. Тогда я рассказала ей, что меня уже много лет преследуют анонимными звонками, не только в Москве, но прежде всего дома. А потом рассказала ей, что я подозреваю Огоева Алана. Она была шокирована, «Это надо еще доказать». Я решила воспользоваться ее присутствием, и разрешить ситуацию. Набрала Алану Огоеву и постаралась его разговорить. Вспомнила нашу встречу в кафе. Сказала, что тогда он больше не позвонил и не приехал, а потом женился. Чем же я теперь могу ему помочь? Сказала про анонимные звонки, которые доводят меня до отчаяния и лишают способности нормально жить, и выразила уверенность, что звонил, конечно, не он. Но попросила рассказать мне его позицию, чтобы мне больше не приходило в голову мысль, что это все таки мог бы быть он. Огоев меня внимательно выслушал, трубку снимал аккуратно каждый раз, как я набирала. Сказал, что не представляет, кто бы мог мне звонить, что мы были друзьями, а «друзья иногда встречаются». Я поблагодарила его за внимание, и сказала, что теперь я вижу, что мои подозрения были смешны, а раньше мне было совсем не смешно. Огоев ответил мне неожиданной фразой: «Значит, посмеялась надо мной, и все прошло, да?». Я сказала, что смеялась над собой, что трудно посмеяться над собой, над другими легко. Действительно, уничтожение своего Эго было основой моего духоборчества все это время. С ним, как и с моими братьями, мы двигались двумя противоположными дорогами: они стремились укрепить свое Эго и достичь виртуозности макиавеллизма, я напротив, уничтожала в себе эго на пути к науке и человечности, что и составляет существо духоборчества. О том была позже и рукопись «Переключи себе ток». Алан Огоев сказал тогда, что я поступила «некрасиво, нехорошо», набрав ему и вызывая его на откровенные разговоры. Что «ты раскккррылась», а это унизительно «для такой красивой девушки». На этом мы и расстались.

Я пересказывала Алине Хадоновой все наши беседы. Только ее присутствие, присутствие свидетеля, который знал Огоева,

дало мне силы набрать ему и вызвать его на откровенность. Хотя говорила я не при ней. Она была шокирована «Даже я думала об Огоеве лучше». Звонки в мою квартиру продолжались. Ей становилось у меня очень неуютно. Как же чувствовала себя я все эти долгие годы? Наконец, Огоев заподозрил правду: что все эти переговоры шли практически на глазах у третьего человека, нашей однокурсницы. Он набрал мне спустя несколько дней и спросил, не знаю ли я телефона Алины, «я не могу ей дозвониться по старому телефону». На самом деле он хотел знать, живет она у меня или нет. Я сказала, что она живет у меня, и он поспешил распрощаться. На следующий день Алина сообщила мне, что он ей позвонил, был как никогда вежлив, и сказал, что уже выслал запрос ее аудиторской компании на аудит нацбанка Осетии. Если раньше он прятался, то теперь, наконец, выполнил ее просьбу. Алина тем временем поспешила съехать с моей квартиры. «Не вмешивай меня в эту историю». Как я ее понимала, меня бы тоже перестали вмешивать в «эту историю»!

2. Вадим Исаев

Но это еще не конец истории. Вскоре мне позвонили с московского городского номера на мой первый сотовый телефон и опять молчали. Номер определился. Я сидела в ленинской библиотеке (РГБ), где я проводила много времени в Москве. Когда я вернулась домой, я набрала на московский номер, который определился. Мне ответила женщина, перепугалась, стала извиняться и сказала, что это недоразумение. Я положила трубку. Через какое-то время она перезвонила, и говорила уже совсем другим тоном. Из самых ярких ее перлов: «Такому говну как ты в ленинской библиотеке делать нечего», «Я нашла твой телефон в книжке у своего мужа», и наконец, «Тебя отпиздят». Разговор подействовал на меня как раскаленная сковорода. Я бросилась бежать в наше отделение московской милиции, «Вешняки», насколько я помню, у меня была на тот момент московская прописка. Там я написала заявление, показала милици-

онерам входящий номер, они все запротоколировали и зарегистрировали мое заявление. Я хорошо помню, что взяла справку о регистрации заявления в милиции. Потом в состоянии полной паники и истерики рассказывала, как могла эту ужасную историю, в которой не видно было ни головы, ни хвоста. Возбуждать дело отказались за отсутствием состава преступления. Наконец, следователи меня пожалели и стали искать телефон в базе данных. Имя владелицы квартиры мне абсолютно ничего не сказало. Мужа у нее не оказалось, по крайней мере, в этой базе никто не значился, насколько я помню. Тогда стали пробивать соседей по лестничной площадке. Нашелся один человек с осетинской фамилией «Вадим Исаев», 1978 года рождения. Это было удачей.

Я вернулась во Владикавказ, попросила Огоева о встрече. Вот яркий пример, как меня вынуждали проявлять внимание. Он явился. «Мы с тобой поедем к вечному огню». Но романтическое настроение у него прошло, когда я передала ему привет от Вадима Исаева. Он был потрясен, на какое-то время потерял дар речи. Потом стал озираться по сторонам, словно боясь засады, наконец, развернулся ко мне и сказал со всей выразительностью: «Все! Тебе больше никто не позвонит!». Оказалось к тому же, что он как раз только что был в отпуске в Москве. «Так ты знаешь Вадима Исаева?» «Ну я так на вскидку не вспомню». Слова своего он не сдержал, как только испуг прошел, звонки опять возобновились с прежней силой. Это в эту встречу он сказал ту фразу: «Я всегда все для себя выясняю. Например, хочу секса. Или, хочу любви».

Какое то время я жила спокойно. Потом уже в Москве стала замечать во дворе иномарку с замазанными грязью номерами. Мне это не понравилось, таких иномарок я там раньше не видела. А однажды когда я шла из издательства с коробкой моих напечатанных книг, какой то четырехугольный амбал вышел из обычных Жигулей и, не оставляющим сомнений в его намерениях шагом, направился в мою сторону. Я остановилась и обреченно ожидала приближения этой страшной фигуры, он смот-

рел мне прямо в глаза. Из-за угла появились девочки, громко о чем то хихикая в тот момент, когда ему оставалась пара шагов, и он резко развернулся на 180 градусов и тем же решительным быстрым шагом пошел назад к своей машине, быстро сел и уехал. Я предполагаю, он хотел отобрать коробку с книгами. Чего он действительно хотел никто не знает. После этого случая, я сшила все многолетние наброски в «Переключи себе ток» и безо всякой редакции отправила в издательство. Если меня убьют, думал я, мои труды не должны пропасть. Скандал, связанный с этой книгой, когда уже включились спецслужбы, сильно напугал авторов анонимных звонков. Меня оставили в покое надолго. После гибели отца я вся ушла в свою научную работу. Я тогда опубликовала «Власть и контроль или импотенция современной психологии», «Болезнь эго-девственности», «Плюс моего минуса», «Россия между открытым и закрытым обществом». Уже на последних книгах опять начали мне надоедать звонками с прежней интенсивностью.

Примерно в это время я опубликовала рукопись «Психическое насилие или война на поле психической энергии». Если вы откроете эту рукопись вас поразит контраст, который в ней просвечивает: талант и знания с одной стороны, раздавленная личность в бреду истерики с другой. Так на мне сказалось постоянное давление этого человека, который безжалостно пробовал на мне привитую ему с детства «культуру насилия». Они не просто давили на психику, они ставили эксперимент, пробуя свои методы подавления воли и сознания. Мне стало дурно, когда я перечитала пару страниц, чтобы вспомнить конкретные фразы, которые этот человек произносил. К счастью, я смогла избавится от его давления и вся эта история стерлась у меня из головы. Печать этих записок была просто жестом отчаяния, давление достигло такого накала, что я буквально разлагалась на части. Поскольку доказательств у меня не было, или я считала, что их не было, я наложила реальные диалоги на вымышленную фабулу. В итоге она оказалась не состоятельна ни как документ, ни как отвлеченная проза, ни как научной ис-

следование. Я назвала эти записки «Психическое насилие или война на поле психической энергии». А потом написала письмо на сайт президента, рассказав, что я автор теории психической энергии, обо всех опубликованных книгах и о том, что много лет подвергаюсь давлению и угрозам. Я писала такое же письмо после публикации «Переключи себе ток», когда я писала во все СМИ, только там я жаловалась на преследование спецслужб, которого я к слову тоже доказать не могла. Тогда мне никто не ответил, но какое-то время я жила спокойно. Теперь пришел ответ, что письмо получено и отослано в Министерство образования России. Потом пришло письмо оттуда с рекомендацией обратиться в РГНФ, что я и сделала. Мою заявку зарегистрировали, но дали отрицательный ответ. Я тогда закончила аспирантуру на кафедре Социальной психологии во Владикавказе, в СОГПИ. И планировала отправиться защищать в качестве диссертации свою теорию психической энергии в Москву, на факультете психологии МГУ. Меня опять попытались задержать, и в этот раз у них все получилось: меня поместили в психушку, несмотря на то, что я только что закончила аспирантуру по психологии. Правда я пробыла там всего несколько дней (с 7 марта по 10 марта 2015 года), но тем не менее это самое страшное, что я пережила в своей жизни. Я расскажу об этом подробнее в следующей главе. Я сумела оттуда выйти, и все таки улетела в Москву. Я успела переговорить с научным сотрудником на факультете психологии МГУ, а спустя несколько дней мне сломали спину: многоуровневая травма позвоночника и множественные переломы ребер. Одним вечером я заснула в хостеле «Apple» на Маросейке (2015 год, 22 марта), и мне уже не было суждено проснуться здоровым человеком. Я очнулась в отделении экстренной реанимации в НИИ Склифосовского уже чудовищем, у которого были парализованы все функции жизнедеятельности, как в том рассказе Кафки «Превращение». Многоуровневая травма позвоночника, множественные переломы ребер, остановка сердца. С тех пор прошло почти пять лет. Мне сделали три опера-

ции на позвоночнике. Две из них в медицинском центре в Беслане.

В целом меня перестали беспокоить анонимные звонки. Я стараюсь не отвечать на незнакомые номера, но когда жду звонка из транспортной компании, курьеры которых приносят мне мои напечатанные книги, я вынуждена отвечать. И, такое совпадение, стоило мне снять трубку, мне предложили посылку с ОБУВЬЮ. Обычно они не знают, что находится в посылках их клиентов. Да, я настаиваю, что так шутят больные люди, кто бы они ни были. Сейчас я по прежнему беспомощный инвалид, с незаживающими ранами и регулярно поднимающейся температурой.

Я вовсе не хочу сказать, что осетины способны только к макиавеллизму и совсем не способны к духоборчеству. Я говорила уже, что здесь есть протестантские церкви, где люди не просто совершают ритуальные обряды, как в православии, а читают евангелие и изучают философию христианства, насколько умеют. Для первого осевого времени Ясперса, а он считал, что оно все еще не закончилось, этого достаточно. Есть великий осетинский духоборец, Гайто Газданов, книги которого меня просто поразили. Есть осетинский поэт Коста Хетагуров. Есть Григорий Токати, «советский и английский ученый в области ракетодинамики и космонавтики, глава Департамента авиации и космической технологии Лондонского университета, профессор, публицист», как рекомендует его Википедия. Он был секретарем маршала Жукова во время Второй мировой, и говорит, что тот всегда останется для него другом, тогда как Сталина и Ленина «он скинул бы в Терек, как фанатиков и террористов». Обычный осетин не способен сказать так о Сталине, это тоже национальный идол, а идолов, как известно, не судят. Я помню, с каким восхищением говорил мне о Сталине Огоев. «Такого больше не будет! Гений!». Руслан и его партия «Коммунисты России» взяли своим лозунгом «Вернем сталинскую справедливость!». Возможно, Сталин и был гением макиавеллизма. Но духоборцы особенно ненавидят тех, кто состоялся в макиавеллизме. Токати написал книгу: «Stalin means war»

(Сталин означает войну). В интервью, которое он дал Акиму Салбиеву незадолго до смерти, он говорит о неразвитости Осетии эвфемизмами: «танцы с кинжалами нецивилизованны», «есть другие маленькие государства, которые развиваются как осенний луг, дело не в том, что Осетия маленькая», «осетины много хвастаются и это опасно». Есть Васо Абаев, «языковед-иранист, доктор филологический наук, действительный член азиатского общества Великобритании и Ирландии, заслуженный деятель науки и лауреат государственной премии СССР». Он один из авторов перевода «Авесты», древней иранской религии зороастризма, и один из тех кто доказал родственность осетинского и иранского языков. Карл Ясперс пишет об Авесте Заратустры, как об одном из знаковых, решающих событий осевого времени, то есть начала культуры духоборчества, которая стала источником человеческой цивилизации.

Российский журналист Караулов, снявший документальный фильм об Осетинах, хвалит количество генералов и героев войны на душу населения. Герои войны составляют честь не только осетинского народа, но и как каждый герой, всего человечества. Однако, такое изобилие военных на душу населения говорит и о другом: об идоле военной силы. Тамир Салбиев снял документальный фильм о Газданове, цель которого доказать ту мысль Гергиева о том, что Газданов мыслил «в русле всего этого небольшого народа». Но сам Газданов нигде и никогда не говорил, что он представитель осетинской культуры. Он мог писать о творчестве Толстого, Достоевского, Чехова, Гоголя, но он никогда не писал об осетинском эпосе или национальных традициях осетин; еще меньше об осетинских генералах и спортсменах. Он пишет прямо, что ненавидит войну и чувствует физическое отвращение к деньгам; его друзья в книгах философы и геи, свободные художники и поэты, как и в жизни. Он пил молоко и испытывал отвращение к алкоголю. И если Газданову было трудно во Франции ночным таксистом, все же он имел возможность поступить в Сорбонну на историко-философский факультет и получить прекрасное образование. А образование и есть единственная родина

каждого интеллектуала. Он бы не только умер, окажись он в удушливой атмосфере мещанского СОГУ, он никогда не стал бы писателем. И те осетины которые теперь во чтобы то ни стало стараются привязать его к своим «национальным корням», вытирали бы об него ноги, как о заурядного неудачника. Поэтому его мать и не хотела, чтобы он возвращался.

Меня поразила в Гайто Газданове глубина его духовного развития; он в полной мере перенял эстафету духоборчества у своих кумиров и учителей, Толстого и Достоевского. Все его творчество — это попытки найти дух и противопоставить ему тупость мещанского эгоизма. Ему отвратителен макиавеллизм, и он смеется над теми, кто поклоняется власти и деньгам, идолу физической силы. Он умеет видеть эти два начала в людях и даже в одном человеке, и показывать антагонизм этих двух начал. Это тема экзистенциальной философии Кьеркегора, Ясперса, Камю. Это тема русской классической литературы. Это тема гуманистической психологии и христианской философии. Тема духоборчества. Например, в его романе «Призрак Александра Вольфа» он показывает противоборство этих двух начал, которые воплотились в рассказчике и в Вольфе. В «Ночных дорогах» он противопоставляет миру духоборцев мир первобытного сознания, неспособного к рефлексии, застывшего в животности или в мещанстве. И неважно к какому классу относятся эти люди, к тем кого он возил в ночном такси или к «чиновникам и университетским профессорам».

> <<меня особенно поразило, когда я впервые увидел людей, запряженных в небольшие тележки, в которых они везли провизию; я смотрел на обветренные лица и на особенные их глаза, точно подернутые прозрачной и непроницаемой пленкой, характерной для людей, не привыкших мыслить, — такие глаза были у большинства проституток, — и думал, что, наверное, то же, вечно непрозрачное, выражение глаз у китайских кули, такие же лица были у римских рабов — и в сущности, почти такие же условия существования≫ ≪Видя лица коммерсантов, служащих, чиновников и даже рабочих, я находил в них то, чего не замечал раньше, когда был моложе, какое-то идеальное и естественное отсутствие отвлеченной мысли, какую-то

> удивительную и успокаивающую тусклость взгляда. Потом, присмотревшись, я начал думать, что это спокойное отсутствие мышления объяснялось, по-видимому, последовательностью нескольких поколений, вся жизнь которых заключалась в почти сознательном стремлении к добровольному душевному убожеству, к «здравому смыслу» и неприятию сомнений, к боязни новой идеи, той боязни, которая была одинаково сильна у среднего лавочника и у молодого университетского профессора≫

Гайто Газданов Ночные дороги.
Цитирую по книге Кибальника
«Гайто Газданов и экзистенциальная
традиция в русской литературе»

5. ПСИХУШКА

В психушку этим людям все же удалось меня запереть. Если вы спросите «кому именно?», я затруднюсь вам ответить в лицах. Я знаю точно, что в этом участвовал Руслан, он имел дело непосредственно со мной, и что он втянул в это Зою и Аду, которые стали непосредственными «исполнительницами». Но у меня всегда было устойчивое впечатление, что он делал это не один, и что за ним еще кто-то стоял. Я конечно не могу в точности сказать, кто именно. Когда-то КГБ отчаянно пользовалось карательной психиатрией, а я ведь как никак автор нескольких научных монографий. Я писала на сайт президенту, и получала ответы. О моих книгах не могли не знать. Но могли быть и другие люди. Те например, кто помогал меня преследовать тогда, когда я после похорон бежала в Москву к Тосе. Или те кто меня вынудил напечатать записки о психическом насилии. Все это можно было обобщить как коррупцию в республике, которая поглотила государство и присвоила себе его функции и власть. То что российские журналисты называют «элиткой». И я конечно не могу сказать, какие конкретные люди стояли за его спиной, но может быть когда-нибудь это и выяснится. Тем более, что я писала на него заявление в прокуратуру после смерти Романа, и напугать его, как говорил Роман, было легко. По крайней мере, не единой корысти ради.

Я поступила в аспирантуру на кафедру Социальной психологии в СОГПИ во Владикавказе. Написала и опубликовала с ISBN несколько монографий: «Власть и контроль или импотенция современной психологии», «Болезнь эго-девственности или космическая сила психической энергии», «Дорога в рай или плюс моего минуса», «Россия между открытым и закрытым обществом или теория эволюции человека». Примерно в это же время я написала письмо на сайт президента, где попросила финансирование на «серьезный научный труд», рассказала о своих монографиях. Мне ответили и порекомендовали обратиться в Российский Гуманитарный Научный Фонд (РГНФ). Там как раз требовался статус аспиранта, все сошлось, заявку зарегистрировали, но потом забраковали, отказали в финансировании.

К тому времени я закончила аспирантуру и собралась в Москву защищать диссертацию в МГУ на факультете Психологии. Я купила билет. И вдруг Руслан решил, что он должен воспротивиться моей поездке в Москву, во что бы то ни стало. 7 марта 2015 года ко мне пришла с утра Зоя и устроила скандал, как она умеет при полном отсутствии у нее уважения к своим детям. Она не только всегда выводила нас из себя тем, что ходила к нашим друзьям и учителям, что тащила в дом весь мусор, который могла найти, но и тем, что никогда ни в грош не ставила наше мнение и желание. «Уважай людей. Мы уже взрослые!» На это у нее был один ответ: «Я вас для себя рожала!». Совсем недавно появилась вариация: «Уважение надо заслужить!» Я попросила ее уйти, сказала, что скоро уезжаю, и мне надо работать. Она с удвоенной энергией принялась уговаривать меня никуда не ехать, и сказала, что никуда не уйдет и не позволит мне ехать. Это была откровенная атака, насилие, если хотите. То чего ни в какой форме не умел делать Роман. Он тоже отговаривал меня ехать в Москву в свое время, но приводил доводы и спорил логически, никогда не подавляя открыто мою волю. А потом встал и сам поехал хлопотать о моем переводе. Зоя просто сказала, не поедешь и все, и чем больше я возражала, тем упрямее

она становилась. Она делалась такой же упрямой, когда я просила ее выкинуть хоть немного мусора из дома, когда мне еще приходилось жить с ней.

Тогда я поняла, что спорить бесполезно и решила подняться на крышу дома, подождать там пока она уйдет, помедитировать и сконцентрироваться. В детстве мы часто бегали на крыше. Лейла жила на девятом этаже, и когда мы гостили у нее в хорошую погоду, что случалось довольно часто, мы иногда поднимались на крышу и бегали там.

Здесь все и началось. Кто-то вызвал полицию. Я встала и спустилась с крыши, и встретила их уже у лифта, никто меня с крыши не снимал. Они хотели увезти меня прямо вниз и затолкать в машину, я пулей спустилась к себе и пробилась в квартиру: полицейский держал ногой дверь, не давая мне войти в дом. Если бы Зоя не выбежала на шум, они бы затолкали меня в машину. Но от Зои оказалось мало помощи. Она набрала Руслану, доложила об успехе своей миссии, ведь она приходила уговаривать меня не ехать по его просьбе. Руслан попросил дать трубку полицейскому и они у меня на глазах договорились встретиться прямо в психушке. Полицейский еще засомневался: «Это так не делается. Нужно заключение эксперта, я так не могу ее отвезти». Потом Руслан говорил, что он испугался за мою жизнь и потому хотел «полечить» меня в психушке от суицидных мыслей. Ниже я привожу статью, которую я опубликовала в интернете после того как вышла из этого заведения. Статья называлась «Освенцим в законе или переоценка ценностей». Я провела там три с половиной дня, с 7 марта по 8 марта 2015 года, и вышла только потому, что сумела обмануть санитарку и выпросить у нее телефон, «чтобы позвонить маме». На самом деле я опубликовала на своей странице в Фейсбуке короткий пост: меня поместили в психушку. Все что я успела нацарапать под надзором торопящей меня санитарки, и то в транслите. Я добавила только сведения об участии родственников, которые тогда полностью изъяла из статьи.

«14 марта у меня билет в Москву, я очень тревожусь, пришла подышать, набраться сил. Внизу останавливаются одна или две полицейские машины, как раз когда я закончила делать снимки на телефон. Я спускаюсь вниз.

Внизу меня встречает полицейский.

— Заходи в лифт.

— Нет, я не езжу на лифте.

— Давай спустимся на первый. Надо задать вопросы.

— Нет, я живу на третьем. Там и зададите.

Я подхожу к двери, но полицейский плотно прижимает дверь ногой, чтобы я не могла войти.

— Что вы делаете? Пропустите меня домой.

— Надо спуститься вниз.

— На каком основании? Дайте мне войти домой.

Я кричу матери, она появляется в дверях, и полицейский вынужден отступить. Он нервно заходит вслед за нами, оставляя дверь открытой. Вскоре вслед за ним поднимаются еще два вооруженных полицейских. У одного даже автомат наперевес.

Дальше все происходит словно во сне. Они оккупируют всю квартиру, так что я не могу даже пошевелиться без их разрешения. У меня пересохло во рту, но мне не разрешают даже сходить на кухню. Полицейский любезно приносит мне кружку воды.

— Вы ничего не совершили, но крыша не принадлежит жильцам, и не всякий имеет право туда подниматься. Мы обязаны выяснить, что вы там делали.

Бесполезно объяснять, что многие люди рискуют жизнями, только чтобы иметь удовольствие любоваться окружающим миром с большой высоты, что этот риск не только не возбраняется, но считается распространенным видом спорта.

— Я делала фотографии, — это тоже правда.

— Можно посмотреть фотографии?

— Да, пожалуйста.

Но они не уходят, только еще настойчивее располагаются в моей квартире.

— Я не могу давать оценку. Мы не эксперты, мы — карающий орган. Вы ничего не сделали, — опять повторяет он, — мы не имеем права вызывать скорую. Только по вашему добровольному согласию.

— Я отказываюсь от скорой. Что-нибудь еще?

— Подождите, нам надо с вашей матерью поговорить.

— Не надо скорой. — подтверждает она.

Но Зоя колеблется. А вдруг Руслан скажет, что надо? И набирает Руслану. Тот берет трубку и подтверждает, что надо скорую и желательно госпитализацию. Я понимаю смысл их разговора по ответным репликам «капитана». Потом Зоя с ними больше не борется, а она умеет если захочет. Она умела так отделать Романа, что он света белого не видел.

Но капитан полиции не меняет своего решения.

— Мы обязаны, — вдруг меняет он точку зрения. — Обязаны какого-нибудь «эксперта по крышам» позвать, чтобы он нам объяснил, кто имеет право там ходить.

«экспертами по крышам» оказались два «врача», которые с ходу принялись «шить» мне диагноз.

— Послушайте, у вас какое образование? Я сама могу ставить вам диагноз. Я закончила аспирантуру по психологии. Что вы себе позволяете? На каком основании?

— А психология и психиатрия это разное. Не ваше дело, какое у меня образование.

И вот эта женщина называет себя «врачом».

— Вы должны проехать с нами в психдиспансер, — говорит это существо с двумя жирными черными стрелками под глазами беспрекословным тоном. Как все невежды она быстро обучилась авторитарному тону.

— На каком основании? Я никуда не поеду. Я ничего не совершила.

— А мы не будем вас спрашивать. Это наша обязанность. Вы были на крыше. Попытка суицида. Если с вами что-то случится, нам отвечать. Иди по-хорошему, или мы тебя вынесем отсюда.

— Не смейте мне тыкать, — но я вижу, что дело идет к лишению меня дееспособности.

— У меня пересохло во рту. Мне надо в ванну.

— А может, ты в туалет хочешь? — говорит другая издевательским тоном.

— Ничего что я у себя в доме распоряжаюсь?

Это переходит все границы. Дальше я помню все сквозь пелену тумана.

На меня навалились двое полицейских и женщины, которые упорно называли себя «врачами», схватили за руки и ноги и стали тащить к дверям. Я кричала как резанная: помогите мне пожалуйста, помогите кто-нибудь.

> *«Этот эпизод можно истолковать по-разному. Но для меня он служит подтверждением того, что даже при всей апатии, при всей приглушенности чувств человек все-таки остается способным на вспышку возмущения. И вызывает ее не столько грубость обращения или физическая боль, сколько унижение, сопровождающее все это. Мне просто кровь ударила в голову, когда я принужден был выслушивать издевательства человека, не имевшего никакого представления о моей прежней жизни, человека настолько грубого и наглого, что медицинская сестра госпиталя, где я раньше работал, не пустила бы его на порог. И надо сказать, что эта моя вспышка, происшедшая на глазах стоящих вокруг товарищей, принесла мне какое-то облегчение»*

Франкл
Психолог в концлагере

— Посмотри в его добрые глаза

Их испугал ужас в моем голосе, им пришлось отступить. Но синяки до сих пор у меня на руках.

— Давайте позовем еще водителя.

— Нет, лучше сделаем ей инъекцию.

Сказать, что мне было страшно или плохо — ничего не сказать. Эти люди открыто говорили о том, что везут расчленять мою душу в заведение, которое превосходит по своей преступности и жестокости даже концлагеря. В концлагерях у людей

оставалось главное — духовная свобода и возможность работать и передвигаться. Да, они чудовищно страдали физически, смерть была обычным явлением и ходила по пятам за каждым, но никто не запирал их в узком темном пространстве, никто не лишал их духовной свободы психотропными препаратами. Они голодали, но никто не кормил их насильно. Они страдали, но сохраняли свои души.

Я в ужасе смотрю на того из них, который оказался однофамильцем моей бабушки Тедеон. Дрожу всем телом, бледная как смерть, стараюсь держаться ближе к окну, еще надеюсь позвать кого-нибудь на помощь. Такого не может быть! Мне это снится! Что-нибудь случится, как-нибудь я избегну этой жуткой участи.

— Посмотри в его добрые глаза, — говорит мне человек, представившийся капитаном полиции

Так продолжалось около часа. Уговоры, дерганье, угрозы связать и уколоть.

— Иди по хорошему, за «недоброволку» хуже будет. Подпиши добровольное согласие на лечение.

«НА ЛЕЧЕНИЕ»!!!

— Вы ведь врачом себя называете, — я все еще могу говорить, хотя во рту пересохло так, что язык липнет к небу. — Разве вы не читаете книжек? В этих заведениях никого не лечат, только калечат. Что вы из меня идиотку делаете? Думаете, я не вижу, что вы хотите лишить меня дееспособности? По какому праву вы мне угрожаете? Это насилие! Вы обязаны оставить меня в покое. Я в своем доме.

— Хорошо, — говорит бабушкин однофамилец, который уже несколько раз пытался силой меня вытащить из дома. — Я тебе обещаю, я пойду с тобой, и никто тебя там не оставит. Только для формальности зададим несколько вопросов и все. Надо заполнить документы.

Точно такие же обещания раз за разом дает «капитан полиции», который настоял на том, чтобы я подписала ему свою книгу и подарила. Они дают мне «слово» и «обещают».

Когда я села в машину, я поняла, что домой не вернусь. Вслед за мной заскочили полицейские. Я еще успела вырваться и закричать «помогите», но они тут же затолкали меня обратно.

– Ну что, красивая поехали кататься, — говорит мне капитан полиции, когда уже не видит необходимости играть.

— Что они со мной сделают?

— Ничего, проведешь там ночь.

— Вы же сказали, что я вернусь сейчас?

— Вернешься, вернешься, — смеется он.

А дальше самое страшное.

За мной закрываются тяжелые замки. На окнах решетки. Меня привезли в психиатрическую клинику, из которой нет выхода.

Приехали Руслан и Ада. Они быстро подходят к Зое и о чем то переговариваются. Потом меня просят выйти, и они втроем остаются наедине с врачом. Потом врач показывала мне протокол, который тогда составили: Зоя подписала просьбу о моей госпитализации и заявила, что живет со мной (хотя к тому времени мы уже года два жили порознь), что я «разговариваю с компьютером» и еще какие-то натужные попытки сшить мне диагноз. Понятно, что инициатива была Руслана, она только «исполнитель». Но при мне она это делать постеснялась. А потом всегда отрицала свою вину.

Я стала слезно ее умолять, видя, что она спокойно сидит, совсем готовая к тому, чтобы меня там оставить: «Зоя, меня здесь убьют! Зоя меня убьют!» Она наклоняется ко мне и заговорщически говорит: «Пенсия 15 тысяч!» И так каждый раз, когда я пытаюсь взывать к разуму и совести. Два ее сына не побрезговали такой пенсией, где ей было взять сочувствие ко мне. Ее патологическая жадность погребла ее дом под грудами мусора.

— Это «острая больная», — говорит заведующая отделением, которую вызвали специально по этому поводу. Она видит меня впервые. Обычная осетинская бабушка, которая знает о психиатрии столько же, сколько моя бабушка, которая верила в Хрюшу и Степашку. — У нее психическое расстройство. Вы мешаете лечить больную.

Они задали мне вопросы на ориентацию в пространстве и времени и на мышление — и сделали вот такие выводы из абсолютно точных ответов. Кто из нас «острый больной»? Я только что закрыла аспирантуру по психологии — что не так с моим мышлением? Как можно незнакомого человека именовать «больным»?

Руслан вышел и сел напротив меня.

— Мозг тоже орган, — назидательно начал он, — ему требуется лечение!

Я поняла к чему он клонит.

— Руслан, не делай этого!

Он сразу осекся. Уронил голову на грудь и вдруг встал совсем другим человеком: «Это мясники. Я не позволю упечь туда мою сестру». Я чуть было не поверила. Это же надо, найти энергию еще для спектакля. Видимо, он все же рассчитывал меня увидеть после этого заведения еще живой, и не хотел чтобы я считала его своим убийцей. Я быстро подошла к нему и попросила его смартфон. «Дай! Я напишу в интернет!» Он отдернул руку как от удара током. Мне стало ясно, что это комедия.

Тем временем, заведующая стала грозить нарядом полиции Руслану, который якобы «не пускал меня» там оставаться. И действительно полиция вскоре приехала. Руслан сделал еще раз вид, что хочет меня отстоять, я вцепилась в его большую ладонь, и почувствовала, что она поледенела. Все таки ему было трудно отдавать меня на убой. Но что это именно убой, он как всякий взрослый человек хорошо знал. «Да, не хотел бы я попасть к этим мясникам», — сказал он провожая меня в логово палачей, и выдергивая холожную руку, которую я не хотела отпускать.

— Мы обязаны ее госпитализировать. ПОСМОТРИТЕ, КАКОЙ У НАС РЕМОНТ В ОТДЕЛЕНИИ.

Она говорит это серьезно. Предлагает отдохнуть в стенах их вытянутой как кишка камеры, покрытой дешевой белой плиткой. Потом меня насильно затолкали в этот длинный коридор с ярко освещенными стенами, покрытыми белым кафелем. Никогда я так не терялась, как в тот момент. Какой иди-

от сравнивает угрозу жизни с угрозой духовному разложению?

> *«Ведь сразу по прибытии, к примеру, в Аушвиц у заключенного отбирают буквально все, и он, оставшись не только без малейшего имущества, но даже и без единого документа, может теперь назваться любым именем, присвоить себе любую специальность — возможность, которую при некоторых условиях удавалось использовать. Единственное, что было неизменно, — это номер, обычно вытатуированный на коже, и только номер интересовал лагерное начальство. За несколько минут ожидания душа мы остро ощутили свою наготу. Да, теперь у тебя действительно нет ничего, кроме собственного тела. Нет даже волос — нет ничего, кроме нашего в самом прямом смысле голого существования. Что нам осталось от прежней жизни? Мне, например, — только очки и пояс. Его, правда, мне вскоре пришлось обменять на кусок хлеба»*

Франкл
Психолог в концлагере

С меня срывают куртку, отнимают сумку, сдергивают пояс со штанов, снимают белье. В руках остается только телефон. Я кричу о помощи. Сама не верю в глубину своего страдания.

И тут они принимаются за телефон.

— Сейчас же отдай! Не положено!

Я успеваю набрать Шалико, хотя знаю, что он не станет вмешиваться. Телефона Мухтара у меня не было. Сестра к тому времени уехала из республики. А кроме нее и ее мужа, никто бы не стал за меня заступаться тогда.

— Пожалуйста, помогите, мне очень страшно. Пожалуйста, меня насильно привезли в психушку.

Потом отбирают и телефон. Да, я помню о концлагере Франкла, но почему то мне не близка аналогия. Как бы не был ужасен концлагерь, ему далеко до психушки.

> *«Помимо рассмотренных выше разнообразных аффективных реакций, человека, попавшего в лагерь, мучают и иные душевные переживания, которые он пытается в себе заглушить. Прежде всего это безграничная тоска по близким и родным, оставшимся дома. Она может быть такой жгучей, что захватывает все его существо. Затем*

> *появляется отвращение ко всему, на что падает его взгляд. Как и все его товарищи, он одет сейчас в такие лохмотья, что огородное пугало показалось бы по сравнению с ним элегантным»*

Франкл
Психолог в концлагере

— Как она смотрит на меня, бля, — говорит какая-то женщина, — как-будто я Гитлер, бля. Я что гестапо? Это что Освенцим?

— Что вы мне колите, — я уже не сопротивляюсь, просто реву, ожидая самого худшего, — что вы мне колите, — боль разрывает мне душу.

— Это димидрол, чтоб тебе легче стало.

Вот так. Теперь я не человек. Я даже не «номер 119104» как Франкл в концлагере, я «больная». СО МНОЙ МОГУТ СДЕЛАТЬ АБСОЛЮТНО ВСЕ ЧТО УГОДНО, и никто не понесет за это ответственность. АБСОЛЮТНО ВСЕ ЧТО УГОДНО. У меня больше нет прав, нет личности, нет достоинства, нет знакомых и близких. Всякая связь с внешним миром разрушена. Железные решетки на окнах и железные двери на замках. И каждое громыхание режет нервы, словно раскаленным железом. За этими решетками, за этой дверью остался мир, осталась свобода, осталось сознание, активность, здоровые люди, мои книги, мое творчество, остался прекрасный мир, природа, многокилометровые прогулки пешком. Там осталась я сама, а здесь только бледная тень ужаса.

Яркий, режущий свет. Всегда. Ни на минуту не ослабевает. Боль и страдание во всевозможных ипостасях смотрят на меня с гротескных гримас уже погибших людей. Девочка зажалась в комочек у батареи и жалобно скулит, удушая меня глубиной боли в глазах.

— Домой хочу, — жалобно скулит она, утопая в горьких, безутешных слезах. Старушка ковыляет к окну, с трудом волоча за собой ноги, останавливается у моей койки:

— Яблочко… яблочко…

— У меня нет, — реву и я, — у меня ничего больше нет. Простите.

— Бабуля забери меня…, — бормочет она, — скажи деду Василию, пусть заберет меня.

Из палаты раздается надрывный крик:

— Отпустите меня домой. Отпустите меня домой.

Это паника, это режущая душу боль.

— Я еду домой, — говорит старушка напротив моей койки. — Сколько стоит билет на трамвай? Мне надо покормить свою семью. Мне надо домой. Отпустите меня.

Она иногда будет подходить к моей койке, поправлять мне одеяло, складывать вещи.

— Простите, я задумалась, это не моя кровать?

И опять это девочка с не просыхающими глазами. Одинокое, потерянное, раздавленное болью и ужасом маленькое существо.

Красивая женщина славянской внешности, бледная как смерть, вышагивает по единственной площадке для жизни, которую нам предоставили — ярко освещенный коридор, покрытый кафелем, словно одна нескончаемая ванная комната.

— Почему эта врач накричала на меня, когда я рассказала ей о своей беде? — говорит она мне. — Она сама психбольная. Она так кричала, это ее надо госпитализировать, а не меня. Почему она накричала на меня? Моего сына кто-то запугал, он стал резать себе вены. Так вместо того чтобы их сюда запихать, они моего сына в психушку упрятали. И меня везут вместе с ним.

Она рассказывает эту историю всякий раз заново, и снова бредет по коридору.

— У меня эпилепсия. У меня сын и дочь и внуки, — говорит мне другая, — а я здесь, — и плачет. — Они меня здесь оставили. Я такая хозяйственная. Швея-мотористка. Я все могу делать по дому. Они в моем доме живут. Свекор строил. А я здесь. У меня сын и дочь, — опять повторяет снова и снова. — Моя бабушка меня воспитывала, — тут голос дрожит и она плачет. — Бабу.

Потом наклоняется и целует меня.

— Не плачь.

Димидрол немного снял напряжение, но его хватило ненадолго. Я становлюсь такой же смертельно бледной как все в этом заведении.

Меня непрестанно мучает мысль — зачем они запирают под засовы этих безобидных людей? Какой ужас смотреть на эту разрывающую душу тоску по свободе, по дому, по близким. Почему не дают им гулять, когда они хотят? Зачем отнимают у них телефоны? Как это вообще возможно? Это нарушает все мыслимые и немыслимые, все божеские и правовые нормы.

Все что у них есть для жизни — это вот этот жуткий длинный коридор, по которому они бесконечно курсируют. Единственный вид активности, который им дозволен, и то далеко не всегда.

> *«Готхольд Эфраим Лессинг как-то сказал: „Некоторые ситуации лишают человека разума, если только ему есть чего лишаться". В аномальной ситуации именно аномальная реакция становится нормальной. И психиатры могли бы подтвердить — чем нормальнее человек, тем естественнее для него аномальная реакция, если он попадает в аномальную ситуацию, — к примеру, будучи помещен в психиатрическую лечебницу. Так и реакция заключенных в концлагере, взятая сама по себе, являет картину ненормального, неестественного душевного состояния, но рассмотренная в связи с ситуацией, она предстает как нормальная, естественная и типичная»*

Франкл
Психолог в концлагере

Мне становится все хуже и хуже. Вид решеток и замков доводит меня до изнеможения. Коридор и эти несчастные существа, окрики санитаров — вот все что у меня осталось.

— Дайте мне позвонить. Пожалуйста, вы не имеете права отнимать у меня телефон. Я что арестант? По какому праву вы отнимаете у меня телефон? Я хочу услышать родных, я хочу знать, что происходит. Мне очень плохо. Я здоровый человек. Я не могу здесь находиться. Пожалуйста, дайте мне позвонить.

— У нас такие правила. Телефоны никому не даем.

— Вы не имеете права. Вы нарушаете права человека. Посмотрите, как они страдают, почему они не могут звонить своим

близким? Что в этом плохого? Они ведь больные люди. Связь с родными — это все что у них есть. Как вы можете называть себя врачами?

Кто-то выбегает из палат:

— Я не могу лежать, она все время бормочет, кричит, не могу лежать.

— Марш на койку.

Да, и ходить по коридору тоже можно далеко не всегда. Если больному — эпилептику, алкоголику, наркоману, — еще как-то можно мириться с режимом клиники, и наверное им там как-то помогают — то для здоровых людей самой естественной реакцией будет медленное схождение с ума. Иначе они не были бы здоровыми людьми.

> *«Я работал преимущественно на земляных работах и на строительстве железнодорожных путей. В то время как некоторым моим коллегам (правда, немногим) выпала невероятная удача работать в сколько-нибудь отапливаемых импровизированных лазаретах, увязывая там пачки ненужных бумажных отходов, мне как-то случилось — в одиночку — прорыть под улицей тоннель для водопроводных труб. И я был очень этому рад, потому что в качестве признания моих трудовых успехов получил к Рождеству 1944 года два так называемых премиальных талона от строительной фирмы, где мы трудились буквально на положении рабов (фирма ежедневно выплачивала за нас лагерному начальству определенную сумму — в зависимости от числа работавших). Этот талон обошелся фирме в 50 пфеннигов, а ко мне вернулся через несколько недель в виде 6 сигарет. Когда же я стал обладателем 12 сигарет, то почувствовал себя богачом. Ведь 12 сигарет — это 12 порций супа, это уже почти спасение от голодной смерти, отсрочка ее по крайней мере на две недели!»*

Франкл
Психолог в концлагере

Франкл страдал от непосильного труда, голода, болезней, холода. Но он не терял главного — веры в будущее и связи с внешним миром. Он мог выходить на улицу и работать, он мог надеяться когда-нибудь освободиться, его страдания имели хоть какой-то смысл, хоть какую-то надежду. Психушка — это

совершенно другое дело. Здесь единственная перспектива — лишиться дееспособности, причем не только социальной, но и реальной. Ведь если здорового человека насильно привезли в психушку, то целью может быть только покалечить его и лишить дееспособности. И для этого даже не надо много стараться. Просто оставить его там, и он сам обязательно сойдет с ума. А если добавить соответствующие препараты, так ситуация станет уже необратимой.

Франкл страдал от голода — но он же пишет, что были минуты счастья, когда ему перепадало немного больше хлеба и немного отпускных дней в лазарете для заболевших. Он страдал от непосильного труда — но счастьем было лечь ночью и заснуть крепким сном, которому не мешал никакой шум и тесно прижатые тела товарищей. У него были товарищи.

Здесь, в психушке, нет даже голода. Разрушенное духовное пространство, убитая личность, потерянная перспектива на будущее — аппетит исчезает напрочь. Еда не только не может дать немного «счастья» — она вызывает острое отвращение. И вместо расслабления от принятия пищи, какое было у заключенных концлагеря — ужас, что тебя будут кормить насильно через зонд. Кропоткин рассказывает в своих мемуарах, что так поступали с заключенными в царских тюрьмах его времени — насильно пихали пищу в тех, кто потерял даже чувство голода.

> *«В „централках“, в сибирских каторжных тюрьмах и в крепости заключенные должны были прибегать к „голодным бунтам“, чтобы защитить себя от жестоких тюремщиков или чтобы добиться самых ничтожных льгот: какой-нибудь работы или книг, которые спасли бы их от помешательства, грозящего всякому сидящему в одиночном заключении без всякого занятия. Ужасы подобных голодовок, во время которых заключенные отказывались по семи и восьми дней принимать пищу, а затем лежали без движения, в бреду, по-видимому, нисколько не трогали жандармов. В Харькове умирающих заключенных связывали веревками и кормили насильственно, как кормят гусей»*

Кропоткин
Дневник революционера

— А ну иди есть, а не то тебе конец. Ты отсюда больше не выйдешь. Мы тебя привяжем, и будем кормить насильно!

Вот и все счастье. Вместо сна — все больше и больше взвинчиваемые нервы и напряжение. Вместо товарищей душевнобольные люди, которых насильно строят пить препараты и каждый раз проверяют рот, чтобы не выплевывал. Кропоткин мог хотя бы читать и писать — ему давали доску, мел, бумагу, карандаш, книг сколько душе угодно. Он был в замкнутом пространстве, но был один и мог быть активен в духовном пространстве — главное условие сохранения рассудка. Мне отказали и в книгах и в бумаге и в ручке. Даже на секунду не давали в руки ручку. Представляю их ухмылку, если бы я вспомнила, что у меня когда-то был компьютер. Много людей сошли в тюрьмах с ума — те, кто не имел возможности читать и писать. Что же говорить о заключении в психушке, где невозможно уединиться ни на секунду, и где реальна угроза физического разрушения мозга.

> *«Наш приятель-крестьянин чувствовал себя очень несчастным. Его привезли в крепость, после того как он посидел уже два года в другой тюрьме, и поэтому он был уже надломлен. Преступление его состояло в том, что он слушал социалистов. К великому моему ужасу, я стал замечать, что крестьянин порой начинает заговариваться. Постепенно его ум все больше затуманивался, и мы оба с Сердюковым замечали, как шаг за шагом, день за днем он приближался к безумию, покуда разговор его не превратился в настоящий бред. Тогда из нижнего этажа стали доноситься дикие крики, и страшный шум. Наш сосед помешался, но его тем не менее еще несколько месяцев продержали в крепости, прежде чем отвезли в дом умалишенных, из которого несчастному не суждено уже было выйти. Присутствовать при таких условиях при медленном разрушении человеческого ума — ужасно. Я уверен, это обстоятельство содействовало увеличению нервной раздражительности моего милого Сердюкова. Когда после четырех лет заключения суд оправдал его и его выпустили, он застрелился»*

Кропоткин
Записки революционера

Вот почему концлагеря не так страшны, как клетки, в которых людей лишают как духовной, так и физической активности,

не говоря уже об угрозах «завязать». Заковывать человека в неподвижной позе — один из самых садистских способов казни, который применяли в прошлом. И Кропоткин, который провел много времени в тюрьмах, много писал об их полной непригодности, и как карательных и тем более как «исправительных» институтов.

> *«Что даже в этой ситуации, абсолютно подавляющей как внешне, так и внутренне, возможно сохранить остатки духовной свободы, противопоставить этому давлению свое духовное Я. Кто из переживших концлагерь не мог бы рассказать о людях, которые, идя со всеми в колонне, проходя по баракам, кому-то дарили доброе слово, а с кем-то делились последними крошками хлеба? И пусть таких было немного, их пример подтверждает, что в концлагере можно отнять у человека все, кроме последнего — человеческой свободы, свободы отнестись к обстоятельствам или так, или иначе. И это — „так или иначе“ у них было. И каждый день, каждый час в лагере давал тысячу возможностей осуществить этот выбор, отречься или не отречься от того самого сокровенного, что окружающая действительность грозила отнять, — от внутренней свободы»*

Франкл
Психолог в концлагере

Какое «Зачем» может быть в заведении в котором накачивают психотропными препаратами и разрушают мозг? Там, где на мозг воздействуют не интеллектуальной терапией, а физически, разрушая его? Никто никогда не изучит сложнейший мозговой механизм мозга настолько, чтобы уметь воздействовать на него физически. Известно, что Хэмингуэй застрелился после электрошока, которым его пытались «вылечить» от паранойи» «я мог еще думать, а теперь не могу даже этого». Какое «Зачем» может быть там, где обстановка настолько невыносима, что грозит закончиться настоящим психозом или же бесконечной истерикой, которая приведет к соматическим расстройствам и медленному мучительному угасанию?

Подобная обстановка возможно как-то оправдывается для несчастных с органическим повреждением мозга, но для таких людей любая жизнь становится абсолютно невыносима. Для

тех же, чья способность к мышлению не пострадали, чей мозг цел и невредим (какими бы нервными расстройствами они не страдали) — это режим, который по преступности, нелепости и жестокости превосходит даже знаменитые лагеря смерти Гитлера. Чего боялись заключенные концлагеря? Газовых камер. В психушках же — перспектива деградации и жуткой, медленной, мучительной смерти в руках чужих, невежественных и часто жестоких людей.

> *«И этот пересмотр вел к тому, что в конце концов человек переставал ценить самого себя, что в вихрь, ввергающий в пропасть все прежние ценности, втягивалась и личность. Под неким суггестивным воздействием той действительности, которая уже давно ничего не желает знать о ценности человеческой жизни, о значимости личности, которая превращает человека в безответный объект уничтожения (предварительно используя, впрочем, остатки его физических способностей), — под этим воздействием обесценивается, в конце концов, собственное Я. Человек, не способный последним взлетом чувства собственного достоинства противопоставить себя действительности, вообще теряет в концлагере ощущение себя как субъекта, не говоря уже об ощущении себя как духовного существа с чувством внутренней свободы и личной ценности. Он начинает воспринимать себя скорее как частичку какой-то большой массы, его бытие опускается на уровень стадного существования. Ведь людей, независимо от их собственных мыслей и желаний, гонят то туда, то сюда, поодиночке или всех вместе, как стадо овец. Справа и слева, спереди и сзади тебя погоняет небольшая, но имеющая власть, вооруженная шайка садистов, которые пинками, ударами сапога, ружейными прикладами заставляют тебя двигаться то вперед, то назад. Мы дошли до состояния стада овец, которые только и знают, что избегать нападения собак и, когда их на минутку оставят в покое, немного поесть»*

Франкл
Психолог в концлагере

В психушке власть санитаров безгранична. У них нет прикладов автоматов, зато у них есть кое-что похуже — угрозы «завязать» и «накачать». И обращаются они к больным исключительно в командном тоне, выкрикивая приказы в самой грубой форме.

— Нельзя держать здоровых людей в клинике для душевнобольных, — говорю я дородной медсестре, с трудом веря в реальность происходящего.

— *А может у тебя произойдет переоценка ценностей*, — говорит она мне ехидно улыбаясь. Эта толстушка имеет обыкновение крутить на руке связку ключей и напевать самым беспечным тоном: «Куда податься, кому отдаться». И вообще чувствует себя довольно вольготно в этом аду.

— Если ты имеешь ввиду, что я сойду с ума — то это не вероятно, а абсолютно точно произойдет, если я еще немного здесь задержусь. Дай мне позвонить, пожалуйста, мне надо узнать что происходит.

— Ты так и не поняла, — продолжает она ехидно улыбаться, — мы люди маленькие. Ты целый день ничего не ела. Хочешь, я ужинаю?

Со мной они обращаются более менее вежливо. Но «больные» ходят по струнке, ведь не знаешь кто в этих заведениях больной, а кто просто жертва коррупции.

— Нет, не хочу. Мне надо позвонить маме. Почему я не могу позвонить матери? Дайте мне мой телефон хоть на пять минут. Вы не имеете права держать здесь здоровых людей.

— Ты хочешь сказать ты здоровая? А как ты сюда попала? Сейчас такое время, есть интернет, если здорового в психушку такой скандал будет.

«Да, надо во чтобы то ни стало найти телефон», — думаю я. Я клянчила, умоляла, приставала ко всем кто оказывался в поле моего зрения: «На пять минут. Пожалуйста. Маме позвонить».

У меня отчеканилась в мозгу ее фраза: «Ты так и не поняла. Мы люди маленькие». Кто же те большие люди, кто стоял за этой казнью? Все это время мне приходилось видеть как повсюду в Осетии «маленькие люди» строятся в субординацию и отдают честь любому хаму и вертухаю, который считает, что приватизировал власть. В точности как в экспериментах Милграма на подчинение авторитету. Если не сто, то девяносто процентов. Но ведь кто-то прислал потом ментов с автоматами в мой дом

и они погрузили меня как мешок с картошкой и привезли в эту страшную тюрьму? Меня поразило, с каким воодушевлением на меня накинулся персонал поезда, когда я сбежала после похорон отца. Проводница, которую звали Нина, так отчаянно старалась, ходила за мной по пятам, кричала на меня, и даже загородила мне путь когда я нашла другой поезд. Была там и добрая женщина, которая густо краснела и смотрела на директора поезда умоляющим взглядом, не вмешивать ее в это. Есть конечно живые души. Меня поразили своим хамством и жестокостью доходящей до садизма эти женщины, называвшие себя врачами, которые прибыли ко мне на квартиру и разговаривали со мной как с бездомной бродяжкой у них на содержании. Милграм доказал в своих экспериментах, что люди подчиняются приказам авторитетов вопреки своей воле, просто потому что включается какой-то автоматический механизм в психике, которому они не могут противостоять. То есть невежественные люди. Примерно тридцать процентов жестко отказались сотрудничать с авторитетами, как только приказы стали расходиться с их совестью. Они не наносили сильных ударов током, которые могли угрожать здоровью людей. Милграм установил, что другие, те кто не мог сопротивляться приказам авторитетов, и даже если считал, что нельзя наносить эти удары, наносил их, делали это безо всякой видимой причины. Их никто не заставлял насильно, им не угрожали побоями или социальными последствиями, это был просто эксперимент, где они согласились участвовать добровольно, а авторитетами были обыкновенные ученые Йельского университета, вовсе не военные или чиновники. Они могли просто встать и уйти, как сделали 30 процентов. Но тем не менее 70 процентов, сильно мучились, но не додумались что могут встать и уйти, а продолжали выполнять приказы, которые расходились с их совестью. Так Милграм обнаружил механизмы физического контроля в психике, но не смог тогда сформулировать это. Позже я объяснила значение его находки в теории психической энергии. Фромм называл два поля психики, то есть поле физического контроля и поле научного контроля, авторитарной

и гуманистической совестью. И вот я наглядно могла видеть, что подавляющая часть населения те, у кого активна авторитарная совесть, кто живет конформизмом и садомазохизмом. Но если у Милграма в экспериментах их было 70 процентов, сколько же их будет у «этого небольшого народа», никогда не отличавшегося особой тягой к просвещению?

С пациентами не церемонились:

— Развернулись и шагаем в обратном направлении!

— Только до этого стола гулять!

— Пошла села на свою койку!

— Открой рот! Покажи! Пошла вон отсюда!

— А я не спрашиваю. Я сказала койку в палату.

— Марш обедать. Хочешь, не хочешь — заставим.

И так далее в том же духе целый день. И никуда невозможно укрыться ни от этих диких окриков и грубых приказов, ни от бреда больных, ни от стонов и жалобных просьб выпустить их на волю.

— Что вы хотите? — говорит мне санитарка. — У нас тут сумасшедший дом!

— Вот именно что сумасшедший дом! — с готовностью подтверждаю я. Первые здравомыслящие слова с тех пор, как я здесь. — Послушайте, мне очень плохо. Я не могу здесь находиться. Что если мне станет хуже, вы меня совсем заколите до безумия?? Мне кусок в горло не полезет. Вы будете меня насильно кормить?? Кто за это ответит?

В последний вечер, который я там провела, я как всегда не могла уснуть и ходила возле своей койки.

— Иди на свою койку. Нельзя ходить.

— Я не могу лежать

— Значит, сядь. Я тебе сказала.

— Я не могу, мне плохо.

— Ты доиграешься, что тебя завяжут и накачают.

Самое интересное, что они специально меня разбудили, когда я уже уснула, якобы спросить фамилию и число поступления — хотя все это время обращались ко мне по имени и фамилии и у них все записано. И конечно я больше не смогла уснуть.

> *«Причиняемая побоями телесная боль была для нас, заключенных, не самым главным (точно так же, как для подвергаемых наказанию детей). Душевная боль, возмущение против несправедливости — вот что, несмотря на апатию, мучило больше. В этом смысле даже удар, который приходится мимо, может быть болезненным. Однажды, например, мы в сильную метель работали на железнодорожных путях. Уже хотя бы ради того, чтобы не замерзнуть окончательно, я очень прилежно трамбовал колею щебенкой, но в какой-то момент остановился, чтобы высморкаться. К несчастью, именно в этот момент конвоир обернулся ко мне и, конечно, решил, что я отлыниваю от работы. Самым болезненным для меня в этом эпизоде был не страх дисциплинарного взыскания, битья. Вопреки уже полнейшему, казалось бы, душевному отупению, меня крайне уязвило то, что конвоир не счел то жалкое существо, каким я был в его глазах, достойным даже бранного слова: как бы играя, он поднял с земли камень и бросил в меня. Я должен был понять: так привлекают внимание какого-нибудь животного, так домашней скотине напоминают о ее обязанностях — равнодушно, не снисходя до наказания»*

Франкл
Психолог в концлагере

Я взяла с собой Евангелие. Мне не хотели давать даже его. «У нас нельзя такие книги читать». Потом отдали. Мне было трудно молиться, но я молилась. Все ждала чуда. И оно произошло. Вдруг открылись двери и мне разрешили взять свой телефон и позвонить. Я успела опубликовать сообщение о том, что меня насильно поместили в психушку. Я далеко не была уверена, что это спасет меня из этого жуткого заточения, но сам факт, что теперь моя кровь льется на виду у всего мира, снял то жуткое напряжение, тот кошмар от сознания творящейся несправедливости, которые доводили меня до изнеможения. В тот день мне стало немного легче, и я смогла даже ненадолго уснуть.

— Нам уже вставили за этот телефон! — услышала я как кричат санитары. Что ж, я не ошибалась, они ставили целью лишить меня дееспособности.

— Что, веселишься? — почему то спросила медсестра, которая говорила о Гитлере и «переоценке ценностей». Я лежала как труп, и ей пришлось просто уйти восвояси.

— Телефон больше не получишь. Вообще. Ни в какой ситуации. У нас такие правила.

Женщина, которая поступила сюда с алкогольным отравлением, рассказывала мне, что легко можно звонить, когда приходят родственники, с их телефонов. Что можно говорить без свидетелей в специальной комнате. Она часто меня выручала. «Не плачь так, — говорила она мне заплетающимся языком. — Это все хуйня! Даже не думай! Настоящая хуйня!» И когда меня хотели кормить насильно, прибежала и все спрашивала: «Что вы с ней делаете? Цы йын аразут?»

Меня пришли «проведать» Зоя и Ада, принесли мне одеженки на недели вперед, кексики и твороги. Я конечно понимала, что они меня сюда и упекли. Но все же надеялась позвонить с их телефона. Я попросила у Ады телефон, она не посмела так прямо отказать, как тогда отказал мне Руслан, но очевидно занервничала, когда телефон оказался у меня в руках. Мне, в сущности, позвонить было некому. Роман лежал в могиле, телефона Мухтара я не знала, сестры не было в городе, с Шалико я уже говорила, Лейла и Стелла помогали Руслану. Все что я могла сделать, я уже сделала: опубликовала, как могла на странице в Фейсбуке. У меня был очень слабый смартфон, и я никогда не пользовалась им для интернета. У меня чудом получилось даже так: menyapomestilivpsihushku. Вот и все что мне удалось напечатать через мой смартфон. Я тогда часто думала, что если бы Роман был жив, он бы разнес эту психушку в щепки, чтобы его талантливую дочь, которой он так гордился, упекли при нем в дурдом! Никогда бы этого не случилось. Прежде всего Руслан бы не посмел, зная, что это бесполезно.

Потом принесли мои вещи и стали сдавать их Зое. Я сделала попытку выйти в интернет через Адын телефон. И отчетливо увидела как она сделал знак рукой санитарке. Та выбежала и стала драться со мной.

— Помогите мне пожалуйста!!! — кричала я в ужасе трубку, — меня бьют!!!

— Больше не увидишь своих родных, — зло зашипели санитарки. — Сука, блядь.

Меня утащили обратно в камеру. Они принесли передачу, и я наконец смогла раздать яблоки этим несчастным, чтобы хоть как-то выразить свое сочувствие. Они угощают друг друга, но вообще царит атмосфера отчаяния и безысходности. Плачущая беспрерывно девочка мне улыбнулась, и мне стало немного легче.

> *«Самым мучительным моментом из всех 24 часов лагерных суток был для меня момент пробуждения. Три пронзительных свистка, командовавших подъем, еще почти ночью безжалостно вырывали нас из сна. Однако бывают минуты, когда просто необходимо уединиться. Постоянная жизнь на людях, на виду у товарищей по несчастью, каждый день, каждый час, даже при выполнении каких-то мелких житейских процедур, начинает тяготить, рождает настоятельную потребность хоть немного побыть одному. Это просто какая-то тоска по одиночеству, по возможности остаться наедине с самим собой, со своими мыслями.*

Франкл
Психолог в концлагере

Самым страшным было просыпаться и осознавать где ты находишься. Кошмар был настолько велик, что паника тут же доводила напряжение до крайней степени. В первый день сделали два димидрола — это позволило мне не рехнуться в первые же сутки. Во вторую ночь сделали реланиум — и это тоже спасло меня еще на одни сутки. Зато на третью не только ничего не дали, но еще специально меня разбудили в 12 часов, после чего мне стало по настоящему плохо. Я решила, что они теперь начнут играть на моих нервах, чтобы найти причину

и назвать меня сумасшедшей. В таком дурдоме если еще кто-то поставит целью специально тебя доводить, и будет будить, когда я итак не могла выключиться без укола — тонкие нервы творческого человека дадут этим мясникам материалов для диагнозов более чем достаточно. По крайней мере, от одной этой мысли меня прошиб озноб. И только когда я схватилась за сердце, они дали мне валидол. Понятно, что постоянные дозы транквилизаторов очень скоро превратили бы меня в растение — но иначе в сумасшедшем доме невозможно было продержаться ни секунды. Транквилизаторы снижали остроту кошмара происходящего. Помню, одна знакомая врач-психиатр рассказывала мне, как встретила одноклассника, когда делала обход своих больных.

— Он бросился мне на шею, расплакался. Спаси меня, пожалуйста, спаси меня отсюда!

Она смеялась.

— Я его выписала в тот же день.

> *«И вот он передо мной — высокий, стройный, молодцеватый, в безукоризненной, просто ослепительной форме — элегантный, холеный мужчина, такой неизмеримо далекий от тех жалких существ, что мы сейчас собой представляем. Он стоит в непринужденной позе, подпирая левой рукой правый локоть, подняв правую кисть и делая указательным пальцем легкое движение — налево, направо, но чаще налево...»*

Франкл
Психолог в концлагере

Все-таки врач пришла. Все забегали вокруг нее, словно перед тем офицером СС, который решал участь заключенных движением пальца. Детдомовская девочка, наркоманка, которая сама сюда пришла, теперь в слезах просится выпустить ее «на волю». У нее был трудный день, она подралась с санитаркой, и те вкололи ей аминазин. Я уже плачу, больше не разговариваю. Только сижу на полу и рыдаю, мне не вериться, что меня когда-нибудь выпустят. «Не плачь, — жалеет меня детдомовская девочка, — думаешь, мне не хочется плакать? Видела, как они меня вчера. Я сама еле держусь»

— На каком основании вы меня здесь держите? — я не верю, что врач услышит меня, и станет отвечать на вопросы вместо дурацкого монолога о «психозе», который вели предыдущие врачи. — Я не могу здесь находиться. Я здорова. Вы не имеете права. Если мне станет хуже, вы станете меня колоть? Кто за это ответит?

— А что вам не нравится? Вас больные обижают?

Что на это ответить?

— Кто за это будет отвечать?

Я поступила туда в пятницу 7 марта, и мне сказали что надо будет находится в больнице как минимум до понедельника, когда после праздников и выходных придет врач. «С вами мы потом поговорим», — прошла она тогда мимо меня, делая обход с утра. Действительно позже меня вызвали, дали пройти какие-то там у них стандартные тесты, потом она показала мне протокол моей госпитализации. Вот тут написано, что вы разговариваете с компьютером. Вы говорите по скайпу? Кто же это писал? Тут написано живете с матерью, нет? Что вам бог приказал идти на крышу? Зачем вы туда поднялись? Нет, можно конечно, но тут написано, вы хотели прыгать? Вы делали фотографии, медитировали?

Потом я нашла свои книги в интернете и показала ей. Они переглянулись с другим врачом. Становилось ясно, что это преступление.

Пока мы беседуем, раздается страшный грохот: это детдомовская девочка выбила ногами стекла в железной двери. Дверь открылась, и она вбегает в кабинет врача, в соплях, в истерике и кричит:

— Выпустите меня отсюда! Пожалуйста, выпустите меня отсюда! Я вас умоляю, выпустите меня отсюда!!

Я было испугалась, что ее за это оставят здесь навсегда. По крайней мере, я боялась примерно такой своей вспышки, которая дала бы им повод меня задержать. Но нет. Эта девочка им ничем не интересна — они попросту ее отпускают.

— Вы верите в Бога?

Наконец, и меня выслушали и кажется впервые услышали. Я больше не слышу идиотских фраз об «острой больной», о «психическом расстройстве», как было в приемной — врач очень вежлива и адекватна. Длинный диалог о моем образовании, работе, книгах, занятости. Потом еще допрос у двух врачей.

— Вы верите в Бога? — специально останавливается на религиозной теме психолог.

— Вы хотите меня проверить на уровень метафизической интоксикации?

Она опускает глаза. Метафизическая интоксикация — один из типичных симптомов шизофренического бреда.

Психиатр, с которой я отдыхала в Кисловодске, говорила мне что «Христос — типичный шизофреник». И исходя из материалистической концепции сознания, которая и превратила эти клиники в «дурдомы» действительно так и выходит. Официальная психиатрия отрицает «душу» вообще, она признает только «мозг» как физический объект. Именно поэтому под «лечением» понимается физическое воздействие на мозг, а вовсе не интеллектуальная терапия психической энергии — души человека. Если Фрейд и внес какой-то вклад в гуманистическую психологию — так это тем, что он сместил акценты с психотропного лечения на интеллектуальную терапию, хотя и понимал ее очень специфически. О психологах-гуманистах я уже вообще не говорю — официальная психиатрия вообще не признает их учеными, а только болтунами: психология и психиатрия — это разные вещи.

Та же психиатр тогда сказала мне: «Надо же лечить людей, а не болтовней заниматься». Для психиатров Христос — типичный шизофреник, для политиков и официальных лиц — эталон нравственности и духовные скрепы общества.

— А какой суицид, если у меня билет на 14 марта?

— Какой билет?

— Там в истории болезни, — я вспоминаю, как резало слух Высоцкому эта терминология: «история болезни», — зафиксирован билет в моей сумке.

Не думаю, что у меня хватит сил воспользоваться этим билетом после всего пережитого, но по крайней мере он служит доказательством того, что у меня были другие планы на ближайшее будущее. Впрочем, посмотрим по обстоятельствам.

Им приходится молча опустить голову. Когда они меня выпустили, они не смогли найти причин даже поставить меня на учет.

А я думаю о том, какая глупость трактовать как патологию без знания контекста ситуации любые мысли о самоубийстве. Напротив, в определенных ситуациях отсутствие таких мыслей может быть истолковано как патология. Прежде всего, надо четко определиться, что есть человек, либо выжить любыми путями, или сохранить совесть и преданность истине, стараясь сохранить и жизнь, если получится. «Делай, что должно, и будь что будет», — как говорили римляне. В первом случае, герои, которые защищают родину или спасают детей, стариков, помогают людям в трудных ситуациях, рискуя собственной жизнью — все «самоубийцы» и «душевнобольные люди». Они добровольно идут на смерть ради каких-то далеких для их личного выживания целей. Точно также любое проявление доброты и сочувствия, честности и совестливости — носят в этом смысле суицидальный характер, так как еще Дарвин замечал, что порядочные люди плохо выживают. Хемингуэй знаменит высказываем о том, что мир убивает самых смелых и самых добрых, Франкл пишет, что лучшие не вернулись. Получается, быть добрым и рисковать жизнью для спасения других — это патология и суицид, и быть честным и обладать научным мышлением — это тоже патология и суицид, потому что многие ученые предпочли пойти на смерть, но не отказались от верности истине. Был же такой советский психиатр, знаменитый садист карательной психиатрии, который называл эту позицию интеллигенции «бредом правдоискательства».

> *«Среди заключенных, которые многие годы провели за колючей проволокой, которых пересылали из лагеря в лагерь, кто сменил чуть ли*

> *не дюжину лагерей, как правило, наибольшие шансы остаться в живых имели те, кто в борьбе за существование окончательно отбросил всякое понятие о совести, кто не останавливался ни перед насилием, ни даже перед кражей последнего у своего же товарища. А кому-то удалось уцелеть просто благодаря тысяче или тысячам счастливых случайностей или просто по милости Божьей — можно называть это по-разному. Но мы, вернувшиеся, знаем и можем с полной уверенностью сказать: лучшие не вернулись!»*

Франкл
Психолог в концлагере

Именно потому, что информация, которая подается в официальных учебниках все еще строиться на той пошлости, что «человек должен приспосабливаться к окружению», хотя этот довод давно опровергнут в гуманистической философии и психологии, которая доказала, что современное общество — нездорово и не может служить эталоном для здоровых людей — так вот, именно поэтому винят не окружение, а несчастных, которые не выносят давления тупых и бессердечных людей.

> *«С другой стороны, низость заключенных, которые причиняли зло своим же товарищам, была особенно невыносима. Ясно, что бесхарактерность таких людей мы воспринимали особенно болезненно, а проявление человечности со стороны лагерной охраны буквально потрясало. Вспоминаю, как однажды надзиравший за нашими работами (не заключенный) потихоньку протянул мне кусок хлеба, сэкономленный из собственного завтрака. Это тронуло меня чуть не до слез. И не столько обрадовал хлеб сам по себе, сколько человечность этого дара, доброе слово, сочувственный взгляд. Из всего этого мы можем заключить, что на свете есть две „расы“ людей, только две! — люди порядочные и люди непорядочные. Обе эти „расы“ распространены повсюду, и ни одна человеческая группа не состоит исключительно из порядочных или исключительно из непорядочных; в этом смысле ни одна группа не обладает „расовой чистотой!“ То один, то другой достойный человек попадался даже среди лагерных охранников»*

Франкл
Психолог в концлагере

Наличие суицидальных мыслей и собственно суицидов так сильно распространено в современной действительности имен-

но потому, что ОБЪЕКТИВНО жизнь для многих порядочных, тонких, чувствительных людей становится просто невыносимой. И как говорит Франкл в аномальной ситуации для нормального человека естественна именно аномальная реакция — странно было бы, если бы такое окружение нравилось и не вызывало бы хотя бы мыслей о том, как найти выход из кажущейся безвыходной ситуации. Взять хотя бы роман Селинджера «Над пропастью во ржи» через который красной чертой проходит одно большое страдание от пошлости и подлости окружающей действительности и «навязчивые суицидальные мысли» на этом фоне. Но ведь он не покончил с собой, а стал известным на весь мир писателем и дожил до 90 лет. И процент самоубийств среди гениев говорит не о том, что гении — сумасшедшие, а о том, что гении труднее переносят сумасшедший мир. Помните этот знаменитый пассаж у Рассела: «Наш мир — сумасшедший мир», я много раз его цитировала.

> *«Безвыходность ситуации, ежедневная, ежечасная, ежеминутная угроза гибели — все это приводило почти каждого из нас, пусть даже мельком, ненадолго, к мысли о самоубийстве. Но я, исходя из моих мировоззренческих позиций, о которых еще будет сказано, в первый же вечер, прежде чем заснуть, дал себе слово „не бросаться на проволоку". Этим специфическим лагерным выражением обозначался здешний способ самоубийства — прикоснувшись к колючей проволоке, получить смертельный удар тока высокого напряжения. Но решение „не бросаться на проволоку", в сущности, в Аушвице мало что меняло. Самоубийство здесь теряло смысл, потому что вообще было невозможно рассчитывать на сколько-нибудь долгую жизнь»*

Франкл
Психолог в концлагере

Наконец, они принимают какое-то решение.

— Пожалуйста, мне очень плохо. Отпустите меня, я не могу здесь находиться. Я не могу выносить решетки и замки. Отпустите меня. Я ничего не сделала.

— Я вас отпущу, только не плачьте, — говорит врач, но я не верю своим ушам. И вдруг добавляет. — Подпишите добро-

вольное лечение — тогда в течении нескольких дней мы вас отпустим. А так, с судом — минимум месяц.

Это последняя попытка задержать меня обманным путем.

— Они не имели права меня привозить насильно. Соседи слышали, как я кричала о помощи. Это насилие.

— Хорошо, хорошо. Сейчас дождемся вашу маму, и я вас выпишу.

Я больше не верю ее словам, еще меньше я верю маме. Меня почти заталкивают назад в эту гробницу. Дверь открыта — невозможная ситуация, обычно санитары сразу закрывают ее на ключ. Теперь они подметают стекла, которые разбила девочка. Мне стало легче, что она вырвалась на свободу. Кто-то упрашивает санитарку помочь вынести мусор — только для счастья немного подышать свежим воздухом. Они возвращаются, и на ней нет лица от счастья — она благодарит за привилегию вынести мусор так, словно ее наградили почетной грамотой.

— Спасибо большое!

Когда пришла Зоя, я рыдала так как рыдают люди, избежавшие страшной беды. Зоя сидела с самым обыденным видом, словно пришла в магазин за хлебом, и уже кокетливо улыбалась докторше: «Да вы что? Это же самая умная девочка! Она книги пишет!»

Я от всего сердца благодарю всех, кому была не безразлична моя судьба все эти жуткие четыре дня, что я провела за решетками дурдома»

Так примерно заканчивалась та статья, я только там еще добавила свои представления о должной психиатрии, о том что биологизм убил психологию и превратил психиатров в мясников, которые разрушают мозг человека фармакологией, электрошоком и прочими способами физического воздействия на мозг, вместо социальной и психологической профилактики психических расстройств. Отменили ведь в Италии институт психиатрической лечебницы как таковой!

Я купила новый билет в Москву, теперь на самолет, поездом ехать я больше не решилась. Все время до отъезда я прожила

у Мухтара и Светы, не решаясь больше жить одна у себя дома или тем более с Зоей, у нее на квартире, где постоянно сновали ее сыновья. Света тогда сказала мне, что она звонила Руслану узнать, что со мной происходит, и просила его сделать все, чтобы меня вызволили. Он ей ответил: «Она очень плохая. Ей там будет лучше». А потом набрал мне, забыв, как героически изображал передо мной сопротивление в больнице, и предложил «полечиться» на дому. «Попей успокаивающее, я у них взял». «Если тебе надо лечиться, — сказала ему я, бери свою жену и ложись в психушку. Там вам и место. А меня оставь в покое!» Потом я отдала Свете медали Романа, которые все это время хранились у меня, и улетела в Москву. Уже когда я лежала с травмой у Зои, братья расшиблись в лепешку, но забрали эти медали к себе. Они сделали Роману надгробие, и выгравировали на нем его награды.

Я остановилась в хостеле «Apple» на Маросейке. В ночь с 21 на 22 марта, когда я спала, на меня напали. Я не знаю, что и как со мной сделали, почему я ничего не почувствовала и не помню, но очнулась я только в Склифе, с многоуровневой травмой позвоночника, многочисленными переломами ребер. Меня откачали после остановки сердца. Уголовное дело закрыли с заключением «суицид». Мне объявили, что я спрыгнула с четвертого этажа (сначала говорили с шестого), и что есть свидетель, которая видела как я прыгала: менеджер хостела, в котором я остановилась. Она якобы заявила (сама я материалов дела не видела), что пыталась меня остановить, а я ударила ее ногой беременный живот, и все таки выпрыгнула. По крайней мере так это рассказывала и продолжает всем рассказывать Зоя, которая как всегда ни во что не ставит мое мнение. Той незнакомой женщине, которую она видела первый раз в жизни, она сразу же поверила, как и Руслан конечно. А что бы не говорила я, как бы не возмущалась враньем, мое мнение для нее ровным счетом ничего не значит. О Руслане и говорить нечего. Тогда я вспомнила, как Роман мне много раз говорил: «Зоя всегда была на стороне моих врагов».

6. СКЛИФ

Обычно когда я просила Романа перевести меня в Москву, он, исчерпав все аргументы, заканчивал эмоциональной фразой: «Да мард чи арбаласцани?» (Кто привезет твой труп?). Он всегда считал, что у меня хрупкое здоровье, и переживал, как я справлюсь с трудностями столичной жизни. Удивительно как в конечном итоге сбылись его слова. Когда я оказалась парализованной в Склифе, в конечном итоге выяснилось, что никому кроме сестры, которая к тому времени уже не жила в России, не было дело до меня. Руслан зашел пару раз ко мне в реанимацию в Склифе, его пропустили туда почему то. Итогом его посещений стало то, что он дал врачам разрешение на применение нейролептиков, которые очень на этом настаивали. Руслан рассказал им, что буквально меньше месяца назад я совершила попытку суицида в Осетии, дал им телефоны психушки, куда меня отвезли, добавил от себя, что у меня нестабильная психика как «близкий родственник», и на этом основании уже Склиф смог написать у меня в выписке «Острое психотическое расстройство. Суицид». Если эти товарищи так хотели разрушить мой мозг, почему же они не разбили мне голову, а разбили спину? Видимо считали, что этого достаточно, и просчитались. Я уже в реанимации просила бумагу и дрожащей рукой писала заявление в полицию о том, что на меня напали в хостеле, где я помнила себя последний раз здоровой. И как на меня ни давили, отказывалась признавать суицид. А врачи ставили на кон ни много ни мало операцию на позвоночнике: когда успокоитесь тогда и сделаем. В итоге сделали только одну и отправили меня с разбитым позвоночником домой.

Вот тогда когда встал вопрос о том, чтобы меня увозить из Склифа вдруг оказалось, что Руслан очень болен и «лежит под капельницами», как мне сообщила его супруга Ада. Вскоре приехала она сама вместо болеющего супруга. Ее визит запомнился мне брезгливостью, с которой она подошла к койке и села на расстоянии от меня, и триста рублями, которые оставила

она мне в ответ на просьбу дать немного денег на телефон. Мой сотовый мне не вернули, он остался в полиции, а потом пропал. А новый смартфон мне покупать отказались, Ада принесла мне фонарик, с которым, и думать об интернете было нельзя. Увозить меня домой она отказалась, собралась и уехала. Я просила ее остаться на один день, чтобы помочь сестре вывезти меня, она сослалась на работу и уехала. Для меня стало очевидно, что эти люди вообще не желают меня вывозить из Склифа. Приехала моя сестра, единственный человек, который сделал то, о чем всегда спрашивал Роман: «Да мард чи арбаласцани?». Когда мы собирались в палате к отъезду, пришла Наташа Коробова, моя однокурсница по Плешке. Я упомяну здесь ее имя, чтобы засвидетельствовать свою безграничную благодарность за ее визиты и передачи, когда я еще лежала в реанимации. Туда ее не пропустили, и в тот день отъезда мы увиделись в первый раз спустя много лет. Я ей звонила накануне нападения на меня, и полицейские набрали ей, чтобы узнать, о чем мы говорили, когда было заведено, а потом закрыто уголовное дело. Мы говорили с ней обо всем, как говорят люди, которые долго не виделись, и она не смогла им дать никакой специальной информации, кроме того что я говорила что приехала защищать диссертацию. «Я только очень удивилась, когда мне сказали, что это суицид!» — сказала она мне в тот день. Ей сказали, что я в реанимации, и она навещала меня все время, приносила детское питание и памперсы, то что ей сказали, может понадобиться. Пришла и дочь Тамика, Надя, которая тоже регулярно посещала меня в Москве. Она помогла нам с сестрой погрузиться в поезд. Потом, дома успел зайти и Тамик, и спустя всего полгода, он умер от воспаления легких. Когда-то он стал чемпионом СССР по вольной борьбе в 21 год. Потом с ним случилась трагедия, на него упал тяжелый предмет на заводе, где он работал, и жить ему стало очень тяжело. Его брат Мурик, который стал судьей, но очень не любил среду в которой оказался, умер много раньше. Роман очень любил свою сестру Надю, и младшая Надя, ее внучка назвала сына

Романом в память о Романе. Тамик тренировался в молодости с тем самым Хадарцевым, олимпийским чемпионом, с которым какое-то время работал в мэрии Тенгиз. Помню, Тамик рассказывал, что Хадарцев был так беден в те годы, что вынужден был ходить в прохудившихся кроссовках. Потом, мой врач, который иногда навещает меня дома, Виталик Киргуев, тоже говорил мне что в молодости тренировался с Хадарцевым и тоже вспомнил о его несчастных дырявых кроссовках, которые тот перетягивал проволокой. «Я пошел учиться в медицинский, а он сделал карьеру профессионального борца. Теперь я хирург, а он мэр города», — смеялся Виталик. Были же люди, которых не сломало полное лишений детство.

Я оказалась в Склифе в ночь на 22 марта, а 27 у меня был 38 день рождения. И я помню письмо, которое мне зачитали хирурги по настоятельной просьбе сестры, которая несколько раз приезжала, но ее не пропускали в реанимацию: «Лейла, ты очень сильная, ты обязательно поправишься!» И наконец, мы в поезде, в специальном вагоне, где только два места, спокойно едем домой. Да, я уже неполноценный человек, я еще даже не могу сидеть, не то что ходить, но я уже еду домой с сестрой. Меня привезли на квартиру к Зое, там я лежала пока сделала еще две операции на позвоночнике в Беслане.

Шалико и Цира по приезде из Москвы, пришли меня навестить. Они принесли большой шоколадный торт, и сидели рядом с моим парализованным телом очень расстроенные. Цира сказала, что видела меня на ногах, а это значит, что я буду ходить. И сказала, что операций делать не надо, но я все таки сделала позже две операции на позвоночнике, мне поставили 18 шунтов. Шалико больше молчал и я видела по его лицу, что он винит во всем меня. Когда мы с сестрой должны были выехать из Склифа, я набрала Шалико и попросила его помочь нам. Он рассердился, спросил, где братья, почему я оказалась в таком положении, и сказал, что в дороге и ничем не может помочь. Но через какое-то время перезвонил и сказал, что пришлет секретаря Циры. Цира настояла, когда узнала о моем звонке. Я знала, что у них доброе сердце.

С тех пор начались физические страдания, которые со временем только усугублялись. После операций в медицинском центре в Беслане я смогла сидеть. В этой связи не могу не отметить доброту и профессионализм врачей в тот период моего пребывания в бесланском центре. Особенно Салама Дзебоева, хирурга сделавшего мне одну за другой две операции. На ноги я конечно уже не встала, после упущенных в Склифе недель и месяцев, но сесть в инвалидное кресло смогла. И тогда мне еще не стали портить выписки «ошибками» об «черепно-мозговой травме», которой у меня никогда не было, и «сниженными когнитивно-мнестическими функциями». Хирург Салам Дзебоев показал себя достойным во всех отношениях, и как профессионал и как человек. Документы мне дали чистые и правильные, операции успешно заживали. Уже позже Сослан Дудаев, тоже нейрохирург в Беслане, который делал мне операцию по установлению аппарата для снижения спастики в теле, станет регулярно ошибаться в моих выписках: то черепно-мозговую травму укажет, то у меня нарушены память и внимание. Я вела с ним переписку через смс, и там он извиняется и обещает все исправить и снова делает те же ошибки. Я опубликовала потом скрины этой переписки на Фейсбуке вместе с испорченными и исправленными выписками. Также поступали и врачи из неврологии, где я пару раз проходила реабилитацию, но с тех пор отказалась. Я публиковала и их испорченные и исправленные выписки. Тогда я опять столкнулась с этой готовностью «маленьких людей» и не очень маленьких и весьма образованных людей в Осетии строиться в субординацию, выполнять любые приказы власти, независимо от того была это коррумпированная власть или нет. Я не знаю, кто отдавал эти распоряжения, но видимо те, кто постарался усадить меня в инвалидное кресло. А я тогда стала писать о том, что отсутствие травмы головы опровергает всю легенду о моем падении с высоты, и что, скорее всего мне просто сломали спину. На голове не было ни только травмы, но даже царапины. Был еще другой хороший хирург уже в другой больнице, в гнойном отделении, где мне оперировали проле-

жень, Алан Нигкоев, но даже в его выписке мне умудрились указать какое-то пограничное психическое расстройство. Когда я подняла скандал, как обычно делала в таких случаях, все исправили и извинились, заместитель директора больницы приходил извиняться. Алан Нигкоев оказался не при чем: кто-то без его ведома вписал в историю болезни ложный осмотр невролога. Я настояла, чтобы эта врач зашла и объяснила, откуда эта запись. И она вынуждена была сказать правду: я вижу ее впервые, я никогда не делала ей осмотра раньше. И когда они уже вышли, я услышала, как она сказала Алану Нигкоеву: «эту запись не могли сделать по ошибке». Я опубликовала и те две выписки на своей странице в Фейсбуке: испорченную и исправленную. К Алану Нигкоеву у меня никаких претензий нет, он хороший хирург и порядочный человек.

Мои ноги сильно деформированы спастикой, у меня стоит мочевой катетер, и я часто сижу мокрая. Так начались пролежни. Свищ в двадцать сантиметров глубины (как я прочитала в истории болезни) я заработала ввиду полного отсутствия чувствительности ниже области груди. Повредила доской, через которую пересаживаюсь с кресла на кровать и обратно и не заметила воспаления. А когда заметила, уже не смогла лечить, ведь приходилось всегда сидеть на нем и не всегда сухой. Так он и висит до сих пор, хотя стал несколько меньше. Мне удалили сустав большого пальца ноги из-за остеомиелита, и там тоже осталась незаживающая рана. Время от времени наступает кризис, раны воспаляются, и держится температура 40. Тогда я ложусь в больницу в отделение гнойной хирургии. Только вопрос времени, когда мне уже никто не сможет помочь.

Вся моя жизнь после Склифа делится на два больших периода: до моего переезда к себе на квартиру и после. Сначала я находилась в квартире у Зои. Она помогала мне как могла, делала все что в ее силах, с этой стороны у меня к ней претензий нет. Но она и ее сыновья как обычно игнорируя мое мнение и мое желание делали все возможное, чтобы я не смогла вернуться

к себе на квартиру. Мне тогда впервые после смерти Романа пришлось снова плотно общаться со своими братьями, и я готова была дать им шанс и простить их. Однако, они и не думали раскаиваться. Напротив, мне позвонил Роланд и в самой жесткой форме заявил ультиматум, полагая, что теперь то, парализованная я приперта к стене, я уступлю. Он сказал, что я должна публично заявить, что ошибалась, когда обвинила их в смерти Романа, сказать, что я была нездорова, и извиниться перед ними за причиненный таким образом ущерб. И тогда они готовы помогать мне с операцией на позвоночнике. Инициатива, конечно, была Руслана. Роланд по моим тогдашним наблюдениям окончательно потерял способность самостоятельно рассуждать и находился в полной зависимости от Руслана, больше чем когда бы то ни было. Я ответила, что я никого не обвиняла, что в моем заявлении в прокуратору написаны только факты, то что я слышала и видела, и что каждый волен делать свои выводы, как я сделала свои. Что заявлению я хода не дала тогда, потому что пожалела их и Зою, и что больше я ничего не могу для них сделать. Что мне не нужна их помощь, если они настаивают на такой цене. Я уже тогда стала думать, как переехать на свою квартиру, и опять навсегда прекратить с ними общение, которое было для меня невыносимо. Но как я могла это сделать тогда с разбитой спиной, когда я не способна была даже сесть в постели.

Потом они решили раз и навсегда лишить меня всяких попыток на самостоятельное существование, и заявили, что для операции нужны деньги, а получить эти деньги можно только через продажу моей квартиры. «А больше квартир нету!», — заявил мне тогда Руслан, хотя до сих пор сдается в Москве романовская квартира, в которой никто не живет. Тогда я еще думала, что можно было бы продать ее и поехать лечится в Германию или Израиль, но теперь меня лечить уже поздно. Что до моей квартиры, то во первых она стоит копейки, а во вторых я не могу оставаться без собственного жилья особенно теперь, когда стала зависимой от посторонней помощи. Я согласилась продавать квартиру. Роланд привез ко мне нотариуса, и я подписала

доверенность на продажу. Но я очень не хотела этого делать и так долго думала, что нотариус стала смеяться, а потом сказала: «если не хотите, не подписывайте». Роланд, который всегда сильно зависел от мнения окружающих, сильно смутился, расстроился, стал ее убеждать, что это для моего же блага, а когда она ушла, отдал доверенность мне: «держи у себя, пока я не найду покупателей, если ты мне не доверяешь». И тут они проиграли. Я больше не вернула им доверенность, хотя звонил Руслан и очень долго меня убеждал, а потом Роланд стал разыгрывать истерики, что я хочу все расходы свалить на них. Я порвала и выкинула эту доверенность и поступила правильно, потому что обе операции мне сделали по квоте. Квартира бы моя пошла по ветру, а оправдания бы нашлись: лекарства, бензин, затраты на меня в Склифе. Он всегда вспоминал, что его визиты стоили денег и насчитал каким то образом сто тысяч моего долга, который он великодушно простил.

Так я спасла свою квартиру и себя. «К ней полностью вернулась ее вредная воля», сказал тогда Руслан. После операций в Беслане, когда я уже смогла сидеть, я стала все больше думать о своем переезде к себе, чтобы избавить себя от общества братьев, которое становилось все тягостнее. Роланд становился таким же навязчивым, как во времена моего студенчества, когда мы вместе жили в Москве. Я закрывалась в своей комнате, но стоило мне выйти, он уже сидел рядом со мной и задавал какие-нибудь заранее срежиссированные вопросы, просто чтобы что-нибудь говорить. На искреннее общение он был давно не способен. Я называла это «игрушечки», и просила его избавить меня, ссылаясь на занятость и головную боль. Там я могла от него скрываться в своей комнате или уходила в институт, здесь я лежала парализованная и вынуждена была терпеть их визиты. Даже Ада, после того как так бесцеремонно бросила нас сестрой на произвол судьбы в Москве теперь приходила показать что «выполняет долг», и приносила пару раз с Русланом несколько сумок с фруктами с базара. Я старалась ее не замечать. Роберт как всегда качался между противоположными по-

люсами: то он приходил ко мне, ставил три розы в стакан и жаловался, что Руслан и Роланд составили «против нас заговор», так что мы с ним оказывались в одной команде, то вдруг выяснялось, что Руслан отправил его в психушку, и они пытались поставить меня там на учет. «А какая сука, — не выдержала тогда я, — ходила опять в сумасшедший дом по моему поводу?». Он только смеялся. Он приносил мне дорогие йогурты, арбузы в больницу и в тоже время больше всех старался сплавить меня в Сунжу. Впрочем, у Роберта интерес всегда был чисто материальным, он надеялся как то использовать мою квартиру сам. И когда я ему сказала, что думаю, что за Русланом стоят какие-то люди, он недолго думая, со мной согласился.

Руслан, после того как принял наследство, и стал хозяйничать в доме на Герцена, где во времена Романа была пекарня и компьютерный клуб, оборудовал одну залу под офис своей партии «Коммунисты России», и сделал его центром всей деятельности партии в республике. Там у него стояли бюсты Ленина и Сталина, и там же у него бывал Максим Сурайкин, председатель партии, когда бывал в Осетии. Город был завешан их рекламой во время выборов: «Руслан Хугаев и товарищ Максим. Восстановим сталинскую справедливость». Там же Руслан собирал фамилию Хугаевых, активно агитируя родственников голосовать за коммунистов. Мне ничего неизвестно о финансах его партии, но Газзати писал в комментариях к моему посту, что у партии Руслана «широкие финансовые возможности».

Пока мне приходилось общаться с Роландом, я заметила, что психика его еще более ослабла. Он рассказывал мне, что ему снились кошмары с рыдающим Романом, и чтобы я не подумала, что его мучила совесть, сказал, что это было до смерти Романа. Зоя говорила, что тогда он какое-то время жил у Руслана, потому что сам все время плакал, а потом переехал к ней. Позже сказал, что хочет сделать пенсию и лег в психушку. Пенсию в психушке делал человек с дипломом московского пищевого вуза, со степенью кандидата наук. Я помню, я сама придумала название для его колбасы на основе сои, разработ-

ка которой была в основе его диссертации. Он и его научная руководительница стали в тупик, не умея подобрать названия этому прогрессивному мясному продукту. Я назвала ее «модерн», и мое название было принято. Человек, который самостоятельно изучил английский язык, и понимал также хорошо разговорную речь, как и письменную. Чего казалось бы проще чем найти работу в Москве и жить там в своей квартире? Тогда он стал мне рассказывать, что он теперь ненавидит Христа, что это религия слабаков и евреев, что настоящий бог осетин совсем другой, и что евреи заполонили мир и испортили его. Убогий антисемитизм, которого я раньше никогда у него не слышала. Хорошо хоть не исламизм. Он увлекся буддизмом, стараясь найти в нем альтернативу Христу, но у него не очень то получалось. Он ставил у себя в машине знак свастики и говорил, что это символ солнца в древней Индии. Так и есть, и все же не отменяет того факта что и Ницше, презиравший и ненавидевший христианство, говорил о символе «вечного возвращения», противопоставляя его христианству. Роланд стал убеждать меня, что Толстой тоже ненавидел Христа, и когда я ему объяснила, что Толстой был против православия, а Христу посвятил всю свою жизнь, сильно разнервничался и убежал из комнаты. Было видно, что его «ненависть» к Христу идет из желания сломить в себе любовь к Христу, которой он был сильно привержен в юношестве, и что аргумент с Толстым его окончательно добил. Руслан как то сидя вместе с Роландом у моей кровати вдруг заявил: «Я единственный в этой семье НА СТО ПРОЦЕНТОВ здоровый человек. А вот ему, — и он показал в сторону Роланда, — понравилось в психушке». Роланд делал вид что соглашается, понимая что это пропаганда для меня, но Роберт выдал его, рассказав, что Роланд заявил после психушки, что это «живой ад».

Тем временем, Руслан делал все возможное, чтобы признать меня недееспособной. Он специально взял в Москве копию выписки, где значилось «Острое психотическое расстройство. Суицид». Видимо, чтобы у него было так долго им искомое доказа-

тельство моей невменяемости. Я опубликовала эту выписку в приложении к одной из последних моих книг «Романтизм и реализм». Он рассказывал всем, что вот, наконец, проявилась моя невменяемость, я бросилась вниз и разбила себе спину, что если бы тогда в психушке меня «подлечили», этого можно было бы избежать. И что он всем говорил об этом уже тогда, когда я их публично обвинила в смерти Романа, но ему никто не поверил. Он звонил мне и предлагал лечиться транквилизаторами: «Выпей и кайфуй, расслабишься. Я вот тоже на ночь сто грамм пью, а че переживать». Потом я услышала, как он разговаривал с Зоей в коридоре: «Дай ей вот это. Это же больной человек!» И Зоя принесла мне днем сок, после которого я надолго отключилась. Я сразу все поняла. Сделала скандал как только пришла в себя, чтобы она больше не вздумала повторять, а потом сказала Руслану все, что я о нем думала, как только он зашел.

— Ты думаешь, я не знаю, что это ты меня тогда в психушке запер? Я слышала, как ты говорил с тем ментом по телефону, который меня туда отвез. Ты договорился с ним о встрече в психушке.

Он растерялся было, но быстро взял себя в руки.

— Да, я думал тебе плохо, а потом выслушал тебя и стал тебя защищать. Ты сама видела.

— Да, когда было уже поздно! Когда за мной закрылись замки. И когда я попросила телефон у тебя, чтобы сделать публикацию в интернете ты резко на меня накричал.

Он и этого не ожидал.

— А когда Света у тебя спросила, почему вы меня не забираете, ты сказал, «Она очень плохая». Разве не так? И зачем ты мне потом звонил и какое то лечение предлагал? Какое лечение? Зачем тебе так необходимо разрушить мой мозг? На кого ты работаешь?

Он понял, что разоблачен и молчал, опустив голову. Потом перешел в резкую агрессию, стал ругаться, издеваться. Он уже не говорил как раньше, что «колясочники это целый новый мир», а прямо сказал, что я калека и окончательно лишилась

ума. «Вы победили, что и говорить, — сказала ему я тогда, — Роман в могиле, я в инвалидном кресле». И все. На этом все наше общение раз и навсегда прекратилось. Я сделала несколько постов в Фейсбуке, чтобы обезопасить себя, чем могла от свидетельств обо мне этого «близкого родственника». Я по сей день с ним не общаюсь и никогда больше не хочу с ним общаться.

Теперь я поставила себе целью переехать к себе при первой же возможности. Я тогда встретила в центре в Беслане, на реабилитации, брата своей одноклассницы, а потом и ее саму. Инга и Эрик Дзампаевы. Мы были рады встрече, Инга даже расплакалась, когда увидела Лейлу, «грозу» 16 школы, в инвалидной коляске. Инга пришла навестить меня с дочерью, которую тоже звали Зоей, уже взрослой красивой девушкой, студенткой третьего курса юридического факультета СОГУ. Они взяли меня с дочерью на руки и снесли со второго этажа на улицу, усадили в мою коляску и отвезли прогуляться по берегу Терека. Когда я спросила ее, зачем она сделаал операцию на нос, итак точеный, Инга рассказала мне такую типичную историю: ее муж, с которым она прожила 18 лет регулярно ее бил, и однажды сломал ей нос. А потом его самого подстрелил муж какой-то женщины, которую он когда то в ее девичестве лишил невинности. Где бы тут место найти для «Эвелины и ее друзей» Газданова? За последнее время в Осетии было много безобразных историй, связанных с насилием над женщинами. Вот только некоторые, о которых много писали в интернете: женщину 22 лет убил бывший муж прямо на ее рабочем месте; прокурор пришел с повинной и сознался в убийстве жены, после того как у него в саду был обнаружен ее труп; полицейский избил свою бывшую жену до смерти, когда узнал, что стала встречаться с другим; молодая женщина покончила с собой, ее мужу инкриминировали «доведение до самоубийства». Я уже не говорю о том безобразном случае, когда слабоумную девочку толпами насиловали во время отъезда ее матери, а, главное, следователи потом замяли это дело, сказали что «по обоюдному согласию».

Брат Инги, Эрик пообещал помочь мне с переездом, а братья делали все возможное, чтобы воспрепятствовать моему переезду. А значит и Зоя тоже. Однако, в конечном итоге, и эти неожиданные товарищи, вдруг как по мановению палочки, стали делать то, что делали все люди в моем окружении. Затягивать переезд и находить предлоги. Потом, когда я уже переехала, Эрик звонил, извинялся, сказал, что не смог помочь и были экстренные обстоятельства. Я сделала вид, что не понимаю, о чем он говорит. Теперь мы с ними друзья на Фейсбуке. В конечном итоге я справилась и с переездом. Я вызвала такси, вызвала грузчиков, села сама в свое кресло, взяла чемодан со своими документами, и приготовилась встречать грузчиков. Выскочила Зоя и заорала на них: «А вы будете отвечать за инвалида, если с ней там что-нибудь случится?!» Тем временем, Роланд и Роберт встречали внизу такси, которые я вызывала, и отправляли их так, чтобы я не знала. Когда я наконец поняла что происходит, я закатила такой скандал, называла их убийцами и насильниками, звонила всем родственникам и друзьям, и в конце концов они сдались: «Она сама приедет через два дня назад. Кто ей там поможет? Кому она нужна?» И разумеется ничем не помогли мне с переездом. Я дождалась такси, вызвала грузчиков, Зоя больше не стала на них орать, и они спустили меня в такси. Так спустя почти два года с того дня как меня забрали отсюда в психушку, я снова была у себя дома. Меня оставили одну в моей квартире в надежде, что я в беспомощности испугаюсь и попрошусь назад к Зое. А оттуда они давно наметили отвезти меня в Сунжу. Это для них был только вопрос времени.

Но я все же справилась каким то чудом Я открыла дверь, выкатилась в коридор и доехала до соседки. Я попросила ее помочь мне поставить телефон на зарядку, которая почти уже села. Потом привезла на своей коляске два шерстяных одеяла, и бросила их на пол в гостиной, потом слезла с коляски и удобно устроилась на ночь. Телефон был самым важным орудием выживания на тот момент. На следующий день уже все соседи знали, что я приехала глубоко покалеченной и си-

жу на полу в своей квартире безо всякой помощи. Мне пришлось просидеть так больше недели. Они стали заходить и помогать чем могли. Я звонила Зое, чтобы они привезли мне мои вещи, но она откровенно не поднимала на меня трубку. Тогда я набрала родственникам и пожаловалась, что мне не отдают мои вещи. Света тоже включилась мне помогать, и вскоре Зоя и ее сыновья были вынуждены привезти мои вещи. Справедливости ради надо сказать, что Зоя все время ездила со мной по больницам и дежурила у моего изголовья денно и нощно. Мыла меня в кровати женщина по имени Зина, которая приходила через день. Все остальное делала Зоя: выливала катетер, приносила мне тазики с водой по утрам и вечерам и варила мне каши и соки, которые я просила. Однако, за это время она взяла на себя роль «мамы» у маленького ребенка еще более, чем когда-либо и вообще перестала считать меня человеком. Однажды, когда я отказалась от помощи Роланда, который предлагал очередной раз отнести меня в ванну, она так разозлилась, что оставила меня сидеть на диване на всю ночь в моем переломанном состоянии. И как я не звала и не молила ее она не пошевелилась до самого утра. Я уже не говорю о руслановских таблетках, которые она добавила мне в сок. Теперь я была рада избавить ее от заботы обо мне, и избавиться самой от ее тирании.

С моим переездом начинается новая более-менее сносная полоса моей жизни после травмы. Я смогла немного успокоиться, вернуться к своим книгам, пролистать их. Вскоре у меня начали возрождаться творческие силы, появлялись новые мысли, проекты, я начала потихоньку писать и снова обрела саму себя. Сестра покупает мне целыми сумками хлопковые майки и штаны, без которых я не могу обходиться, а потом присылает. Сергей перечислял каждый месяц деньги, которые я платила своей сиделке. Тогда ко мне утром на два часа приходила Аида. Она работала на базаре, и перед работой с 8 до 10 отвозила меня в ванну и помогала сделать перевязки. Но одного раза утром было очень мало, и я часто болела. Очень помогла в этот период

Ирочка, соседка и жена Саши, которая заходила когда я ее просила и помогала в экстренных ситуациях. Тем не менее, денег не хватало не только на регулярные массажи, но и на лекарства. О массажах я вскоре надолго забыла. Я была рада уже тому, что рядом нет невыносимых людей, я живу в покое и могу читать и писать, как делала это раньше. Временами я попадала в больницу, но теперь это было неизбежно в том состоянии, в котором я находилась. Света и Тоня, дочери сестры Романа Раисы, очень помогли мне своим вниманием и поддержкой. Света звонила в Склиф и узнавала о состоянии моего здоровья, звонила нам с сестрой в поезд, когда мы вдвоем ехали домой, навестила меня везде, и когда я лежала у Зои, и на моей квартире, и во всех трех больницах, где я была. Тоня поразила меня искренностью и глубиной горя, которые слышались в рыданиях, которые она не могла сдержать. Помню, когда я попала в больницу в первый раз, с огромным свищем на бедре и «ведрами гноя», который, по словам хирурга, они оттуда выкачали, пришли Света и Тоня, чем очень мне помогли. Прежде всего, они устроили скандал. Меня хотели оставить там без сиделки, так как в общей палате нет возможности находиться с сиделкой, а на отдельную палату у меня не было денег. «Как же у ее братьев нет денег на палату! — возмущалась Света. — Они итак оставили ее без ничего! Они что ее смерти хотят!». Тоня плакала в углу, а потом стала рассказывать пациентам в палате, какая я была красивая и веселая, и как она поразилась моей красоте, когда я вдруг приехала летом из Москвы на каникулы. Мне было лестно, хотя я никогда не считала себя красавицей. Палата вскоре нашлась, там была койка для меня и для сиделки, и в тот раз я опять осталась жива. А потом Света сама заболела. Умер ее брат, Мухтар, тот самый который меня защищал. Света говорила мне, что Мухтар прослезился, когда узнал, что со мной сделали, и что я нахожусь в реанимации с переломанной спиной. «Лучше бы она умерла», — пожалел он меня тогда. Я даже не могла быть на похоронах, чтобы попрощаться с ним. До сих пор сижу в коляске, которую он мне купил четыре года назад.

Роланд в свое время так спешил продать мою квартиру и отвезти меня в Сунжу, что несмотря на мое категоричное предупреждение ничего не трогать в моем доме, вывез все мои вещи в Сунжу. Когда ему после долгого сопротивления пришлось вернуть мои вещи, я не нашла там несколько любимых вещей: сумки бесхозно валялись там неделями и кто теперь мог сказать, где в дороге они потерялись. Когда он понял, что в Сунжу я не поеду, на что он сильно рассчитывал, он вдруг слег. Тогда Нуца была еще жива, он жил с ней в Сунже, она оказала ему большую моральную поддержку после всех этих событий. Потом он заботился о ней и о последнем брате Романа до самой их смерти. К тому времени она была уже очень слаба, с трудом двигалась, ей наняли сиделку. Роланд слег и все заговорили о его смертельной болезни, хотя диагноз был никому неизвестен. Света мне звонила и говорила, что он тяжело болен. «Готовьтесь к моим похоронам», — цитировала мне его Зоя, плача в трубку. Я как раз тогда очередной раз попала в больницу, когда она мне набрала. Из того что она мне сказала, я поняла истинную причину его болезни. У него совсем распадалась психика. Он вдруг сказал всем, что его «заколдовала Цира», что она ему завидует и желает смерти. И что Цира также виновата и в моей болезни. И тут голос Зои в трубке перешел на слезливый истеричный визг: «Если это правда, то как она могла!». Зоя знает Циру много лет, практически со дня женитьбы Шалико, когда они жили еще в неказистом доме их общего отца Йосифа и занимались цветами. Какое бредовое сознание надо иметь, чтобы не разглядеть за это время свою родственницу как человека? Цира неспособна пожелать плохого, не только сделать, не говоря уже о бредовости самого обвинения. Даже Роман любил посмеяться вместе с Цирой, когда она приходила его лечить в больницу, и всегда говорил что она хорошая женщина. Зоя любит всех своих братьев, но сыновья для нее объект поклонения. И настолько насколько мое мнение и мое слово для нее пустой звук, настолько беспрекословно она верит всему, что говорят ее сыновья.

«Чтобы больше я этого бреда не слышала! — сказала я, сразу расстроившись. — И пусть не вмешивает мое имя в этот позор! Он сам ее нашел, а теперь еще глупости на нее говорит! Как вам не стыдно! Что то вы далеко пошли искать причину его болезни! А может, это Руслан виноват, в том, что он сбрендил? Может его совесть жрет? Не каждый же способен взять такое на совесть!» После этой моей тирады, я больше ничего не слышала о его болезни, зато Зоя сообщила мне, что Роланд вернулся к Христу, извинился перед ним, раскаялся и успокоился. И хотя Зоины родственники ничего об этом не знали, и Зоя теперь отказывается, как обычно, что этот случай имел место, трудно не понять их желание сохранять дистанцию.

А вскоре умерла Нуца. Мне говорили, что все последнее время она умоляла всех отвезти ее ко мне и часто меня вспоминала. Мы не смогли попрощаться с этой когда-то веселой вздорной старушкой, которая еще глубоко за 70 лет одна содержала большой дом и огород в селе, так что к нашему приезду всегда были свежая картофель, фасоль, зелень и фрукты в саду. Может быть, скоро увидимся на том свете. После ее смерти у Роланда начался второй кризис, и он заявил, что я должна жить в Сунже. И хотя Нуца умерла уже почти год назад, он все еще не отпускает ее сиделку, в уверенности, что вскоре мне придется переехать в Сунжу.

Все это время физической недееспособности, моей самой большой проблемой был поиск сиделки, человека, который помог бы мне вставать по утрам, ехать в ванну на моем санитарном стуле, потом делать перевязки, и все то же самое вечером, когда я ложусь спать. У меня появился органический страх по отношению ко всем тем «маленьким людям», как выразилась та санитарка из психушки, которые окружали меня до сих, и так легко переходили от дружбы к службе. Помню, как Зоя сказала мне однажды, что видела Лейлу во дворе моего дома, и та спросила у нее не нашла ли я сиделку. Лейла знала все новости, потому что ее мать продолжала жить в том же подъезде нашего дома, где живут Саша и Ира. Зоя сказала, что нашла и тогда Лей-

ла предложила себя: «Ну если понадобится какая помощь, обращайтесь». Не прошло и пяти лет, как мне сломали спину. У меня от ее слов мороз пошел по коже, мне совсем не хотелось, особенно теперь, когда я в таком состоянии, видеть около себя человека, который и на дружбе и на службе. Впрочем, может она предложила помощь искренне, откуда мне знать. Вопрос в том, что эти сомнения я теперь испытывала в отношении всех, зная, что кавказский менталитет много больше склонен к конформизму, чем к духоборчеству. Зоя, понимая, что фундамент моей самостоятельной жизни сиделка, отрицательно относилась и к первой моей сиделке, которая приходила всего на два часа утром, и всячески старалась настроить меня против нее и рассорить нас. Потом когда Аида уехала на заработки в Израиль, и я осталась без сиделки, мне наконец повезло. Я встретила Саломе в больнице, куда она вышла работать после смерти своего мужа. Прабабушка, муж и дети Саломе — осетины, сама она грузинка, которая питает такую же нежную любовь к своему отечеству, как к своей семье. В Саломе я нашла друга и поддержку, главное, у нее было на меня время, и я могла быть уверена в ней как в самой себе. Эта удивительная женщина всю жизнь трудилась в поте лица, выполняя часто и мужскую работу. Когда взорвали центральный рынок, она чудом выжила, но ее магазин и ее друзья погибли. Она еще много лет платила долги. Потом тяжело болела, и снова стала работать. Когда мы встретились, она все еще переживала смерть мужа три года назад, а я уже приготовилась умирать. Если я живу и работаю до сих пор, то это все благодаря Саломе. К тому же и формально мы родственники, ее свекровь была Хугаевой. Зоя первая подружилась с Саломе в больнице, она ведь сама наполовину грузинка. И уговорила ее стать моей сиделкой на время моего пребывания в больнице. А когда она узнала, что Саломе согласилась помогать мне и дома, и как мы с ней подружились, она приняла совершенно противоположную позицию. Зоя встретила Саломе у подъезда, чтобы я не слышала разговора и заявила ей, что мое место в Сунже, и потому Саломе должна отказаться от работы у меня. «Но Лей-

ле ни в коем случае не говори, что это я тебе сказала. Роланд оплачивает сиделку, которая была у Нуцы до сих пор, почему мы должны платить двум сиделкам? Лейле там будет намного лучше. Главное мои дети будут жить вместе. Если со мной что-то случится, я хочу чтобы они помирились и жили вместе». Вот в этом вся Зоя. Она прекрасно знает, что я категорически не хочу даже слышать о том, чтобы общаться дальше с братьями. И она не только плюет на меня и мою волю, она идет к моим друзьям в обход меня, и старается лишить меня последней подмоги, последней помощи, последнего, что мне дорого. Руслан начал было платить сиделке, но его хватило только на полгода. Мне по прежнему помогает сестра, иначе меня давно уже не было бы на этом свете. Даже если Саломе по какой-то причине меня покинет, и я найду кого то другого, что очень сложно, где гарантия, что они опять не вмешаются, чтобы оставить меня без сиделки.

Руслан приезжал два раза с Зоей с базара, сам оставался в машине (после той ссоры мы больше никогда с ним не общались), а она поднимала с машины два больших пакета с фруктами, овощами и йогуртами. Во второй раз с ней поднялась Ада. Это ее старая манера, сначала нагадить, а потом устроить театральную сентиментальную сцену. Она подошла к моему парализованному телу, покрытому гниющими язвами, и сделала вид, что плачет: «Я так тебя люблю, так люблю. Даст Бог, ты выздоровеешь, и будешь опять на ногах как раньше. Я за тебя всегда молюсь. Прости меня, пожалуйста. Прости меня за все». Актриса погорелого театра. «Если бы вы отвезли меня на кладбище, — сказала я тогда, — я бы вам простила. Но вы отвезли меня в дурдом, этого я вам никогда не прощу». На этом все наше общение закончилось. Вот еще один человек всегда поражавший меня своей способностью построиться в любом направлении, если этого требовала конъюнктура. Конформизм и авторитарная совесть отличительная черта осетинского менталитета. Руслан сделал заход с другой стороны, навестив друга своей юности, Саша и Иру, у которого не был много лет. Он рассказал им, как нежно

он любит свою сестру, и как хорошо мне будет в большом уютном доме, с садом-огородом в Сунже. И что надо сделать все, чтобы помочь ему увезти меня в Сунжу.

Недавно я набрала Тенгизу, которого не слышала больше трех лет, узнать как у них дела. Тогда когда меня только привезли, они пришли с братом, принесли коробку Рафаэло, но поговорить не удалось, они очень спешили. Потом я просила Тенгиза распечатать мне счет на лекарства, он распечатал, привез и сам оплатил, и опять не смог присесть. Тенгиз сказал, что у него все хорошо, из мэрии он ушел, работает профессором на кафедре финансов в СОГУ. Я сказала, что у меня тоже все хорошо, что я начала ходить и совсем выздоровела. Тенгиз мне не поверил: «На костылях?». «Нет, просто, как все люди». «Тебя в Грузии вылечили?» «Нет, меня Саломе вылечила». «Я плохо себя чувствую, я перезвоню». Я видела, он мне не поверил. Тенгиз тоже во всем винит меня. Между тем я совсем его не обманула: я хожу в пространстве интеллекта. Кьеркегор говорил, идея человека его дух, а значит неважно ходит он на двух ногах или нет. Я пишу книги, мыслю, общаюсь со своими друзьями в интернете, значит я хожу в самом главном для человека пространстве. Многие из тех кто ходит на ногах не имеют туда доступа.

Мое повествование близиться к концу. Я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что я призываю к «преступлению и наказанию». Напротив, я стремилась показать, что все герои этой трагедии сами были жертвами обстоятельств. Если бы я хотела наказания братьям я не написала бы второго заявления в прокуратуру с отказом от первого, и давно опубликовала бы прямое обвинение. Но прошло почти 12 лет, и я этого не делала, и сейчас мне было это крайне тяжело. Я не хочу, чтобы они пострадали, несмотря на все зло, которое они мне причинили. Я прошу прощения за своих братьев и вместо своих братьев, христианского прощения и милосердия. Я хочу защитить их от них самих. Я хочу, чтобы они просто оставили меня в покое. Общаться с ними я больше никогда не смогу, но это не значит, что я желаю им зла. Если же неправа я, то это быстро обнару-

житься, и все последствия моей публикации обернутся против меня.

Я думаю из моего повествования очевидны параллели с известным романом Достоевского «Братья Карамазовы». Состоятельный, но скупой отец, первая жена, которая его поколачивала, а потом бежала с другим, вторая жена, которая заболела нервами и стала «кликушей», Грушенька, образы трех сыновей, офицера, интеллигента и христианина, фон идеологической дискуссии о том, что если бога нет, то все позволено, и даже пророчество Достоевского о втором осевом времени Ясперса в этом романе. Достоевского считали пророком, в каком-то смысле он и был пророком.

7. ОСЕТИНСКОЕ «ЯБЛОКО» И FACEBOOK

У меня много лет страница на Facebook (Фейсбук). Там я подружилась с прекрасными людьми, в том числе членами партии «Яблоко», например с Натальей Береза. Я выразила желание вступить в партию, и потому что искала общественную организацию, где я могла бы представить свой научный проект, и потому что искала защиты и публичности. Я много раз писала на страницу Григория Явлинского на Фейсбуке, кратко излагаю суть своей научной работы и все, что мне пришлось пережить с тех пор, как я стала писать на сайт президента об этой своей научной работе. Г. Явлинский показал, что прочитал, но не ответил. Однако, Наталья Береза, мой френд на Фейсбуке, любезно согласилась посодействовать моему вступлению в «Яблоко». И действительно вскоре мне позвонили из местного отделения партии «Яблоко».

Оформлять меня приехал Бадри Газзати, тогда заместитель председателя осетинского Яблока, а сейчас, если мои сведения не устарели за два года, председатель осетинского «Яблока». Он сел за стол на кухне, вытащил папку, представился и сказал: «Я приехал лично познакомиться с вами, потому что мне звонили из Москвы». Вскоре он очень пожалеет о своем визите,

и публично заявит на Фейсбук, что я «распространяю неправду». Но пока он очень вежлив и сочувственно слушает мою историю. «За что с вами сделали такое?». Я рассказываю, что это связано с моей научной работой, показываю ему свои книги. Он смотрит с интересом, он выпускник философского факультета МГУ, если судить по его странице на Фейсбуке. Он также владелец и редактор газеты «Свободный взгляд», и в прошлом директор коммерческого института. Он рассказывает мне, что его газета пользуется большой популярностью в республике, чуть ли не единственная «оппозиционная» СМИ, что есть даже «фанаты», которые ждут каждого выпуска и готовы покупать за любые деньги. Казалось бы, он никак не может сказать вслед за той санитаркой из психушки, что «мы люди маленькие». И действительно он говорит, как героически преодолевает коррупцию нынешнего правительства республики. Он был советником бывшего президента Агузарова, и находится в оппозиции к власти нынешнего президента Битарова, так он говорил, по крайней мере. Он предлагает мне помощь нотариуса Залина Агузаровой, когда я прошу помочь в оформлении карты сбербанка инвалиду по доверенности.

Выяснилось, что знаком с Русланом, как с заместителем Сурайкина по партии «Коммунисты России». Он стал спрашивать, почему мне не помогает Руслан и почему я не вступила в партию родного брата, как сделал бы любой осетин, партия которого, прежде всего его клан. Я ему объясняю, что я не коммунист, а демократ, а сама думаю, что это за лидер у партии Яблоко, который задает подобные вопросы. Потом рассказываю, что общаться с Русланом не могу, что тот однажды сдал меня в психушку, а теперь говорит всем, что я прыгала сама, и что моя травма не имеет никакого отношения к моей работе и политической позиции. Мне важно все это сказать, иначе при встрече Руслан выложит свою версию «о сестре», и ему как «близкому родственнику» и старшему брату поверят, а мне нет. И вижу, уже не верит мне. Тогда я рассказываю про заявление, которое я написала в прокуратуру и почему написала, и еще раз объясняю,

что с Русланом у меня не может быть больше ничего общего. Газзати слушал и молчал, но делал про себя выводы. Он заходил раза три, обещал помощь во всем, в чем только сможет. От перевода моей выписки для отсылки ее в Германию до оформления карты Сбербанка, до которого я не могла самостоятельно доехать. И наконец, предложил мне печатать статьи в «Свободный взгляд». Я предложила начать с моего интервью, где я бы рассказала о том, что со мной случилось и почему. Он согласился и предложил мне написать его самой. Более того, он сказал, что легко может организовать сбор средств для меня через местное Яблоко и даже назвал ведущую осетинского телевидения, кому может это поручить. Все это он говорил с энтузиазмом. Я подписала ему две свои книги, как большому другу, и дала третью с тем, чтобы он мне ее в скорейшем времени обязательно вернул. Он ушел и больше не вернулся, и книгу мне до сих пор не вернул. Более того, пропал со связи сразу после того как якобы «одобрил» «интервью у Яблока», которое я отправила ему в мессенджере.

Пропал и не вернул мне книгу «Россия между открытым и закрытым обществом», последний мой экземпляр. Я писала ему на мессенджер в Фейсбуке, он молчал и игнорировал мои письма. Потом ответил. Я привожу ниже его ответ, в котором черным по белому написано, что я обращалась, видите ли к нему лично, и что я никогда не обращалась в партию Яблоко. Я сразу поняла, что врал не Роберт, который вообще не умеет по пустякам врать, а Газзати. Выглядело вполне логично на фоне его общего поведения, что теперь он жалел что лично приезжал оформлять меня в Яблоко. Ему дали по шапке и сказали, что никакой публичности моя история получить не должна. После этого ответа, я сделала скрины, разметила фото в посте на Фейсбуке и написала там же вот эту статью. Я ее опубликовала 10 января 2018 года, и этот пост до сих пор на моей странице в Фейсбуке, откуда я его и скопировала в эту главу. Ниже идут комментарии к посту.

Это письма из мессенджера на Фейсбуке перед публикацией поста:

«Три месяца прошло. Мне нужна моя книга, «Россия», я же вам говорила что она у меня последняя и нужна мне в работе. Неужели так трудно набрать такси и сказать адрес водителю? Поверьте у меня итак много проблем, чтобы ещё об этом думать. Прошло полтора месяца как я вам напомнила последний раз. Сколько ещё времени должно пройти?

08.01.2018, 11:33
Лейла

Уважаемый Бадри, Роберт передал что встретил вас и что вы сказали что не знаете кто меня оформлял в Яблоко. Я думаю это какое то недоразумение, поскольку я вас знаю только через Яблоко, как раз когда вы меня оформили. но все же не могли бы вы выслать мне на мессенджер какой нибудь документ, список Владикавказского Яблока например. Или может ваше нежелание отвечать как то связано с этим? Мне никакой вашей помощи больше не надо, хотя я признаюсь я надеялась на помощь Яблока, но вижу что вы трижды проигнорировали наши договорённости, так что буду искать других людей из Яблока. Но книга мне действительно нужна. Надеюсь вы все таки ответите.

10.01.2018, 00:22

Приветствую Лейла. Я в глубоком недоразумении, поскольку ничего подобного я Роберту не говорил. Имел удовольствие общаться и с Русланом. Твои братья меня уверили, что сами в состоянии решить все необходимые вопросы с твоим здоровьем. Я специально выжидал, правда ли они будут действовать. Я не могу вмешиваться в ваши семейные дела и идти впереди родных братьев. К тому же, я ЯБЛОКО возглавил совсем недавно, в конце ноября. К тому же, ЯБЛОКО не занимается подобной благотворительностью. Все наши какие-то договорённости были связаны лично со мной, без всякой связи с партией. Я вынужденно взял паузу из за того, что не хочу встревать безосновательно в чужие дела и проблемы. Вышенаписанное тобой, говорит о том, что я становлюсь ещё и жертвой сплетен, поскольку, повторюсь, ничего подобного я не мог сказать, и является лишним

подтверждением моей позиции. Надо подальше держаться от чужих семейных, есть мама, братья, сестра и много других родственников, которые, как меня убеждают, способны решить все вопросы. И я не намерен выслушивать претензии твоих братьев, тем более, быть объектом для сплетен. Если они ничего не предпримут в ближайшее время, то в Милу своих возможностей, окажу любую помощь. Извини за долгое молчание. Надеюсь ты понимаешь меня и надеюсь не будет обид и злости. Я тебя очень уважаю как личность и творческого человека, и очень сочувствую данной ситуации. Это действительно ужасно. Но я не хочу тебя жалеть, ты слишком сильная и гордая для жалости. Поэтому, я тебя просто уважаю и даже восхищаюсь тобой. Надеюсь, что здоровье поправится, не смотря ни на что. Постараюсь сделать все, что от меня зависит. Пусть новый 2018 год принесёт тебе ЗДОРОВЬЕ, творческих успехов и благополучие вашей семье. Ещё раз извини, если обидел.

Пост на Фейсбук от 10 января 2018 года

Уважаемый Бадри Ревазович, спасибо, что по истечении четырех месяцев вы все-таки удостоили меня ответом, хотя признаюсь, он не показался мне ни убедительным, ни даже искренним. Я поздравляю вас с должностью председателя регионального отделения партии Яблока, о чем вы сообщаете в письме, но, честно говоря, не вижу как должность заместителя председателя могла помешать вам общаться с соратниками. Я решила дать вам публичный ответ, прежде всего с тем, чтобы наши с вами соратники по оппозиции могли сами судить кто прав в данной ситуации.

1.«Вне всякой связи с партией»

Вы пишите, что все наши с вами договоренности носили личный характер, «вне всякой связи с партией». Насколько я помню, я обращалась к вам как к представителю Яблока в республике всегда публично, задействуя наших общих друзей и соратников. Так я обратилась с просьбой помочь мне в оформле-

нии карты сбербанка, так как не могу выходить из дома. Вы здесь, на фейсбуке, ответили в комментариях, что сделаете все что будет в ваших силах. Однако, мне не удалось потом до вас дозвониться и я справилась своими силами. Потом я спросила вас можно ли записать интервью о том преследовании, жертвой которого я стала. Спросила, как политического деятеля, как представителя демократических, либеральных сил партии, которую вы представляете. Как бы я могла обратиться к вам с такой просьбой лично? Кому интересна реакция личности в данной ситуации? Вы мне ответили, что сами думали об этом, что «мы синхронно мыслим» и что хорошо было начать с этого наше сотрудничество в журналистике. Я сказала, что с удовольствием буду писать статьи в газету в поддержку демократической оппозиции. Интервью вы одобрили, но на этом диалог опять прекратился. Тогда же я спросила вас, можно ли помочь мне с поиском фондов для лечения в Израиле, вы ответили утвердительно, но потом всякая связь с вами прекратилась. Вы не отвечали на звонки, на сообщения, даже на попытки связаться с вами через юриста Зарина Кастуеву.

2. «Интервью для Яблока»

Мне не надо вам рассказывать, что в республике нет интеллектуальных или политических сил, способных противостоять официальной власти, какой бы коррумпированной она порой не была, и как бы не злоупотребляла своими полномочиями. Вы часто и сами пишите о недееспособности местных СМИ, способных лишь транслировать провластную позицию. В такой ситуации Яблоко оказывается просто оазисом для тех редких представителей интеллигенции, которые понимают значимость демократического движения в современном мире. Конечно, я обратилась к вам в надежде на политическую защиту, прежде всего. Поэтому я спрашивала вас об интервью, мне важно было рассказать о политической подоплеке того, что пытаются выдать за бытовую случайность. Однако, я не искала бы поддержки у едроссов, ЛДПР или коммунистов. А Яблоко, пожалуй, един-

ственное политическое движение на сегодня в России, которое внушает мне доверие. По крайней мере, это моя точка зрения. Я, будучи ученым и либералом, оказалась в некоем вакууме здесь в республике, всегда провластной и прокоммунистической. Я на личном опыте убедилась, что даже то, что принято называть дружбой с детства или родственными связями теряет здесь всякую значимость перед лицом погонов и власти. Юридическому контролю может противостоять только научный контроль, поэтому я предлагала свои услуги партии в написании статей с целью развития интеллигентской прослойки в республике. С чего то же надо начинать. Я писала в «Интервью для Яблока», которое вы одобрили для публикации, как однажды ко мне в квартиру ворвались вооруженные автоматами люди и насильно затолкав меня в машину скорой помощи, оставили на два с половиной дня в психушке. Я делала несколько публикаций на фейсбуке, писала в «Команду 29» и вам рассказывала, уважаемый Бадри Ревазович, что Руслан Хугаев, зампред партии Коммунисты России и человек, называющий себя моим братом, поспособствовал по мере своих сил этому кощунственному злодеянию. По моему очевидно, что единственная цель, с которой я публикую эту историю на Фейсбуке и рассказываю политическим движениям состоит как в том, чтобы предупредить общественность о реанимации карательной психиатрии, так и с тем, чтобы предотвратить повторение подобных прецедентов в будущем. Видите ли, Бадри Ревазович, партия Яблоко, единственный социальный институт в республике на защиту которого от таких чудовищных репрессий властей я могу рассчитывать, хотя бы в виде огласки и выражения протеста. По-моему, это очевидно, поскольку даже мой родной брат помогал закрыть меня в психушке. Что эти люди предпримут в следующий раз, я не знаю, но делаю все, что от меня зависит, чтобы Руслан Хугаев больше не смог выступить в роли «брата» в очередном коррумпированном сценарии. Я повторяю, частые публикации на фейсбук, обращения в общественные организации, такие как «Команда 29» и «Яблоко» давно сделали этот конфликт публичным, поэтому я

не верю в искренность ваших слов, когда вы намерено пытаетесь представить проблему как внутрисемейную. Вы должно быть обладаете редкостным самомнением, если считаете, что могли бы как то лично, вне контекста политического движения, повлиять на ситуацию. Речь идет только о том, чтобы проинформировать общественность о реальном положении дел и защититься тем самым от манипуляций коррумпированных чиновников с «родственниками», преследующими на самом деле свои политические интересы. От вас конкретно, как от представителя Яблока требовалось просто быть в курсе и в случае необходимости, в случае если что-либо подобное повториться, предать огласке и выразить протест от лица политического движения. Тем более, у вас есть доступ к СМИ. На самом деле, когда вы намерено игнорируете истинный смысл моих слов о том, что я считаю родственные отношения с Русланом Хугаевым прекращенными, а его участие в моей травле — частью государственных репрессий, вы просто становитесь частью этого механизма. Так как, когда Руслана в следующий раз привлекут свидетельствовать против меня, вы займете не позицию представителя политического движения, к которому и я принадлежу, а заявите, что не можете встревать в родственные отношения и выжидали, что из этого выйдет.

3. «Я специально выжидал».

Вот почему ваши слова о том, что вы не отвечали четыре месяца, даже на мою просьбу вернуть мою книгу, кажутся мне крайне неубедительными и неискренними. Вы меня не обидели, уважаемый Бадри Ревазович, вы просто дали мне со всей очевидностью понять, что никакой личной дружбы у нас с вами не может быть. Когда вы говорите, что не отвечали, потому что выжидали, поможет ли Руслан мне (с которым вы, как вы говорите, имели удовольствие общаться) разрешить проблемы со здоровьем — вы извините, мне не доводилось слышать ничего более глупого за последние несколько лет. А ведь вы совсем не глупый человек. Значит, вы просто не искренни. Я скажу вам без обиня-

ков, уважаемый Бадри Ревазович, что я думаю об истинных причинах вашего молчания. Я думаю, что правду вы сказали только в том, что сами вы рассматриваете наше общение вне контекста партии Яблоко. Для вас это вопрос кавказского менталитета и владикавказской конъюнктуры. Я думаю, что поскольку у Руслана с вами общие друзья, то вы в целом тоже не против того сценария, которому способствовал Руслан. Вы мне сказали, когда я вас видела в последний раз, что нотариус Залина Агузарова ваша хорошая знакомая и предложили мне ее помощь в оформлении карты. Я вам сказала, что могу разговаривать с любым другим нотариусом, кроме этого, потому что в нотариусе именно этого нотариуса таинственно исчезло завещание моего отца, о котором он говорил мне лично в том числе. Еще я хорошо помню, что Залина Агузарова отказывалась выдавать мне справку о том, что я написала заявление о получении наследства, настаивая на том, что мне «почтой пришлют», а без заявления нельзя рассчитывать на наследство. Я ничего не могу доказать, но я имею право на личное убеждение, и мое личное убеждение состоит в том, что отец составил завещание в нотариусе Залины Агузаровой. К вам это, разумеется, не имеет никакого отношения, кроме того, что после того, как у вас с Русланом нашлись общие знакомые, вы стали настойчиво квалифицировать наш конфликт как внутрисемейный. Потом вы ушли, и я вас больше не видела, а вскоре совсем пропали со связи. Я думаю, уважаемый Бадри Ревазович, что вы своим молчанием, и зная об общем давлении на диссидентов в республике, о котором вы не можете не знать, проводили какую-то свою только вам известную политику. Я думаю, что все ваши слова о силе, гордости и восхищении откровенное издевательство над калекой. Я отдаю себе отчет в том, что вы председатель партии и если я хочу оставаться в Яблоке, мне придется с вами общаться. Для меня главное обойтись без лицемерной дружбы. Мне вам больше нечего сказать, Бадри Ревазович, поэтому лучше, если вы пришлете мои книги с таксистом и не будете утруждать себя, тем более, что вы глубоко впечатлили меня своей занятостью. Спасибо.

PS Дорогие друзья, не зная кого отметить отмечала всех кого узнавала, чьи тексты скрашивали мое одиночество все это время. Вы, конечно, всегда можете снять отметку. Спасибо за терпение и понимание.

Людмила Зинченко Это кошмар! Бедная Лейла, как вы живёте, без помощи и без поддержки! И, якобы, «слуги народа», не хотят вообще ничего сделать, для чего тогда создаются все эти партии??? Для кого? Только для собственного обогащения и удовлетворения своего Эго! Если и была какая-то вера в справедливость «Яблока», то теперь, я вижу, что и они тоже липовые! Круговая порука бандюков! О людях они знать ничего не желают! Зато мгновенно находят миллионы для собственных выборов! Только на Бога остаётся надежда, что все же поможет вам справиться с болезнью и помощь вам придёт! Не все ведь бесы на земле, есть и ангелы! Не отчаивайтесь!

Елена Птицына Ставим крест на партии «Яблоко». Буквально вчера прочла заметку Андрея Новоселова (если не путаю) об отношении партии и лично их лидера к своим избирателям. Здесь вы описали еще одного. Неприятные люди!

Валентина Гордеева Разве можно по одному человеку судить о всей партии? Это неразумно! В партию Яблоко вступают разные люди, там нет какого-то отбора, в свое время в ней состояли и Яровая, и Мизулина... Это не дескредитирует саму партию а скорее людей, которые изменили своим идеалам!

Лейла Хугаева Спасибо за поддержку, друзья. Честно говоря, я сама в таком шоке от всего этого, что пока даже не знаю как реагировать. Буду писать дальше, пока остатков здоровья хватит.

Бадри Газзати Народ, при чем здесь ЯБЛОКО. У человека личная трагедия со здоровьем. Родной брат Лейлы заместитель

руководителя федеральной партии «КОММУНИСТЫ РОССИИ» с широкими возможностями, в том числе и финансовыми. Кроме этого у Лейлы есть и другой брат и сестра и мать и много родных, которые ей в состоянии помочь и по их уверениям максимально помогают. Ни я ЛИЧНО, ни партия ЯБЛОКО не являемся благотворительными организациями, тем более, если ближайшие родственники Лейлы категорически против вмешательства в их семейные проблемы. Лейла, если вы не можете урегулировать внутрисемейные вопросы, то какие претензии к другим и конкретно ко мне??? Если вы за публичное общение, то публично отвечаю Вам. У ваших братьев больше возможностей, чем у меня. Я не вижу возможности, как я должен прийти в вашу семью и вперёд ваших братьев что то предпринимать. Кто нибудь из здесь виртуальносочувствуюших может объяснить как это возможно. Желательно на личном примере. Приезжайте во Владикавказ и начинайте объявлять сбор средств для Лейлы, обрекая на публичный позор Ее братьев и всю фамилию Хугаевых. И ещё раз, для особо политически активных и сердобольных. Партия ЯБЛОКО здесь абсолютно не при чем. И все оскорбительные высказывания на совести их авторов и лично на совести Лейлы.

Lali Lara Как мерзко, как низко, как грязно,

Лейла Хугаева Если здесь кто то кого то позорит, г-н Газзати, то это вы позорите общественную организацию Яблоко. У вас безусловно есть право на свой кавказский менталитет и на жизнь по горским понятиям, но какое отношение это имеет к либерально-демократическому движению, которое вы представляете в республике? Вы может быть не знаете, что есть такой жуткий закон Мизулиной о декриминализации насилия в семье, который та самая партия, которую вы якобы представляете резко осуждает?! Первый раз я перестала общаться с Русланом когда мне было 14 лет за то что он позволял себе физические методы «воспитания». Я тогда ему сказала — ещё раз меня тронешь я пойду

в милицию. Сейчас благодаря закону Мизулиной и так сказать не получится. Вред который нанёс мне Руслан уже гораздо серьёзнее, вы как всегда лицемерно избегаете говорить по сути предмета. И я имею право требовать отказа от родственных отношений. Я по этому поводу писала Ивану Павлову в Команду 29, и обращалась в Яблоко. Разве вы лично не поддержали идею Интервью для Яблока, где я подробно изложила ситуацию с нападением на меня в моей квартире? К кому ещё обращаться за оглаской и выражению протеста как не к политической демократической организации? Однако вы проигнорировали и это соглашение и не стали ничего публиковать. Если вы тупой и не понимаете что значит прекращение родственных отношений, хотя я много раз писала и говорила об этом публично, и будете утверждать что женщина собственность своей семьи согласно горским обычаям то повторяю вопрос — что вы делаете в Яблоке? Руслан располагает средствами которые остались после моего отца, в моем публичном обращении отдать часть этих средств на лечение он мне отказал. Но если бы и отдал сделал бы то что должен и это никак не изменило бы моего отношения к нему. Я не прошу его денег, это деньги моего отца. Мне стыдно слушать ваши глупости о том, что сбор средств кого то позорит. Например Дмитрий Гудков регулярно собирает деньги на свои кампании, что то я не слышала чтобы это опозорило его, его фамилию и партию. Я однажды спросила вас может ли Яблоко помочь мне в сборе средств. Я делала и здесь публикации на эту тему. Вы лично предложили мне помощь в сборе средств через местное телевидение, потом вы передумали и я больше не стала с вами об этом говорить. Я понимаю что вы делаете акцент на этой стороне вопроса потому что вам стыдно за своё поведение и больше нечего возразить. Однако, я просила вас вернуть мои книги и вы не отвечали на мои сообщения, и я все ещё не уверена что вернёте. Стыдно, г-н Газзати, использовать рычаги общественной организации в своих личных целях, утверждая что я обращалась за помощью к вам лично. Уж не знаю зачем это вам понадобилось.

Лейла Хугаева Какая наглость, какое тотальное лицемерие — сейчас только обратила внимание на фразу с которой этот человек начал свой лживый комментарий. «У человека личная трагедия со здоровьем». Это говорит человек, который был инициатором ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ ЯБЛОКА, и который очень хвалил его и обещал опубликовать. По моему там довольно чётко прописано, является ли моя травма «личной трагедией со здоровьем» или результатом нападения. Та наглость с которой вы теперь утверждаете прямо противоположное тому, что собирались якобы публиковать очень чётко говорит о целенаправленном враньё. В какой момент вы так круто поменяли своё мнение и от ИНТЕРВЬЮ ДЛя ЯБЛОКА перешли к «личной трагедии со здоровьем»?! Ежу голубоглазому понятно, что просто поставили себе целью де-политизацию проблемы, вывод темы на бытовую ситуацию — ровно то что делали все это время менты и Руслан. Потом я смотрю вы пишите что «родной брат Лейлы, зампред федеральной партии КОММУНИСТЫ РОССИИ», с широкими возможностями в том числе и финансовыми». Скажите каким образом финансы партии КОММУНИСТЫ РОСИИ могут иметь отношение ко мне?! Вы вообще себе представляете разницу в идеологии между Яблоком и Коммунистами? С вашей беспринципностью я успела познакомится, возможно для вас это не барьер, что касается меня я очень чётко ответила на ВАШЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОГОВОРИТЬ С РУСЛАНОМ ОБ ЭТИХ СРЕДСТВАХ, что ни в коем случае никакой помощи от Руслана лично и тем более от его партии я не приму. Я делала много постов о том, что Руслан не вернул нам с сестрой наследство и показывала там документы — и речь всегда шла только об этих средствах. Руслан категорически отказался их отдавать на мое лечение. И когда вы здесь с такой беспримерной наглостью говорите что мои «родственники категорически против вмешательства в мои дела» — вы как раз подтверждаете какая страшная беда иметь Руслана в качестве родственника. Который сам ничего не даёт и другим категорически запрещает. Поэтому я публично об'явила что этот человек мне

не родственник и КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ВМЕШИВАТЬСЯ В КАКИЕ БЫ ТО НИ БЫЛО МОИ ДЕЛА И ТЕМ БОЛЕЕ УКАЗЫВАТЬ ДРУГИМ. Особенно когда мне очень, просто совершенно необходима помощь. Например моей сестре и ее супругу, которые все это время мне помогали в отличии от Руслана — будучи в отличие от него очень заинтересованы в моем выздоровлении в кошмарном сне не придёт в голову сказать такую глупость о которой вы говорите. КТО ВЫ ТАКОЙ ЧТОБЫ ГОВОРИТЬ ЧТО БЛИЗКИЕ МНЕ ЛЮДИ КАТЕГОРИЧЕСКИ ПРОТИВ МОЕГО ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ. То что Руслан против я знаю, вот поэтому будьте добры никогда не называть его моим родственником. И эта ваша маленькая хитрость смешивать всех родственников в одну кучу такая же примитивная как и вся ваша ложь. Наконец вы говорите что у меня множество состоятельных родственников которые горят желанием оплатить мне мое лечение. Я требую чтобы вы перечислили мне поимённо этих миллионеров благодетелей, о которых я слышу от вас впервые. Если вы не назовёте мне сейчас же этих родственников «много родных которые в состоянии ей помочь и максимально помогают» — вы не просто наглый лжец, вы ещё и откровенный злодей, который делает все чтобы лишить меня последней надежды на помощь людей. Вы просто негодяй со всеми своими мерзкими хитростями вроде «позорить ее фамилию, собирая ей деньги на лечение», который в союзе с Русланом мешает найти мне хоть какаю то помощь. Я помню что вы рассказывали мне, что работали советником последнего президента Агузарова, и знаю что Руслан тоже очень дружен с этой семьёй. Так что ваши истинные мотивы той поддержки, которую вы оказываете Руслану для меня совсем не секрет, и меньше всего это на самом деле связано с Яблоком. Так я жду имена родственников, которые готовы оплатить мое лечение.

Лейла Хугаева Вот здесь ясно видно, что я очень чётко отказалась от Вашего предложения попросить для меня деньги у Руслана.

Marina Smith «Прийти в семью и вперёд ваших братьев что то предпринимать» ...«облекая на публичный позор Её братьев» ... Это вообще о чем? Причём тут братья? Почему Бадри Газзати печется о репутации братьев семьи Хугаевых? Это какой-то средневековый цирк с конями, а не политический деятель секулярной страны 21 века.

Бадри Газзати Если вы ничего не понимает, то объясню. Брат Лейлы политик, публичная личность. Я с ним общался и он лично просил не вмешиваться в их семейные дела. Все что нужно Лейле они в состоянии самостоятельно решить. Как вы себе представляете дальнейшие мои мероприятия????

Елена Дунаевская Бадри Газзати ВЫ ВИДИТЕ, КАК ОН ИХ РЕШАЕТ. ПОЧЕМУ ВЫ СЧИТАЕТЕСЬ С МНЕНИЕМ БРАТА ЛЕЙЛЫ, А НЕ СО ЗДОРОВЬЕМ ЛЕЙЛЫ?

Лейла Хугаева Елена, вы видите для него «публичный человек и политик» значит все, ему даже не интересно политика это большевиков или национал социализм. Мнение человека той же якобы идеологии — для него пустой звук, хотя он выслуживается тут перед начальством Яблока. Но ведь я из Яблока, а Руслан политик враждебного лагеря — его мнение В ОТНОШЕНИИ МЕНЯ все, а мое ничего.

Бадри Газзати Лейла, родственные отношения превыше всякого политиканства. Жаль, что вы не в состоянии этого понять.

Елена Дунаевская Бадри Газзати Простите, но это же НЕ ВАШИ родственники. Почему Вы выступаете судьей в чужих родственных отношениях вместо того, чтобы подуматьб чем помочь больному человеку?

Бадри Газзати Лейла Хугаева спасибо. И вам того же. И перестаньте писать мне и обо мне. Ничем абсолютно не обязан.

Бадри Газзати Елена Дунаевская помогите, за чем же дело.

Marina Smith Бадри Газзати, т е. прихожу, например, я в полицию или какую-то общественную организацию, а меня там проверяют на предмет, знают ли мои братья о моих проблемах. И если они не знают, меня отправляют со словами «ничем помочь мы не можем вам, братья вам помогут!». Так?

Лейла Хугаева Книги верните немедленно. Ещё как обязаны.

Елена Дунаевская Бадри Газзати Я помогла, сколько могла. Я — доцент на полставки, помогу еще. Я в указаниях на этот счет не нуждаюсь. А Вы.

Лейла Хугаева В самом деле, четыре тысячи перечислила мне Елена.

Бадри Газзати Елена Дунаевская объявите сбор средств для неё. Именно этого она требует.

Лейла Хугаева Я показала письмо в котором отказалась от вашей помощи в сборе средств. Я требую чтобы вы опубликовали интервью для Яблока, а не врали с «личной трагедией здоровья»

Елена Дунаевская Бадри Газзати Уже объявляли. У людей мало денег, дают на больных детей, на собак. На взрослых деньги собираются плохо, написала мне глава одного детского фонда. В любом случае, местным людям объявить сбор денег на свою соотечественницу легче, чем мне. И сумма-то там — $8000. Мне стыдно, что у меня их нет, были бы — дала бы.

Бадри Газзати Уважаемая Лейла! Я Вас очень прошу не впутывать меня в ваши семейные проблемы. И не предъявлять претензии к партии ЯБЛОКО, поскольку это не благотворительная

организация. Ещё раз объясняю, что ваши родственники против публичных мероприятий по поводу сбора денег. В конце концов, напишите лично в благотворительные организации, зачем вы в политические партии обращаетесь, да ещё и распространяете неправду и оскорбления?

Елена Дунаевская Простите, человек болен, у человека нет денег на лечение. При чем тут родственники? Вы что, их деньги считали? Или можете им что-то советовать? Почему для Вас мнение родственников важнее мнения больного человека и ВАЖНЕЕ ЕГО ЗДОРОВЬЯ? Может быть, Вы их просто боитесь?

Marina Smith Елена Дунаевская, я думаю, последнее ваше предположение верно. Боится.

Бадри Газзати Лейла, на этом всякую публичную переписку с вами прекращаю. Все ваши оскорбления стерплю, пусть все будет на вашей совести. Удачи и выздоравливайте. Все же, обратитесь в благотворительные организации, если родственники вам не смогут помочь.

Наталия Марьина По-моему, Бадри Газзати ничтожество и продажная мразь.

Лейла Хугаева Вот публикация Интервью для Яблока, которую я делала в сентябре прошлого года.

У меня нет слов, чтобы передать степень моего восхищения и благодарности моим дорогим друзьям на Фейсбуке, единственной моей поддержке за все страшные годы тяжелого увечья. Я бесконечно благодарна Марине Смит, Елене Дунаевской, Елены Птицыной, Валентине Гордеевой, Наталье Марьиной за участие в обсуждении этого поста, за моральную и социальную поддержку, которую они мне, таким образом, оказали. Поскольку пост был опубликован как общедоступный,

я думаю, что не иду против их воли, публикуя его в этой рукописи.

Что касается случая с Бадри Газзати, то если сравнить письмо, которое он мне прислал в надежде, что я проглочу наживку и не пойму разницу между «обращаться лично к нему» и «Обращаться в партию Яблоко», и стану дальше вести с ним диалог, сравнить с тем резким тоном, которым он обвиняет меня в «распространении неправды» и в «личной трагедией со здоровьем», становится очевидным, что письмо было уловкой и обманом. Газзати и Руслан боятся одних и тех же людей, тех, кто заточил меня в психушку, тех, кто сломал мне в Москве спину, и тех, кто постоянно, со времен Склифа портит мне выписные документы, стараясь вписать туда диагноз о невменяемости. Я поняла это, и написала вот этот пост, где ему пришлось разоблачить свою настоящую позицию, в которой он категорически не хочет признавать никакой связи моей травмы с моими работами, со слежкой и преследованием, и развивает версию спецслужб и Руслана о том, что «сама прыгала», что сумасшедшая и тд и тп. Заметьте, что это тот же самый человек, который попросил меня самостоятельно написать «интервью для яблока», которое он якобы опубликует в своей газете «Свободный взгляд», и которое он одобрил в мессенджере. Зачем же было так явно врать, понятно, что ему такое не могло присниться в страшном сне. Кто стоит за ним, за Русланом? Чья невидимая рука оставляет меня раз за разом без поддержки? Вы заметили как важно было ему заявить, что мне ни в коем случае не следует помогать со сбором средств на лечение? Сейчас мне просто важно разоблачить подлость тех людей, которые стоят за Газзати и Русланом, о лечении и тем более выздоровлении говорить уже поздно. Я очень больна, но пока я жива, для меня как для всех, важно жить и умереть свободной.

Что касается самого интервью, то с тех пор я опубликовала монографию «Теория психической энергии вместо социологии и психологии. Тождество научного и народного суверенитета», где эта мысль развита значительно лучше. Следствия для политики из теории психической энергии, я имею ввиду.

8. ВТОРОЕ ОСЕВОЕ ВРЕМЯ

> «В доступной нам человеческой истории есть как бы два дыхания. Первое ведет от прометеевской эпохи через великие культуры времени к осевому времени со всеми его последствиями. Второе начинается с эпохи науки и техники со второй прометеевской эпохи в истории человечества, и быть может приведет к новому еще далекому и невидимому второму осевому времени, к подлинному становлению человека. Теперь весь вопрос в том, сохранит ли грядущее развитие свою открытость и завершится ли оно, проходя через жесточайшие страдания, искажения и ужасающие провалы, созданием настоящего человека. Хотя каким образом это произойдет, мы еще себе совершенно не можем представить»

К. Ясперс Истоки истории и ее цель

> «Я убежден как младенец, что страдания заживут и сгладятся,, что весь обидный комизм человеческих противоречий исчезнет, как жалкий мираж, как гнусненькое измышление малосильного и маленького, как атом, человеческого евклидового ума, что наконец в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими крови, хватит чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось с людьми»

Ф. Достоевский Братья Карамазовы

Руслан всегда говорил, что отец меня избаловал, что моя учеба — это капризы и глупости, и что мне надо «перекрыть финансирование». Я нисколько не сомневаюсь, что если бы финансирование было в его руках, то так все и было бы. Потом он сделал все, что было в его силах, чтобы оставить меня без средств. С отцом мы дискутировали, Руслан всегда навязывал свое мнение, как все коммунисты, к которым он принадлежит. Мать спасла меня после смерти отца тем, что защитила меня, когда я какое-то время жила с ней, а потом обменяла мне свою квартиру на мою долю в наследстве. Это дало мне время окрепнуть, написать первые мои серьезные книги.

Отец был литератором, человеком с поэтическим дарованием, с глубоким творческим потенциалом, который хоть и не рас-

крылся, но сформировал его «нежную», «чуткую» душу, его уважение к интеллектуальному труду. Если мои научные работы действительно что-то значат для науки, то этот вклад я всецело разделяю со своим отцом. Он много со мной разговаривал на эти темы, он гордился моими способностями, он меня поощрял. Когда я заключила контракт с московским издательством НЦ ЭНас, а потом у меня там вышла книга «4500 базовых слов английского языка и их исторические корни», которая продавалась во многих городах России, не только в Москве, он целый месяц носил ее повсюду с собой и хвастался как ребенок. Но что самое главное, он финансировал мою учебу. Он был единственным человеком у кого нашлись средства на финансирование моего научного проекта. Сначала он помог мне перевестись в Москву, что очень много значило и для моего умственного и для социального развития. Главное у меня появился доступ к книгам, к серьезной литературе. Потом он содержал меня в Москве все время моего студенчества (мы с Роландом делили триста долларов на двоих, рента от квартиры на Плиева, которую отец сдавал финнам). Когда не хватало на книги, всегда можно было выпросить у отца. Потом он позволил мне продать эту квартиру и купить по однокомнатной мне и сестре. Долгое время я тихо жила в этой квартире на окраине города со своими чемоданами книг, привезенными из Москвы и занималась. И опять отец содержал меня. Он дал денег на необходимый ремонт, он назначил мне небольшую пенсию в 1500 руб, и себе я купила квартиру подешевле на окраине города и у меня еще оставалось немного денег. Продукты я могла брать у него, а эти небольшие деньги позволяли мне тратить все свое время на учебу. И хоть он все это время убеждал меня, что надо пойти на работу «а по вечерам писать книги и учиться», все же не мог насильно меня заставить и отказаться меня поддерживать. Так я и прожила там, на ГЭСе четыре года, в полной изоляции в окружении своих книг. Потом я продала эту квартиру и уехала продолжать учебу в Москву уже в аспирантуре. И опять отец хоть и не желал этого не смог насильно навязать мне свою волю,

только как обычно переживал о моем слабом здоровье и о том, что я не справляюсь в Москве. Если бы не отец я бы не смогла ни уехать в Москву, ни посвятить все свое время учебе и книгам. Мне пришлось бы тратить свое время на ту бездарную среду, которую сегодня представляет российская провинция, и конечно, ученым бы я уже не стала. Я бы не смогла уехать в Москву и то давление, которое создавал вокруг меня Огоев, обязательно бы меня сломало. Тот факт что у меня были средства на поездки и на учебу, было свое отдельное жилье дома и свое жилье в Москве — только этой колоссальной поддержке Романа я обязана тому, что сегодня я автор теории психической энергии, и у меня уже больше десятка книг по теме.

Я связываю большие надежды с открытием психической энергии. Я полагаю, что когда Ясперс говорил о втором осевом времени, он имел ввиду именно период, когда люди найдут знания о самих себе, это он называл становление «настоящего человека». И тогда, как говорит и Достоевский, больше не будет места трагедии в жизни человека. Образование станет качественным и доступным. Конечно, это не только моя заслуга. Энергетика Оствальда, гуманистическая психология, поле Эгосистемы Фрейда, эксперименты Милграма, антропология Леви-Брюля и Дюркгейма — много работы было проделано прежде чем знания можно было систематизировать в теорию психической энергии. Но и мой вклад велик. До сих пор никто другой не только не видит этого синтеза, но и не хочет признавать того, который сделала я в теории психической энергии. Знания о своей энергии позволят людям сохранять здоровье; сегодня разрозненные обрывки знаний не дают этой возможности, вот почему я писала об «импотенции современной психологии». Поле эгосистемы научатся идентифицировать и нейтрализовывать еще в процессе образования детей. Дети будут расти со здоровой развитой психикой. Поле интеллекта и совести, свободное от поля эгосистемы станет фундаментом здорового общества. Пространство интеллекта, которое сейчас доступно единицам, станет доступно всем или почти всем.

Величие философии Карла Ясперса о мировом историческом процессе состоит в том, что он понял вопреки преобладающему цивилизационному подходу, что развитие человечества есть единый процесс разворачивания и становления единой человеческой природы. Он начинает отсчет этого становления с так называемого осевого времени, которое понимает как «мировую ось истории», пробуждение духа и разума, пробуждение истинно человеческой природы, начало становления человека.

Он относит к осевому времени 7—8 века до нашей эры, время зарождения греческой философии, иудейских и индусских пророков, китайской философии. Он видит историю как становление духа, и в этих духовных культурах видит яркое свидетельство созревания и прорыва этой духовной энергии.

Синтез греческой философии и прозрений иудейских пророков привели к зарождению христианства, которое стало лейтмотивом западной цивилизации на протяжении долгих веков, вплоть до летоисчисления нашей эры. Так начиналось становление и развитие духа. Но Ясперс видит и не может не видеть, пережив гитлеровскую войну, что первого осевого времени было недостаточно для становления «настоящего человека», и что эра науки и техники, скорее всего есть начало, зарождение второго осевого времени, которое наконец приведет к становлению человека, к полному развитию его духовной энергии. Мы только начинаем, не раз подчеркивает он. Но он еще не знает и не видит предпосылок в современной ему науке, чтобы кто либо мог с очевидностью говорить о том, в чем, собственно, будет выражено второе осевое время.

В наше время развитие гуманистической психологии, которое шло в общем русле первого осевого времени, изучая энергию духоборчества, преодоления эгозащиты (как в христианстве или в буддизме), уже дает весьма различимые очертания той революции, которую принесет с собой второе осевое время. Для меня нет сомнений в том, что второе осевое время, которое станет вторым рубежом, образующим «ось мировой истории», станет открытие психической энергии. И тут все пророчества Яс-

перса в полной мере оправдываются: и связь с первым осевым временем и развитие второго из науки и техники. Действительно, без открытия других природных энергий, человек не был готов к открытию своей энергии. Но именно переход от поэзии и абстрактной расплывчатости гуманистической философии первого осевого времени к открытию психической энергии, как полностью научной картине человека и общества будет составлять тот качественный рубеж между первой и второй осью мировой истории.

Научная революция создала пространство обитания человеческого духа — пространство интеллекта. Дух человека движется не по земле, он движется в поисках знания, собирая их и созерцая их мощь и красоту. Страсть к науке, потребность в истине — такова основа здоровой, духовной энергии человека. И когда эти знания стали появляться, одни за другими, когда наука широко открыла свои врата и туда вломились массы голодных до знаний новых поколений, человечество незаметно для себя сменило пространство своего обитания, с физического, общего с животным миром, на интеллектуальное, выраженное в абстрактных формулах интеллекта, которые только интеллект и способен понять. Дом найден, но он основательно захламлен. Первые попытки поисков знаний, далеко не всегда удачные, привели к нагромождению многих противоречивых теорий и гипотез, засоривших пространство интеллекта. Человек желает учиться, желает жить и двигаться в пространстве интеллекта, грызет гранит науки, переходит от теории к теории, но только все больше запутывается, и вынужден топтаться на одном месте. Двигаться в пространстве интеллекта получается сегодня у очень немногих. А между тем именно это настоящий дом всякого человека. Наверное, одним из наиболее ярких примеров такого хаоса в пространстве интеллекта является та дискуссия, которая сегодня идет в философии об характеристиках «истинности бытия». Какое бытие считать подлинным, какие характеристики психики здоровьем и развитием? Даже в пределах одного только экзи-

стенциального философствования представлены две прямо противоположные точки зрения:

1. Ницше, Сартр, Хайдеггер, Шестов, Набоков стоят за отрицание разума, совести, гуманизма и проповедуют культ эгоизма, иррационализма, «апофеоза жестокости»

2. Ясперс, Камю, Достоевский, Толстой, Газданов напротив, в общем для гуманизма русле называют подлинным бытием преодоление эгоизма, невежества и мистицизма и выход к духовной энергии интеллекта и совести.

Эти две энергии в человеке действительно существуют, их испокон веков называют добром и злом, но о каком законченном становлении человека может идти речь если до сих пор доподлинно незвестно, какая же собственно из двух есть зло, а какая добро. Если на этот счет все еще идут ожесточенные споры? Ясперс и Хайдеггер, Сартр и Камю, Набоков и Газданов рассорились в свое время именно потому, что придерживались прямо противоположной точки зрения о том, что именно в человеке, поле эгосистемы или поле интеллекта и совести (если говорить терминами теории ПЭ) есть добро, а что зло.

Мало было найти Дом, важно навести в нем порядок, расчистить дороги и комнаты, чтобы сделать его пригодным для обитания. Именно в этом будет состоять миссия открытия психической энергии. Открытие законов психики раз и навсегда упорядочит знания всех социальных наук, сведя психологию и социологию к единой дисциплине теории психической энергии. Тогда встанет новая церковь, святые которой давно ждут своего признания. Это великие ученые и художники человечества: Платон, Пифагор, Сократ, Декарт, Спиноза, Русо, Эйнштейн, Ньютон, Рассел, Кьеркегор, Тесла, Максвелл, Толстой, Герцен, Достоевский, Ясперс, Кропоткин, Чехов, Ромен Ролан, Фромм, Маслоу, Хорни, Ганди и многие многие другие великие умы и таланты человечества, которые тянули развитие человечества часто в одиночку на своих плечах.

Тогда случится то, о чем пишут Ясперс и Достоевский: настанет эра становления настоящего человека, его дух получит пол-

ное развитие, энергия людей станет единым духовным резервуаром, люди станут помогать, поддерживать, сочувствовать друг другу. Вся патология эгозащиты, с ее подлостью, тщеславием, жестокостью, садомазохизмом уйдет в прошлое как страшная болезнь, о которой будет страшно вспоминать.

Сегодня авторитет науки очень высок. Интеллигенция составляет тот нерв современной цивилизации, на которой держится вся ее сила. Вы не заставите интеллигенцию, ученых и инженеров выполнять их сложный квалифицированный труд, если они придут к убеждению, что то что они делают есть зло. Потому интеллигенция составляет ту мировую народную армию, на которой держится дух прогресса и свободы, дух оппозиции грубой силе. Борьба за свободу сегодня — борьба за сочувствие мировой интеллигенции. Способность создать единую духовную силу и противопоставить ее грубой силе, которая во все века стремится к угнетению народа и к садомазохизму.

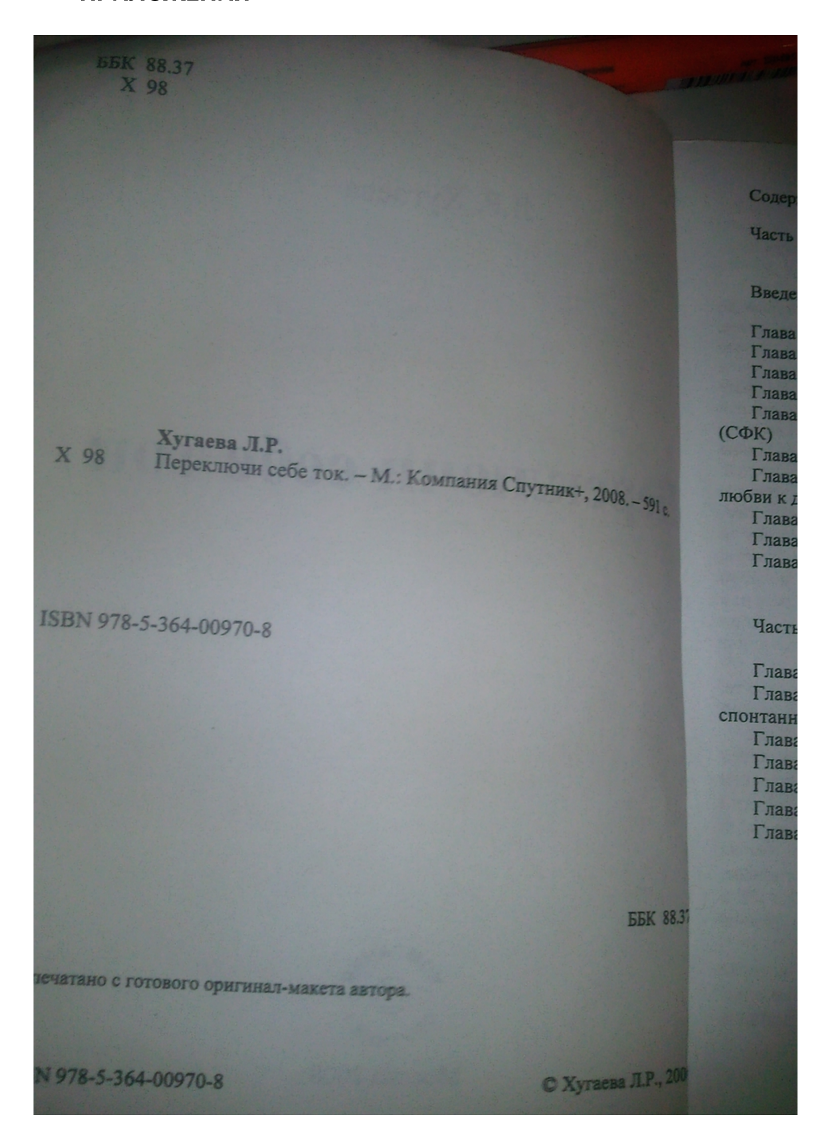
Этого тоже можно добиться только строительством пространства интеллекта в русле церкви рационализма, о которой я говорила выше. Сегодня силы интеллигенции, а значит духовной энергии человечества, распылены и разрушены, людей ничего или почти ничего не объединяет. Даже Майкл Игнатьев в книге о Правах человека старается свести всю теорию прав человека к доктрине релятивизма, к относительной ценности идеи прав человека в зависимости от конкретной политической конъюнктуры. Он не хочет признавать даже общую природу человека, и считает этот факт, чуть ли не доказанным исходя из состояния современной социальной науки. Таким образом, идея вновь становится в зависимость от силы, и силовой контроль одерживает вверх над духовной энергией.

Спартаком нашего времени станет тот кто укажет массам дорогу в пространство интеллекта, а для этого нужно обобщить и систематизировать весь тот хаотичный материал, который сегодня грудами мусора ваяется там в виде противоречивых и слишком абстрактных теорий. Я предлагаю для этих целей психическую энергию. Если вы можете доказать ее несостоя-

тельность или предложить что то лучше — это ваш святой долг по отношению к нашему общему дому, к пространству интеллекта. Если теории психической энергии удастся открыть дорогу массам в пространство интеллекта и объединить духовную энергию интеллигенции, силовой контроль будет раз и навсегда побежден.

Бертран Рассел писал в «Воздействие науки на общество», что развитие технике приведет в конечном итоге к тому, что никакой бунт станет невозможным, потому что достаточно будет поднять пару истребителей в воздух, чтобы уложить всех Спартаков и гладиаторов на месте. Это правда. И военных можно подчинить хорошими зарплатами и статусом с привилегиями. Но ведь технику, которая составляет всю силу этого общества, обслуживает интеллигенция, а это духовная энергия, которая функционирует согласно своим, сильно отличным законам. Интеллигенцию никто не заставит работать, если она будет сознавать, что поддерживает зло. И вот для этого необходимо единая духовная энергия, международное сообщество научного контроля, без которого нет и не будет никакой полноценной политики.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ББК 88.37
Х 98
Х 98
Хугаева Л.Р.
Переключи себе ток. – М.: Компания Спутник+, 2008. – 591 с.
ISBN 978-5-364-00970-8
ББК 88.37
печатано с готового оригинал-макета автора.
N 978-5-364-00970-8
© Хугаева Л.Р., 200
Содер
Часть
Введе
Глава
Глава
Глава
Глава
Глава
(СФК)
Глава
Глава
любви к д
Глава
Глава
Глава
Часть
Глава
Глава
спонтанн
Глава
Глава
Глава
Глава
Глава

РОССИЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
им Г.В.ПЛЕХАНОВА

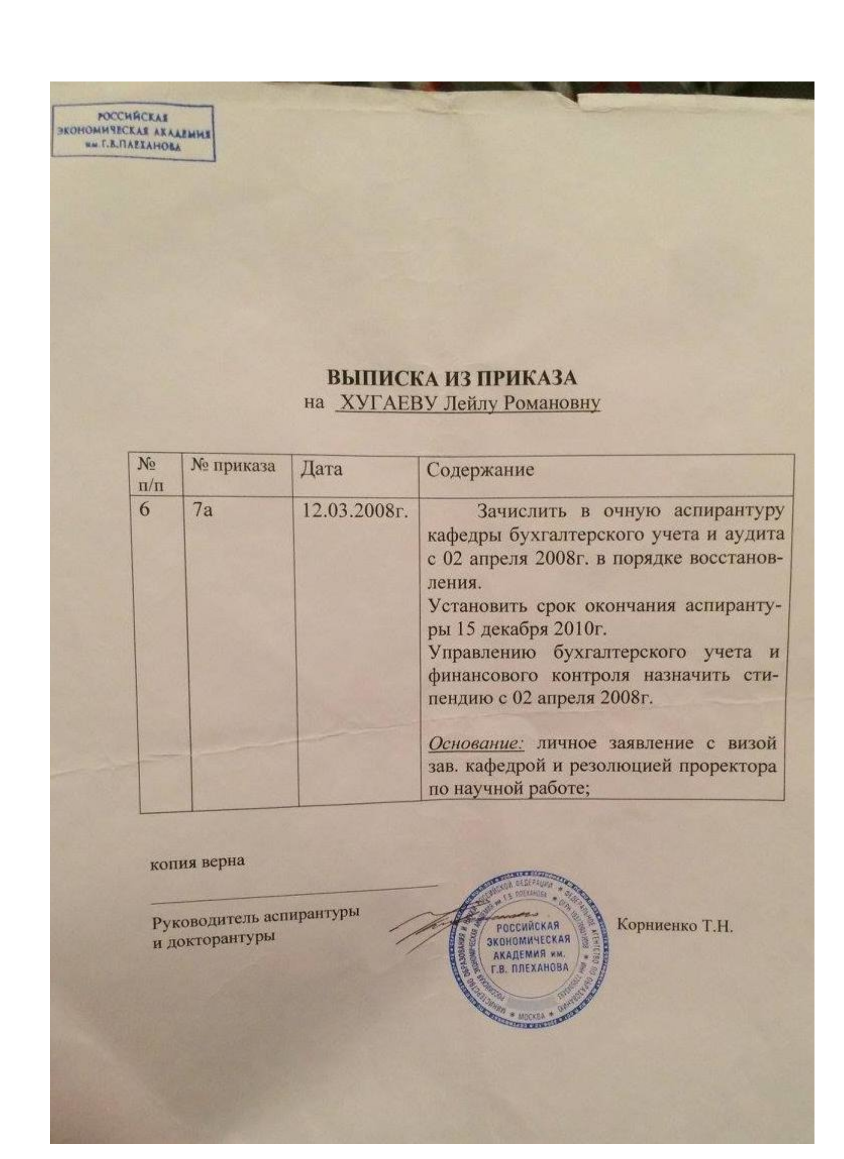
ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА

На ХУГАЕВУ Лейлу Романовну

№ п/п	№№ приказов	Дата	Содержание
49.	41а	22.09. 2005г.	Зачислить в заочную аспирантуру кафедры бухгалтерского учета и аудита сроком на четыре года с 30 октября 2005 года до 30 октября 2009 года. Основание: личное заявление с визой зав. кафедрой и резолюцией проректора по научной работе; решение приемной комиссии академии (протокол № 2 от 20.09.2005г.)
7.	16.а	26.04. 2006г.	Отчислить из заочной аспирантуры кафедры бухгалтерского учета и аудита с 29 апреля 20006г. в связи с переводом на очную форму обучения. Основание: личное заявление с визой зав.кафедрой и резолюцией проректора по научной работе.
8.	16а	26.04. 2006г.	Зачислить в очную аспирантуру кафедры бухгалтерского учета и аудита с 30 апреля 2006 года в порядке перевода из заочной аспирантуры. Установить срок окончания заочной аспирантуры – 15 декабря 2008 года. Основание: личное заявление с визой зав.кафедрой и резолюцией проректора по научной работе.
5.	9а	13.04. 2007г.	Отчислить из очной аспирантуры кафедры бухгалтерского учета и аудита с 02 апреля 2007 года по семейным обстоятельствам с правом восстановления. Основание: личное заявление с визой зав. кафедрой и резолюцией проректора по научной работе.

верно:

Начальник Управления аспирантуры и докторантуры РЭА им. Г.В. Плеханова Т. Н. Корниенко

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА

на ХУГАЕВУ Лейлу Романовну

№ п/п	№ приказа	Дата	Содержание
6	7а	12.03.2008г.	Зачислить в очную аспирантуру кафедры бухгалтерского учета и аудита с 02 апреля 2008г. в порядке восстановления. Установить срок окончания аспирантуры 15 декабря 2010г. Управлению бухгалтерского учета и финансового контроля назначить стипендию с 02 апреля 2008г. *Основание:* личное заявление с визой зав. кафедрой и резолюцией проректора по научной работе;

копия верна

Руководитель аспирантуры
и докторантуры — Корниенко Т.Н.

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ

Государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования

**«СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»**

362003, г. Владикавказ, ул. К.Маркса, 36
ОГРН 1021500508193, ИНН 1501003854, КПП 151501001
тел: (8672) 25-93-56, факс: (8672) 54-96-20,
e-mail: sogpi@mail.ru

на № __________ от ________________ 2015г.

№ 1501 от 17 марта 2015г.

Удостоверение № 1501

Выдано **Хугаевой Лейле Романовне** в том, что он(а) сдал(а) кандидатские экзамены по специальности 19.00.05 – Социальная психология и получил(а) следующие оценки:

№	*Наименование дисциплины*	*Отметка и дата сдачи*	*Фамилии, инициалы, ученая степень, звание и должность председателя и членов экзаменационной комиссии*
1.	Английский язык	отлично 22 мая 2012 г.	Председатель: Кучиева Л.А., кандидат педагогических наук, доцент, ректор; зам. председателя – Газаева Л.В., кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной работе. Члены комиссии: Гуриев Т.А. – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и иностранных языков; Масалкова Э. В. – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой английской филологии и иностранных языков; Зангиева З.Н. – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и иностранных языков.
2.	История и философия науки	отлично 03 июня 2013 г.	Председатель: Кучиева Л.А., кандидат педагогических наук, доцент, ректор; зам. председателя – Газаева Л.В., кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной работе. Члены комиссии: Ганиев Р. М. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры общих гуманитарных и социальных наук; Чеджемов С. Р. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики (КГУ, 2010, уд. № 45-СГП); Цораев З. У. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры общих гуманитарных и социальных наук; Безносов С. П. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии.
	Специальность 19.00.05 – Социальная психология	хорошо 10 июня 2014 г.	Председатель: Кучиева Л.А., кандидат педагогических наук, доцент, ректор; зам. председателя – Газаева Л.В., кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной работе. Члены комиссии: Безносов С. П. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии; Дреев О. И. – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии; Павловец Г. Г. – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития.

Выдано на основании подлинных протоколов или удостоверений о сдаче отдельных кандидатских экзаменов, хранящихся в архиве высшего учебного заведения по месту сдачи экзаменов.

Проректор по научной работе Л. В. Газаева

Заведующий аспирантурой М. С. Полежаева

Форма «Т». Титульная страница заявки в РГНФ.
Конкурс РГНФ для физических лиц 2014 года

Название проекта **Открытие Психической Энергии**	Номер проекта	**14-56-00005** 8 145600 000059	
	Тип проекта **а(ф)**		
	Область знания **06**		
	Код классификатора РГНФ **06-210**		
	Код ГРНТИ **15.21**		
Приоритетное направление развития науки, технологий и техники в Российской Федерации, критическая технология **1. Безопасность и противодействие терроризму.**			
Фамилия, имя, отчество руководителя проекта **Хугаева Лейла Романовна**	Телефон руководителя проекта **+7 9888757900**		
Общий объем финансирования проекта на 2014 г. **200000** *(руб)*	Год начала проекта **2014**	Год окончания проекта **2014**	

1. В случае поддержки проекта обязуюсь представить в РГНФ отчет в соответствующие сроки и

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Знал Хугаеву Лейлу Романовну в качестве студентки, которая обучалась в Институте финансов Российской экономической академии им. Г.В.Плеханова с 1994 по 1998 год.

За время обучения в Академии зарекомендовала себя добросовестной, дисциплинированной студенткой, совмещающей в основном отличную учебу с общественной деятельностью.

Могу характеризовать Хугаеву Лейлу Романовну, как целеустремленную, трудолюбивую, способную в кратчайшее время изучить и творчески переработать большие объемы информации. Она совмещала серьезные занятия по специальным дисциплинам с глубоким изучением английского языка и социальных наук, реализацией чего явились следующие опубликованные работы:

- «Корневые группы в английском языке» М: «НЦ ЭНАС» 2003 г.
- «4500 базовых слов английского языка и их исторические корни» М: «НЦ ЭНАС» 2005 г.
- «Теория личности, как синтез социальных наук: философия, психология, история, экономика», Владикавказ, «Проект – пресс» 2005г.

Профессор кафедры «Банковское дело»
Российской экономической академии
им. Г.В. Плеханова, д.э.н.

Басов А.И.

Подпись
удостоверяю
Ст.инсп.отд.кадров
29.04. ...г.

Правительство г. Москвы
ДЕПАРТАМЕНТ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ г. МОСКВЫ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ СКОРОЙ ПОМОЩИ
им. Н.В. СКЛИФОСОВСКОГО
(129010, Москва, Б.Сухаревская площадь, 3)
Нейрохирургическое отделение
Выписной эпикриз № 8213-15

Хугаева Л.Р. 37лет,
Поступила: 22.03.15г.
Выписана: 05.05.15г.
Койко-дни: 44

Диагноз:
Основной: 1) сочетанная травма. Осложненная многоуровневая позвоночно-спинальная травма, компрессионно-оскольчатые переломы тел Th3 и Th6 позвонков, компрессионно-оскольчатый перелом Th10 позвонка, перелом остистых отростков Th2, Th3,Th12, поперечных отростков Th4 с обеих сторон, Th7 слева, компрессионно-оскольчатый перелом тела L1 позвонка, перелом поперечных отростков L1 и L2. Ушиб спинного мозга. ASIA A. Паранефральная гематома с обеих сторон. ЗТГ: перелом 8-12 ребер справа, 11-12 ребер слева, двухсторонний гидроторакс. Гематома заднего средостения по типу пропитывания. Перелом наружной лодыжки без смещения. Ушибленные раны обеих стоп. Ушибы, ссадины туловища, конечностей.
2) острое психотическое расстройство, суицид.
Осложнения: двухсторонняя полисегментарная пневмония, трахеобронхит, неокклюзионный тромбоз вен нижних конечностей. Анемия средней степени. Нарушение функции тазовых органов по типу задержки.

Жалобы при поступлении: не предъявляет по тяжести состояния
Анамнез заболевания: со слов врача бригады СМП, 22.03.2015 около 08.30 упала с высоты 4-го этажа. Обстоятельства травмы не известны. Бригадой СМП доставлена в экстренную реанимацию НИИ СП им. Н.В. Склифосовского.
Анамнез жизни и аллергоанамнез: со слов больной аллергии на лекарственные препараты нет.
Состояние при поступлении тяжелое. Кожные покровы бледные. Дыхание в ИВЛ через интубационную трубку, ослабленное, ЧДД 15 в мин. Тоны сердца глухие, ритм правильный. ЧСС 78в 1 мин. АД 60/40 мм.рт.ст. Живот мягкий, не вздут, при пальпации без реакции со стороны пациентки. Мочеотведение по уретральному катетеру, моча красного цвета
Неврологический статус: уровень бодрствования – на фоне остаточной медицинской седации – глубокое оглушение. Пациентка открывает глаза, не выполняет команды, отмечаются периоды психомоторного возбуждения в виде движений верхними конечностями, головой. ШКГ 11 баллов. Зрачки OD=OS, фотореакция, корнеальные рефлексы сохранены. Менингеального синдрома нет. Лицо симметричное. Язык в полости рта. Рефлексы с рук и ног равные, живые. Патологических рефлексов нет. Нижняя параплегия.
Местно: следов травмы на голове нет; при пальпации грудной клетки, шейного, верхнегрудного отделов позвоночника отмечается двигательная реакция пациентки; при пальпации отмечается крепитация грудной клетки слева; мелкие ссадины в проекции грудной клетки слева, поясничной области слева; открытые раны пяточных областей.
КТ головного мозга и шейного отдела позвоночника 22.03.15г.: костно-травматической патологии нет.
КТ грудного отдела позвоночника 22.03.15г.: нестабильные компрессионно-оскольчатые переломы тел Th3 и Th6 позвонков со снижением высоты на 73 и 68% соотв., сужением позвоночного канала на 35% и 61% соотв., компрессионно-оскольчатый перелом Th10 позвонка без компрессии структур позвоночного канала, перелом остистых отростков Th2, Th3,Th12, поперечных отростков Th4 с обеих сторон, Th7 слева.
КТ поясничного отдела позвоночника 22.03.15г.: компрессионно-оскольчатый перелом тела L1 позвонка с сужением позвоночного канала на 46%, перелом поперечных отростков L1 и L2.

Рентгенография левой голени 22.03.15г.: перелом наружной лодыжки без смещения.

Рентгенография грудной клетки 22.03.15г.: перелом 8-12 ребер справа, 11-12 ре слева, гидроторакс слева.

УЗИ органов брюшной полости, плевральных полостей и забрюшинного пространства 22.03.15г.: паранефральная гематома с обеих сторон, двухсторонний гидроторакс.

22.03.2015г. выполнена ПХО ран обеих стоп. Произведена иммунопрофилактика столбняка (АС/ПСС).

ЭКГ от 23.03.15г.: умеренные изменения миокарда.

КТ грудной клетки 24.03.15г.: множественные переломы ребер с обеих сторон (1,10 слева, 9,10 справа), геморрагическое пропитывание клетчатки, гидроторакс справа 124 см3, слева 309 см3).

Пациентке с тяжелой сочетанной травмой, в том числе -многоуровневой позвоночно-спинальной травмой, учитывая нестабильный характер переломов Тн3, Тн6, L1 позвонков, осложненный характер травмы, сохраняющееся смещение отломков тел позвонков и сужение позвоночного канала с компрессией невральных структур, была показана экстренная декомпрессивно-стабилизирующая операция., однако учитывая тяжесть состояния больной, сопутствующую постгеморрагическую анемию (гемоглобин 84 г/л), выраженные изменения в коагулогических показателях (тромбоциты 112 $x10^9$ /л, МНО 1,6, протромбин 43%), предполагаемый большой объем операции и высокую предполагаемую интраоперационную кровопотерю а также длительное нахождение пациентки на животе во время операции на фоне множественных повреждений грудной клетки, риск интра- и постоперационных осложнений превышал возможную пользу.Соответственно, проведение декомпрессивно-стабилизирующей операции было временно отложено до стабилизации состояния пациентки и нормализации лабораторных показателей.

25.03.2015г. для снижения риска гнойно-септических осложнений ввиду продленной ИВЛ. больной выполнена нижняя трахеостомия.

Несмотря на проводимое лечение состояние пациентки осложнилось развитием двусторонней полисегментарной пневмонии.

Рентгенография грудной клетки от 30.03.15г.: инфильтративные изменения с обеих сторон.

На фоне проводимой интенсивной терапии состояние пациентки с выраженной положительной динамикой в виде регресса явлений пневмонии, в анализах крови от 10.04.15г.: МНО – 1,58, ПТ – 43,6%, Hb – 92 г/л, plt – $444x10^9$/л.

При рентгенография легких от 13.04.15г.: сохраняется остаточная воспалительная инфильтрация в прикорневых отделах.

УЗИ вен нижних конечностей от 13.04.15г.: тромбоза вен не выявлено.

Таким образом, учитывая стабилизацию состояние пациентки, с целью декомпрессии спинного мозга, активизации пациентки, профилактики гнойно-септических осложнений было решено провести декомпрессивно - стабилизирующую операцию.

Учитывая наличие у пациентки многоуровневой позвоночно-спинальной травмы, нестабильный характер переломов Th3, Th6, L1 позвонков, стабилизация одномоментно трех уровней представляет собой слишком тяжелую интропеорационную травму и связано с высоким риском развития послеоперационных осложнений, операцию решено провести в несколько этапов.

14.04.15г. первым этапом оперативного вмешательства выполнена ламинэктомия Th3 Th6 и частично Th5. Декомпрессия спинного мозга. Транспедикулярная фиксация Th7-8, Th4-5 крючковая фиксация Th1-Th2 системой «Остеомед».

В послеоперационном периоде отмечался реактивный нейтрофильный плеоцитоз, по данным анализа ликвора от 18.04.2015г. цитоз – 2219 кл. в мкл.

18.04.2015г. установлен люмбальный дренаж, проводилась антибактериальная терапия.

При анализе ликвора от 28.04.15г. нейтрофильный плеоцитоз разрешился (цитоз 33 в мкл), люмбальный дренаж удален.

28.04.2015г. по стабилизации состояния и после консультации психиатра больна переведена в нейрохирургическое отделение, где продолжена консервативная терапия.

В общем анализе крови от 26.04.2015 сохраняется анемия (Hb – 88 г/л гипоальбуминемия.

Консультирована трансфузиологом, назначено лечение.

Клинико-инструментальная картина больной обсуждена на конференции нейрохирургов: учитывая тяжесть состояния больной, имеющиеся гемопоэтические и белковые нарушения, риск выполнения второго этапа декомпрессивно-стабилизирующей операции превышает возможную пользу. Операция будет выполнена в отсроченном порядке через 2-3 месяца после стабилизации клинико-лабораторных показателей.

В нейрохирургическом отделении проведено: лечение и обследование согласно Московским медицинским стандартам.

На момент выписки общее состояние средней степени тяжести, кожные покровы бледные, обычной окраски и влажности. Дыхание самостоятельное, через естественные дыхательные пути, ЧДД 16 в мин. Тоны сердца ритмичные, Ps 74 в минуту, АД 110/70мм. рт. ст. Живот мягкий, перистальтика сохранена, мочеиспускание по уретральному катетеру, моча макроскопически не изменена.

Неврологический статус: ясное сознание, ориентирована в месте и времени. Зрачки D=S, фотореакции и корнеальные рефлексы сохранены. Лицо симметричное. Мышечный тонус снижен в нижних конечностях. Мышечная сила в верхних конечностях не снижена. Активных движений в нижних конечностях нет. Тотальная анестезия ниже уровня иннервации Th4. Менингеального синдрома нет. Нарушению функции тазовых органов по типу задержки.

Местно: -послеоперационный рубец без признаков воспаления.

- Трахеостомическое отверстие зажило вторичным натяжением.

-Пролежней и трофических нарушений на коже нет.

УЗДГ вен нижних конечностей от 27.04.2015г.: неокклюзионный тромбоз суральных вен слева.

В анализах крови сохраняется анемия, гипоальбуминемия.

Пациентка активизирована в пределах кровати.

Больная с момента поступления наблюдалась психиатром: острое психотическое расстройство, суицид, назначено лечение.

Лабораторные данные:

Клинический анализ крови от 26.04.2015 г.: гемоглобин – 88г/л; эр. - 2,92 x 10^{12}; лейк.- 12,2 x 10^9; тромбоциты – 511 x 10^9.

Биохимический анализ крови от 26.04.2015 г.: общий белок – 54,67 г/л, альбумин – 25 г/л; глюкоза 6,59 ммоль/л; мочевина – 6,12 ммоль/л;

Клинический анализ мочи от 26.04.2015 г.: плотность 1,010, pH 5,0, лейкоциты 15-20 в п/зр, эритроциты 5-6 в п/зр., белок – 0,16 г/л., глюкоза – отр.

Коагулологический анализ крови от 26.04.2015 г.: МНО 1,55, ПТ 44,5, АПТВ 44,6 с.

Анализы крови на RW, HCV, HIV, HbsAg отрицательные.

Группа крови O (I) – первая, **резус-фактор** – положительный.

Выписывается на амбулаторное наблюдение невролога, психиатра, травматолога, уролога, хирурга по месту жительства.

Явка в поликлинику 06.05.15 г.

Доза лучевой нагрузки: 21,19 мЗв.

Рекомендовано:

1)Строгий постельный режим

2)КТ поясничного отдела позвоночника через 2 мес.

3)ЛФК, массаж, дыхательная гимнастика;

4)Мильгамма по 1 драже 2 раза в день 1 месяц;

5) Актовегин по 1 таблетке3 раза в сутки 1 месяц.

6) Сервитель по 100 мг 2 раза в сутки.

7) Клексан по 20 мг 2 раза в сутки п/к под контролем коагулограммы.

8) Сорбифер по 1 таблетке 2 раза в сутки 2 недели.

9) Эластическое бинтование нижних конечностей.

10) УЗДГ вен нижних конечностей через 1 месяц.

11) Контроль клинических анализов крови (ОАК, общий белок, альбумин) через 1 месяц.

И.о.зав. НХО **Ховрин Д.В.**

Лечащий врач **Павлова Е.А.**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (МИНОБРНАУКИ РОССИИ)

Департамент развития приоритетных направлений науки и технологий

Тверская ул., д. 11, Москва, ГСП-3, 125993.
Тел. (495) 629-03-64 Факс (495)629-50-75
E-mail: d14@mon.gov.ru

27.06.2013 № 14ПГ-МОН-13656

Л.Р. ХУТАЕВОЙ

E-mail: lekhugaeva@yndex.ru

Уважаемая Лейла Романовна!

Департамент развития приоритетных направлений науки и технологий Министерства образования и науки Российской Федерации рассмотрел Ваше обращение с сообщением о разработке проекта, связанного «с открытием Психической Энергией» поступившее из Администрации Президента Российской Федерации, и сообщает.

Для дальнейшей поддержки вышеуказанного проекта рекомендуем Вам обратиться в Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) (по адресу:123557, Россия, Москва, ул. Пресненский вал,17), основной целью которого является государственная поддержка развития гуманитарных наук, преумножение накопленных научных знаний и широкого распространения их в обществе.

Фонд поддерживает научные исследования во всех областях гуманитарного знания: философии, политологии, социологии, науковедению, праву, экономики, истории, археологии, этнологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогики, комплексным проблемам изучения человека.

Поддержка научных проектов осуществляется на основании тщательной многоэтапной научной экспертизы. Проведение конкурсного отбора лучших научных проектов из числа тех, что представляются Фонду учеными в

14ПГ-МОН-13656

инициативном порядке, позволяет осуществить последующее организационно-финансовое обеспечение поддержанных проектов.

Подробнее с деятельностью РГНФ можно познакомиться на официальном сайте Фонда: www:grant.rfh.ru.

Заместитель директора Департамента А.П. Антропов

Калинина Н.Ю.
(495) 629-03-64

14ПГ-МОН-13656

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (МИНОБРНАУКИ РОССИИ)

Департамент науки и технологий

Тверская ул., д. 11, Москва, 125993.
Тел. 629-03-64.
E-mail: d14@mon.gov.ru

18.09.2013 № 14-ПГ-МОН-22314

Л.Р. ХУГАЕВОЙ

lekhugaeva@yandex.ru

Уважаемая Лейла Романовна!

Департамент науки и технологий Министерства образования и науки Российской Федерации по поручению Администрации Президента Российской Федерации рассмотрел Ваше обращение и благодарит за присланные материалы.

Заместитель директора Департамента А.П. Антропов

Калинина Н.Ю.
(495)629-03-64

14-ПГ-МОН-22314

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель «Этика» М: Астрель, 2011

2. Аристотель «Политика» М: Астрель 2011

3. Аристотель «О душе»

4. Мельников С. Введение в философию Аристотеля. Rosebud Publishing 2018

5. Лосев А. Ф. Аристотель И: Молодая гвардия 2014

6. Пейн Т. Здравый смысл

7. Пейн Т. Век Разума И: Академия наук СССР 1959

8. Басинский П. «Лев Толстой. Бегство из рая» М: Астрель 2011

9. Толстой Л. Н. Повести и рассказы М: Детская литература, 2011

10. Толстой Л. Исповедь. О жизни. Азбука-классика 2009

11. Толстой Л. «Царство Божие внутри вас» 2011

12. Толстой Л. Соединение и перевод четырех Евангелий М:T8RUGRAM, 2017

13. Толстой Л. Исследование догматического богословия Editorial URSS 2016

14. Плутарх Сравнительные жизнеописания СПб Азбука 2012

15. Плутарх Исида и Осирис М: Эксмо 2007

16. Плутарх Избранные жизнеописания в 2 т. И: Правда 1987

17. Вольтер Философские повести М: Астрель 2011

18. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации СПб Наука 2009

19. Фишер Куно Фихте И: Русского христианского гуманитарного института 2004

20. Фишер Куно От Канта до Фихте И: Ленанд 2006

21. Гегель Г. Философия духа Эсксмо 2016

22. Гегель Г. Феноменология духа Академический проект 2016

23. Ницше Ф. Так говорил Заратустра М: Астрель 2011

24. Ницше Ф. Воля к власти И: Азбука классика 2010

25. Ницше Ф. Генеалогия морали И: Азбука аттикус 2011

26. Ницше По ту сторону добра и зла Спб: Азбука-классика 2009

27. Шестов Л. Достоевский и Ницше. Апофеоз беспочвенности И: Азбука аттикус 2016

28. Фрейд З. Письма к невесте СПб Азбука 2011

29. Фрейд З. Неудобства культуры СПб Азбука-классика 2010

30. Фрейд З. Психоаналитические этюды Мн: Попурри 1997

31. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности И: Лениздат, Команда А 2013

32. Фрейд З. Будущее одной иллюзии И: Фолио 2013

33. Фрейд З. Тотем и табу И: Лениздат Команда А 2013

34. Фрейд З. Я и Оно И: Эксмо 2016

35. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия АСТ 2015

36. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я АСТ 2018

37. Katharine Tait My father Bertrand Russell New York and London 1975

38. Bertrand Russell, Autobiography London Allen&Unwin 1975

39. Russell B. «The conquest of happiness» (London Allen & Unwin, 1930)

40. Russell B. «Political ideals»

41. Russell B. «The Power» London Allen & Unwin, 1938

42. Рассел Б. Автобиография. Выдержки.

43. Russell B. Education and the social order First published in the Routledge Classics in 2010 by Routledge, London and New York

44. Рассел Б. Практика и теория большевизма И: Наука 1991

45. Рассел Б. Брак и мораль И: Крафт 2004

46. Russell B. The authority and the individual Routledge, London and New York, 1995

47. Рассел Б. «История западной философии» Новосибирск. НГУ 1997

48. Russell B.«Proposed roads to freedom»

49. Рассел Б. Избранные труды Сибирское университетское издательство 2009
50. Данте А. Божественная комедия М: Эксмо 2009
51. Платон Диалоги М: Астрель 2012
52. Платон Государство И: Эксмо 2018
53. Платон и его эпоха. Статьи. Изд: Наука 1979
54. Гоголь Н. В. Мертвые души М: Дрофа 2012
55. Гоголь Н. В. Петербургские повести М: АСТ Астрель 2011
56. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства СПб Азбука 2010
57. Руссо Жан-Жак Исповедь М: Астрель 2011
58. Руссо «Эмиль, или о воспитании» И: Книговек 2018
59. Руссо Жан Жак Об общественном договоре М: КАНОН — ПРЕСС-Ц 1998
60. Захер-Мазох «Венера в мехах» СПб Азбука 2012
61. Гете И. В. Фауст СПб Азбука 2011
62. Гете И. В. Поэзия и правда М: Захаров, 2003
63. Гете И. В. Страдания юного Вертера И: Детская литература 1982
64. Морозова Е. Маркиз де Сад М: Молодая гвардия 2007
65. Сад Жюстина или несчастья добродетели СПб Азбука-классика 2008
66. Сад Преступления любви СПб Азбука-классика 2008
67. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой набор, в 2-х томах, М: ТЕРРА — Книжный клуб, 2009
68. Ленин В. И. «Материализм и эмпириокритизм» М: Издательство политической литературы 1984
69. Ленин В. И. Теория насилия М: Алгоритм 2007
70. Фридрих Гернек «Пионеры атомного века» 1974
71. Хайдеггер М. Бытие и время Москва: Академ. проект, 2011
72. Оствальд В. Философия Природы СПб 1903
73. Лауэ Макс История физики Москва 1956
74. Мах Эрнст Познание и заблуждение Москва 2003
75. Маркс К. Капитал 1985

76. Фромм Э. Человек для себя Мн: Коллегиум, 1992
77. Фромм Э. Искусство любить М: АСТ, 2010
78. Фромм Э. Здоровое общество М: АСТ, 2005
79. Фромм Э. Иметь или быть? М: АСТ, 2000
80. Фромм Э. Величие и ограниченность Фрейда М: АСТ, 2000
81. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М: АСТ, 1998
82. Адлер А. Наука жить Киев 1997
83. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии
84. Адлер А. Понять природу человека Спб 1997
85. Адлер А. О нервическом характере АСТ 1997
86. Адлер А. Воспитание детей Ростов на Дону 1998
87. Маслоу А. Мотивация и личность Спб Питер 2003
88. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы М: Смысл 1999
89. Маслоу А. Психология Бытия М: 1997
90. Франкл В. Человек в поисках смысла М: Прогресс 1990
91. Франкл В, Психолог в концлагере (Сказать жизни да) М: Смысл 2004
92. Франкл В, Доктор и душа Спб: Ювента 1997
93. Олпорт Г. Становление личности М: Смысл 2002
94. Роджерс К. О становление личности Киев 2004
95. Роджерс К. Психология супружеских отношений М: Изд-во Эксмо, 2002
96. Роджерс К. Консультирование и психотерапия
97. Левин К. Динамическая психология М: Смысл 2001
98. Юнг К. Сознание и бессознательное: сборник. Спб: Университетская книга, 1997
99. Юнг К. Архетип и символ СПб: Ренессанс 1991
100. Юнг К. Проблемы души человека
101. Хорни К. Невроз и личностный рост Спб ВЕИП, 1997
102. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство Москва, Академ. проект 2001

103. Леви — Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. «Педагогика — пресс». 1994.

104. Мади С, Теории личности. Издательство: С. Пб. 2002.

105. Хъелл. Л. Зиглер Д. Теории личности. С. Пб. Питер.1999.

106. Ходжсон Д. Экономическая теория и институты. М: Издательство «Дело» 2003.

107. Спиноза Этика М, Хар, 1998

108. Спиноза Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье М, Хар, 1998

109. Спиноза Богословско-политический трактат Минск Литература 1998

110. Делез Жиль Эмпиризм и субъективизм. Кант. Бергсон. Спиноза. ПЕР СЕ 2001

111. Беляев В. А. Лейбниц и Спиноза Изд: Наука 2007

112. Коников И. А. Материализм Спинозы Наука 1971

113. Свифт Д. «Путешествия» Лемюэля Гулливера СПб Азбука 2013

114. Ганди М. «Моя жизнь» СПб: «Лениздат», «Команда А», 2012

115. Gandhi M. «My experiments with truth», US Beacon Press, 1993

116. Перкинс Исповедь экономического убийцы Москва Претекс 2005

117. Тетчер Искусство управления государством Москва, Альпина Паблишер, 2003

118. Васильев Л. С. История Востока М Высшая школа 2005

119. Людвиг Э. Наполеон М. Вагриус 1998

120. «Built to last» by Jerry I. Porras and James C. Collins HarperBusiness 1994

121. «Good to Grate» by James C. Collins HarperBusiness 2001

122. Юнге Таудль Воспоминания секретаря Гитлера

123. Хлебников П. Крестный отец Кремля. Борис Березовский или история разграбления России. М. Детектив-Пресс 2001

124. Макиавелли Н. Государь М: Эксмо 2009

125. Грин 48 законов власти «РИПОЛ классик»; М; 2005

126. Грин Искусство обольщения «РИПОЛ классик»; М; 2005
127. Мортон Э. История Моники М: ФОРУМ, ИНФРА-М, 1999
128. Дробанская — Ландау К. «Как мы жили». Воспоминания.
129. Бинг С. Как бы поступил Макиавелли?
130. Хитченс К. Томас Пейн Права человека
131. Блекберн С. Платон Республика
132. Браун Д. Дарвин Происхождение видов
133. Вин Ф. Маркс Капитал
134. Milgram S. Obedience to authority: an experimental view NY: Harper Perennial Classic, 1983
135. Майерс Д. Психология Минск Попурри 2008
136. Майерс Д. Социальная психология Спб: Питер 2009
137. Аронсон Э. Общественное животное Спб: Прайм-Еврознак 2006
138. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог СПб. Гуманитарное агенство «академический проект». 1999
139. Ясперс К. Смысл и назначение истории Издательство политической литературы 1991
140. Ясперс К. Общая психопатология И: КоЛибри 2019
141. Кемпинский А. Психология шизофрении СПб. Ювента 1998
142. Критская В. П. Мелешко Т. К. Поляков Ю. Ф. Патология психической деятельности при шизофрении. М. МГУ 1991
143. Каплан Г. И. Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия М. Медицина 1994.
144. Под ред. Р. Дж. Энсилла, С. Холлидея, Дж. Хигенботтема Шизофрения. Изучение спектра психозов. М. Медицина 2001
145. Сост. И общ. Редакция Н. В. Тарабриной Клиническая психология СПб Питер 2000
146. Гурьева В. А. Гиндикин В. Я. Раннее распознавание шизофрении. М: «Высшая школа психологии» 2002
147. Цвейг С. Ф. Ницше З. Фрейд СПб. Азбука-классика 2001.

148. Каменева Е. Н. Теоретические вопросы психопатологии и патогенеза шизофрении М. Медицина 1970

149. Под ред. Ю.Б Гиппенрейтер, В. Я. Романова Психология индивидуальных различий, МГУ АСТ, 2008

150. Ганнушкин П. Б. Клиника малой психиатрии

151. Леонгард К. Акцентуированные личности

152. Кречмер Э. Строение тела и характер

153. Кречмер Э. Гениальные люди Москва 1998

154. Ильин Е. П. Эмоции и чувства СПб 2001

155. Кьеркегор С. Или-Или СПб: Амфора 2011

156. Кьеркегор С. Болезнь к смерти Москва, Республика, 1996

157. Под. Ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман Психология мотивации и эмоций М: АСТ 2009

158. Сартр Бытие и ничто М: Республика, 2000

159. Сартр Тошнота СПб: Азбука — классика 2006

160. Сартр Дьявол и Господь Бог

161. Юровская Э. П. Жан-Поль Сартр Жизнь, философия, творчество, СПб: Петрополис, 2006

162. Сартр Экзистенциализм — это гуманизм

163. Сартр За закрытыми дверями

164. Сартр Ж-П Слова

165. Феофраст «Характеры» СПб: Азбука-классика, 2010

166. История теоретической социологии, в 4-х томах, под ред. Ю. Р. Давыдова, М: Канон, 1997 г

167. Под ред. В. И. Кузищина История Древней Греции М. Высшая школа 1996

168. Сост. К. В. Паневин. Под ред. Н. В. Волковского История Древнего Рима СПб. Полигон 1998

169. Гренвилл Дж. История 20 века. М. Аквариум 1999

170. Под ред. А. З. Манфреда История Франции. В 3 т. М. Наука 1973

171. Под ред. С. Д. Сказкина История Византии. В 3 т. М. Наука 1967

172. Под общ. Ред. В. И. Голубовича Экономическая история зарубежных стран Минск НКФ «Экоперспектива» 1996

173. Под ред. Н. А. Крашенниковой и О. А. Жидкова История государства и права зарубежных стран М. Издательская группа Норма-Инфра-м 1998
174. Под ред. Н. С. Нерсесянца История политических и правовых учений М. Норма-Инфра 1998
175. М. Блауг Экономическая мысль в ретроспективе М. ДелоЛтд 1994
176. Ядгаров Я.С, История экономических учений М. Экономика 1996
177. Сост. И. А. Столяров Антология экономической классики. В2т. М. Эконов-Ключ 1993
178. Горбачев М. С. Размышления о прошлом и будущем М. Терра 1998
179. А.Н.Бадак, И.Е.Войнич, Н.М.Волчек, и др. Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век. Мн: Харвест, М: АСТ 1999
180. Хрущев Н. Воспоминания М. Вагриус 1997
181. Коуз Р. Фирма, рынок право, М.: Новое издательство, 2007
182. Бовуар С. «Второй пол», Москва — СПб: Издательская группа «Прогресс», 1997
183. Simone de Beauvoir «Second sex», London, 1956
184. Кропоткин П. «Записки революционера» М: Мысль 1990
185. Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал СПб: Азбука, 2017
186. Кропоткин П. Великая Французская Революция М: Наука 1979
187. Кропоткин П. Этика Юрайт 2019
188. Кропоткин П. Государство и его роль в истории И: Женева 1904 (репринт 2012)
189. Кропоткин П. Нравственные начала анархизма И: Лондон 1907 (репринт 2012)
190. Кропоткин П. Анархия и нравственность АСТ 2018
191. Кропоткин П. Современная наука и анархизм И: Книгоиздательство Иванова 1906 (репринт 2012)

192. Философия России: Петр Кропоткин, под ред: И. И. Блауберг М: РОССПЭН 2012

193. Поппер К. Открытое общество и его враги, в 2-х томах, М: Феникс, 1992

194. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. Едиториал УРСС 2002

195. Герцен А. Былое и думы СПб: Лениздат, 2013

196. Герцен А. Кто виноват? Роман. Повести. Статьи. М: Эксмо, 2013

197. Герцен А. С того берега Вольная Руская Книгопечатня 1855 (репринт 2012)

198. Чернышевский Н. Что делать? СПб: Азбука, 2013

199. Чернышевский Н. Лессинг И: T8RUGRAM 2018

200. Лессинг Г. Избранное Художественная литература 1980

201. Тургенев И. Дворянское гнездо. Романы. М: Эксмо, 2009

202. Тургенев И. Дневник лишнего человека

203. Милль Дж. С. Автобиография М: Либроком, 2013

204. Милль Дж О гражданской свободе Либроком 2017

205. Милль Дж Рассуждения о представительном правлении Социум 2017

206. Милль Дж. Система логики силлогической и индуктивной Ленанд 2011

207. Петрушевский Д. Великая хартия вольностей Социум 2016

208. Чаадаев П. Философические письма

209. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. Москва: Наука, 1996

210. Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве СПб: Алетейа 2000

211. Новгородцев П. Лекции по истории философии права М: КРАСАНД, 2011

212. Кафка Ф. Процесс, Москва: Эксмо, 2013

213. Давид К. Франц Кафка, М: Молодая гвардия 2008

214. Клинтон Билл Моя жизнь Москва, Альпина, 2005

215. Шлезингер Артур-мл, Циклы американской истории, Москва: Прогресс, 1992

216. Хомский Ноам Новый военный гуманизм: Уроки Косово, Москва: Праксис, 2002

217. Хомский Ноам, Государство будущего, Москва: Альпина фон никшен, 2012

218. Хомский Н Системы власти М: КоЛибри, Азбука-атикус, 2014

219. Хомский Н. Картезианская лингвистика Либроком 2010

220. Суриков И, Пифагор, Москва: Молодая гвардия 2013

221. Рэнд А. Добродетель эгоизма Москва, 2015 Альпина паблишер

222. Рэнд А. Атлант расправил плечи Москва 2015 Альпина паблишер

223. Малюгин Л. Гитович И. «Чехов» М: Советский писатель, 1983

224. Так говорил Ландау Феникс 2014

225. Так говорил Эйнштейн Феникс 2014

226. Эйнштейн А. Собрание научных трудов Том 4 Эволюция физики М: Наука 1967

227. Эйнштейн А. Цитаты и афоризмы. Изд: КоЛибри, Азбука — Аттикус, 2015

228. Эйнштейн А. «Сумасшедший я или мир вокруг меня», Рассел Б. «В этом безумном мире» Алгоритм 2020

229. Эйнштейн А. Как изменить мир к лучшему» И: Алгоритм 2013

230. Кумар Манжит Квант. Эйнштейн, Бор и великий спор о природе АСТ 2013

231. Уеллс Г. Люди как боги

232. Хофман Б. Альберт Эйнштейн Творец и бунтарь М: Прогресс 1983

233. Чехов А. Собрание сочинений в 8 томах Правда 1970

234. Спенсер Г. Социальная статика Киев 2013 Гама-Принт

235. Спенсер Г. Личность и государство И: Социум 2020

236. Спенсер Г. Этика общественной жизни Социум 2015

237. Спенсер Г. Научные основания нравственности ЛКИ 2013
238. Стоун О. Интервью с Владимиром Путиным М: Альпина паблишер 2017
239. Милль Джон «Огюст Конт и позитивизм» М: ЛКИ 2017
240. Стоун О, Кузник П., Нерассказанная история США М: Ко-Либри, Азбука-атикус 2016
241. Соловьев В., Революция консерваторов М: «Э», 2017
242. Конт Огюст Общий обзор позитивизма М: Либроком 2016
243. Конт О. Дух позитивной философии 2016
244. Бакунин М., Философия, социология, политика М: Правда, 1989
245. Цицерон М. О государстве, О законах М: Академический проект 2016
246. Гоббс Т, Левиафан М: РИПОЛ Классик 2017
247. Прудон П Что такое собственность? М: КРАСАНД 2017
248. Оруэлл Дж «1984» М: АСТ 2017
249. Хайек Ф. Дорога к рабству М: Новое издательство, 2005
250. Льюис Д. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера М: Прогресс 1981
251. Вебер М. Власть и Политика М: Рипол Классик 2017
252. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма И: T8RUGRAM 2018
253. Вебер М. Политика как призвание и профессия Рипол Классик 2018
254. Тойнби А. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве. М: Харвес, АСТ 2009
255. Тойнби А. Постижение истории М: Айрис-пресс 2002
256. Шпенглер О. Закат Европы М: Юрайт 2017
257. Гулыга А. Гегель М: Молодая гвардия 2008
258. Гулыга А. Кант М: Молодая гвардия 1977
259. Адорно Т. Исследование авторитарного характера, Изд: Профит Стайл, Серебряные нити, 2016
260. Грачев Н Происхождение суверенитета. М: ЛЕНАНД 2018

261. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни М: ДЕЛО 2018

262. Токвиль А. Старый порядок и революция ИД «Социум» 2017

263. Лютер М. О свободе христианина М: ARC 2013

264. Саймонс Дж Карлейль М: Молодая гвардия 1981

265. Карлейль Т. Теперь и прежде И: Республика 1994

266. Соловьев Е. Оливер Кромвель М: Республика 1994

267. Декарт Р. Рассуждения о методе СПб: АЗБУКА 2017

268. Асмус В. Ф. Рене Декарт Госполитиздат 1956

269. Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума М: ЛИБРОКОМ 2011

270. Заиченко Г. А. Локк Изд: Мысль 1988

271. Локк Джон Два трактата о правлении М: Социум 2014

272. Фуко М. Археология знания Изд. Гуманитарная академия 2012

273. Фуко М. История безумия в классическую эпоху

274. Бэкон Ф. Новый органон Изд: Рипол Классик 2018

275. Юм Д. О человеческой природе Изд: Азбука 2017

276. Юм Д. Исследование о человеческом разумении И6 Эксмо 2018

277. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания Изд: Академический Проект, Мир 2016

278. Лауэ М. История физики Гостехиздат 1956

279. Кант И. Критика практического разума Эксмо, 2015

280. Кант И. Критика чистого разума Эксмо 2015

281. Кун Т. Структура научных революций М: Аст, 2009

282. Мудрость Ганди: Мысли и изречения © Homer A. Jack, 1951, 1979 © Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015

283. Мутаххари Муртаза Иран и ислам И: Петербургское востоковедение 2008

284. Хорри П. Чиппендейл К. Что такое ислам? И: Амфора 2007

285. Кардини Франко Европа и ислам И: Александрия 2016

286. Массе Анри Ислам 1982
287. Георгиевский С. Принципы жизни Китая И: Ленанд 2015
288. Торчинов Е. Введение в буддизм Азбука 2020
289. Шапошников А. Заратустра Эксмо 2002
290. Под ред Рака И. Авеста в русских переводах И: Журнал Нева, Летний сад, 1998
291. Хайам Омар Рубайат Наука 1972
292. Шураки А. История иудаизма АСТ 2008
293. Августин Аврелий О граде Божьем в 2т. 2006
294. Трубецкой Е. Философия христианской теократии в пятом веке. Учение Августина Блаженного о граде Божием И: Либроком 2012
295. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций И: АСТ 2017
296. Тауфик Ибрагим Коранический гуманизм И: Медина 2015
297. Аль-Газали И: Возрождение наук о религии Махачкала Нуруль Иршад 2011
298. Дильтей Вильгельм Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации И: Центр гуманитарных инициатив 2013
299. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе Три квадрата 2004
300. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир М: АСТ 2019
301. Камю А. Бунтующий человек М: Издательство политической литературы, 1990
302. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. Едиториал УРСС 2002
303. Леви-Стросс Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль М: Академический проект, 2008
304. Леви-Стросс Печальные тропики АСТ 2018
305. Леви-Стросс Мифологики Флюид Фрифлай 2007
306. Леви-Стросс Клод, Эрибон Дидье Издалека и вблизи И: Ивана Лимбаха 2018
307. Клейн Лев История антропологический учений Издательство СПбГУ 2014

308. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов М: ИРИСЭН, Социум, 2009
309. Санд Жорж, Спиридион Изд. Текст, 2004
310. Моруа А. «Лелия или жизнь Жорж Санд», Изд. Беларусь, 1983
311. Пузиков А. «Портреты французских писателей», М: Изд. Художественной литературы, 1981
312. Дидро Д. Монахиня Племянник Рамо Художественная литература 1960
313. История в энциклопедиях Дидро и д Аламбера. Наука 1978
314. Золя Э. Творчество И: Онер 1984
315. Флобер Г. Воспитание чувств Азбука 2018
316. Флобер Г. Госпожа Бовари Азбука 2012
317. Гайто Газданов в 3 т. И: Согласие 1996
318. Набоков В. Лекции о русской литературе Азбука 2020
319. Набоков В. Лекции о зарубежной литературе Азбука 2020
320. Роллан Ромен Жизни великих людей Бетховен. Микеланджело. Толстой. Вышейшая школа 1985
321. Роллан Ромен Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды И: Экополис и культура 1991
322. Роллан Ромен Вселенское Евангелие Вивекананды Самарский дом Печати
323. Древние тексты Вед М: Амрита 2013
324. Гири Свами Вишну Ведические боги и их символы М: Амрита 2012
325. Аквинский Фома Учение о душе Азбука-классика 1918
326. Боргош Юзеф Фома Аквинский М: Мысль 1975
327. Аквинский Фома Сочинения М: Ленанд 2015
328. Пифагор Золотые законы и нравственные правила. Сост Нечаев М: Астрель 2012
329. Байрон Дж. Паломничество Чайльд Гарольда СПб Азбука-классика 2008
330. Байрон Дж. Дон-Жуан СПб Азбука-классика 2010

331. Шекспир У. Трагедии Ленинград «Художественная литература» 1982

332. Шекспир У. Гамлет М: Эксмо 2011

333. Сервантес М. Дон Кихот М: Эксмо 2012

334. Честертон Г. Франциск Ассизский И: T8RUGRAM 2019

335. Сорель Ж. Размышления о насилии Ленанд 2018

336. Монтень Избранное Советская литература 1988

337. Ренан Э. Святой Павел. Антихрист М: Советский писатель 1991

338. Ренан Э. Жизнь Иисуса Издательство политической литературы 1991

339. Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира Терра 1991

340. Мильтон Дж Потерянный и возвращенный рай Азбука 2018

341. Шопенгауэр Краткий курс истории философии Эксмо 2018

342. Достоевский Ф. Записки из подполья Азбука 2020

343. Достоевский Ф. Записки из мертвого дома Карелия 1979

344. Кибальник С. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе Петрополис 2011

345. Ливий Тит История Рима от основания города Эксмо 2017

346. Крист Карл История времен римских императоров от Августа до Константина. В 2 т. Феникс 1997

347. Историки античности в 2 т. Правда 1989

348. Светоний Гай Жизнь двенадцати цезарей Азбука 2015

349. Лесков В. Спартак Молодая гвардия 2011

350. Кравчук А. Перикл и Аспазия Наука 1991

351. Игнатьев Майкл Права человека как политика и как идолопоклонство И: Новое литературное обозрение 2019

352. Ковалев А. Международная защита прав человека Статут 2013

353. Все о правах человека. Сборник нормативных актов. Проспект 2019

354. Эразм Роттердамский Похвала глупости Азбука классика 2016
355. Фон Мизес Людвиг Теория и история Социум 2013
356. Кубедду Р. Либерализм, тоталитаризм и демократия: политическая философия австрийской школы
357. Леони Б. Кошкин В. Свобода и закон 2008
358. Жувенель Б. Власть: естественная история ее возрастания ИРИСМЕН 2010
359. Бентам И. Тактика законодательных собраний 2006
360. Паскаль Б. Августин А. Лабиринты души Реноме 1998
361. Паскаль Б. Мысли АСТ 2018
362. Кампанелла. Бэкон. Мор Классическая утопия АСТ 2018
363. Элиаде М. История веры и религиозных идей И: Академический проект, 2017
364. Элиаде М. История веры и религиозных идей И: Академический проект, 2018
365. Элиаде М. Трактат по истории религий И: Академический проект, 2018
366. Пропп В. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки И: Нобель Пресс, 2019
367. Хугаева Л. Власть и контроль или импотенция современной психологии, Владикавказ: СОИГСИ, 2011
368. Хугаева Л. Болезнь Эго-девственности или космическая сила психической энергии, Владикавказ, Литера, 2012
369. Хугаева Л. Дорога в рай или Плюс моего минуса, Владикавказ Литера, 2013, Владикавказ: Литера, 2013
370. Хугаева Л. Переключи себе ток, Москва: Спутник +, 2008
371. Хугаева Л. Психическое насилие или война на поле психической энергии, Москва: Эдитус, 2013
372. Хугаева Л. Россия между Закрытым и Открытым обществом или теория эволюции человека, Москва: Эдитус, 2014
373. Хугаева Л. Любовь и ненависть в Корнеллском университете Издательские решения Ридеро, 2020
374. Хугаева Л. Романтизм и реализм или Лелия и Леля Издательские решения 2019

375. Хугаева Л. Теория психической энергии вместо социологии и психологии. Тождество народного и научного суверенитета. Издательские решения 2020

376. Хугаева Л. Рационализм против эмпиризма. Издательсике решения, 2020

377. Хугаева Л. Корневые группы в английском языке. М: Энас, 2003

378. Хугаева Л. 4500 базовых слов английского языка и их исторические корни. М: Энас, 2005

379. Хугаева Л. Проблемы развития духа. Критика структурализма. Издательские решения, 2020

380. Хугаева Л. Ось мировой истории. Авраамические религии и век разума. Издательсике решения 2021

381. Хугаева Л. Братья Хугаевы и второе осевое время. Издательские решения, 2020

382. Хугаева Л. Демон снова на Кавказе. Издательские решения, 2021

383. Ксенофонт Сократ М: РИПОЛ классик, 2020

384. Биографические очерки. Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола. М: Республика, 1995

385. Булгаков М. Мастер и Маргарита СПб: Азбука, 2020

386. Гардинер П. Кьеркегор М: Астрель: АСТ, 2008

387. Э. Ренан История израильского народа М: Издательство В. Шевчук 2001

388. Хетагуров К. Произведения Владикавказ: Респект, 2018

389. Осетинские нартские сказания. Владикавказ: Респект, 2017

390. Кузнецов В. Очерки истории алан. Орджоникидзе Издательство Ир, 1984

Тесла Лейла Хугаева

Я обвиняю язычников

Гибель сармато-алан и осетинская лира

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга по истории мира, народов, конкретных людей. Ось мировой истории противоборства язычников и духоборцев, история Осетии и сармато-алан, истории нартского эпоса. Эта книга также об истории моей жизни, ученого, автора теории психической энергии, и об истории моей семьи и моего народа. Эта книга также обвинительный акт и исповедь.

ISBN 978-5-0053-4891-3

Внимание!
Книга содержит
нецензурную
брань